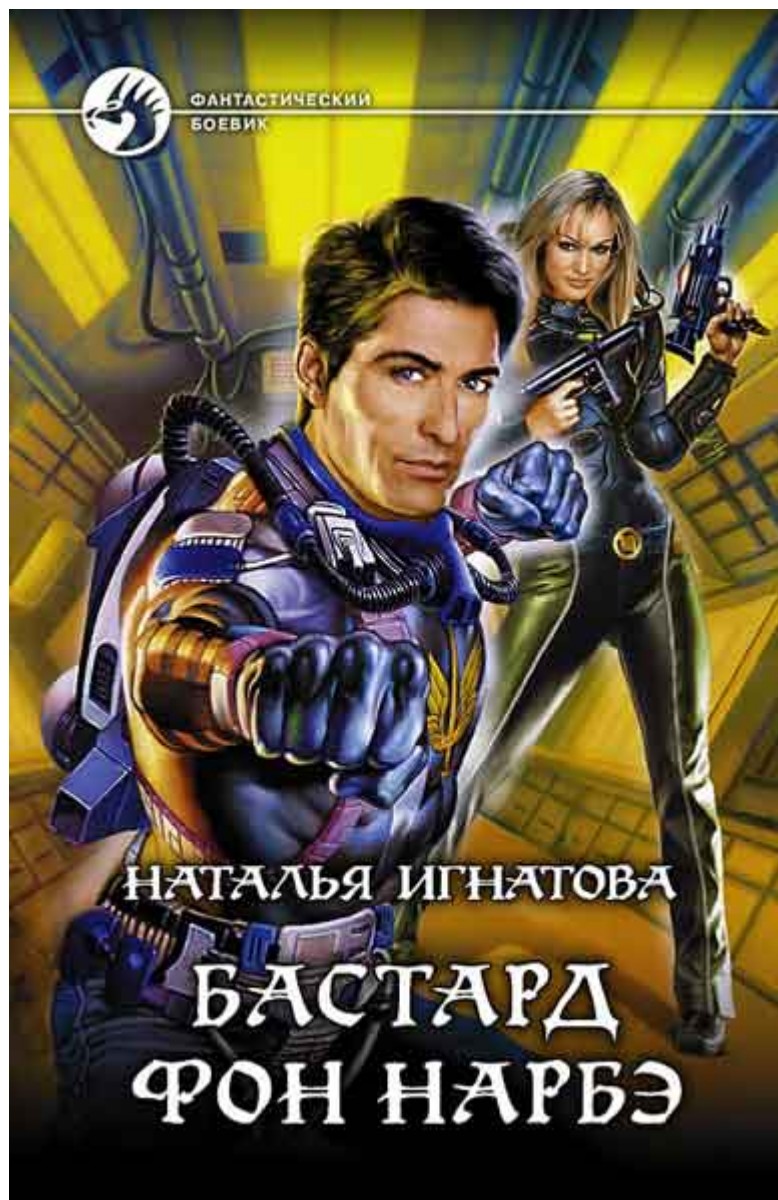

Наталья Владимировна Игнатова Бастард фон Нарбэ

Глюк Файнридера

«Бастард фон Нарбэ»: Издательство «АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2009

ISBN ISBN: 978-5-9922-0490-2

Аннотация

Лукас фон Нарбэ, потомок древнего рода, рыцарь-пилот ордена Десницы Господней, по праву признан Первым рыцарем галактической империи Шэн. Его искусство боя сравнимо лишь с его милосердием к мирянам, а про его набожность, справедливость и неукоснительное исполнение всех заповедей ходят легенды.

Он был уверен, что живет в самом лучшем и справедливом государстве. Но однажды перед ним встал выбор между своей совестью и жизнью тысяч людей, между своей правдой и правдой самого лучшего и справедливого государства. Для кого-то выбор был бы очевиден, но если твоя фамилия фон Нарбэ, государству тоже придется выбирать.

Наталья Игнатова

БАСТАРД ФОН НАРБЭ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Ты не знаешь, наверно, такую боль,
чтоб позволить бессмертию быть как есть.
Хоть мгновение просто побыть собой,
забывая понятия «долг» и «честь».*

*Отпусти же! У Бога беру ключи
от холодных бездушных невидных врат.
Брат мой, ты навсегда молчишь.
Обвинение жизнью — за что, мой брат?..*

*Все сгорело. Остыли в пыли тела.
Погребен на пепле своих светил.
Это время — ветер. Но есть дела —
рассчитаться хватило бы только сил.*

*Бог мой! Что есть твоя любовь?
Высотой срывающихся зеркал —
сын мой, знаешь, такую боль
не выносит мир, что ты так искал.*
Alyssa Lwuisse

Глава 1

***«... исчезает, как прах, уносимый ветром, и как тонкий иней,
разносимый бурей, и как дым, рассеиваемый ветром, и проходит,
как память об однодневном госте».***

Книга Премудрости Соломона (5:14)

Когда крики затихли, Лукас с облегчением вздохнул и закрыл глаза. Слава Богу, для Джереми, надрывно, на одной ноте, кричавшего: «Господи-господи-господи...», всё закончилось. Так же, как для Остина и Найруша, и четверых отцов-церцетариев.

Алые, отчаянно мигающие огоньки на периферийном секторе забрала...

Погасли.

Все.

— Покойтесь с миром, — пробормотал Лукас.

Дыхание паром оседало на холодном гладком пластике. Стены чуть слышно похрустывали. Разгерметизация. Ещё немного и тонкая, повреждённая взрывом скорлупа треснет, не выдержав давления.

Надо выбирать.

Сколько времени прошло? Две минуты... А показалось — не меньше часа. Он снова, без особой надежды, прошёлся по всем каналам — вдруг ответит кто-нибудь из своих? Послушал треск и хрипы в эфире. Выругался и пошёл к внутреннему шлюзу, хрустя ботинками по осколкам стекла на полу.

Четыре минуты назад, когда вздрогнула под ногами палуба, отец Зевако приказал:

— Все наружу! Быстро!

И они бросились к ближайшему выходу на поверхность.

Инстинкт подсказывал — там опаснее всего. Инстинкт человека, за всю жизнь лишь однажды побывавшего на планете. Но на планетах другие правила. Здесь в аварийном режиме не отключалась гравитация, и переборки, шпангоут, верхние палубы — всё, что

могло ломаться — ломалось и падало. Вниз. На людей.

Они почти успели. Но когда люк поехал в сторону, здание вздрогнуло снова. Стены заметно просели. И Джереми высказался так, как не подобает выражаться не то, что священнику, а даже каторжнику с Бифраста.

Люк, сдвинувшийся от силы сантиметров на тридцать, заклинило.

— Мёртво, — сообщил Остин, поковырявшись в механизме.

Лукасу тоже захотелось сказать что-нибудь. Но он сдержался. И вместо этого доложил о случившемся отцу Зевако, старшему инспекционной группы ордена Всевидящих Очей.

Отец Зевако выругался покруче Джереми.

— Мы не можем связаться с Управлением, — добавил он уже менее эмоционально, — дуфунг здесь, внутри, неисправен. Возможно, ваши шлемофоны...

Лукас, не дослушав, кивнул, как будто церцетарий мог его видеть и приказал Остину настроиться на волну Управления — так здесь называли администрацию. Шлемофон, конечно, не дуфунг, но в пределах этого несчастного астероида хватит и его.

Должно было хватить.

Однако же, не хватило.

— Плохо, — коротко резюмировал отец Зевако, выслушав очередную новость, — братья, мы в крайне тяжёлой ситуации: здание повреждено, и вот-вот произойдёт разгерметизация. Скорее всего, в Управлении уже знают о взрыве и идут на помощь, но, боюсь, они опоздают... — он сделал паузу, потом очень спокойно добавил: — аварийный отсек здесь не укомплектован защитными костюмами.

Остин остался на связи с церцетарием, а Джереми и Лукас переключились на внутренний канал:

— Иди, Аристо, — сказал Джереми.

— Понял, — вздохнул Лукас.

И уже протискиваясь в узкую щель, услышал ехидное:

— Всё-таки есть польза с недомерков.

Он едва успел сделать несколько шагов к соседнему корпусу, как земля вздрогнула снова, и двухэтажное здание — пластон и местный строительный камень — обрушилось внутрь, погребая под собой церцетариев, а вместе с ними трех рыцарей-пилотов.

Лукаса сбило с ног, проволокло по земле. Вокруг свистели осколки. Он прижался к камням, молясь о том, чтоб осталась неповреждённой ткань лёгкого скафандра. Тогда ещё не понял, что... да ничего ещё не понял. Мыслей было: переждать, пока закончится свистопляска, вызвать аварийную бригаду, разобрать завал. Следовало поспешить — рыцари в своих скафандрах продержатся долго, а вот церцетарии в одних форменных рясах, могут и душу Богу отдать.

И только услышав по связи крики, а потом вот это, бесконечное: «господи-господи-господи...» Лукас понял, что рухнувшие стены раздавили тех, кто был внутри.

Он снова попытался связаться с Управлением. И снова не услышал ничего, кроме хрипов пустого эфира. Планетотрясение, потом взрыв, рухнуло сразу несколько корпусов, так что же они там, заснули?! Почему молчат?! Бросив напрасные попытки, Лукас побежал в ближайший уцелевший корпус, надеясь найти там людей или, хотя бы, дуфунг.

А нашёл осколки на полу, стены со следами демонтированных коммуникаций и. Система регенерации воздуха, правда, работала. Но больше не было ничего. Да ещё этот хруст. Вот-вот одна из хрупких переборок не выдержит, воздух рванётся наружу, расширяя дыру, и корпус, вполне возможно, обвалится, так же, как соседние.

Он быстро миновал систему шлюзов. Не глядя, прошёл через несколько больших пустых залов. Шёл к ангарам, избегая выходить на поверхность. Сейчас, когда ничего уже не взрывалось, можно было довериться инстинктам: под открытым небом опасно, опасней, чем под крышами из фотоэлементов. В одном из помещений, по размеру больше похожем на раздевалку, увидел спасательную капсулу. Сначала не обратил внимания, не удивился даже,

за какой надобностью нужна такая в лабораторном корпусе...

Уже выходя в следующий коридор, понял: двигателей нет.

— Возвращаться глупо, — сказал Лукас сам себе.

И пошёл обратно.

Нельзя сказать, чтобы он не любил странности... Увы, рыцарь-пилот Лукас фон Нарбэ испытывал ко всему загадочному слабость, объяснимую, и всё же с трудом простительную для человека, далёкого от мирской суеты.

Входя в «раздевалку», он понял, что капсулой «капсула» вовсе не была. А шкафчики вдоль стен предназначались отнюдь не для спецодежды: ни к чему одёжным шкафчикам такое количество проводов.

Лукас подошёл ближе и осторожно заглянул внутрь через прозрачный колпак. «На ложементе покоилась очень бледная женщина. Светловолосая, в униформе салатного цвета — кажется такую носили местные биологи. Ее губы и ногти были синеватого оттенка».

Женщине требовалась помощь.

Может быть, здесь проводился какой-то эксперимент, а незнакомка выступала в роли подопытной. А, может быть, она почувствовала себя плохо — кто знает, какая дрянь попала в результате взрыва в систему вентиляции — и забралась в герметичную капсулу, надеясь дожидаться спасателей.

Датчики скафандра указывали, что сейчас воздух чист. Рядом с любым из шлюзов в стенных нишах хранились аварийные комплекты. Дуфунгов, полагающихся по правилам техники безопасности, Лукас там не обнаружил, но защитные костюмы были в порядке.

Дрянные. Лёгонькие. Одноразовые. Однако продержаться в таком на поверхности можно было больше часа.

Найти запорный механизм оказалось делом недолгим, и спустя несколько секунд Лукас откинул колпак капсулы.

* * *

Сначала она увидела глаза. Очень тревожные глаза в обрамлении длинных чёрных ресниц. Фиолетовые. Нет, правда, глаза цветом как тёмные фиалки, или как сумеречные рубины, что добывались в Облаке Тилбе.

Потом услышала голос:

— Дочь моя, как вы себя чувствуете?

Только потом вспомнила значения слов. И стало смешно: какая ещё дочь? Но вместо смеха получилось неслышное сипение. Губ коснулось что-то прохладное... Вода. Пластиковая туба с водой из... аварийного комплекта.

Где они? Что случилось?

Неплохо бы сказать это вслух...

— Где я?

— Понятия не имею, — ответил голос.

И кто я?

Кто?

Частичная амнезия, как последствие контузии. Это, говорят, обычное дело. В том, что ее контузило, она не сомневалась. Во-первых, смутно припоминала что-то... вот где и с кем дрались не понять. Во-вторых, не будь она ранена, что бы ей делать в витакамере?

Луиза! Ну, слава богу! Луиза Беляева...

Майор мирской пехоты, командир подразделения по подавлению организованных беспорядков.

— Вы можете встать?

Интересный вопрос. Кажется, да. Сесть у неё, во всяком случае, получилось. И голова не кружилась, и чувствовала она себя (это если бы он снова спросил), как обычно. То есть, очень хорошо.

Ну и кто тут у нас? Господи... ничего себе, прекрасный принц.

— Кто вы? — спросила Луиза, разглядывая его с головы до ног.

— Лукас фон Нарбэ, — последовал ответ, — рыцарь-пилот ордена Десницы Господней, монастырь «Святой Зигфрид». Нам лучше поспешить, дочь моя, — он протянул руку: — позвольте, помочь вам.

— Не смешите! — фыркнула Луиза.

Взялась руками за борта витакамеры, и выпрыгнула на пол.

— Ваш скафандр, дочь моя, — невозмутимо сказал фон Нарбэ.

Луиза одевалась и таращилась на пилота, не заботясь о вежливости. Лукас фон Нарбэ не походил на рыцаря, то есть, не походил на человека, большую часть жизни проводящего в невесомости. Для этого он был слишком мал ростом, и слишком правильно сложен. Даже форменный скафандр и «Тунор» в набедренной кобуре не добавляли образу достоверности.

Надевая шлем, Луиза задумалась, откуда ей знать, что скафандр форменный? Эти цвета: тёмно-синий и золото, и на груди золотой меч с крыльями вместо гарды...

Орден Десницы Господней... Ну, конечно!

— Благословите, ваше преподобие, — сказала она то, с чего следовало начать.

— Господь да благословит вас, дочь моя, — он осенил её голову святым знамением, и деловито осведомился: — системы скафандра в порядке?

— Так точно!

Чудны е глаза взглянули с любопытством. Но спрашивать он ни о чём не стал, просто кивнул и приказал:

— Следуйте за мной.

Шли долго.

Луиза узнавала помещения испытательного сектора. Девять трехэтажных корпусов, установленных прямо на поверхности. Они предназначались для опасных экспериментов и, кроме как через дуфунги, не были связаны ни с другими секторами, ни, тем более, с Управлением. Всё остальное: цеха, лаборатории, жилые районы, «Весёлый трюм» и даже камеры каторжан располагались на другой стороне астероида...

«Акму, — всплыло в памяти очередное название, — мы на Акму. Это владения маркграфа Радуна. Завод, лаборатории, шахта, космопорт, большой транспортный узел...»

— А где люди? — спросила она, глядя в макушку рыцарского шлема.

— Мне это тоже интересно, — отец Лукас помолчал, потом добавил: — и в эфире сплошные помехи. Здесь это нормально?

— Нет, — она огляделась, — нет, не нормально. А что, вообще, случилось?

— Взрыв.

— Что рвануло?

— Я не знаю, — голос его был спокойным, и волнение, всколыхнувшееся было, когда она услышала о взрыве, мягко улеглось. — Сейчас мы идём к ангару...

— Простите, ваше преподобие, — перебивать священника последнее дело, но иногда ситуация требует, — здесь нет никаких ангаров. Порт на другой стороне Акму.

— В порт именно сегодня прибыло четыре багалы и целый десяток куваров. Кораблю ордена Всевидящих Очей не нашлось места для швартовки. Пришлось садиться прямо на поверхность.

— Орден Всевидящих Очей?!

— Обычная проверка, — отмахнулся отец Лукас, — и, как всегда, без предупреждения. Оттого и накладки.

— А вы?

— Охрана. Отцы-церцетарии добирались своим ходом от самого монастыря, а в этом районе небезопасно, — он остановился. — Дочь моя, сейчас мы ненадолго выйдем на поверхность. Проверьте герметичность своего скафандра.

— Я...

— Сделайте это ещё раз.
«А вы зануда, преподобный».
Спорить Луиза не стала.

Разумеется, скафандр был идеально герметичен. Здесь, на Акму, к правилам безопасности относились с должным почтением.

— А правду говорят, — они уже вышли из шлюза и шагали по острым камням к полукруглому куполу склада, видимо, как раз и превращённого в ангар по случаю визита преподобных отцов, — что у всех рыцарей боязнь открытого пространства?

Отец Лукас хмыкнул. Подумал и ответил:

— Нет.

— Значит, только у вас?

— Я высоты боюсь.

И непонятно было, издевается он, или говорит серьёзно.

Кораблей на складе оказалось пять. Один матван, громадина, непонятно, как он, вообще, здесь поместился. А остальные четыре — гафлы. Как в кино: с цепочками крылатых мечей вдоль бортов. С бубновыми тузами на носу. То есть, три, как в кино, а одна — чистенькая, тёмно-синяя и золотая.

Луиза не разбиралась в моделях. Зато считать умела. И, едва увидев гафлы, спросила:

— А остальные где?

— Кто? — отец Лукас, поднялся в кабину ничем не украшенной машины.

— Рыцари-пилоты.

Он посмотрел на неё сверху вниз:

— Я ведь сказал, что был взрыв.

Она сначала не поняла...

Рыцари, они же святые, это всё равно, что бессмертные...

Погибли, как самые обычные люди?

Отец Лукас что-то делал в кабине. Молчал. От этого молчания стало не по себе, и Луиза сказала, лишь бы что-то сказать:

— Что значат тузы?

— Асы.

— А мечи — это сколько сбито пиратов?

— Да.

Она слегка разозлилась: терпеть не могла, когда ей так вот намекали: не лезь, мол, куда не просят.

— А вы, значит, ни одного ещё не сбили? Только церцетариев охраняете?

Проняло!

Отец Лукас довольно долго молчал, потом ответил, похоже, что сквозь зубы:

— Об этом спросите в Вольных Баронствах.

Вольные Баронства — четыре населенные планеты и бесконечные облака астероидов — испокон веков были базой пиратов и контрабандистов. Монастыри ордена Десницы постоянно патрулировали их границу, но никогда не совались внутрь, справедливо опасаясь возмущения со стороны союзной Баронствам империи Нихон. Время от времени какой-нибудь общественный деятель с шилом в одном месте, начинал шуметь о превращении Баронств в газовое облако, пусть даже ценой войны с Нихон, но таким умникам довольно быстро объясняли, что подобная операция обойдётся Империи в сумму значительно большую, чем ущерб, нанесённый пиратами за несколько десятков имперских лет, и всё возвращалось на круги своя.

Отец Лукас выбрался из гафлы. Так же обстоятельно и долго обследовал остальные машины. Вернулся к своей, потрогал зачем-то борт, как будто погладил.

— Я связался с диспетчером, — сказал не оборачиваясь. — Скоро пришлют помощь.

«А взлететь с поверхности вам слабо, преподобный отец?»

Луиза слышала сказки, будто есть среди рыцарей пилоты, способные поднять истребитель в воздух без катапульты и без разбега.

Сказки.

Хотелось выпить.

* * *

Шлемофон не был повреждён при взрыве. Мог бы сразу догадаться. Ну что ему, рассчитанному и не на такие встряски, сделается от нескольких камней?

Это всё потому, что твердь под ногами. То есть, твердь виновата, конечно, не в отсутствии связи, а в потере остатков здравого смысла.

Он действительно боялся высоты. Только наоборот: чем ближе к поверхности, тем хуже. Правда, к полётам в атмосфере это не относилось. Но полёт, он на то и полёт, хоть в полуметре над землёй иди, всё равно — дома.

А шлемофон живёхонек, эфир, что характерно, тоже. Но все переговоры ведутся на одной-единственной частоте. Дуфунг «Осы» легко ловил ее, однако Лукас ни слова не понял из того, что слышал: сплошь коды, индексы, наборы букв и чисел, лишённые для него всякого смысла и лишь изредка перемежаемые человеческими словами. Преимущественно ругательствами, да всякого рода междометиями.

Найденная по дороге, и до сих пор не удосужившаяся представиться дама, наверное, могла бы помочь.

Дать ей послушать? Нет...не стоит. Взяв на борт мирянина, позаботься, чтоб он не трепыхался лишний раз. Проще говоря, взволнованная женщина станет обузой. А причины для волнения, скорее всего, есть.

Очень хотелось выяснить, о чём же болтают в эфире; и что такое происходит сейчас в Управлении; и что предпринимают там, узнав о выжившем священнике?

...Все три «Осы» были умело и безнадежно испорчены. А фермиевые контейнеры — сердце и душа двигателей — бесследно исчезли. Соваться в матван не имело смысла: разблокированный входной люк говорил сам за себя. Интереснее всего на данный момент, как поведут себя спасатели. Будут стрелять сразу? Или вновь попробуют инсценировать несчастный случай? С учётом того, что дуфунги всех трех гафл посылали сейчас в пространство громкий и отчётливый сигнал: «Пираты!», вряд ли здешние власти устроят еще одно покушение. Они ведь не знают, что ближайший монастырь находится в трех месяцах пути через «подвал».

Сидя в кабине своей «Осы», Лукас в срочном порядке проводил модернизацию шлемофона. Дело нехитрое, хотя, конечно, лучше бы этим занимался кто-нибудь из техников.

В дуфунге стрекотала цифровая тарабарщина. Женщина внизу терпеливо ждала.

Вид у неё по-прежнему не слишком здоровый. Но держится хорошо. Язвит. Боязнь открытого пространства у рыцарей-пилотов... это ведь придумать надо!

Боязнь пространства. Открытого...

Внутри что-то болезненно сжалось и заворочалось, мешая дышать.

господи-господи-господи...

Рыцарей-пилотов хоронят в космосе. Погребальная капсула выстреливается с той же катапульты, с какой уходила в бой машина, и залп главного калибра превращает ее в ничто. Огненное погребение. Душа и тело уходят в Самаянгу, освобождаются от цепи перерождений, навсегда сливаются с бесконечной, свободной пустотой, такой же чистой, как Первая Мысль Господа.

Сможет ли уйти в Самаянгу тот, кто погиб на поверхности?

Груда камней и пластана над тремя братьями... гравитация не отпустит их, не даст освободиться, затянет в ледяной Эхес Ур.

Лукас хотел бы верить в то, что они ещё живы, но знание, увы, убивало веру.

* * *

Настоятель монастыря, архимандрит отец Александр велел набрать пилотов в конвой. Лукас взял бы троих рыцарей из «Бальмунга», однако монастырь уходил к пространству Вольных Баронств, а там ОАГ «Бальмунг» мог понадобиться в полном составе. Вместе с командиром, кстати. Но командира попросили возглавить конвой церцетариев. Очень попросили.

— Охранять корабль ордена Всевидящих Очей почётная обязанность, — сказал отец Александр, — и я надеюсь, ты отдаёшь себе отчёт в том, какую честь оказывает нам церцетария, приглашая тебя в качестве командира конвоя.

Он не особо беспокоился о том, чтоб это звучало искренне. По его мнению, как раз рыцарь-пилот фон Нарбэ, приняв приглашение, оказывал честь церцетарии. А сам Лукас вообще над этим не задумывался. Два ордена дружили и традиционно помогали друг другу, он сам умел водить конвой, а «Бальмунг» некоторое время боеспособен и без командира. Ну, и о чем тут думать? Только о том, кого взять с собой.

— Отец Джамали Ахилл и отец Денис Васильченко просили меня походатайствовать за них, — отец Александр улыбался, и Лукас тогда улыбнулся ему в ответ. Смешно, в самом деле: настоятель монастыря ходатайствует перед простым рыцарем. Но от Ахилла с Васильченко отказался наотрез.

— Ты что же, надеешься полететь с Джереми? — подивился отец Александр.

— И с Остином. А он возьмет с собой Найруша.

— Ну, разумеется. А то, что Джереми — командир Первого полка, и конвой не входит в его обязанности тебя не смущает?

— И то, что Остин — заместитель руководителя полетов, тоже не смущает. О чьих еще должностях вы мне хотите напомнить?

— О твоей, Аристо, о твоей. Командир ОАГ не должен дерзить настоятелю.

— Настоятель разрешил выбирать. Я выбрал.

Ахилл и Васильченко были слишком молоды. Какой там конвой, их в патруль-то парой отправлять опасно. Мальчики талантливы, они научатся летать, и когда-нибудь Лукас с удовольствием возьмётся натаскивать их в тонкостях космического боя, но случится это не скоро.

А Джереми Бёрк был лучшим пилотом монастыря, ещё когда Лукас фон Нарбэ совершал свои первые вылеты.

Они пять лет летали вместе. И Джереми, длинный, как швартовочная вышка, не упускал случая пройтись по поводу «недомерков». И тот же Джереми выбил два зуба отцу-интенданту, когда тот посоветовал Лукасу заказать форму на фабрике детской одежды... Он объяснял потом архимандриту, что хотел как лучше. Что, если бы Лукас успел раньше... Отец Александр кивал, соглашался, и Джереми на месяц был отстранён от полётов.

Одиннадцать лет прошло. Теперь Джереми командует полком, а Лукас — знаменитой на всю Империю авиагруппой. Однако если приходится выполнять задания, вроде нынешнего, в первую очередь Лукас вспоминает о Джереми. И оба знают, что в любой ситуации, кроме боевого вылета, Джереми Бёрк приказывает, а Лукас фон Нарбэ — выполняет приказ. И отец Александр тоже знает об этом.

...А теперь, рыцарь-пилот фон Нарбэ, всё то же самое, но в прошедшем времени.

И скажи-ка, преподобный, кого ты предпочёл бы видеть погребёнными на Акму? Джереми, Остина и Найруша, пилотов милостью Божьей, рыцарей опытных, смелых и расчётливых, немногим уступающих тебе самому? Или Ахилла и Васильченко, мальчишек, только-только закончивших учиться?

Молчишь?

Вот то-то же.

Переделанный шлемофон занимал больше места и чуть давил на висок и левую скулу, зато, пробежавшись по каналам, Лукас с удовлетворением услышал в наушниках ту же кодированную бессмыслицу, какую ловил дуфунг «Осы».

Вот так. Пусть ничего не понятно, но, хотя бы, слышно.

Он ещё не успел выбраться из машины, когда купол начал лепестками расходиться в стороны.

— Суки, — высказался Лукас, спрыгивая на пол.

Увидел потрясённый взгляд женщины и объяснил:

— Откуда им знать, что мы в скафандрах?

Тушка нусура модели «Краб», с номером 15/7, выведенным алым по жёлтому, повисла над ангаром. Копательные и хватательные конечности его были втянуты, зато резак находился в боевой готовности.

Как будто внизу был не склад, а спёкшаяся в монолит гряда пластана...

«Хватит! — приказал себе Лукас, — забудь!»

Забыть, конечно, не получилось.

— Вы в порядке, ваше преподобие? — осведомились из нусура.

Лукас дождался, пока спустится вниз телескопический трап, подождал женщину:

— Сможете забраться?

Вопрос дурацкий. Вспомнить, как она из своей капсулы выпрыгнула! Получив в ответ взгляд, какого и заслуживал, Лукас пожал плечами:

— Тогда вперёд.

В нусуре, кроме пилота, было всего двое спасателей. Когда Лукас забрался в трюм, все встали, кротко склонив головы под благословение.

— А мы думали, вы один, ваше преподобие, — доверчиво сообщил один из них, губастый, с трогательной родинкой на щеке, — а с вами, оказывается, дама. Располагайтесь. Если нужны стимуляторы...

— Благодарю вас, сын мой, — Лукас устроился на жёсткой скамье, — всё, что нам нужно — это как можно скорее попасть в порт.

— Это мы запросто, — заверил губастый. — Алекс, дуй к шестому причалу!

— Понял, — меланхолично ответил пилот.

Спасатель с родинкой перенёс свои заботы со священника на даму. Нусур загудел двигателями, набирая высоту. Третий член экипажа, сидевший рядом с пилотом, сосредоточенно молчал, переключая каналы бортового дуфунга.

Лукас смотрел в монитор внешнего обзора. Тоже молчал.

Слушал.

И, наконец, услышал.

— Пятнадцать дробь семь, отчёт по форме ЧС дробь СС. Докладывайте.

— ЧС плюс, — коротко и тихо произнёс сидевший рядом с пилотом.

— Подробности.

— С ним объект.

— Что?! — голос по связи разом утратил деловитое равнодушие, — номер?

— Кажется, двенадцатый. Я не уверен...

— Священник, — задумчиво произнёс невидимый собеседник, — жаль. Пятнадцать дробь семь, причал четырнадцать.

— Слушаюсь.

Пилот лишь молча кивнул, и бот изменил курс.

* * *

Губастенький мальчик представился Виктором. Луиза тоже представилась. Услышала в

ответ ожидаемое, но искреннее:

— Правда?! Вы — майор Беляева?

Что ж, Виктор с родинкой, хоть и не мог похвастаться фиолетовыми глазами или симпатичной мордашкой, зато в умении общаться давал преподобному сто очков форы. Они с Луизой успели поболтать, и даже выпить по глотку синтебренди за знакомство, когда священник вдруг подал голос. Хоть бы минут десять обошёл без своего занудства.

— Сын мой, — он встал и прошёл к креслу пилота, — вы собирались идти к шестому причалу. Не меняйте решение на полпути, это признак слабости.

Пилот попытался возразить, объяснить, что на шестом причале совершенно неожиданно... Но священник мягко положил руку ему на плечо и повторил:

— Возвращайтесь на прежний курс, сын мой, я очень вас прошу.

Вообще говоря, спорить с ними ещё хуже, чем перебивать. Во-первых, не вежливо. Во-вторых, как бы там ни было, но священники обычно знают, о чём просят. Если бы этот не был таким нудным

«И таким некрупным» — вылезла непрощеная, ехидная мыслишка...

Сейчас Луиза целиком и полностью была на стороне пилота. Но тот, бедняга, не знал, что священники бывают разные. И, видимо, изменил курс, или чего там хотел от него преподобный Проверьте-Системы-Скафандра. Во всяком случае, священник снова заткнулся, хоть и остался стоять рядом, по-прежнему держа руку у парня на плече.

— Смотрю я на его преподобие, — хмыкнул Виктор, — и думаю, не врут про них.

Луиза криво ухмыльнулась в ответ.

Про жизнь в монастырях рассказывали разное, особенно про рыцарей-пилотов. Кажется, и впрямь не врал.

Больше всего Лукас боялся, что пилот начнёт сопротивляться. Бывают люди, которые, когда боятся, инстинктивно пытаются себя защитить. Но этот оказался не из таких, он помалкивал, только обильно потел, видимо, переживая за целостность своей ключицы.

Лукас не делал ему больно: нельзя причинять людям боль без веских на то причин. К тому же, Господь дал человеку умение фантазировать, и пилот нусура сразу, едва лишь осознал хрупкость собственных костей, нафантазировал куда больше, чем мог бы сделать без специальных инструментов простой священник.

Разумеется, эти фантазии не имели ничего общего с реальностью, и, всё-таки, Лукасу было стыдно. Как бывает стыдно, когда узнаёшь о себе очередную грязную сплетню. И знаешь, что она лжива от первого до последнего слова, но знаешь так же, что кто-нибудь да поверит...

Хорошо ещё, что у сидевшего на связи хватило ума не докладывать о неожиданном осложнении. Приятно иметь дело с понимающими людьми.

Глава 2

«Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить».

Евангелие от Луки (13:25)

Приземлились они как-то неудачно. Со второго захода. Ещё и брюхом по причалу проскребли.

— Пойдёмте, дочь моя.

— Дальше я сама, — Луиза проигнорировала протянутую руку, — спасибо за помощь и всё такое...

— Вы пойдёте со мной, — сказал священник. — Пожалуйста, не осложняйте ситуацию.

Псих! Он сказал это, как псих. То есть, так сказал, что страшно стало не послушаться.

Говорят, психи бывают очень убедительными. А ещё говорят, что проповедники из ордена Наставляющих Скрижалей, тоже... нет, ну не психи, конечно, но, как бы это выразиться: не от мира сего.

Отец Лукас — не проповедник. Значит, псих.

Они вышли на причал, и торопливо направились в глубь порта, подальше от нусура. Луизу рыцарь держал под руку, вроде, и пальцы не сжимал, а вырваться сразу вряд ли получится. Ладно, хоть щиток шлема, наконец, поднял. А то даже как-то стыдно за него было: воздух чистый, всё в порядке, а этот...

Тихий такой, но до чего настырный.

У ближайшего справочного терминала отец Лукас остановился. Пальцы свободной руки забегали по клавишам, ох и шустро забегали: электронные клики слились в один непрерывный зуммер.

— Эхес ур, — услышала Луиза...

Ругательство. Снова. Интересно, для рыцарей это нормально?

Отец Лукас обернулся к ней, посмотрел снизу-вверх, но так требовательно, как будто это он был нормального роста, а она — женщиной-уродом из Тута-шоу:

— Вы знаете, как пройти отсюда в Управление?

— Там план есть, — Луиза кивнула на экран информатория.

— Дочь моя, — произнес отец Лукас с бесконечным терпением, — пожалуйста, ответьте мне, вы знаете, как пройти отсюда в административный сектор? Меня интересует кратчайший путь, а не указатели для безголовых фининспекторов.

— Кратчайший? — ей стало интересно. — Можно срезать через подсобки. Выгадаем минут двадцать.

— Вперёд.

Кажется, двадцать минут свою роль сыграли. Во всяком случае, в административном секторе оказались не готовы к приёму гостей. Тихий и вежливый священник пёр вперёд, как танк. Есть такие маленькие танки с дистанционным управлением — бронированные стены насквозь проходят. Они беспрепятственно миновали все заградительные посты — секретарши только хлопали глазками да склонялись под благословляющую длань отца Лукаса, а охрана перед дверью, ведущей непосредственно в Управление, завидев форму Десницы Господней, встала навытяжку.

— Вы знакомы с наместником? — спросил отец Лукас, когда дверь за ними закрылась.

— Лично — нет. У меня другое начальство.

— Как вас зовут?

— Луиза Бе...

— Как звали вашу матушку?

— Франческа Маркес.

Он молча кивнул, пронёсся мимо очередной секретарши, более решительной, чем её копии в предыдущем отсеке, но недостаточно проворной, чтобы успеть вякнуть что-нибудь вроде «Сам не принимает».

Да и как вякнешь такое священнику?

Тяжёлые, двустворчатые и, кажется, сделанные из настоящего дерева двери, отец Лукас распахнул без стука.

Луиза всё-таки замешкалась на пороге, но рыцарь нетерпеливо обернулся и пришлось, удивляясь собственной наглости идти вслед за ним по ковровому полу через бесконечно огромный кабинет мимо длинного-длинного стола, в торце которого сидел Сам.

Константин Болдин, наместник маркграфа Радуна на Акму.

Сидел он, правда, недолго. Как только увидел тёмно-синий с золотом скафандр, тут же вскочил из кресла, сложив руки на груди, пробормотал:

— Благословите, ваше преподобие.

И Луиза увидела — в первый раз — как отец Лукас болезненно поморщился, осеняя

склонённую голову святым знамением.

— Это ужасно... просто ужасно, — заговорил Болдин, — примите мои глубочайшие соболезнования. Но, слава Богу, что хотя бы с вами всё в порядке. Вы садитесь, отец... э-э?

— Моё имя Лукас фон Нарбэ, — сообщил пилот, — но сейчас это не имеет значения...

Луиза отчетливо и ясно, будто сказанные вслух, увидела, в глазах наместника два слова: *«тот самый?»*

Так можно смотреть на звезду дун кимато, или на аристо, но не на рыцаря же Десницы Господней.

А тот продолжал, как ни в чём не бывало:

— Нам нужен корабль. Мне хотелось бы как можно скорее вернуться в монастырь.

— На какой срок вам нужен корабль? — деловито осведомился Болдин. Край столешницы у него под рукой замигал символами световой клавиатуры.

— На неопределённый.

— Ну, хм... что ж, мы, безусловно, рады всячески содействовать как ордену Десницы Господней, так и вам лично, отец Лукас. Сейчас я взгляну...

— Я уже смотрел, — перебил его священник, — не утруждайте себя поиском в информатории, сын мой. По странному стечению обстоятельств именно сегодня все корабли, имеющиеся в порту, встали на профилактику, текущий ремонт, и дезинфекцию. Все, включая багалы... Но нам нужна не багала, даже не гарим, достаточно будет обычного челнока.

— Вы шутите, ваше преподобие? — Болдин удивлённо поднял глаза от монитора, и шутливо хлопнул себя по лбу: — ах, ну, конечно! Рыцарь-пилот фон Нарбэ... Скажите, пожалуйста, это правда, что...

— Думаю, нет.

Болдин смущённо кашлянул и после паузы сообщил, уже значительно суше:

— Я могу предоставить вам свою личную тангу. Она будет готова через несколько часов. Вы можете пока отдохнуть в одном из люксов нашей гостиницы.

— Благодарю вас, сын мой, — отец Лукас поднялся, подал руку Луизе. На сей раз, она не стала возражать.

— Вас проводят, — пообещал наместник, — и, э-э, ваше преподобие, по поводу этой женщины...

— Сахе Изольды Маркес, — мягко поправил священник, — сахе Маркес я собираюсь доставить в монастырь Белой Девы. Это всё?

— Видите ли, дело в том, что... сахе Маркес не зарегистрирована в нашей базе данных. Возможно, в результате падения метеорита произошёл какой-то сбой в системе. Всё, что нам нужно, — Болдин успокаивающе улыбнулся, — это провести стандартную процедуру опознавания. Чтобы отыскать генетическую карту. Вы же понимаете, без документов...

— Через несколько часов это перестанет быть вашей проблемой, сын мой, — всё так же мягко сказал отец Лукас.

— И верно.

Луиза и не предполагала, что наместник Болдин настолько покладист.

За великолепной дверью, помимо куколки-секретарши топтались теперь двое быкоподобных дружинников. Провожатые. Интересный денёк сегодня. Мало того, что довелось побывать в кабинете у Самого, так теперь ещё и номер-люкс светит. Вот жизнь у священников — всем бы такую!

А номер оказался действительно роскошным. Двухкомнатный, с настоящей мебелью: кресла, диван, маленькие столики — всё стояло прямо на полу, то есть, на ковре. Никаких встроенных в стену кроватей «минимум места — максимум комфорта», никакого: «два в одном — кухня плюс санузел». Кухни вообще не было. Зато была ванна. Огромная, как бассейн. Стеклянная, с гидромассажем, кучей блестящих кнопочек, подушкой под голову и без всякого лимита на воду.

— Ни...чего себе, — ахнула Луиза, когда обозрела роскошь, предоставленную в их

распоряжение, — я и не знала, что на Акму есть такое.

Она поглядела на преподобного: впечатлен он, или для священников номера-люкс — дело обычное?

Фон Нарбэ тщательнейшим образом заблокировал дверной замок и сейчас оглядывался. Отнюдь не с целью полюбоваться шёлковыми обоями или видом в огромном, во всю стену, окне-мониторе. Он прошёлся по залу, как будто что-то искал. Отключил дуфунг. Недовольно щурясь, посмотрел на потолок. Стянул шлем и хлопнулся в кресло.

Красивый, всё-таки, мужик.

Жгучий брюнет, очень смуглый, почти чернокожий. В сочетании с нелюдскими фиолетовыми глазами цвет кожи казался особенно странным. Экзотическим.

И правильным.

Так и надо. Таким он и должен быть. Черноволосый, темноглазый, с горбинкой на носу, с тонкой костью и хищной мягкостью в движениях. Так и надо, но что-то в этом во всём было не по правилам, выделялось острым краешком, мешая скользнуть по священнику взглядом, как по красивой картинке, удивиться мимолётно: «бывают же такие!» — и забыть.

Ему бы росту добавить, хоть сантиметров пятнадцать, а лучше — двадцать.

Луиза, присев на краешек дивана, смотрела на рыцаря и чувствовала непривычное, не свойственное ей желание сказать ему что-нибудь хорошее. Утешающее. Такой он был в огромном этом кресле... маленький. С застывшим от усталости лицом.

Утешать — работа священников, наставлять, показывать путь в темноте, объяснять, что во всём есть смысл, отпускать грехи... Вот она сегодня шла за отцом Лукасом, не задавая вопросов, не интересуясь, что происходит, куда и зачем он ведёт её. Даже, когда прибыли в порт, откуда, казалось бы, прямая её дорога в сектор «М», в военную часть, всё равно, сказал он, что нужно идти с ним, и она пошла.

Куда?

А это не важно. Священник всегда прав. Священник всегда всё знает. Священник... Священник есть священник. Божественный Император доверил церкви власть и оружие, и любому ребёнку известно, что рыцари — все, как один герои. Для детей — герои, образец для подражания. Для взрослых — опора порядка, защитники, наставники, и вообще...

Да. Вообще. Как-то оно сейчас, когда на отца Лукаса смотришь, странно всё.

Священники — особенные люди.

Но люди ведь.

Фу ты, убырство какое. Священник — не священник. Сидит в кресле донельзя умотанный парень, ну, симпатичный, ну форма на нём, внушающая трепет, только что ему сейчас с той формы? Там, на складе четыре истребителя стояли, а он здесь — один остался. И на машине его ни одного меча не нарисовано. В первый раз, может, человека на серьёзное дело взяли, и — вот. Командир погиб. Старшие пилоты — тоже. Лучше, конечно, так, чем — наоборот, когда ты командуешь, и людей теряешь. Но, всё равно, плохо. И не в бою ведь даже. Кретинский метеорит, один-единственный ублюдочный камень из космоса, случайность дурацкая.

А он тихий. Вежливый. И не зануда вовсе, просто кажется таким. Как раз, потому что вежливый. И тихий. «Дочь моя», «сын мой». Рывкнул бы разок по матери... Нет, не умеют священники. Добрые они.

Луиза поймала себя на том, что сидит, пригорюнившись, подперев рукой подбородок: так сидела её мать, глядя на младшего братишку, когда тот маялся со своей математикой, вместо того, чтобы пойти гулять с другими мальчишками.

Братик сейчас большой человек, руководит лабораторией в Его Императорского Величества научном центре, считает что-то такое... по генетике. Очень важная работа.

Она встряхнулась, провела рукой по приятно шершавой обивке дивана и встала:

— Я приму ванну.

Отец Лукас лишь молча пожал плечами.

Всё-таки интересно, он правда не натурал?

Спустя час, Луиза расхаживала по номеру, завернувшись в мягкое махровое полотенце, сушила волосы, потягивала золотой аркадский джин из широкого стакана и была довольна жизнью так, как только может быть довольна женщина, попавшая в рай напрямую из казармы.

Священник оказался... священником. Как раз таким, как рассказывают. На неё он даже не смотрел: то ли дремал, то ли думал о чем-то, и женщинам в его мыслях места не было.

Луиза не обижалась. Что уж там, всем известно, что жизнь в монастырях нелёгкая — хуже даже, чем на станциях или вот на Акму. Здесь хоть «Весёлый Трюм» есть, можно снять и мальчика, и девочку, а если поискать, так и поинтереснее что-нибудь, многим нравится поинтереснее. А у рыцарей... девочек точно нет. Зато друг друга они если уж любят, то по-настоящему. Это тебе не на ночь перепихнуться, а, как в кино, чувства и всё такое.

— Хотите выпить, ваше преподобие? — она протянула ему стакан с джином, — «Аркадский солнечный». Он мягкий. Попробуйте.

— Да, — отец Лукас взял стакан, покачал, послушал, как кусочки льда зазвенели о стеклянные стенки, — благодарю.

Он так и не снял перчатки.

— Зачем вам везти меня в монастырь? — Луиза, поджав ноги, устроилась в кресле напротив.

— Я не знаю, установлены ли здесь видеокамеры, — священник не притронулся к напитку, — но то, что номер прослушивается, сомнений не вызывает.

Что ж, логично. В люксах останавливаются такие гости маркграфа Радуна, о которых и самому маркграфу и его наместнику интересно знать как можно больше. Маловероятно, что для них представляет интерес рыцарь Десницы Господней, но можно понять, почему рыцарь этот не хочет рассказать о своих намерениях.

Луиза подбирала слова, чтобы поделикатнее выяснить, был ли кто-нибудь из погибших пилотов... ну, особо близким другом отца Лукаса. Слова как-то не подбирались, а, учитывая непоколебимую вежливость самого священника, спрашивать напрямую было неудобно. Да и незачем, наверное. Ну, что ей за дело?..

...Сигнальное устройство на двери мигнуло зелёным и издало переливчатую трель.

— Так, — сказал отец Лукас.

Поставил стакан и пошёл открывать.

Чусра лысого, открывать — как же!

Он нажал кнопку обзора, и какое-то время вдумчиво изучал четверых дружинников под дверью. Потом спросил спокойно:

— Что вам нужно, дети мои?

— Ваше преподобие, — донеслось из динамика, — корабль готов к выходу.

— Спасибо.

Вот и кончилась красивая жизнь. Жалко. Луиза уже успела привыкнуть. Она сбросила полотенце, вспомнила, что её одежда осталась в ванной комнате... Тут отец Лукас и обернулся.

Стиснул зубы. Отключил переговорное устройство и всё с той же непоколебимой, просто-таки стальной вежливостью попросил:

— Имейте же совесть, дочь моя. Я десять месяцев не был в отпуске.

— Простите, — Луиза даже не потрудилась делать вид, что смущена, — я думала, вы...

— Нет. Пожалуйста, оденьтесь.

Она нарочито неспешно подобрала полотенце, завернулась и, шествуя в ванную, уже совершенно отчётливо расслышала зубовой скрежет.

Сигнал на дверях запиликал снова.

Когда Луиза вернулась, отец Лукас, исподлобья глядя на запёртую дверь, втолковывал настойчивым дружинникам, что он не имеет намерений отдавать им сахе Маркес на предмет

установления её личности; что генетическую карту сахе Маркес, буде возникнет такая необходимость, восстановит орден Всевидающих Очей; что наличие или отсутствие у сахе Маркес документов ни в малейшей степени не является препятствием к тому, чтобы она покинула Акму. А если у дружинников или их командиров есть по этому поводу своё мнение, то он, отец Лукас, рекомендовал бы им вспомнить, о том, что в спорных случаях права всегда церковь, с представителем коей они сейчас и беседуют.

Да, через дверь.

Нет, им незачем входить.

Да, замок обесточен. Да, это препятствует его открытию с центрального пульта и нарушает правила безопасности, но ответственность за возможный несчастный случай отец Лукас берёт на себя.

— Простите, ваше преподобие, — нерешительно донеслось с той стороны, — но мы вынуждены взломать дверь.

— Таким образом, дети мои, вы воспрепятствуете выполнению воли священнослужителя.

— Так точно. Может быть, вы...

Отец Лукас потерял интерес к разговору. Развернулся. В мерцающих глазах его проглянула трогательная нерешительность.

— Дочь моя... — он помялся, — вы умеете стрелять вот из этого?

Зажимы набедренной кобуры с лёгким щелчком выпустили «Тунор». Рукоятью вперёд, священник протянул его Луизе:

— Насколько я понимаю, это более чем упрощённая модель. Для пилотов, — он неловко улыбнулся, — достаточно прицелиться и нажать на кнопку.

«Бедняжка, — Луиза проверила заряд, выщелкнула и вставила обратно запасную батарею, включила лазерный прицел, — чему вас там учат, в монастырях?»

Пушка была новая. Такая новая, что казалось, её только-только получили на складе. Может, и вправду: выдали перед полётом и даже не объяснили, как пользоваться. Она, на пробу, вскинула пульсатор, целясь в дверь... И тут до неё дошло.

— Стрелять?

— Я молю Бога, чтоб вам не пришлось этого делать, — сквозь загар на красивом лице проступала бледность, — но, если всё-таки... Постарайтесь никого не убить. Пожалуйста.

«Эх ты, преподобный... — Луиза усмехнулась, положила пушку на маленький столик, — ты кровь-то видел хоть раз?»

Дружинники за дверью, наконец-то решились. Видимо, переговорили с начальством и получили «добро». Переливчатую трель сигнала отец Лукас проигнорировал. А вот обзор включил. Не оборачиваясь, сообщил:

— У них тяжёлый резак.

Луиза сунулась, было, поближе — посмотреть, но священник поднял руку:

— Лучше отойдите. Они уже начали.

Она вернулась к дивану, к пульсатору на столике под рукой, и, кстати, к нетронутому преподобным отцом стакану с джином. Лёд уже растаял... ну и убыр с ним, в этом стакане лёд — не главное. Когда ещё доведётся выпить «Аркадского солнечного»?

— Я не думал, что они пойдут на крайние меры, — неожиданно признался отец Лукас, — мы, рыцари, привыкли к уважению и... видимо, к безнаказанности. Не самое точное слово, но сейчас я не могу подобрать более подходящего, — он стоял у стены, сбоку от двери, не отводил взгляда от медленно оплавливающегося замка. — И, скажу вам честно, дочь моя, я не понимаю, что происходит. Простите, что втянул вас во всё это.

Луиза не успела ответить. Да и не знала она, что отвечать. А ведь он прав: что-то не то происходит на Акму, что-то странное. И страшное. Вот прямо сейчас, у неё на глазах, нарушается недвусмысленно высказанная воля священника, а значит — всей церкви. Пусть даже вопрос касается пустяка: обыкновенного установления личности, но ведь отец Лукас ясно сказал, что не желает этого...

Что он собирается делать? Что он будет делать, когда дружинники вломятся в эту дверь? Вывать к их добродетелям? Да они по нему ногами пройдут, и не со зла, а потому что просто не заметят.

Дверь заскрежетала, отъехала в сторону, дымясь расплавленными остатками замка. Двое дружинников, один — всё ещё с резаком, второй — с улыбочкой во всю широченную морду, шагнули через порог.

И стоявший у стены священник словно взорвался...

...синее и золото...

В пространстве, ограниченном дверным проёмом, пронёсся маленький, бешеный смерч. Четыре удара слились в один, как сливались в зуммер клики клавиатуры в портовом информатории...

— Помогите мне! — скомандовал отец Лукас, уже без всяких там «дочь моя» и «будьте любезны». — Быстро! Надо втащить их в номер.

Вдвоём, они подхватывали тела под мышки, перетаскивали через порог, складывали на роскошный ковёр.

Крови не было.

— Переодевайтесь, — священник прикрыл искалеченную дверь, — времени мало.

Он стащил форму с офицера, бросил Луизе. Досадливо оглядел оставшиеся три тела...

— Где их таких выращивают, — пробормотал сквозь зубы, — чем откармливают?

— Да ладно вам, ваше преподобие. Комбинезоны безразмерные.

Отец Лукас раздел одного из солдат. Отстегнул и бросил на пол свою пустую кобуру, и натянул чужую форму прямо поверх скафандра.

— М-да, — нетактично заметила Луиза.

Если бы не скафандр, «безразмерный комбинезон» оказался бы преподобному заметно велик. Отец Лукас испепелил её взглядом, молча отсоединил от своего шлема гарнитуру шлемофона и заменил ею стандартный дружинный лод-дуфунг. Забрал у Луизы шлем офицера, безжалостно выдрал гарнитуру и из него тоже. Потом аккуратно выколупал все датчики телеметрии. Вернул шлем обратно. В ответ на недоуменно поднятые брови объяснил:

— Режим передачи не отключается.

Она застегнула последнюю пряжку. Опустила прозрачный щиток, машинально поискала глазами информацию о бойцах на периферии зрения. Не нашла, конечно. Ну, преподобный... Хотя, зачем ей?

Отец Лукас уже стоял в дверях.

— Вперёд!

Коридор был совершенно безлюден. Когда они шли сюда, Луиза отметила непривычно часто встречающиеся посты охраны: пары дружинников, а иногда и тройки, с сержантами во главе, торчали чуть не через каждые десять метров. Сейчас же — как вымерло.

— Церцетария, — объяснил отец Лукас, не дожидаясь вопроса. — Чем меньше им достанется свидетелей, тем лучше для маркграфа.

— Свидетелей чего?

— Не знаю... А, вы об этом, — он оглядел пустой коридор. — В Империи не принято силой врываться к представителям церкви. И незачем кому-то видеть, что это, всё-таки, случается. Дочь моя, скажите, где дружина маркграфа, или служба подавления организованных беспорядков будут в последнюю очередь искать... скажем, беглых каторжников?

— Здесь, — ответила она без колебаний.

Беглый каторжник в этом светлом коридоре, со стенами, оформленными под дерево, и ковровым покрытием на полу... Бред какой.

— Ещё?

Луиза задумалась. Искать каторжан ей случалось не раз. Все они бежали, почему-то

одним маршрутом: через шахты — напрямик в «Весёлый Трюм». Может, рассчитывали на то, что смогут затеряться среди десятитысячного населения Акму? А, может, думали, что найдутся в «Весёлом Трюме» близкие по духу люди, укроют, не выдадут, помогут сесть на корабль.

Ну да, разбежались укрывать.

Прочесать «Весёлый Трюм» было делом недолгим: достаточно объявить по общей связи, что на шахтах произошла утечка, и обитатели сами, организованно, отправятся к ближайшему шлюзу. Через который, после проверки генокода, выйдут в залы ожидания.

Те, кто не считал нужным внять предупреждению, могли пенять на себя. Утечки случались не часто, а вот пускать газ в вентиляцию приходилось достаточно регулярно. И Луизе, порой, даже жаль становилось идиотов, воображавших, будто официальные уведомления — это так, шуточки. Учебная, раздери их, тревога. Плохо они выглядели, идиоты, когда их находили. Были они обычно синие. И всегда — мёртвые.

Каторжники в этом смысле ничем от добропорядочных подданных не отличаются.

— Склады? — предположил священник.

— На склады каторжник не сунется. Там воздуха нет.

Отец Лукас покачал головой:

— Наши костюмы, дочь моя.

— Чусры серые...

— Не поминайте нечистых, пожалуйста. Значит, искать на складах станут не сразу?

— Ну, если все рассуждают так же, как я...

— Отлично. Вы знаете самую короткую дорогу?

— Да.

Они свернули за угол. Луиза увидела две фигуры в форме, застывшие возле выхода.

Отец Лукас рванулся к шлюзу. Мгновение спустя оба дружинника уже падали. Один — на пол, второй, отлетевший к стене, медленно сползал вдоль неё, заваливаясь на бок.

Лицевой щиток его шлема был забрызган красным.

— Носом стукнулся, — объяснил отец Лукас, — ничего, заживёт.

Луиза кивнула. Смотрела она на второго, того, который лежал на полу. Вот его шлем... он был разбит.

— Я спешил, — священник уже открывал замок, — боялся, вы начнёте стрелять. Из пульсатора можно и убить.

— Из пульсаторов — убивают, — сообщила Луиза, — как вы это сделали?

— Что? А, это. Ногами. В первый раз пробую на людях. Стыдно. Так, дочь моя, теперь мы идём очень быстро и очень нагло. И молимся, чтобы те, снаружи, ещё не знали о том, что случилось внутри. Стрелять...

— Только в самом крайнем случае, — кивнула она, — я поняла.

— Очень хорошо.

И они пошли. Очень быстро и очень нагло.

Первый патруль, спешивший навстречу, Луиза, оторопев от собственной наглости, перепугала одним яростным:

— Где вас носит, суки?! Там офицера убили!

Дружинники сдулись, не задавая вопросов.

Рявкать на них, Луизе было не привыкать. В обязанности маркграфской дружины входило способствовать работе её, майора Беляевой, армейского подразделения. А это означало, что в чрезвычайных ситуациях дружинники выполняли приказы армейских. Вот и сейчас Луиза даже не особо задумывалась. Увидела форму, обрычала, и — дальше. Мельком представила, что было бы, если б дружинники не послушались. Да ничего бы не было. Она же в форме их офицера.

И так вот, на одной лишь наглости да, может быть, молитвах отца Лукаса, они покинули центральный сектор, оставив за спиной и гостиницу, и коридоры Управления, и даже два блокпоста, выставленных по случаю чрезвычайной ситуации, проходя через

которые, полагалось, вообще-то, предъявлять документы.

Мысль об этом слегка беспокоила. Не о постах, — что о них думать, раз прошли уже — о документах. Исчезновение генетической карты не назовёшь обычным делом, и Луиза то начинала мрачно предчувствовать маету с объяснительными, то, опомнившись, задавала себе вопрос: а какое, собственно, дело до всего этого отцу Лукасу? В том, что интерес к ней священника непосредственно связан с пропавшими документами, она не сомневалась. Но вот увязать одно с другим... И вообще, увязать священника и проблемы обычной мирянки, пусть даже и командира армейского подразделения... Нет, не складывалось, хоть ты тресни.

— Мы будем отсиживаться на складах, пока — что? — спросила Луиза, когда они вышли в служебные коридоры.

— Пока монастырь не пришлёт транспорт за телами братьев.

— И как долго придётся ждать?

— Около трёх месяцев, — отец Лукас улыбнулся, — да нет, дочь моя, всё не так плохо. Просто сейчас на выходе из порта дежурят сразу несколько вирунгов. А мне совсем не улыбается прорываться в чистый космос под перекрёстным огнём. Кроме того, сахе Болдин наверняка уже смирился с мыслью о том, что его танга взорвалась из-за неполадок в двигателе... ну, или в генераторе диа-поля.

— Вы это серьёзно?

— К сожалению, да. «Осы»... наши гафлы, были испорчены. Нусур ждали на четырнадцатом причале. Я не знаю, кто и в каком количестве, но предпочёл, как вы помните, не выяснять. Молодые люди, которые взломали дверь в номер, пришли туда не для того, чтобы побеседовать. А по Акму как раз сейчас объявлена общая тревога, с приказом найти и уничтожить двоих: мужчину и женщину, в форме внутренней охраны. Мы крепко влипли.

— Значит, маскарад уже не работает?

— Да. Придётся драться. Боюсь, что и стрелять тоже.

— Да чего бояться?! — слово «уничтожить» замигало в сознании, как аварийный сигнал, — нас же убить приказали. Вот ублюдки.

— Для вас — ублюдки, — отец Лукас подобрался, шаг его стал крадущимся, скольльзящим, — а для меня — дети. Непослушные, но ведь дети же.

Он выдохнул и исчез за поворотом.

«Началось», — Луиза выхватила пульсатор.

Действительно, началось.

Двое в форме дружинников...

Стрелять на поражение...

Дикие слухи уже о целом десятке трупов.

Отец Лукас время от времени пересказывал ей содержание переговоров. В те короткие промежутки, когда им не приходилось убегать, или, сломя голову, нестись вперёд, или драться, драться, драться...

Несколько минут затишья. Чёрные брови священника сходятся над переносицей, когда он ищет пульс у одного из поверженных дружинников. А тот лежит, и не надо быть врачом, чтоб понять: шея у человека под таким углом не сгибается.

У живого — не сгибается.

— Господи...

А что «господи»? Тебя убивают, так чего тут цацкаться?

Они понимались к поверхности. Под ногами был «Весёлый Трюм», позади километры коридоров, по правую руку вот-вот должны были начаться многочисленные ответвления в отсеки жилого сектора, в лазарет, в машинные залы. Бронированные двери наверняка задраены, но лха с ними, с дверями — ничего за ними нет интересного. Мимо надо, мимо — вперёд, к очередному пролёту служебных лестниц, уводящих вверх, туда, где на километры раскинулись бесконечные склады, пещеры, лабиринты, хрустальные гроты, волшебный лес... Ф-фу ты, убирство какое. Там — не найдут. Там не то, что человека — танк спрятать

можно, и не маленький, вроде отца Лукаса — нормальный танк для освоения планет с особо активной биосферой.

Двери... много дверей. И у каждой стоят дружинники, с ручными деструкторами «Хисаба», один выстрел из которого пробивает тяжёлую броню.

Не пройти...

А куда деваться?

— ...всё это — совершенно неприличная авантюра, — отец Лукас отодвигает поближе к стене тело в той самой, тяжёлой, броне, — но вы отлично стреляете, дочь моя.

— Луиза.

— Лукас.

Вот и лестницы. Вниз — «Весёлый Трюм». Наверх — склады.

Они сунулись вниз. Для начала — вниз. И Луиза наплевала на просьбу «не убивать». Хрена ль, в конце концов, одним больше, одним меньше. Они оставили за собой такую широкую, такую вызывающе страшную просеку, что даже у самых подозрительных типов в Управлении — или кто там отдаёт сейчас приказы охране — не осталось сомнений: беглецы ушли в «Весёлый Трюм».

Что, сволочи, газ в вентиляцию? Или просто перекроете подачу воздуха?

Луиза рассмеялась. Представила себе лица... лицо Болдина

...ваше преподобие, по поводу этой женщины...

когда он вспомнит, что форма дружины, по сути своей — тот же скафандр. И похрен «этой женщине», равно как и преподобному отцу, на любой газ, на отсутствие воздуха, вообще — на всё.

Ох, устанут псы маркграфа прочесывать Трюм.

А уж на складах-то и вовсе шеи переломают.

И когда, поднявшись наверх, походя снеся очередной пост, они увидели наконец-то, шлюзовой люк, ведущий на поверхность, Луиза уже уверилась в своей неуязвимости.

Охрана! Броня! «Хисабы»!..

Два человека: майор мирской пехоты и, смешно сказать — рыцарь-пилот, разметелили эту охрану, вместе с их бронёй и ручными деструкторами, как, иччи их грызи, новобранцев из учебки. Даже не два человека — один. Пилот. Она так, на подхвате, на, мать их, подтанцовках, кордебалет с цветомузыкой. Ну, По-любому, священники — особенные люди. И в кино не врут. И в «Господь любит вас», по центральному каналу, тоже всё до последнего слова — правда.

А возле шлюзовой камеры стояла будочка из прозрачного ганпласта. Небольшая такая будочка. И в ней — станковый пульсатор. На тот случай, если вдруг пираты, если, вдруг, нападение с поверхности отражать придётся, если...

Этот пульсатор и ударил им навстречу. И Луиза сначала почувствовала, что ноги вдруг перестали слушаться, а только потом упала, в тот момент, когда парень за броневым щитом перенёс огонь на Лукаса.

«...в первый раз пробую на людях. Стыдно...»

Когда Господь создавал законы гравитации, Он не распространил их на священников. Луиза уверовала в это куда быстрее, чем в саму гравитацию. В последней она, как раз таки, усомнилась, когда увидела, как Лукас взлетел... То есть, нет, не взлетел. Конечно же, он прыгнул. Вверх и вперёд. И, кажется, оттолкнулся от потолка. Ну, а от чего ещё ему было отталкиваться? Ведь не может же человек одной лишь силой воли изменить направление прыжка, уже будучи в воздухе. Или может? Или...

Глухо бухал пульсатор. Вспыхивали и гасли огни выстрелов.

Лукас упал на руки. Оттолкнулся. Взлетел снова.

Всего пара секунд. Станный, страшный, нарушающий все законы физики танец между смертельными лучами. А потом грохнула бронированная дверь.

И выстрелы стихли.

Луиза встала и поковыляла к прозрачной будке. Лежать бы сейчас, истекать кровью из всех, разорванных в клочья артерий, да вот не лежалось что-то. Злость душила. А когда злишься, тут уж кровь или не кровь.

Лукас уже спешил ей навстречу.

Прозрачные тёмные глаза. Изумление, тревога...

Луиза отстранила его руку, пинком распахнула дверь в будочку, и, тремя выстрелами, в брызги разнесла головы всем троим охранникам. Сунула «Тунор» в кобуру.

— Суки.

— Зачем? — священник опустил на колени, рядом с тем, что осталось от стрелка, недоверчиво провёл ладонью по кровавой каше, посмотрел на испачканные пальцы, — зачем ты... За что?

— Ты, ичи тебя... птичка, — выдохнула Луиза, падая в кресло у пульсатора, — ты, что, дурак? Здесь тебе не монастырь, ясно?

— Они сдались. Бросили оружие.

— Дурак, — ей стало всё равно: священник он или хрен с горы, — Дети, мать твою так! Дети... Здесь должна быть аптечка.

Разрезать полимерную ткань формы было нечем. Лукас помог ей стянуть комбинезон, увидев рану, сжал губы и сказал такое, что даже Луиза постеснялась бы повторить.

Ладно, хоть, крови не было. И больно не было тоже.

Странно, конечно, потому что артерии должно было разворотить покруче, чем головы этих ублюдков с пульсатором, но, слава Богу, не всё странное ведёт к неприятностям. Бывает, оказывается, и наоборот.

Прохладно зашипел лечебный спрей. Лукас наложил полосу церапласта поверх тонкой лечашей плёнки. Потом он вколол Луизе обезболивающее и, действуя с крайней осторожностью, помог одеться:

— Тебе повезло. Я слышал, эта штука убивает сразу.

— Угу, — мрачно согласилась Луиза, — извини за дурака.

— Забудь. У нас тут ещё одна проблема.

— Ну?

— Люк заблокирован изнутри, — он развёл руками, — думаю, нам прямо сегодня придётся идти в порт.

— Знаешь, что мне в тебе нравится, — сказала Луиза, откидываясь в кресле и укладывая пострадавшие ноги на пульсатор, — ты сообщаешь о проблеме и тут же выдаёшь решение.

— Скорее всего, неверное.

— А-а, — она отмахнулась, — какая, к убыр... какая разница? Когда-нибудь из тебя выйдет хороший командир.

Лицо у него стало... странное. Ну, как будто человек одновременно удивляется, не понимает, и пытается при этом не смеяться. Потом он присел рядом с ней на корточки, снизу вверх глядя в лицо, и уточнил:

— Из меня?

— Ну. Полевой командир, или как там у вас это называется? Тактик, короче. Стратежно пусть в штабах думают, — она начала понимать, что говорит что-то не то, что в монастырях, видимо, всё как-то иначе, чем у обычных людей, но смело продолжила: — а почему нет? Насшибаешь пяток пиратов, начальство тебя заметит, дадут повышение. У вас там бывают повышения?

— Нет, — он всё-таки улыбнулся, — если не на вылете, то мы все равны. Архимандрит чуть-чуть равнее. Сколько, говоришь, мне нужно насшибать пиратов?

— Жалко, что все равны, — с сочувствием сказала Луиза, — стремиться не к чему. Что, сколько? Ну, пяток. Ас — это же тот, кто уничтожил пять машин противника, или как? Я не

знаю, какие там у вас расценки.

— Так проходит земная слава, — сказал он с весёлым удивлением, — ладно, в плазму пиратов. Если я правильно понял, сейчас вся дружина бежит в этот ваш «Весёлый Трюм». И какое-то ещё особое подразделение. Это что, не знаешь?

— ...! — ответила Луиза, — «особое» — значит армейское. Это мои ребята, они там все, как я. Только ноги целы. Слушай, а ты здорово прыгаешь. Я слышала, нихонцы так дерутся.

— Не знаю, — рассеяно ответил он, — это для боя в невесомости. Монастырская школа. Сделаем так: дождёмся, пока большая часть солдат соберётся внизу, а потом пойдём, но очень осторожно.

— Лады, — обезболивающее начало действовать, и её потихоньку охватывала эйфория, — осторожно пойдём и снесём всех.

— Надеюсь, что сносить не придётся. Ты пока отдохни, а я помолюсь за мальчиков.

— Отдохни, в смысле — помолчи? — уточнила Луиза, — легко! Ты только не забудь и за нас помолиться.

Глава 3

«Не убивай».

Исход (20:13)

Дружинники традиционно не любили армейских. Традиция — это, что-то вроде условного инстинкта, только у людей. Помогает выжить, когда не мешает жить. Нелюбовь была идеально взаимной. Армейские терпеть не могли дружинников. Есть большая разница между ловлей беглых каторжан или обезвреживанием корабля, набитого взрывчаткой, и патрулированием секторов, на предмет предотвращения нарушений внутреннего порядка.

Фу! Убырство!

Особенно противно то, что маркграфы традиционно используют в своих личных войсках армейские звания.

Радун набирал дружину сам, и, вот ей-богу, многие каторжане больше, чем люди маркграфа походили на законопослушных подданных. Лха его знает, может, как раз среди каторжан дружинников и находили. С его милости и не такое станется.

Или среди пиратов?

Маркграф имел дела с пиратами — это не было секретом, по крайней мере, здесь, на Акму. Не было, впрочем, и доказательств. Иначе орден Всевидящих Очей не прилетал бы сюда с инспекциями, а просто перекрыл Радуну кислород.

В любом случае, когда Луиза сообщала отцу Лукасу, что из пульсаторов *убивают*, она имела в виду не только назначение оружия. Дружинники убивали. Они делали это с удовольствием. Именно поэтому, кстати, их не выпускали на облавы в «Весёлый Трюм», даже если каторжники бежали целой стаей. Слишком велик риск, подставить под удар мирное население. Но сегодня, сегодня был особенный день. Необыкновенный. Дружина маркграфа и армейское подразделение, вместе, так сказать, рука об руку, ловили майора Беляеву и — чудны дела твои, Господи! — рыцаря-пилота Лукаса фон Нарбэ.

Ловили, чтобы убить.

Но Бог на стороне правого, а права всегда церковь. Это закон, который постигаешь раньше, чем научишься ходить на горшок.

Дружинники любили убивать; дружинники стреляли не задумываясь; дружинники вообще не умели думать — не было у них думательного органа. Зато были рефлексy. И рефлексy эти не позволяли им сразу открывать огонь по людям в родной форме.

Когда устав входит в противоречие с действительностью, даже у мыслителя может случиться сбой системы. Дружину же сбило чуть ли не по несколько секунд. Этого времени

с лихвой хватало Лукасу, чтобы оказаться вплотную. Этого времени хватало Луизе: ей только в радость было прострелить какому-нибудь бычку коленную чашечку.

Или голову, а?

Но вот что делать, если они с преподобным встретят парней из её подразделения? Те начнут пальбу, не взирая на форму. Точнее, как раз — взирая. Так же, как делала она.

— Приказ по-прежнему отыскать двоих в форме, — сказал Лукас, выслушав её соображения, — мужчину и женщину. О священнике не сказано ни слова. Твои сослуживцы в ладах с церковью?

— Конечно.

— Тогда, может быть, это их озадачит.

Он расстегнул комбинезон и выскользнул из него, как из перчатки, оставшись в своём сине-золотом скафандре:

— Если верить докладам, население «Весёлого Трюма» эвакуируется. Почти все силы стянуты туда и уже готовятся начать облаву. Посты внутренней охраны расставлены согласно коду А, просто А, без всяких индексов. Ты знаешь, что это значит?

— Да. Но это дружина, а где армейские?

— Пять взводов в «Весёлом Трюме», ещё пять — по тому же коду. Сколько человек во взводе?

— Два десятка.

— Где они расставлены?

Луиза наизусть перечислила номера секторов. Посмотрела в чистые, без тени понимания, глаза Лукаса, и объяснила:

— По дороге в порт мы всё равно нарвёмся. Не на тех, так на других.

— Но, мне кажется, дружина предпочтительнее. Тебе проще иметь дело с ними, ведь так? Да, и, кстати, по этому коду посты расставляются так, чтобы следить друг за другом?

— Нет. С какой стати? Ты что же думаешь, нас тут тысячи? Слушай, преподобный, а что мы будем делать в порту?

— Угоним корабль.

— Так они же все на профилактике, или как там ты говорил?

— Тем лучше, — Лукас пожал плечами, — меньше людей на борту. Как твоя нога, выдержит?

— Дохромаю, — пообещала Луиза.

— Тогда, похромали.

В фильмах она видела это частенько. В фильмах все рыцари-пилоты всегда были героями. Но одно дело наблюдать на экране, как красавец в синем и золотом, вооружённый одним лишь МРП, громит пиратский аскар или зачищает пиратскую же базу, и совсем другое — видеть это в действительности. К тому же, киношные красавцы, все, как один, были высокими, плечистыми, с внимательным и понимающим взглядом. А Лукас, хм... Даже свой «Тунор» он отдал ей.

Почему никто не снял фильма о том, как священник в одиночку громит охрану целого астероида, действуя только руками и ногами?

Преимущественно ногами.

Монастырская школа. Бой в невесомости. Звучит как-то странно: бой в невесомости — неблагоприятное занятие. Особенно для парней вроде Лукаса.

Луизе не трудно было поставить себя на место бойцов дружины, ещё проще — на место солдат своего подразделения. Тебе приказывают уничтожить врага, ты ищешь его или стоишь на посту и ждёшь. Ты слышишь по связи какие-то дикие, совершенно невероятные сообщения. Нет, не страшно... ведь ты понятия не имеешь о том, что убить нужно рыцаря. А если бы и так, ты ведь всё равно не веришь фильмам. Не до конца. Потому что до конца поверить невозможно.

Но тот, кто выходит на тебя, оказывается совсем не таким, как ты ожидаешь. И Луиза

будто бы сама ощущала секундное замешательство, когда видела, как медлят охранники.

Синее с золотом...

Священник?

А этот, маленький, безобидный, он уже вплотную. И мир взрывается красными сполохами, за которыми темнота и тишь.

Попадись она так, очнись потом с раскалывающейся от боли головой, с абсолютным, идеальным непониманием того, что же, всё-таки, случилось, вряд ли она смогла бы доложить, что её и ещё двоих-троих-четверых (зависит от ситуации) бойцов вывел из строя один безоружный человек. Уж точно сказала бы, мол, двое их, вооружены и очень опасны. Очень опасны. И следующая группа, следующий пост, следующая партия охотников — они попались бы точно так же, ожидая вооружённых, опасных, огромных, как пехотинец в боевом скафандре, и наравшись на маленького и тихого Лукаса.

Понятно, почему он спрашивал, следят ли посты друг за другом. И непонятно, что предпринял бы, если б следили. Наверное, начал убивать.

А вот, кстати, о чём она доложила бы непременно, так это о синем и золотом. О цветах ордена Десницы Господней. И сейчас дружинники, наверняка, сообщают о том, что видели рыцаря. Но на месте их командиров (да и на своём собственном месте тоже) Луиза придержала бы эту информацию.

Ни к чему.

Уж лучше снова и снова вдабливать:

«Вооружены и очень опасны. Очень опасны...»

— Ага, — сказал Лукас, когда очередной пост остался позади, и они выбрались в тоннель для пневмокаров, — поздравляю. Мы с тобой, оказывается, каторжане, совершившие нападение на священника, с целью обзавестись скафандром и оружием. Как по мне, отобрать скафандр и оружие у кого-нибудь из дружины всё-таки проще.

Луиза только хмыкнула в ответ.

Интересно было бы ей взглянуть на каторжника, который захочет ограбить Лукаса. Хотя, нет, уже не интересно. Учитывая, что преподобный проделывает с вооружёнными бойцами, бедолагу со здешних шахт он, наверное, просто на куски порвет.

Преследователей они опережали на шаг, а иногда и на два. Во всяком случае, когда слышали приказ прочесать пневмотоннели, как раз собирались спускаться в лифтовую шахту.

— Спустимся, — сказала Луиза, откидывая тяжёлый люк, — потом пройдем между стен, там есть такой участочек, вроде шкафов с инструментами и роботами, а дальше — по прямой. Метров сто, не больше, и уже порт.

— Нам нужен второй причал.

— Ладно. А что там?

— Каторжная гарима на дезинфекции. Её быстрее всего подготовить к старту.

— Ты и гаримы водить умеешь?

— Я... — он скользнул вниз по вертикальной лестнице — просто съехал на руках, не коснувшись ступеней, — я умею летать на всём, что может летать, — сообщил, поймав её внизу. И добавил, подумав: — на всём, что не может — тоже умею. Но хуже.

Потом была тьма подсобки, и неподвижные глыбы роботов, и, наконец, снова свет. Вытаращенные глаза дружинников за щитками шлемов...

— Бедные мальчики, — пробормотал Лукас, когда всё закончилось, — бедные, глупые...

Согласно коду А, впереди был ещё один пост. Всего один. Десять человек, перекрывающих дорогу в порт. Армейское подразделение...

— Они перекрыли коридор, — сообщила Луиза на бегу, — наверняка. Мы всегда так делаем: у первого ряда щиты — в рост, у второго — пушки. Люк открыт, а строй от него в двух метрах. Мы вывернем как раз под выстрел.

— Как твоя нога?
— А хрен ли ей сделается?
— Тогда стреляй, как только щиты разойдутся. Если получится, убивай. Десять — это слишком много. — Он прикрыл глаза: — Господи, властью твоей я беру на себя грех убийства, которое совершит раба твоя, Луиза...

И снова она увидела странный сверхъестественный танец, где для танцора отсутствовали понятия верха и низа, стен, пола и потолка. Было пространство. Был человек, умеющий изменять это пространство по своей прихоти.

Лукас перелетел через сомкнутые щиты, оказавшись в тылу противника.

«Господи, майор, ты что, рехнулась?!»

Это были её парни, её ребята, Чупа, Заяц, Граф, Дед... а веснушчатый Хрюндель уже падал вперёд, как-то неловко изогнув руку с надетым на неё щитом. Падал. И Луиза отчётливо увидела, какими яркими стали его веснушки на побелевшем лице.

Стрелять?

Вылетела из строя и всей сотней килограммов обрушилась на Хрюнделя Кудрявая Мими. Осталась лежать. Хрюндель тоже перестал шевелиться. А внутри сбившегося строя ворочалось что-то, там хрустело, клецало, сталкивалось с твёрдым стуком.

Потом, наконец-то, бойцы подались в стороны. Вот сейчас откроют огонь...

Луиза положила «Тунор» на пол. Отошла от него.

В неё не стреляли. Её, кажется, вообще не замечали.

И в Лукаса не стреляли тоже. Ну да, позволит он в себя выстрелить! Ничего, десять человек и так забудут. Восемь... Плевать. У них ножи и игольники — самое то для ближнего боя, а у преподобного... А ни хрена у преподобного.

Снова заболела нога, и Луиза села на пол у стены. Извини, Лукас, убивать своих меня не учили. А ты ведь всё равно попадёшь в Самаянгу, ты ж святой... Рыцарь.

* * *

— Господи! — дыхание сбилось на крике. И Лукас едва не пропустил очередной удар, — Боже святой, — прошептал он одними губами, падая, подсекая ноги противника, — избавь меня от этого... — ударил локтем в подбородок, туда, где застёгивается ремешок шлема.

За прозрачным забралом мутнеют изумлённые глаза. Тонкое лицо, пухлые негритянские губы. Это девушка, но в бою нет разницы.

Опершись руками о полуоглушенную мулатку, Лукас ударил назад обеими ногами, тут же вскочил. Место отлетевшего противника уже занял другой. А девушка перекатилась в сторону, и рука её слишком быстро метнулась к кобуре. Стимуляторы... эхес ур!!

Сумасшедшие мгновения уходят на то, чтобы принять решение. Боец за спиной опасен, но вооружён лишь разрядником. Девушка впереди может убить одним выстрелом.

Лукас с пугающей отстранённостью увидел, как палец мулатки нажимает пусковую кнопку игольника.

Сейчас...

Сальто назад, носком ботинка — по руке с оружием. Она успела выстрелить, эта девочка — успела. Ты же ожидал этого, рыцарь, ты же... Господь не услышал тебя. Она успела выстрелить, когда удар сбил её руку вверх, и пучок игл снёс голову тому парнишке позади.

Ты *хотел*, чтобы она успела.

«Но не хотел, чтобы она убила!!! Не хотел, Господь Бог мой! Нет!»

Ещё в кувырке, Лукас увидел, как шлем парня позади, превратился в окровавленное дупло. Две следующих очереди ушли в потолок. А потом и тяжёлый игольник вырвался из девичьей руки, ударившись о стену. Отскочил прямо в руки Лукаса.

Луиза не будет стрелять, это понятно. И понятно — почему. Но он же не справится один.

Если не начнёт убивать.

Не убивать, значит, позволить убить себя. И в любой другой ситуации Лукас выбрал бы без раздумий. Но сейчас

господи-господи-господи

Джереми умирал, раздавленный рухнувшими стенами. Снова и снова умирал, и кричал, моля бога о смерти, и кто-то должен спасти его. Кто-то. Должен. Иначе крик Джереми будет лететь к Небесам вечно, всю вечно, оставшуюся до Судного Дня. И пока Джереми умирал, Лукас не мог умереть. Не имел права.

— Избавь меня от этого!!! — закричал он, срывая голос, — Я НЕ ХОЧУ!!!

Всему есть предел!
Запомни. Не спорь. Пойми.
Всему, что встречается — что истязает и лечит.
Кончается все — защитники у Земли
и киборги астероидов встречающих.

Поверить в судьбу.
Кто пишет ее страниц
невнятные знаки?
Лишь намекает: «слышишь?..»
и стон: «не могу
смеяться в оскалы лиц
врагов и друзей»
а тело уже не дышит.

Герой не роняет штандарт посреди войны!
Ты веришь в героев?!
Я тоже. Поверь же в лихо.
И здесь уже нет твоей и моей вины —
молись и, вперед, в светящийся красным «выход». ¹

Когда началась стрельба, Луиза даже обрадовалась.

Нет. Нет, разумеется, это была не радость. Облегчение, вот что это было, как будто закончилась долгая агония.

На бесконечные секунды коридор полыхнул от вспышек взрывающихся игл.

А потом с пола поднялась маленькая фигурка, облитая синим и золотым.

Он стоял, держась за стену, священник, расстрелявший её людей. Рука с игольником бессильно висела, и, когда пальцы разжались, оружие выскользнуло, тяжело стукнув о пол. Лукас шагнул вперед, не удержался на ногах, и тоже упал. Пальцы бесполезно скользнули по гладкой стене.

— Дочь моя... боюсь, мне понадобится ваша помощь.

Последний участок пути — через порт, ко второму причалу, дался с большим трудом, чем вся сумасшедшая гонка. Не считая, конечно, завершающей бойни. Но об этом думать не надо, об этом — потом. Когда-нибудь. Когда даже имена забудутся, даже прозвища выветрятся из памяти. И то, что она бросила оружие — тоже. Забудется. Навсегда.

¹ Alyssa Lwuisse

«Я не могла в них стрелять! — хотела бы сказать Луиза. — Не могла, преподобный, так тебя перетак, понимаешь ты это или нет?! Это были мои люди! Мои! Ты стал бы стрелять в своих братьев?!»

Она ничего не говорила. И так догадывалась, что ответит Лукас. Слушать это было незачем. Он сказал бы, что понимает. И он действительно понимал. А вот Луиза — не очень. И ещё ей не хотелось вновь услышать от Лукаса «вы». Никак не хотелось. Поэтому она молчала. Молча тащила на себе преподобного отца. Он честно старался идти самостоятельно, но по уму-то, со всеми этими повреждениями ему полагалось лежать до появления медиков, а потом снова лежать, уже в лазарете, не меньше недели, наверное. Впрочем, насчёт повреждений Луиза не могла сказать наверняка. Она предполагала, что у Лукаса сломана нога, и, наверняка, он получил сотрясение, однако при сотрясениях люди теряют сознание, да и перелом — удовольствие ещё то. А преподобный держался на удивление бодро. Ну, в смысле, бодро для человека, которому в бою так дали по башке, что шлем раскололся.

— Скафандр, — объяснил он бледно, — не для абордажа.

Луизе потребовалось некоторое время, чтобы перевести эти слова на свой язык. Скафандр рыцаря-пилота не рассчитан на ближний бой. Защита никуда не годная, это ясно. Но в нём, что, нет встроенной аптечки? А обезболивающие? А стимуляторы? С ними как быть?

— Стимуляторы? — у Лукаса вырвался короткий смешок, — пилотов не ранят. Сама подумай.

Подумать она не успела. Они миновали шлюзовой коридор, и вышли в ангар — на решётчатую площадку почти под куполом, откуда вниз вела крутая, но, слава Богу, не вертикальная лестница.

Лукас вдруг выпрямился, опираясь на плечо Луизы, и тихо выдохнул:

— Что это?

...«Это» был звездолет. Пришвартованный к причалу, и отчётливо видимый через прозрачные стены причального тоннеля. Матовая перламутровая линза, размером гораздо меньше любой гаримы. Значит, это был не тот звездолет, который им нужен?

А нужный где?

Впрочем, в звездолетах Луиза не разбиралась. Не её забота. Её заботой должно было стать то, что внизу, у входа в тоннель, стояли двое вооружённых людей. И то, что эти двое всё ещё их не слышали, было большой удачей. Слишком большой для сегодняшнего дня, когда запасы удачи оказались исчерпаны на несколько лет вперёд.

— Извини, — сказала Луиза.

Разжала руку, которой придерживала Лукаса за пояс. И выстрелила дважды раньше, чем священник свалился на пол.

Убила.

Обоих.

— Упокой, Господи, души рабов твоих, — как-то отчаянно проговорил Лукас, — прости нам грехи наши. Я благодарю тебя за то, что вижу. Я надеюсь, Боже мой, что это не морок...

«Спятил?» — предположила Луиза.

Она едва успела поймать сумасшедшего священника за локоть, тот вознамерился самостоятельно спуститься по крутой лестнице. Для одноногого это был рискованный фокус, даже если вспомнить, какие акробатические трюки выкидывал он не далее, как пять минут назад. А преподобный, похоже, даже и не заметил, что его вновь поддерживает нежная женская рука. Он ковылял вниз, вцепившись в тонкие перила, и не отводил взгляда от корабля у причала.

— Это чудо! — сказал Лукас, когда они, наконец, прошли бесконечный тоннель и оказались перед задраенным входным люком, — я не смел даже надеяться воочию увидеть

«Хикари». Уж тем более — угнать её, — закончил он совсем другим тоном.

И деловито, как будто всю жизнь только и делал, что занимался взломом, вставил в щель идентификатора пластинку отмычки.

Луиза думала, что её уже ничем не пронять.

И надо же, ошиблась.

— Это у тебя откуда?! — спросила она, позабыв на секунду даже о том, что нужно держать под контролем вход в тоннель, и самого Лукаса. Последнего — просто держать. Чтобы не упал. — Это же...

— Ш-ш, — он чуть сжал её плечо, то, на которое опирался, — не шуми. Подумаешь невидаль, отмычка. Никогда такими не пользовалась?

— Да нет. То есть, пользовалась... — Луиза огляделась, нет, никто пока тоннель не штурмовал, — но зачем тебе такая штука? Ты же — священник.

— Именно поэтому мне и нужна отмычка, — объяснил он, и довольно хмыкнул, когда замок отозвался негромким гудением, — миряне, в отличие от нас, не скованы слишком строгим уставом, и не нуждаются в специальных средствах для того, чтобы попасть... ну, например, в винный погреб. Всё. Теперь будь готова. На борту наверняка кто-нибудь есть. Я слышал, что Радун непременно оставляет на «Хикари» хотя бы одного пилота. Зато она всегда на ходу, — добавил он почти весело. И, ухватившись руками за расходящиеся створки люка, с неожиданной лёгкостью запрыгнул, как будто влетел в корабельное чрево.

«Радун?!» — безмолвно ужаснулась Луиза, устремившись вслед за ненормальным священником.

Какой-то высокий человек в чёрном комбинезоне встретил их почти у входа. Он стоял по стойке смирно, и было даже забавно увидеть, как вытягивается его лицо, а глаза делаются круглыми при виде ввалившейся на корабль парочки. Баба в форме внутренней охраны, в разодранном на бёдрах скафандре, и повисший на ней рыцарь с сумасшедшим взглядом — это явно было не то, что ожидал увидеть пилот, или кто он там.

— Руки вверх, сын мой, — мягко попросил Лукас.

Луиза бы заорала: «лицом к стене, руки за голову, сука, стоять, не двигаться!!!» И была бы права. Но Лукас, кажется, орать попросту не умел. Если не считать жуткого крика «я не хочу!!!» — там, в коридоре, на входе в порт, когда он убивал её ребят.

Человек послушно поднял руки, и пробормотал:

— Благословите, ваше преподобие.

— Господь да благословит тебя, дитя, — вздохнул Лукас. Навалился на Луизу всей тяжестью, и его правая, неповреждённая нога вписалась бедолаге точнёхонько в челюсть.

Нокаут. Отсчёт можно не начинать, ясно, что долго не встанет.

— В рубку, быстро! — скомандовал Лукас, отцепляясь от Луизы, и немедленно ухватившись за что-то на стене. — Тащи его туда, пристёгивай к креслу. Сама тоже пристегнись.

И он с обезьяньей ловкостью устремился вперёд по коридору, хватаясь руками за стены, время от времени, помогая себе здоровой ногой. Жуткое зрелище — то ли человек, то ли паук в скафандре. А ведь еле ползал. И откуда, скажите, он знает, за что здесь хвататься?

Взвалив на плечи нокаутированного пилота, Луиза тихо выругалась: этот дядька был куда как тяжелее рыцаря-недомерка. К тому же, в отличие от Лукаса, сам идти даже не пытался. Так, и где здесь рубка? Иччи их грызи, волков космических. Пойди туда, не знаю куда... мать! Наверное, идти нужно туда же, куда унёсся сам Лукас.

А он на Луизу и внимания почти не обратил. Только кивнул, не отводя взгляда от... э-э... пульта? Насколько она помнила из фильмов, пульта управления в космических кораблях выглядели не так. В фильмах они куда больше походили... на пульта. А матово переливающаяся сфера без единой кнопки, без намёка на индикаторы, без, убырских, рычагов или тумблеров пультом быть не могла. Она могла быть разве что арт-проекцией в пастельных тонах, причём, нарисованной больным на всю голову художником.

— Компенсаторы! — бросил Лукас.

— Что?!

— Включи.

— Твою мать! — коротко и ясно ответила Луиза.

После этого преподобный соизволил её заметить. В красивых тёмных глазах мелькнуло что-то вроде удивлённого понимания, за которое захотелось немедленно дать по морде. Чтобы не выделялся.

— На пряжке, — Лукас слегка улыбнулся. — Сдвинь защёлку вниз. Будь любезна, проделай эту же операцию с пилотом. И ещё кое-что...

— Ну?!

— Помолись.

* * *

Вирунги орбитальной охраны получили приказ расстреливать любой корабль, покидающий Акму. Но на «Хикари» это правило, разумеется, не распространялось. Поэтому, когда изящный звездолёт выскользнул из ангара и направился в открытый космос, на него и внимания особого не обратили. Запросили позывные, как положено по инструкции, получили ответ, да пожелали чистого пространства. До маркграфа ли, когда такое творится: побег, бунт, нападение на дружину, пострадавшие, по слухам, есть даже среди армейских. Шустрый нынче каторжанин пошёл, куда бежать!

Бежать было как раз и некуда. Бунтовщикам — некуда, потому что будь ты хоть сто раз шустрым, а с Акму далеко не убежишь. Даже если предположить, что взбунтовавшиеся каторжники каким-то чудом доберутся до порта, даже если допустить, что среди них найдётся пилот, даже если поверить в невероятное: этому пилоту удастся захватить какой-нибудь из кораблей — толку от этого будет немного. Ну, выйдет корабль из порта, а дальше что? Прямой удар всеми орудиями сразу двух вирунгов. Наместник ещё до начала заварухи усилил орбитальную охрану шестью дополнительными кораблями, так что дежурили, если можно так выразиться, по двое. А при необходимости на опасный участок в течение нескольких минут могли быть переброшены остальные вирунги.

Полный порядок, вот как это называется. И если вдруг планетники не смогут решить проблему на месте, дальше орбиты беглецы не убегут. Так-то. Нехрен бунтовать, если не хочешь превратиться в облачко плазмы.

Так, или почти так рассуждали команды вирунгов, почитавшие службу на орбите делом скучным и неблагодарным. На то было несколько причин, а главная и основная та, что вирунги, вообще-то, предназначены для дальних полётов в пространстве и ведения воздушного боя. По большей части, этим они и занимались: интересы маркграфа Радуна отнюдь не ограничивались астероидом Акму, какими бы богатыми не были здешние шахты. И торчать на орбите, выполняя работу боевых спутников, никому из экипажей вирунгов не хотелось совершенно. Заплатят за это гроши, боевых не предвидится, а из тех крох, что обломятся за уничтожение предполагаемого угнанного судна, потом как-нибудь хитро начнут вытягивать компенсацию. Ведь уничтожено-то окажется не что-нибудь, а имущество маркграфа, или кого-нибудь из купцов, которые непременно потребуют возмещения ущерба. В общем, как ни поверни, а дело муторное...

Боевая тревога и приказ немедленно уничтожить «Хикари» оказался для вирунгов полной неожиданностью. Не настолько, чтобы экипажи замешкались с выполнением, но... «Хикари» на мониторах уже успела превратиться в точку, почти вышла за пределы досягаемости систем наведения. Впрочем, «почти» ведь не считается. Компьютеры понятия не имеют, что означает это слово. Вирунги открыли огонь по противнику раньше, чем командиры стрелковых расчётов успели сказать: «Господи, благослови». Опять же, устав уставом, а Господь не в обиде, если солдат в бою не ждёт напутствия. И уже сейчас слово будет дано капеллану для короткой заупокойной по душам погибших каторжан.

Уже сейчас...

За мгновение до того, как «Хикари» должна была разлететься в клочья, позывные маркграфа Радуна сменились другими. Известными всем, кто принадлежал пространству, а не планетам. Пугающими, легендарными позывными.

— «Аристо».

И «Хикари», извернувшись в какой-то немыслимой плоскости, как будто для нее вдруг открылось пятое измерение, с лёгкостью ушла из-под удара.

Стыдно сказать, но вирунги не сразу продолжили преследование. Впрочем, стыдно стало бы только тому, кто никогда не поднимался на борт корабля иначе, чем в качестве балласта. Однако приказ есть приказ, и мало ли у кого какие позывные. Мало ли кто, в конце концов, может попытаться выдать себя за *того самого* Аристо?

Да и откуда бы ему здесь взяться?

Глава 4

«имя твое пронеслось до отдаленных островов».

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (47:18)

Несколько минут не происходило вообще ничего. Лукаса обволокла голографическая сфера, и его стало не видно. Пилот в соседнем кресле тихо постанывал, но на свободу не рвался. Тем более что Луиза, хоть и не разбиралась в «компенсаторах» и всяком таком убырстве, зато поняла, как заблокировать пряжки пристяжных ремней. Освободиться без посторонней помощи пациент теперь не мог, и заняться Луизе было абсолютно нечем. Только сидеть и ждать.

— Что происходит? — пробормотал, наконец, их пленник. — Кто вы?

— Майор Беляева, — она бросила на него косой взгляд, — может, и ты назовёшься?

— Эффинд, личный пилот его милости маркграфа Радуна. Что проис... Беляева-илэ, — он вдруг задёргался в ремнях, — «Хикари» покинула порт? Мы в пространстве? Что вы делаете? Это же корабль его милости! Да он с вас... с нас... Кто пилот?! Какой придурок посмел...?

— Сын мой, — прозвучал из сферы приглушённый и слегка усталый голос Лукаса, — послушайте моего совета: поберегите нервы. Лучше присоединяйтесь к сахе Беляевой в её молитвах. Через пятьдесят секунд мы уходим в «подвал», а пока нас обстреливают сразу четыре вирунга, и, право же, не нужно усугублять ситуацию истериками в рубке.

— А-а-а...? — бессодержательно прокомментировал Эффинд. — Преподобный отец? — взгляд его стал растерянным, как у ребёнка, укушенного Санта-Клаусом.

Ну, да. Последствия травмы. Бедняга не сразу вспомнил, что предшествовало его пробуждению в этом кресле. Не сразу. Сейчас только и сообразил, что вначале был преподобный отец. Тот, который ногами бьёт. В голову.

— Имплантанты, — непонятно булькнул Эффинд.

— В плазму имплантанты! — уже сердито отозвался Лукас. — Десять секунд. Отсчёт пошёл.

Путешествовать через «подвал» Луизе приходилось неоднократно. Прежде чем осесть на Акму, довелось помотаться по разным краям, и не всегда она работала на маркграфа Радуна, то есть, не всегда путешествовала бизнес-классом. Почти никогда не путешествовала, честно-то говоря. Поэтому Луиза прекрасно помнила тревожное чувство, возникающее у пассажиров попроще, не защищённых системами безопасности бизнес-класса, когда динамики объявляли о том, что «отсчёт пошёл». И как скручивались нервы в тот момент, когда корабль пересекал непонятную границу, оказываясь в этом убырском «подвале», по ту сторону жизни и смерти.

Чусры и иччи! Она терпеть не могла дальние перелёты.

Десять секунд, девять, восемь...две, одна...

И что?

Отбой? «Подвала» не будет? Хорошо бы, если так. Честно говоря, сейчас Луиза согласилась бы променять уход в «подвал» на уничтожение их корабля. Есть же здесь какие-нибудь спасательные средства, и на вирунгах люди служат, не монстры и не роботы. Вряд ли терпящих бедствие бросят в пространстве.

Логики — ноль, майор Беляева. Постыдилась бы, дура! Подберут вас, доставят обратно на Акму, и что дальше?

Луиза постыдилась. Но мнения не изменила.

— Порядок, — сказал Лукас, и окружавшая его сфера, свернувшись в небольшой шарик, отплыла в сторону. — Ну что, дети мои, одну проблему мы решили, займёмся остальными.

* * *

«Остальной» проблемой немедленно попытался стать пилот Эффинд. Ему следовало бы уделить внимание, потому что бедолага явно не в себе, да и оказался в ситуации, мягко говоря, незавидной. Похищен вместе с личным звездолётом его милости маркграфа Радунa, неизвестно кем похищен, неизвестно зачем, имплантанты, опять же. Насчёт последних Эффинд полностью прав, между прочим.

Некогда. Сначала — Луиза.

— Успокойтесь, сын мой, — попросил Лукас как можно мягче, — ничего страшного не происходит, я просто воспользовался «Хикари» для выполнения орденовской миссии. Я настоящий священник, — предупредил он следующий вопрос, — и действую во благо церкви, это истинная правда.

Сработало хуже, чем хотелось бы, но с учётом ситуации и общего взвинченного состояния даже лучше, чем обычно. Эффинд поддался его голосу, хотя вряд ли вслушивался в слова, расслабился на ложементе и только вздохнул:

— Я понимаю, преподобный отец. А как вас зовут, можно узнать?

...— Как вас зовут?

Луиза уже поднялась из кресла, и сейчас нетерпеливо ожидала, пока Лукас закончит болтать с пилотом. Преподобного следовало запихнуть в витакамеру, причём, чем скорее, тем лучше. Смуглая кожа уже не серым просвечивает, а зелёным, ещё чуть-чуть, и парень грохнется в обморок, тащи его потом на собственном горбу.

— Лукас фон Нарбэ, — ответил Лукас, неловко выбираясь из своего кресла. — Мы ненадолго оставим вас, сын мой. Когда я вернусь, вы сможете...

— Фон Нарбэ?! — Эффинд, кажется, даже приподнялся, несмотря на ремни. — Аристо? Не может быть. Вы... однофамилец? Ваше преподобие, вы...

Лукас уже вышел в коридор, и коротко кивнул Луизе, мол, следуй за мной.

— Подождите! — крикнул Эффинд, разворачиваясь вместе с креслом, — просто скажите мне, вы же не он?

Люк за спиной Луизы закрылся, оставив Эффинда в одиночестве.

— Как твои раны? — спросил Лукас.

— А твои? — невежливо ответила Луиза, — что значит, «вы не он», Лукас? Какого... они все теряют дар речи, стоит тебе представиться? Я упустила что-то важное? Ты что, действительно аристо? Или ты Великий кардинал? Или твоё имя упомянуто в «Звёздах Империи» в первых строчках?

— С третьего раза угадала, — хмыкнул он. — Так как твоя нога?

— Не поняла! — Луиза остановилась. — Что значит, с третьего раза?... Иди ты!

— Ты не читаешь «ЗИ»? — Лукас покосился на неё, с кривоватой улыбочкой. — Правильно. Я тоже. И так епитимьи одна за другой.

— Взыскания? — перевела Луиза на понятный для неё язык. — За что?

— За гордыню. Вот медотсек, нам сюда.

— Нет, погоди... — до чего же шустрый этот рыцарь, а! Однако Луиза всё же поймала его, подтолкнула к медицинскому креслу под выключенным диагностом, — я хочу знать то, что знают все остальные. Кто ты такой, а? Почему Эффинд назвал тебя аристо?

— «Аристо». — Лукас шлёпнулся в кресло, и с болезненной гримасой вытянул раненую ногу. — С большой буквы. Это просто прозвище. Я — Лукас фон Нарбэ, я понятия не имею, что знают «остальные», и ничего больше не могу тебе рассказать. Разве что сообщить, что я — лучший пилот в Империи.

— Угу, — хмыкнула Луиза, усаживаясь с ним рядом, — во всей Империи, да?

— Это пропаганда, — Лукас вздохнул, — это всё пропаганда и... реклама. Сняли десяток фильмов, выпустили комиксы, нарисовали какой-то мультсериал, и сделали героя. Герой всегда нужен.

— Почему-то я этих фильмов не видела, — ядовито сообщила Луиза, — и комиксов не читала. Даже мультиков не смотрела.

— Значит, тебе повезло. Слушай, давай поговорим об этом как-нибудь потом. У нас будет предостаточно времени на то, чтобы всё обсудить.

— Хоть названия подскажи!

— Ты хуже абордажной кипанги, — пробормотал он, потирая виски, — как прицепишься, не отцепишь. Не помню я названий... сериал какой-то был, «Рыцарь Десницы», что ли.

— Да ладно!

Луиза посмотрела на него повнимательней, и повторила, на случай, если в первый раз вышло недостаточно экспрессивно:

— Да ладно! Быть того не может. Хочешь сказать, Мартин Лилль — это ты?

— Нет! — рявкнул Лукас, — вскакивая с кресла, и тут же падая обратно, потому что сдуру встал не на ту ногу, — я хочу, чтобы ты залезла в витакамеру и ненадолго оставила меня в покое.

— А почему это именно я должна лезть в камеру? — с невинностью начинающей садистки поинтересовалась майор Беляева. — Я, в отличие от тебя, прекрасно себя чувствую.

Спор он пресёк в зародыше, хотя, признаться, терпение было на исходе и очень хотелось применить грубую силу. К счастью, до этого не дошло. В витакамеру, единственную на «Хикари», первой отправилась Луиза. Лукасу досталось, особенно в бою на входе в порт, но досталось не так сильно, как майору Беляевой. Тот выстрел из пульсатора должен был убить её, и то, что она выжила, да ещё и осталась дееспособной, было настоящим чудом. А на чудеса Лукас не слишком рассчитывал, куда больше он доверял кибермедикам.

Когда прозрачный колпак закрылся, и Луиза напоследок скорчила ужасную рожу, изображая, как она сердита, Лукас невольно улыбнулся в ответ.

Девчонка... В какие же неприятности она вляпалась? И в какие неприятности вляпался из-за неё маркграф? Что заставило его милость совершить самое ужасное преступление, какое только возможно в Империи? Он убил семерых священников...

господи-господи-господи...

Лукас скривился от боли, и включил диагност. Не витакамера, конечно, но в его ситуации и встроенного в кресло кибермедика будет достаточно.

Лёгкий пилотский скафандр действительно не приспособлен для ближнего боя, тем более для боя врукопашную. В нём можно некоторое время продержаться в открытом космосе, но, вообще-то, эти скафандры созданы для того, чтобы летать в истребителях. А в гафлах пилотов не ранят. Там, если что, просто убивают. Сразу.

Ещё эти костюмы используются на борту монастырей как повседневная форма. Да, они защищают от выстрелов лёгкого энергетического оружия, но не потому, что предназначены для этого, а потому что любой космический скафандр от такого оружия защищает. Иначе это, извините, не скафандр. Однако от ножа, тем более, от дубинки, или, того хуже, от какого-нибудь игольника эта броня не спасает, а Лукасу сегодня доставалось и тем, и другим, и, будь оно неладно, из третьего.

Он расстегнул застёжку на плече, и, спустив скафандр до пояса, стал аккуратно присоединять к телу датчики диагноста. Узловые точки... не забавно ли, что датчики должны контактировать с теми же участками тела, что и следователь чрезвычайной ступени? Причинять боль и лечить — очень похожие занятия, правда, ваше преподобие?

Про боль и лечение, и про следователей — это ему однажды рассказал Джереми. После одного из занятий в спортзале, откуда Лукас неизменно возвращался разбитым, а зачастую и избитым до полусмерти. Ему не было равных в рукопашном бою даже среди рыцарей-эквесов, но когда заканчивалась тренировка, братья непременно просили о продолжении, о свободной программе. А там уж и самому трудно было удержаться... один против двоих, против троих, как-то довелось сойтись сразу с пятью противниками, причём во главе с ротным эквесов. Гордыня, гордыня... Дело ведь не в том, что неизменно выходишь из боя победителем. Не гордыня толкала его принимать вызовы, а куда более опасное чувство азарта. Ожидания. Вдруг да найдется кто-то, кого не получится победить. Ученик превзойдет учителя.

Как бы там ни было, в свою келью Лукас приползал по стеночке, и почти сразу появлялся Джереми. Знал прекрасно, что без его помощи, Лукас, порой, и аптечкой-то воспользоваться не мог. А Джереми издевался, насмешничал, и был так заботлив под бронёй своих издёвок...

Был. Невозможно поверить.

Кибермедик пискнул, сообщая о готовности к работе. Очень вовремя. Выбросив из головы всё, кроме ядовитых комментариев Джереми, Лукас дёрнул пряжку, и рывком сорвал с повреждённой ступни ботинок...

Пережить процедуру молча не удалось. Но, по крайней мере, он обошёлся без богохульства. Уже хорошо. С учётом того, во что превратила его ногу очередь из игольника.

Так... Он недовольно взглянул на монитор, куда диагност уже начал выдавать результаты анализа. Три ребра — это мелочи. Сотрясение? Ладно, не первое и, наверняка, не последнее. Сложный перелом стопы... опять же, это только выглядит страшно. В том смысле, что пилот и на одной ноге себя неплохо чувствует, когда на корабле. А уж на «Хикари» можно и вовсе без ног. И без рук. Тем более что заживёт нога, ничего ей не сделается.

Сколько нужно лечиться?!

— Охренел, эскулап драный? — зло спросил Лукас у кибермедика. — Нет у меня столько времени!

Ввёл требование указать минимальный срок лечения. Волком взглянул на тот же самый результат и сообщил в пространство, что он делал с врачами, где их видел, и в каких отношениях был с их близкими родственниками.

Витакамера радостно отозвалась сигналом тревоги.

И Лукас чуть не упал с кресла, когда индикаторы камеры сменили цвет с жёлтого на пульсирующий багровый.

— Пациент мёртв, и не подлежит реанимации, — заговорил равнодушный женский голос. — Пациент мёртв, и не подлежит реанимации. Пациент...

Лукас швырнул ботинком в кнопку звукового сигнала. Оттолкнулся здоровой ногой и вместе с креслом подъехал к камере. Что происходит? Система только провела сканирование, от этого никто ещё не умирал!

Изнутри на Лукаса зеркальным отражением его собственного изумления смотрела Луиза. Моргала. Колпак отъехал в сторону, и майор Беляева села в своём хрустальном гробу,

вполне живая, только очень недовольная.

— Иччи с чусрами на тебя, рыцарь, как же ты ходил с такой ногой?! И что с этой капсулой? Она с ума сошла, что ли?

— Она не может сойти с ума, — пробормотал Лукас, пока Луиза одевалась, — она же кибернетическая.

Однако тестирующую программу, всё-таки, запустил. И спустя две минуты они оба созерцали результаты тестов. Полный порядок. Все системы работают без сбоев. А в камеру в последний раз поместили труп, за это она могла поручиться любым незаменимым чипом. Если не верите, уважаемые сахе, извольте убедиться.

В качестве аргументов компьютер выдал какую-то дичь, почти сплошь на латыни. Латынь для Лукаса была родным языком, но медицинские термины от этого не стали понятнее.

Наличие выраженного апоптоза... Освобождение из цитоплазматических структур ферментов, усугубляющих деструкцию клеток, что влечёт за собой аутолиз... Морфологические проявления в вакуолизации ядер. Появление гиперхромного материала вблизи ядерной мембраны... Феномен кошачьего глаза... Изоэлектрическая энцефалограмма....

Он покосился на Луизу, которая стояла рядом, одной рукой опираясь на спинку его кресла, второй — на стол перед монитором. Луиза глянула на него.

— Понимаешь, что-нибудь? — спросили оба хором.

— М-да, — сказал Лукас после паузы. — Думаю, эксперимент стоит повторить.

Луиза постаралась не очень откровенно ухмыляться, глядя, с какой поспешностью преподобный отец покинул своё кресло. Она воздержалась от того, чтобы невзначай коснуться ладонью его обнажённого плеча — не стоило быть слишком жестокой, всё-таки, десять месяцев без отпуска... Вполне достаточно того, что бедный рыцарь в течение двух минут чувствовал на своей щеке её дыхание. Луиза видела, как чем дальше, тем сильнее билась жилка у него на виске, и как прокатывались под кожей желваки.

Забавно. Священников у неё ещё не было.

Хотя, конечно, заполучить в койку рыцаря Десницы не великий подвиг — эти ребята, натуралы они, или нет, в отпусках отрываються на всю катушку. Другое дело, что на планеты они спускаются нечасто, предпочитая космические станции. А Луиза как раз космос терпеть не могла. Ну, а коль скоро пересеклись пути-дорожки, надо успевать. Тут, главное, не спешить. А то спугнёшь святого человека, лови его потом по всему кораблю. На Акму, вон, всем кагалом ловили — не поймали.

Ага! А под скафандрами они ничего не носят, оказывается. Как и следовало ожидать. Эти скафандры, по слухам, хитрая штука. Интересно, рыцари все такие красавчики, или Лукас — особенный?

— Если всё будет нормально, — тот придержал уже закрывающийся колпак, — выключи её. Лечиться мне сейчас некогда.

— А если ненормально? — поинтересовалась Луиза.

— Тогда она сама выключится, — напомнил Лукас, — скажет, что опять труп подсунули.

...Про труп витакамера ничего не сказала. Выдала на монитор рекомендацию не беспокоить пациента в течение трехсот часов, после чего сообщила, что начала подготовку к анабиозу.

Луиза, спохватившись, распорядилась приостановить работу, данные, на всякий случай, сохранила, чтобы, если уж удастся запихать упрямого рыцаря на лечение, приборы не замораживались с анализами по новой, и задумалась. Лукас, значит, живой. А она, выходит, не живая? Очень интересно!

Костюм свой он надевал и снимал, похоже, с одинаковой скоростью, то бишь, моментально. Р-раз, и уже с головы до ног в блестящей шкуре. Результат тренировок, не иначе. Луиза ещё со времён училища помнила, какая это непростая наука, мигом одеться по тревоге. Убыры драные, но что же с ней не так?

— Может быть, дело в кибераптечке? — предположил Лукас.

От портативного медика он избавился ещё перед тем как забраться в камеру, однако тот успел сделать свою работу, напичкал организм всякой дрянью, ускоряющей регенерацию, и, наверное, это могло сказаться на показаниях приборов. Наверняка сказалось.

— Анализ крови? — предложил преподобный так, как будто речь шла о чашечке кофе.

А ведь мысль здравая. Подсунуть дурной системе всё по очереди. Кровь. Срез тканей. Пробу слюны. Что там ещё нужно будет? Короче, всё, что затребует, и посмотреть на результат.

Луиза сунула ладонь под хищно выдвинувшийся манипулятор, слегка напряглась, потому что сдавать кровь всегда побаивалась... И даже боли не почувствовала, когда игла клюнула в палец.

— Не понимаю, — пробормотал Лукас.

Крови не было. Но это случается, когда нервничаешь. Сейчас всё будет...

Крови не было. Даже когда Лукас, решительно буркнув: «извини...» полоснул Луизу по запястью своим ножом. Она и дёрнуться не успела. Уж, конечно, никак не ожидала от преподобного такой выходки. А потом дёргаться уже и не хотелось. Порез был небольшой — несколько миллиметров, филигранный, можно сказать, порез. Только крови из него должно было натечь, ну, хоть сколько-нибудь, а? Кровь, мать её, всегда течёт, если порежешься. Такое, на хрен, убьётство. Не бывает так, чтобы тебя порезали, и не больно, а под кожей только розовое что-то, вроде пластикового наполнителя! Не бывает так!!!

И после прямого попадания из станкового пульсатора люди тоже не выживают.

— Но я же... — Луиза не знала, что хочет сказать. Что-то нужно было сказать, непременно, обязательно, но что?!

— Ты живая, — серьёзно произнёс Лукас, — даже не сомневайся. Ты — живой человек, и я тебе это говорю со всей ответственностью.

— Откуда тебе знать?! — взывала она, как перепуганная фермерша. Как будто и впрямь могла вдруг оказаться неживой.

— Эй, — Лукас щёлкнул пальцами у неё перед глазами, — ты, дочь моя, за последние полчаса слишком привыкла со мной спорить. До такой степени, что, кажется, позабыла, с кем разговариваешь.

Она аж всхлипнула от облегчения, мигом вспомнив, что он же и правда... святой. Столько раз повторяла эти слова, что их смысл как-то стёрся. Лукас — священник, и он знает, что говорит. Лучше любого врача знает.

— А вдруг я... заразилась? — пробормотала она, подавляя желание спрятаться у него в объятиях. — Вдруг я псионик?

— Псионики не заразны, — Лукас обнял её сам, и притянул к себе, поглаживая по голове, — пси-способности не вирусная болезнь. Луиза, у меня есть кое-какие мысли по этому поводу, но сначала нам нужно освободить Эффинда. Думаю, он уже десять раз созрел до мысли о сотрудничестве.

— Думаешь? — она только сильнее прижалась к нему. — С чего бы вдруг Эффинду с нами сотрудничать?

— Да не с нами, а с церковью, — кажется, Лукас поцеловал её в макушку, — с церковью в моём лице. Ваш маркграф сошёл с ума и посмел выступить против меня, но Эффинд-то не сумасшедший. Так что давай пойдём сейчас, отпустим его, пусть приготовит что-нибудь поесть, и поговорим, ладно?

— Ты меня хочешь? — пробормотала она.

— Я сейчас взорвусь, — честно ответил Лукас, — но нельзя.

— Почему?

Лукас вздохнул и аккуратно отцепил её от себя.

...С сегодняшнего дня для него начались два года траура, два год воздержания и поста. Казалось бы, что проще объяснить это? Сказать вслух. Луиза поймет, любой бы понял, в конце концов, и миряне соблюдают траур по близким, пусть и всего сорокадневный.

Что проще объяснить?

Но слов почему-то так и не нашлось.

...Соображал он всё хуже и хуже. Сотрясение, чего ж вы хотите? Кибермедик, не спрашивая разрешения, накачал лекарствами, теперь несколько часов голова будет, как чугунная. Зато нога уже не болела. Аппарат хирургической коррекции был штукой неудобной, но действенной. А, главное, с ним можно было ходить. На двух ногах. Большой плюс, надо сказать.

И Эффинд оказался умницей... звали его, оказывается, Робертом...

...можно Боб ...

Ну, ладно. Можно, так можно. Главное, что вопросов лишних он задавать не стал. Поинтересовался, расскажут ли ему, что заставило рыцаря-пилота Десницы брать «Хикари» штурмом, понял, что не расскажут, и успокоился.

По поводу штурма — успокоился. А по поводу собственной персоны Лукас разговор не поддержал. Луизы с её расспросами было более чем достаточно.

Он связался со своими, переговорил с отцом Александром, доложил обстановку, и, честно говоря, без восторга воспринял приказ лететь к ближайшему монастырю. Ближайшим был «Симон де Монфор», а на «Хикари» Лукас мог добраться и до родного «Зигфрида». Однако с настоятелем не спорят, субординация, знаете ли. То есть, спорят, но только до тех пор, пока настоятель рекомендует. Когда доходит до приказов, остаётся сказать: «во имя божье!» и выполнять.

Боб отправился на камбуз. Луиза сидела в соседнем кресле и смотрела выжидающе. Да. Надо с ней поговорить. О том, что случилось на Акму, и о том, что, предположительно, могло случиться с ней самой. Лукас с некоторым сожалением взглянул на переливающуюся унтэн-сферу в центре рубки, собрался с мыслями и начал рассказывать с самого начала.

* * *

На Акму всё сразу пошло не так. Ни одного свободного причала... ясно, что в Управлении рассчитывали на то, что церцетарии останутся на орбите, дожидаясь, пока им освободят место для швартовки. То есть, конечно, ордену Всевидающих Очей достаточно было приказать, и любой корабль, включая «Хикари», покинул бы порт, уступая своё место. Но, во-первых, о том, что маркграф Радун находится на Акму они не знали. А во-вторых, церковь не злоупотребляла властью. Может быть, церцетарии действительно остались бы на орбите, давая Управлению возможность подчистить следы мелких грешков, не предложи Болдин посадить матван на поверхность астероида. Наместник был настолько любезен, что предоставил в качестве ангара пустующий склад, чтобы избавить преподобных отцов от неудобств, связанных с пребыванием на поверхности.

Разумеется, не в силах человеческих было провести матван через открытый купол склада. И отца Зевако — главу миссии — задело, судя по всему, именно это издевательство, замаскированное под предельную вежливость.

Так и получилось, что Лукас поменялся местами с пилотом матвана. Тот взял на себя управление его гафлой, ну, а Лукас способен был посадить любой корабль на любую площадку.

Ладно... это к вопросу о гордыне.

Тогда они всё равно не насторожились. Честно сказать, церковь давно разучилась настораживаться, имея дело с подданными Империи, неважно, дворяне это или обычные

люди. И даже когда случился первый взрыв, тот самый, который поначалу приняли за планетотрясение, они не заподозрили ничего плохого. Со стороны людей — ничего. Церцетарии как раз заканчивали инспекцию какого-то цеха, — Лукас понятия не имел, какого именно, да его это и не касалось, не всё ли равно. Важно, что миссия ордена Всевидающих Очей оказалась в неприятном положении: без скафандров, внутри хрупкого здания, да ещё, как выяснилось, в этом цехе бессовестно нарушались элементарные правила техники безопасности. В общем, добраться до шлюза, выйти на поверхность, связаться с Управлением — всё это могли сделать только рыцари Десницы. До шлюза они добрались, но в результате следующего взрыва наружный люк заклинило, и выбраться в образовавшуюся щель получилось бы только у крысы, да вот ещё, у самого некрупного пилота во всём ордене.

«Всё-таки, есть польза с недомерков»...

...Лукас не сразу понял, что замолчал. Вернулся к действительности, только когда Луиза провела рукой по его лицу.

— Бедный мой, бедный, — сказала она тихо. — А в кино рыцари никогда не плачут. Ты его любил, да?

— Да, — Лукас поморщился. — Нет. Это не то, что рассказывают об ордене миряне...

— Я поняла, — она кивнула, — любовь бывает разная. У меня тоже есть брат, я знаю, как это.

— Спасибо, — он отвернулся и вытёр слезы.

Было стыдно. Очень. И очень больно. И то и другое следовало оставить за скобками, потому что Джереми умирает, кричит, умоляя о смерти, и нужно подарить ему покой. А чтобы это случилось, необходимо решить множество проблем. Прямо сейчас.

Так себе медитация, но за неимением лучшего, сойдёт.

— Тебя я нашёл в соседнем здании, — спокойно продолжил Лукас.

То, что Луиза умудрилась перепутать капсулу, в которой она лежала, с витакамерой, можно было объяснить только последствиями амнезии. Там всего сходства — прозрачный колпак, через который можно наблюдать за пациентом. И уж, конечно, к витакамере незачем подключать такое количество приборов, что для их размещения потребовался целый зал.

Однако окончательно он убедился в том, что с Луизой что-то не так, когда подслушивал переговоры спасателей с Управлением. «Объект номер двенадцать», не майор Беляева, а «объект». И с объектом священник.

Священник... жаль

После этого их и направили к четырнадцатому причалу. Лукас предполагал, что там была организована достойная встреча, что-нибудь вроде неудачной попытки пришвартоваться, с последующей катастрофой. В конце концов, нусуром больше, нусуром меньше — Радун не обеднеет. Трое спасателей тоже невелика потеря. Ну, а майору Беляевой устроили бы, наверное, торжественные похороны. Или нет?

Объект номер двенадцать.

— Я не понимаю, — сказала Луиза. — Я ничего не помню, такого... настораживающего. Правда, как я оказалась в той лаборатории я тоже не помню.

— Полагаю, именно тебя они и не успели спрятать. Если бы я не посадил матван в тот склад, у Управления было бы время на то, чтобы решить проблему. Куда-то же делись остальные одиннадцать человек. Как минимум, одиннадцать.

— Объектов, — зло поправила Луиза.

— Нет. Ты — человек, и те, другие, тоже люди. Даже псионики — люди. Но я представить себе не могу, что же за исследования проводили на Акму, если для того, чтобы сохранить их в тайне, Радун пошёл на убийство священников. Генетика? Но Союз Маркграфов совершенно законно занимается генетическими исследованиями. И зачем нужно

было проделывать это с тобой, когда к их услугам все рабские рынки Империи?

— Не все исследования разрешены, — напомнила Луиза, подумав, — насколько я знаю процедуру, сначала следует послать в имперскую канцелярию запрос, сопровождаемый докладной запиской по теме предстоящих работ, а уж потом, получив высочайшее одобрение, можно приступать к делу. Я тебе честно скажу, преподобный, на Акму процедурой пренебрегают в двух случаях из десяти.

— Догадываюсь, — хмыкнул Лукас, — и не только на Акму. Маркграфы, вообще, склонны к излишней самостоятельности. Однако использовать в исследованиях подданных Империи — это даже для них перебор. Собственно, мои мысли на этом и заканчиваются. Я ещё в нусуре решил, что если Болдин проявит к тебе повышенный интерес, значит отдавать тебя нельзя. Ну, а дальнейшие события, как ты помнишь, подтвердили, что интерес наместника перешёл все границы.

— Я помню, — Луиза нервно поёжилась.

Вспомнила она, видимо, то же самое, что и Лукас. Как тяжёлый резак медленно плавил замок на дверях их номера. Да-а... Вот так, сходу, и не сообразишь, когда же в последний раз нарушалась недвусмысленно высказанная воля служителя церкви. Это если не говорить о пиратах. Те без колебаний убивают рыцарей Десницы. Но пираты вне закона, они подданные другого государства, и даже они, надо заметить, не нападают на священников ордена Наставляющих Скрижалей. Последние работают в Вольных Баронствах, наставляя и увещевая тамошнее население. И работа даёт результаты. Пусть и не такие эффектные, как действия ордена Десницы Господней.

И, пожалуй, не такие эффективные.

— Что мы будем делать? — спросила Луиза.

— Доберёмся до ближайшего монастыря, всё подробно доложим, дождёмся визита церцетариев и поступим так, как прикажут. Думаю, что тебя отправят на обследование... — Лукас против воли впился пальцами в подлокотники ложемента. — И когда монахи Шуйцы выяснят, что с тобой сотворили, церцетария вернётся на Акму. Вместе с рыцарями одного из наших монастырей. Радун убил... священников. Сейчас на Акму изо всех сил торопятся имитировать последствия падения метеорита, но я-то знаю, что это была диверсия, а ты — живое доказательство того, что маркграфу было, что скрывать. Даже если они уничтожат все документы, все данные об исследованиях, всех учёных, имеющих отношение к этой работе, ты всё равно останешься.

— Так я — ценный свидетель? — Луиза хмыкнула, — это опасная работа, преподобный отец.

— Знаю. Я буду тебя защищать.

...Вот такой он, рыцарь-пилот Лукас фон Нарбэ. Герой... Жертва пропаганды и рекламы.

Его слова, сказанные, как нечто само собой разумеющееся, Луиза вспоминала к месту и не к месту. «Я буду тебя защищать». Её не нужно было защищать, она сама всю жизнь кого-нибудь защищала. В школе — братика. В училище — первокурсников. На службе — подчинённых. Ей никто и никогда не говорил таких слов... А, как, оказывается, приятно, услышать от кого-нибудь «я буду тебя защищать». Ладно, не от кого-нибудь, а от рыцаря Десницы. Кому-нибудь, Луиза бы не поверила. Придумать же надо: защищать майора Беляеву. Смешно до икоты. Но над священниками не смеются, а они, в свою очередь, не разбрасываются словами. Ах-ах, какие все благородные...

Ладно, она завидовала, и в этом не стыдно признаться. Ей бы такую уверенность в том, что всё разрешится наилучшим образом. Ей бы такую уверенность в начальстве, заешь его иччи. Чтобы быть уверенной в начальстве, милочка, нужно связать жизнь с церковью. Такие уж сволочные в Империи обстоятельства, что все приличные люди давно подались в священники. У них выбора нет. Если не хочешь ежедневно мараться в дерьме, причём, в собственном, если не хочешь грызть глотку ближнему своему, если хочешь, мать твою так,

хоть что-нибудь сделать полезное, и при этом — по-честному, тебе, кроме церкви податься некуда.

Луиза впервые в жизни оказалась под опекой церкви. И с большим недоверием прислушивалась к ощущениям. В последние дни её всё чаще появлялась уверенность в том, что о ней позаботятся. Не в том даже дело, что «всё будет хорошо», или ещё какая ерунда из того же списка, а просто — позаботятся. Потому что, это же церковь. Священники никогда не отказывают в помощи. Нужно только попросить. Она, правда, не просила, Лукас сам её нашёл. Вообще, опасное чувство, подталкивающее к тому, чтобы сесть, сложа руки, и ничего не делать.

Ничегошеньки.

Предоставить свою судьбу рыцарю-пилоту фон Нарбэ, а дальше — церцетарии.

Первый пункт она выполняла от и до, и здесь от её желаний ничего не зависело. А если бы и зависело, вверить себя Лукасу оказалось неожиданно приятно. По пункту второму, то есть, по церцетарии вопросов тоже не возникало. Священники из ордена Всевидящих Очей были справедливы, мудры, и, говорят, ужасно въедливы. Ну, правильно, это ж не просто орден, а служба разведки и контрразведки, а заодно и надзора за тем, как выполняются законы Империи. Луиза законов не нарушала, в смысле, по-крупному, и церцетариев не опасалась совершенно.

В кои-то веки межзвездное путешествие казалось ей приятнейшим времяпровождением! Ага, слухи не врут, присутствие рыцаря Десницы, действительно скрадывает все тяготы пути через «подвал». Впрочем, Луиза не слишком расслаблялась. Не то, чтобы могла что-то сделать, случись вдруг неприятности на борту, а просто по инерции. К сожалению, того, что неприятностей не будет, Лукас гарантировать не мог.

Конечно. Космос есть космос. Его можно любить, если быть больным на всю голову, как один рыцарь-пилот, но гораздо разумнее опасаться пустоты за бортом. Особенно пустоты «подвала».

Лукас, впрочем, несмотря ни на что, казался совершенно счастливым. И Луиза подозревала, что причина этому не её персона, а маркграфский корабль. Она помнила, что сказал Лукас, увидев «Хикари».

После невразумительных междометий, естественно.

Он, вроде бы, даже молился, благодарил Господа за то, что сподобился увидеть такое чудо, как звездолёт его милости маркграфа Радуна. Ну-ну... Увидел, и сразу угнал. Вот это по-рыцарски! Правильно, что на неё смотреть, что ли, на «Хикари» эту?

Приложив минимум усилий, Луиза разговорила Боба Эффинда. Он, в общем, и сам рвался хоть с кем-нибудь обсудить ситуацию. Но Лукаса боялся до смерти. Луиза изложила Бобу планы на будущее, опустив, разумеется, лишние подробности, а там уж он сам вывел её на разговор о рыцаре-пилоте, которого, оказывается, знает весь обитаемый космос. Правда, только космос и знает, то есть, те, кто летает, а не сидит, как нормальный, на планетах.

Луизу немало повеселила вера Боба в то, что в упомянутом сериале "Рыцарь Десницы", всё было правдой, от первого до последнего кадра. Как и в фильмах, по которым сериал снимался. Правдой, вроде той, которую Луиза изложила Бобу касательно их ближайших планов. То есть, что-то сказано, а большая часть опущена. Да, героя там звали не Лукас, а Мартин, Мартин Лилль. И Боб считал, что это — единственное серьёзное отступление от правды, допущенное режиссёрами.

— Чего ж ты хочешь? — волновался он, — это же кино, а тут живой человек. Невозможно же при жизни... это всё равно, что мишень на нем нарисовать. Назвали по-другому, ясное дело. Ты знаешь, что означает Лилль? Маленький. Это с одного терранского языка перевод. А знаешь, что после этих фильмов про фон Нарбэ думают? Что в нём два метра росту. Потому что в кино как раз такой амбал играет. И что? Отец Лукас хуже стал, что ли, от того, что он на полметра ниже?

— На тридцать восемь сантиметров, — деликатно поправила Луиза. Почему-то ей это

уточнение показалось важным.

Боб только отмахнулся. С его ростом, плюс-минус десять значения не имели.

В фильмотеке «Хикари» Луиза без удивления обнаружила все до единого фильма о Мартине Лилле, в том числе и сериал, и несколько картин, названия которых были ей незнакомы. Интересно, как Лукас себя чувствует, на одном корабле с фанатом? Неуютно, наверное, иначе, зачем ему от Боба по углам прятаться? А он ведь прячется, хоть и делает вид, что занят страшно, и ему не до общения.

А Боб рассказывал о Лукасе с жаром проповедника, которому повезло встретить благодарного слушателя. Луиза для приличия делала вид, что верит, и мысленно аплодировала мастерам имперской пропаганды. О том, что священники — особенные люди, знали все подданные его императорского величества, но не настолько уж они особенные, чтобы верить всему, что показывают в кино, правда? Боб верил. Луиза вспоминала, как Лукас вёл её к порту Акму, и иногда задумывалась, а где, собственно, заканчивается правда и начинается преувеличение?

— Но ты же не хочешь сказать, что это тоже правда? — не выдержала она, когда Боб однажды зарядил в проигрыватель очередной фильм. — Так не бывает.

— Бывает, — меланхолично ответил Эффинд.

— Слушай, — Луиза почти рассердилась, — у тебя своя голова на плечах есть? Это кино! И те другие фильмы тоже всего лишь кино, сценарист придумал, режиссёр снял, или как там у них. Придумать можно всё что угодно, но ты-то отделяй хоть немножко реальность от фантастики. Фильмы не для того снимают, чтобы в них верили, а для развлечения. Пропаганда, знаешь? Слово такое.

— Вот это, — Боб остановил просмотр, — фильм про захват аскара «Кавказ». И я знаю, что здесь многое не так, как на самом деле. Но мне достаточно того, что отец Лукас действительно взял «Кавказ» на абордаж. Это правда. Там, в трюмах, было пятьсот человек пленников. И они потом не молчали, — Боб выключил проигрыватель. — Лукас фон Нарбэ и Джереми Бёрк вдвоём захватили аскара, на котором было сто человек экипажа. Бёрк — это... друг отца Лукаса. Близкий друг. Ну, ты понимаешь. Знаешь ведь о рыцарях Десницы.

— Джереми Бёрк погиб, — неожиданно для самой себя, сказала Луиза.

— Когда? — тупо спросил Эффинд.

— Когда мы захватили «Хикари». В тот же день, несколькими часами раньше. Они были на Акму, Лукас и отец Бёрк, сопровождали инспекцию ордена Всевидящих Очей.

— Его убили? — голос Боба стал каким-то мёртвым.

— Я не знаю, — Луиза спохватилась, и сбавила обороты: — его не убили, ты что, он же священник. Просто был взрыв, и один из цехов обрушился. Лукас сумел выбраться, а к остальным помощь опоздала.

— Не может быть. Отец Лукас не дал бы Бёрку умереть, если он сам сумел спастись, он бы... не знаю, он спас бы всех. Нет. Не знаю, — Боб мотнул головой. — Джереми Бёрк погиб на планете? Это... это неправильно. И я тебе не верю насчёт этого взрыва. Вы ворвались на «Хикари», как будто за вами гналась вся дружина Радуна. Священников тоже убивают, Луиза, и даже Лукаса фон Нарбэ могут убить. Пойдём, покажу кое-что.

...Боб привёл её в рубку. Лукаса там не было, хотя обычно большую часть времени он проводил именно здесь, окутанный переливающейся сферой. Сейчас голографический шар висел под потолком, «Хикари», наверное, шла на автопилоте — есть же у неё автопилот, правильно? а Лукас, видимо, ушёл в медотсек за очередной порцией лекарств. Ну и, слава Богу. Потому что он бы наверняка поинтересовался, за каким чусром Луизу принесло в рубку. Она за это время ни разу не проявила интереса к управлению звездолетом, так что визит сюда действительно мог вызвать удивление.

— Я — личный пилот маркграфа Радуна, — сообщил Боб, и Луиза повернулась к нему, — и я очень дорого стою, гораздо дороже, чем большинство других пилотов. Вот из-за этого, — он приподнял чёлку, продемонстрировав матовую поверхность двух имплантантов,

похожих на начавшие прорезаться рожки. — Нас таких не больше сотни на всю империю. Это БД-имплантанты, они позволяют управлять космическими кораблями бесконтактным способом. Я не умею объяснять, так, чтобы человек без специального образования что-то понял... короче, мы можем подключаться к корабельным компьютерам напрямую, что сильно облегчает процесс управления. Как пилоты мы на голову выше тех, у кого нет БД.

Боб протянул руку, и голографическая сфера послушно скользнула к нему в ладонь.

— «Хикари», — сказал Боб, — почти уникальный корабль. У неё есть сестра, под названием «Хаэру», она принадлежит одному из принцев империи Нихон. Собственно, «Хикари» тоже нихонская разработка, Радун получил её в подарок за какие-то там заслуги, не знаю, за какие именно. В общем, эти две сестрички созданы *только* для бесконтактного пилотирования. Только для БД-пилотов. У отца Лукаса имплантантов нет.

— Интересно, — хмыкнула Луиза, машинально прикидывая, сколько же могут стоить «рожки» Боба. Тот, кто живёт на Акму, волей неволей начинает понимать в таких вещах. Сумма получилась внушительная. Очень. Луиза бы заработала столько лет за пятнадцать, если бы не тратила ни мона из зарплаты. — Имплантантов у Лукаса нет, и как же он тогда управляет «Хикари»? По твоим словам выходит, что мы всё ещё на втором причале космопорта.

— По моим словам выходит, что отец Лукас необыкновенный человек, — с досадой сказал Боб. — Ты никак понять не можешь. На его личном счёту три уничтоженных вирунга. На личном — это означает, что он уничтожил корабли без посторонней помощи. Я тебе больше скажу, он сделал это на «Осе».

— Да ладно, — машинально брякнула Луиза. Вирунги она себе представляла только по фильмам. Зато «Осу» видела, так сказать, живьём. На том самом складе, где стояли матван и четыре рыцарские гафлы. «Оса» против вирунга...? Здесь воображение отказывало. — Так не бывает.

— Однажды он в течение двадцати трех минут сковывал боем вендар. К моменту подхода основных сил монастыря, от его райбуна осталась, по сути, только кабина и одна носовая пушка с боезапасом на три выстрела. На третий год службы Лукаса фон Нарбэ в ордене Десницы, совет Вольных Баронов оценил его голову в стоимость полностью оснащённого райбуна, — Боб отпустил сферу, и проводил взлетевший к потолку шарик задумчивым взглядом. — Это такие деньги, которые мы с тобой даже представить себе не сможем, но с тех пор ставки выросли. Теперь за голову отца Лукаса обещают выплатить стоимость вирунга. А за него живого — цену трёх райбунов. Он служит в ордене всего одиннадцать лет, ты можешь себе представить, как он умудрился достать пиратов за это время, и что будет дальше? Ему нельзя появляться в местах вроде Акму, ему вообще нигде нельзя появляться в одиночку, слишком велик соблазн даже для таких богатых людей, как дворяне. А он даже не считает нужным скрывать своё имя. Он — легенда, Луиза. И то, что ты называешь пропагандой, на самом деле лишь отголосок того, что рассказывают о Лукасе фон Нарбэ среди тех, кто живёт в пространстве. Все эти фильмы... — Боб хмыкнул, — очень хорошо, что Мартин Лилль нисколько не похож на отца Лукаса. Ты поняла хоть что-нибудь из того, что я рассказал?

— Я не знаю, что такое райбун, — буркнула Луиза.

Не так уж и соврала, кстати. Малые корабли она представляла себе ещё более смутно, чем вирунги. И ей очень не понравилось то, что Боб говорил о цене, назначенной за Лукаса. Маркграф Радун мог продать её рыцаря пиратам... Луиза не отличалась чувствительностью, но у неё было достаточно воображения, чтобы поспешно прогнать из головы все мысли на эту тему. Нет уж. Если хотя бы половина легенд о Лукасе фон Нарбэ — правда, то с того момента, как они покинули Акму Лукас в безопасности. Ничего ему не сделается, пока он в пространстве. А заодно в безопасности и Луиза. Что тоже приятно. Хотя и странно думать, что в космосе может быть безопаснее, чем на планете.

Глава 5

«те и другие вступили в бой — одни, при доблести своей, имея залогом успеха и победы прибежище к Господу, другие — поставляя предводителем брани ярость».
Вторая книга Маккавейская (15:17)

Она была... Слов таких нет, чтобы описать, какая она была. Прекрасная, нежная, чуткая, отзывчивая, порой капризная, но только оттого, что требовала к себе особенного отношения. Она имела на это полное право. Ещё она была весёлая, ласковая, насмешливая, непредсказуемая, высокомерная, нереально красивая. Быть с ней — испытание, восхитительное и нелёгкое. Каждый раз, как впервые. Каждый раз — счастье. Это так походило на любовь, что Лукас спрашивал себя, неужели он действительно влюбился? Если так, что ж, он выбрал единственную, достойную любви. А она... она сразу сказала, что он любит взаимно.

Её имя ласкало слух. Хикари — сияние, мерцающий луч, яркое свечение звёзд в бесконечной пустоте. Хикари — слава, сила, величие. Да, она была как свет. И она была сильна и величественна. Но можно ли влюбиться в звездолет? Не в том даже дело, что «Хикари» — не человек, вообще не живое существо, в том, что она — чужая.

Разве это не то же самое, что полюбить чужую женщину?

Лукас не знал ответа. Просто понимал, что любит, и знал, что любим. Знал, что никто никогда не относился к «Хикари» так, как он. Даже Эффинд, её пилот, восхищаясь своим кораблём, всегда помнил о том, что это всего лишь корабль. Пусть уникальное, но всё же творение человеческого разума и человеческих рук.

«Хикари» была неповторима, но Эффинд не хуже Лукаса знал, что любой космический корабль неповторим, даже межпланетный челнок, даже скорлупки, способные только выходить на орбиту и возвращаться обратно на поверхность. Слишком сложны они, чтобы можно было создавать точные копии.

Чего Эффинд не знал, и в чём Лукас убеждался день ото дня всё больше, так это в том, что неповторимость «Хикари» иная. Она обладала душой, эта красавица, дивная как свет и сильная, как воин. Она обладала душой, которая пробуждалась, и этого не могло быть. Любой житель пространства скажет вам, что у кораблей есть душа, не бессмертная, конечно, не такая как у людей, но всё-таки, есть. Лукас и сам прекрасно знал, что если не душа, то уж, во всяком случае, характер есть у каждого корабля. Но «Хикари»... с ней всё было иначе. Она как будто не жила, пока Лукас не вошёл в унтэн-сферу. Она как будто не знала, для чего существует. Она представления не имела о том, на что способна.

Как девочка, которой всю жизнь твердили, что она некрасива, выросшая в замечательную красавицу, и не рискующая поверить в правду.

Лукас умел убеждать, что-что, а это он умел почти так же хорошо, как летать. И Лукасу «Хикари» поверила сразу.

Сумасшедший? Да, нет. Любой пилот влюблён в свой корабль, неважно, пилотирует он злой, ядовитый райбун, грозный и угрюмый вендар, бесшабашный аскар, да что угодно. Даже гафлы, чья жизнь коротка, и чью гибель никто не оплакивает, даже они заслуживают любви. Маленькие солдаты бесконечной войны.

Любой пилот влюблён в свой корабль.

«Хикари» принадлежала не Лукасу, а маркграфу Юлию Радуну. Но она не желала с этим считаться, а Лукас... ну, что сказать? «Хикари» тоже умела убеждать.

Он был бы счастлив, как только может быть счастлив тот, кто любит и любим, если бы не Луиза. Её раны не спешили заживать, и хотя Луиза уверяла, что они не причиняют беспокойства, Лукас ей не верил. Луиза говорила правду, она действительно не беспокоилась. Но Лукас, всю жизнь проживший в стерильной атмосфере монастыря, был наделён обострённым чутьём. Пространство только кажется пустым, любое нарушение стерильности может стать смертельно опасным, и у многих братьев ордена Десницы было

это странное чутьё — на любую грязь, на малейшую пылинку, на самые незначительные изменения вокруг. Лукас знал: с Луизой происходит что-то плохое. Потому что появился... запах. Пока что едва уловимый, запах на самой грани обоняния и шестого чувства, названия которому нет.

Лукасу доводилось видеть так называемые «натуральные» продукты, жуткий пережиток древних времён — еда, сделанная из живых существ и выросших в земле растений. А однажды Джереми вытащил его в отпуск на планету — свою родную планету — и уговорил-таки пойти с ним в ресторан, где люди ели «натуральную» пищу. Там, разумеется, подавали и нормальную еду, иначе Джереми не заволок бы туда Лукаса и на буксире, но в любом случае, дальше порога они не пошли. Потому что ещё в дверях отважному рыцарю-пилоту фон Нарбэ стало плохо от тошнотворного запаха. Зловоние мешалось с ароматами кухни, образуя густую смесь, казалось, липнущую к коже, оставляющую на одежде жирные потёки грязи.

Лукас полагал, что не забудет эту вонь до конца жизни. За шесть лет, во всяком случае, не забыл.

Потом он выяснил, что зловоние исходило от рыб. Таких специфических животных, с холодной кровью и скользкой кожей, обитающих в воде. Лукас в жизни не видел ни одной рыбы, и полагал, что они крайне неприятные создания. А в том ресторане пахли *мёртвые* рыбы, некоторое время пролежавшие в тёплом месте.

Посетители, видимо, не чуяли этого запаха. Джереми, как оказалось, тоже. Он потом очень веселился, однако взял на себя труд объяснить, что подпорченная рыба используется в приготовлении каких-то особых и страшно дорогих блюд. Лукасу обычно было наплевать на привычки планетников, но это извращение его потрясло.

И теперь он чувствовал, что от Луизы начинает пахнуть чем-то, напоминающим запах тех рыб. Чем-то мёртвым, и давно лежащим в тепле. Это был плохой запах, не только потому, что он уже сейчас вызывал тошноту, но и потому, что на космическом корабле не должно быть ничего, пахнущего так... неправильно.

Лукас боялся за Луизу. И скрывал свой страх. Он с ужасом ждал того дня, когда запах станет отчётливым, когда Луиза сама сможет его почуять. И каждый день молился о том, чтобы с женщиной, которую он обещал защищать, не случилось ничего плохого.

Сигнал «SOS» они поймали, когда собрались в кают-компании за ужином. Луиза за неделю пути успела влюбиться в камбуз «Хикари», и в здешние кладовые. Готовить ей всегда нравилось, только возможность такая представлялась довольно редко. Честное слово, когда командуешь тремя сотнями мирских пехотинцев, никак не получается выкроить время на то, чтобы самостоятельно сварганить что-нибудь вкусненькое. К тому же, на Акму натуральные продукты мог себе позволить только наместник Болдин. А на «Хикари» кладовые под завязку были забиты деликатесами, и заняться было особо нечем, так что Луиза позволяла себе самые смелые и трудоёмкие кулинарные эксперименты.

От результатов которых Лукас неизменно воротил нос, предпочитая синтетическую пищу.

Это было так странно, что Луиза даже поинтересовалась, не принёс ли преподобный отец какой-нибудь дурацкий обет, отказавшись от употребления натуральных продуктов? Оказалось, нет, никакого обета Лукас не приносил, просто ел то, к чему привык. Ну и пусть его, мало ли какие у людей бывают странности. Трапезу он благословлял, а большего от священника и не требуется, верно?

В общем, они как раз сидели за столом, когда Лукаса вдруг словно подбросило. Он, прихрамывая, направился к дверям. Луиза ничего не поняла. А Боб отложил вилку и тоже встал:

— Кто-то вышел на связь... кажется, — он потёр имплантаты. — Мне всё труднее входить в удалённый контакт с системами. Если бы доступ к компьютерам можно было ограничить, я бы решил, что отец Лукас так и сделал. Пойду в рубку.

— И я, — вскочила Луиза.

Кто-то вышел на связь. Это же целое событие!

Лукас встретил их на полпути к рубке.

— Танга «Маргарита» запрашивает помощь. Пострадали от нападения пиратов, экипаж нужно эвакуировать. Боб, бери управление на себя. Луиза, нам в оружейную.

— Благословите, ваше преподобие, — попросил пилот.

— Господь, да благословит тебя, дитя.

Эффинд кивнул и почти побежал в рубку.

— Зачем нам в оружейную, — спросила Луиза, догоняя Лукаса. Угнаться за ним было непросто. Преподобный отец, как в первый день пребывания на «Хикари», нёсся по коридорам, особым образом перехватываясь за стены. Хромой, называется!

И, кстати, здесь не стены, а переборки. Не пол, а палуба. Причём, в зависимости от ситуации, они меняются местами. Нет уж, жить в космосе — ещё то удовольствие.

Луиза пыталась освоить эту науку, и Лукас даже показал ей, за что нужно держаться, и как отталкиваться. Оказывается, в стены... в переборки были вделаны специальные упоры, на тот случай, если на «Хикари» отключат искусственную гравитацию. Лучше бы отключать её не пришлось. Потому что научиться, не глядя, попадать пальцами в едва заметные выемки за неделю невозможно. Тут не меньше полугода надо тренироваться.

— Затем, что это, скорее всего, ловушка, — спокойно ответил Лукас.

Луизе показалось, что люк оружейной камеры открылся раньше, чем он нажал на кнопку.

— То есть? — она напрямик направилась к стойке с тяжёлой бронёй, — какая ловушка?

— Обычная, — Лукас броню проигнорировал. Конечно! Доспехи можно подогнать под разные размеры, но на таких маленьких парней они всё равно не рассчитаны. — Пираты часто прибегают к этой уловке. Полагаю, что и наш случай — не исключение.

— И-и... что? — Луиза почувствовала себя по-идиотски. — Мы всё равно туда пойдём?

— Мы уже туда идём, — Лукас повесил на пояс «Аргер». Пристегнул к бёдрам ножны с монокристаллическими ножами. — Это закон, Луиза. В пространстве не отказывают тому, кто просит о помощи.

— Даже если это пираты?

— Мы не можем знать точно, пираты это или нет. Если люди начнут игнорировать сигнал «SOS», опасаясь нападения... я даже не знаю, что тогда будет. Такое просто невозможно.

Идиотский закон.

— А проверить это как-нибудь можно?

— Разумеется, — Лукас улыбнулся, — мы состыкуемся, они поднимутся на борт, и сразу станет ясно, пираты это или нет.

— Отличный способ! — Луиза торопилась справиться с креплениями брони. — Это так по-рыцарски.

— Это по-человечески. Готова? Держись в стороне, если что — убивай.

— Правда, что ли? — не удержалась она, — можно убивать?

— Нужно, — неожиданно резко ответил Лукас. — Пираты — не люди. Всё. Идем.

* * *

Что происходило снаружи она, разумеется, не видела. Повод понервничать, между прочим. Однако Лукас спокойно стоял у люка, ведущего во входной шлюз, он прислонился плечами к стене, и для завершённости картины полного безразличия не хватало только длинной сигареты в зубах.

Луиза уже видела, как преподобный отец включается в боевой режим, так что

расслабленность позы не вводила её в заблуждение. Но сама она была напряжена, и злилась. Напрягаться нельзя: это снижает скорость реакции.

— Давление в норме, — сказал Лукас, — открываю шлюз.

Створки люка разъехались в стороны, Луиза увидела короткий тоннель, соединивший шлюзы двух кораблей. В тоннель по трое входили люди в скафандрах и броне.

Вооружённые люди!

— Это ещё ни о чём не говорит, — Лукас, как будто прочитал её мысли, — не только пираты носят оружие.

...Стрельба началась сразу, едва первая тройка вошла в шлюз «Хикари».

— Эффинд! — рявкнул Лукас, дав короткую очередь из «Аргера», — отстрелить стыковочный аппарат!

Луиза выстрелила поверх его головы, и они одновременно, кувырком, перекатились в сторону, уходя от выстрелов противника. На полу образовались два широких, обгорелых пятна.

На палубе, пошло оно все к убырам! Это долбанный корабль, здесь долбаная палуба, а не пол. Переборки, а не стены. Долбанные. И ни одна скотина не додумалась установить перед входным люком хотя бы один долбанный станковый пульсатор!

Один из пиратов свалился, едва не сбив с ног второго. Третий подхватил падающее тело, прикрылся им и открыл ураганный огонь, не позволяя Луизе даже высунуться из-за укрытия штормового коридора.

Лукас взлетел в воздух, кажется, пробежал по потолку. Выстрелил поверх трупа. Через мгновение оказался рядом с Луизой, коротко выдохнув:

— ...Люки заклинило.

И исчез.

Стрельба ненадолго стихла. Луиза кувыркнулась вперёд, к укрытию напротив, успев по дороге расстрелять треть обоймы. Кажется, даже попала в кого-то. Но по стыковочному тоннелю валила на «Хикари» такая толпа, что одним больше, одним меньше не имело значения.

— Ничего, — оскалился Лукас, и швырнул в шлюз гранату, чудом успев отшатнуться от длинной очереди, — Бог не выдаст.

Луиза видела, что крепления хирургического корректора слегка перекосились, деформируя надетый поверх них ботинок. Медицинская техника не рассчитана на боевые условия.

Следующую гранату бросила она.

И понеслось. Вверх. Вниз. В сторону. К ближайшему укрытию, причём так, чтобы враг не угадал траекторию движения. Выстрелить навскидку. Бросить гранату. Откатиться. Упасть.

«Господи, спаси!»

С двух рук — в баррикаду из тел. Лукас опять стреляет откуда-то сверху, не позволяя врагу приподнять голову. Человек-паук, мать его! В какой-то миг он валится на Луизу чуть не с потолка, прижимает к полу, их обоих вбивает в стену взрывной волной. И Луиза, матерясь, благодарит Бога за то, что на кораблях не используют осколочных гранат. Материт она Лукаса. Убырский сын, он не должен был прикрывать её от взрыва! У него лёгкий скафандр...

И они не могут удержать шлюз. Не могут — вдвоём. Никто бы не смог. Они отступают, враг уже в коридорах «Хикари», и Лукас бормочет молитву, зрачки в фиолетовых глазах широкие от боли.

— ...прости нам грехи наши. Аминь. Луиза, прикрой меня.

Она не успевает спросить, что он задумал. В руках у Лукаса взблескивают ножи.

Тонкие лезвия выскальзывают из подошв ботинок. Как змеиное жало: показалось, спряталось. А через миг его уже нет рядом. И Луиза открывает огонь, не целясь, не боясь зацепить в рыцаря. Попадать во врагов куда проще, чем в маленькую, облитую синим и золотым вёрткую фигурку.

Врукопашную.

Сумасшедший? Святой?

Живая, мать его, легенда.

Убийственный смерч пронёсся по коридору, золото и кобальт засверкали в шлюзовой камере. С ножами против тяжёлой брони? Запросто. От этих клинков защищают только силовые поля. Но скафандр Лукаса, он-то не защищает вообще ни от чего.

Луиза стреляла, перезаряжала и стреляла снова. По головам. Поверх голов. Куда придётся, лишь бы только не опустить прицел слишком низко. И не поднять слишком высоко, когда золото бьёт по глазам откуда-то сверху. Она сунула в «Аргер» предпоследнюю обойму, когда поняла, что штурм... отбит? приостановлен? Когда поняла, что стрелять больше не в кого.

Пока — не в кого.

— Пат, — с безумным смешком выдохнул Лукас.

— С-сколько? — пробормотала Луиза. На то, чтобы развернуть вопрос сил не осталось.

Впрочем, преподобный понял:

— Девять.

— Охренеть.

Он кивнул. И заговорил снова. Теперь голос его разносился и по коридору, и по стыковочному тоннелю. Уверенный, серьёзный голос:

— У вас есть выбор, сахе: вы можете потерять здесь ещё десятка полтора человек, а можете убратся живыми. Второе гораздо проще, достаточно дать нам возможность сложить стыковочный аппарат.

— Иди на... ублюдок! — невежливо ответили с той стороны.

— Мы бы пошли, — усмехнулся Лукас, — да вы не пускаете.

— А ты сдавайся, преподобный, — голос стал вежливее, — сдашь нам корабль — уйдёшь живым. Выйдем из «подвала», выдадим тебе челнок и отпустим благословясь. Со всем экипажем.

— Не пойдёт, — ответил Лукас. — Корабль не отдам. Лучше я убью побольше твоих людей, капитан. К тому же, у тебя всё равно нет человека, способного пилотировать «Хикари».

Со стороны тоннеля в ответ озадаченно промолчали.

— Унтэн-сфера, — объяснил Лукас, убедившись в том, что молчат вопросительно, — бесконтактное управление.

— У тебя есть БД-пилот? Не трынди, святоша!

— У меня есть БД-пилот, — холодно ответил Лукас.

Капитан «Маргариты» молчал. Довольно долго. На самом деле, он, конечно же, вёл в это время переговоры со своими лейтенантами, отключив громкую связь. Лукас терпеливо ждал. Он знал, сколько стоит Боб Эффинд. И знал, что обязан живым добраться до монастыря, и доставить туда Луизу. Джереми не найдёт покоя, пока Радун и Болдин не заплатят за его смерть.

Совесть? А что это? Что-то такое незначительное, в сравнении с любовью.

О том, чтобы отдать пиратам «Хикари» и речи быть не могло. Лукас вообще не представлял, как можно отдать её кому-то, кроме ордена Десницы.

Он ждал. И, наконец, с «Маргариты» вновь подали голос:

— Я так понимаю, ты готов продать своего пилота в обмен на корабль и свою жизнь?

— Ты правильно понимаешь.

— А что мешает мне захватить и пилота и корабль?

— Я, — сказал Лукас. — Клянусь тебе, что, когда вы войдёте на «Хикари», я убью его сам.

— Темнишь, святоша! Нахрена тебе корабль с унтэн-сферой, без БД-пилота?

— С твоего позволения, капитан, я повторяю, — сказал Лукас, — у тебя небогатый выбор: уйти живым, или потерять своих людей, попытаюсь захватить «Хикари». Всё остальное выше твоего разума, поэтому не задавай лишних вопросов.

— Уйти с пилотом, — напомнили с «Маргариты».

— Да.

— Условия?

— Присылай двух человек. Мы будем ждать в шлюзовой камере. И пусть твои люди на обратном пути уберут стопоры с внешнего люка.

Боб, услышав распоряжение явиться в шлюзовую камеру, если и удивился, то вопросов задавать не стал. На двух великанов в тяжёлой броне, стоящих у внешнего люка он взглянул с любопытством. И когда пираты взяли его на прицел, приказав выйти в стыковочный тоннель, лишь недоуменно воззрился на Лукаса.

— Иди, — велел тот.

— Но, ваше преподобие...

— Это единственный способ сберечь твою жизнь, сын мой, — Лукас не соврал ни единым словом, но всё же ему пришлось лишний раз напомнить себе, что с Бобом не сделают ничего плохого. Главное, чтобы Боб не сорвался, не испугался, не решил, что его продали... а ведь его продали! Если сейчас он хотя бы намекнёт на то, с кем связался капитан «Маргариты», о сделке можно будет забыть.

— Отец... Мартин, — странным тоном произнёс Эффинд. — Ваша жизнь вот здесь. — Он показал открытую ладонь, резко сжал кулак. — Вы это запомните, правда?

И шагнул в тоннель.

Пират, шедший последним, убрал заклинившие люк стопоры. Экстренного разрыва стыковки на «Маргарите» не опасались, справедливо полагая, что священник не станет убивать подданного Империи. Продать — это запросто. А оставить без скафандра в открытом космосе — ни за что.

— Держи вход под прицелом, — приказал Лукас Луизе. И выдержал её взгляд, не дрогнув. Она не понимает... и вряд ли поймёт. У неё есть брат, но Луиза никогда не слышала *господи-господи-господи...*

надрывного крика из-под камней.

К тому же, обещания надо выполнять, а Лукас обещал, что будет защищать её.

* * *

— Ты мог бы отдать «Хикари», — сказала она, как только сфера всплыла к потолку, сжимаясь до обычных размеров.

— Мог, — согласился Лукас, — но они убили бы нас при первой же возможности. Шанс уцелеть был только у Эффинда. С ним ничего не случится: живой Боб стоит денег, мёртвый — не стоит ничего. И Радун в ближайшее время выкупит его у пиратов. Маркграф ревностно относится к своему имуществу, а в Эффинда он вложил достаточно денег, чтобы отнести к имуществу и его тоже.

— Ты стоишь гораздо больше, чем Боб. Если бы он тебя сдал, думаю, на радостях пираты пощадили бы всех. Скажешь, нет?

— Я вижу, Эффинд успел просветить тебя относительно моей персоны, — Лукас, поморщившись, встал из кресла. — А он не сказал тебе, случайно, что я не герой? К БД-пилоту никто и пальцем не прикоснётся, опасаясь его повредить... я сам, когда мы угоняли «Хикари», ударил Боба, только потому, что не сообразил насчёт имплантантов.

Он пошёл к выходу из рубки. Возле люка остановился, дожидаясь пока Луиза

соизволит встать из кресла и покинуть святая святых корабля. Только потом направился в медотсек. Да, привычный маршрут. Хочется верить, что хирургический корректор не получил в бою необратимых повреждений. А то придётся его преподобию лечиться заново.

На «Хикари» две каюты из четырех были оборудованы душевыми, не ионными, а настоящими — с водой. И Луиза долго стояла под горячими струями, смывая усталость и напряжение. Возбуждение боя давно прошло, злость и недоумение тоже отступили, сейчас было просто... неприятно. Слабость такая, мышцы как будто подрагивают, и под ложечкой сосёт. После драки всегда так. Но редко когда на душе бывает настолько паскудно. Луиза не могла понять, за что же ей стыдно. За то, что сделал Лукас? Или за то, что сказала Лукасу она сама?

Мысль насчёт героя и не-героя она додумала уже в кают-компании, в одиночестве сидя за накрытым к ужину столом.

Три прибора... Чувствуешь себя дурой, когда стол перед тобой накрыт на троих, а ты — одна. Боба пальцем не тронут, так оно и есть. Живой, он стоит денег. А Лукас стоит денег даже мёртвый. Но за него живого заплатят гораздо больше. Тут они с Бобом похожи. Только живой рыцарь, оказавшись в руках пиратов, позавидует мёртвым. Особенно, если этот рыцарь — Мартин Лилль... Лукас фон Нарбэ. Он не герой, это уж точно. Не герой, и не безумец, он кажется и тем и другим, хитрожолая бестия, и он выскользнул из безнадёжной ситуации, как намыленный, сохранив жизнь всему своему экипажу. Кто после этого скажет, что он поступил неправильно?

Луиза помотала головой: да гребись оно конём! Столько подряд думать — занятие для священников, а не для майоров мирской пехоты.

Она уже начала есть, когда снова почувствовала этот запах... Противный, хоть и едва уловимый... как будто пахнет тухлятиной. То ли глюки второй день, то ли в кладовой что-то подпортилось. Надо будет сегодня же проверить, как там припасы.

* * *

Монастырь «Симон де Монфор» выходил на связь регулярно: он уже шёл через «подвал» навстречу «Хикари», и нужно было сверять координаты, на тот случай, если возникнет необходимость корректировать курс. Отец Александр тоже не оставлял Лукаса надолго, нисколько не беспокоясь о том, что «Святому Зигфриду» барражирующему обычное пространство, ежедневные сеансы связи с «подвалом» влетали в изрядные деньги. Если бы не деловые переговоры с братьями на «Монфоре», если бы не вдумчивые беседы с настоятелем, если бы не «Хикари» — Господи, спасибо за то, что она есть! — Лукас, наверное, рехнулся бы за долгие девять недель. Уже хорошо, что девять, а не двенадцать, как предполагалось вначале, когда он ещё не знал, что «Симон де Монфор» пойдёт встречать его.

— Не понимаю, почему я всё ещё могу ходить? — говорила Луиза.

Плоть на её бёдрах, там, куда пришились выстрелы из излучателя, уже сгнила и отваливалась кусками. Но жилы тление пока не затронуло, и, вопреки всем законам анатомии, ноги слушались Луизу по-прежнему. Больно ей тоже не было. Лукас, делая перевязки, заливая страшные раны антибиотиками, стискивал зубы, чувствуя эту несуществующую боль. А Луиза только улыбалась:

— Да ладно тебе, преподобный! Говорю же, ничего не чувствую. Слушай, а если это прижечь, может быть, оно перестанет?

В голосе сквозь насмешку — ужас и отчаянная надежда маленькой девочки на взрослого. На того, кто обещал защищать. А что он может, взрослый, кроме как накладывать повязки, да молиться о том, чтобы Господь избавил свою дочь от пытки?

Что же с ней происходит? Что, Боже мой?! И почему? Чем она виновата, чем заслужила

муки Эхес Ур при жизни?

Запах гниения пропитал, казалось, весь корабль, даже погружаясь в унтэн-сферу, Лукас чувствовал, как зловоние стекает по перламутру силовых полей. Он старался не оставлять Луизу в одиночестве. Но, в отличие от неё, не мог обходиться без сна. И однажды, проснувшись от очередного кошмара, не обнаружил Луизу в каюте.

Она была на камбузе. Сидела на палубе, привалившись спиной к переборке, и горько плакала. Рядом остывала чёрная от жара металлическая лопаточка. Луиза попыталась прижечь свои раны.

Через десять часов, каждая минута которых была как мучительная вечность, плоть сползла с её ног от бёдер до ступней, остались только скользкие ошмётки на костях.

— Идиотка! — рычал Лукас, обматывая эти мокрые кости целыми метрами церапласта, — кретинка! Имей хоть каплю терпения, дура! Уже через несколько дней мы будем на «Монфоре», какого хрена ты делаешь всё, чтобы осложнить работу медикам?!

— Не знаю я! — отругивалась Луиза, — не ори на меня! Я болею, у меня крыша едет, мне, мать твою, нужен уход и забота, а не матюги, тебе ясно?!

Куда уж яснее? Её нужно было обругать, чтобы сказка про медиков оказалась достаточно убедительной. Иногда, нет иного способа укрепить гаснущую веру, кроме крепкого слова, сказанного с правильными интонациями. Сам Лукас в помощь врачам уже не верил. И наорать на него было, к сожалению, некому. Отец Александр, честно сказал, что орден Шуйцы не может сообщить ничего утешительного по поводу его докладов.

— Мне очень жаль, мальчик мой... Я прибуду в монастырь «Монфор», как только смогу. Кого из братьев мне отправить туда немедленно? Кого ты хотел бы видеть?

— Джереми, — вырвалось у Лукаса. Как будто настоятель мог совершить чудо. — Никого, авва, — добавил он поспешно, — думаю, у братьев предостаточно других дел.

Получилось довольно грубо, но отец всё понял правильно.

И это тоже было несправедливо, это бесило, заставляло злиться на самого себя. Вокруг него, Лукаса фон Нарбэ, выплывают всем орденом, ищут слова утешения, пытаются помочь, чем только можно. А беда стряслась не с ним — с Луизой! И Луиза живёт наедине со своим кошмаром, потому что от Лукаса нет никакой пользы, всё, что он может, это ежедневно, ежечасно врать ей, уверяя себя, что эта ложь во благо.

...— Благо не есть добро, — сказала Луиза. — Благо — есть польза, так, Лукас?

— Да, — он менял залитые вонючей слизью простыни. Разложение поднималось всё выше, уже задеты были внутренние органы, и Лукас боялся представить, что именно превратилось в розово-серые сгустки, отделившиеся от тела Луизы за последний час. — Да, благо не есть добро. И Бог — есть благо, если ты об этом.

— Я об этом. Благо может быть как добром, так и злом, людям не дано судить об этом. Дьявол — правая сторона бога. В правой руке обычно держат оружие, правой рукой убивают. Ты — рыцарь ордена Десницы, значит, ты — рыцарь дьявола?

— Можно сказать и так.

— А слева — сердце. Всё, что есть доброго исходит от сердца. Поэтому монахи ордена Шуйцы лечат, а рыцари Десницы убивают.

— Всё правильно, — Лукас застелил койку свежим бельём, в который раз пожалев о том, что в медотсеке не нашлось ничего вроде взрослых подгузников. Луизе было бы гораздо комфортнее... Господи, за что караешь?! Он поднял её, лёгкую-лёгкую, на руки и перенёс на постель. — К чему ты ведёшь?

— К тому, что слева больше бога, чем справа. И монахи Шуйцы наверняка смогут мне помочь, даже когда дело зашло так далеко. Бог ведь любит их больше, чем вас, правда?

— Если Он вообще, кого-то любит, то, без сомнения, орден Шуйцы на первом месте, — улыбнулся Лукас. — Сразу после них проповедники из Наставляющих Скрижалей, а мы с отцами-церцетариями делим почётное последнее место после всех других орденов. Даже самых маленьких и незаметных.

— Сколько их всего?
— Орденов? Тысяча сто.
— Так много...
— Работы хватает для всех.
— Лукас.
— Да?
— Если вдруг, что-то пойдёт не так, ну, мало ли, меня не вылечат или ещё что, ты убьёшь Радуна?
— Я убью его, даже если ты будешь просить для него пощады.
— Не буду, — хмуро сказала Луиза, — когда поправлюсь, я ему глаз на жопу натяну.

* * *

«Симон де Монфор» наплывал медленно, постепенно заполняя собой обзорные экраны. Сегодня Лукас не ограничился унтэн-сферой, позволяющей ему получать информацию напрямую с рецепторов «Хикари». Он включил для Луизы все мониторы, и теперь казалось, что лишь прозрачный тонкий колпак отделяет людей от космоса.

— Это круче, чем в кино, — сообщила Луиза. — Я имею в виду, монастырь. Он гораздо больше, чем я думала. Как планета!

— Шутить? Всего шестьдесят километров в окружности, с планетой даже сравнивать нельзя.

— Всего! Вы, я гляжу, зажрались у себя в ордене.

— Есть немножко, — с удовольствием согласился Лукас.

Следуя указаниям диспетчера, он провёл «Хикари» в просторный ангар. Из интереса засёк время. Госпитальная команда попросила разрешения подняться на борт меньше чем через минуту. Оперативно работают парни. Молодцы.

Хм-м... насчёт парней он явно поторопился. Эпидемиологические скафандры медиков хоть и выглядели довольно устрашающе, однако мужчину от женщины отличить позволяли: брони-то поверх костюма нет. Лукас обнаружил, что орден Шуйцы прислал на «Монфора» не братьев, а сестёр, чему немало удивился. Женщин в монастыри Десницы пускали только в самых крайних случаях, а в Шуйце уважали чужой устав.

Сестёр звали Марфа и Тереза. Обе они немедленно занялись Луизой, при этом каким-то чудесным образом умудряясь непрерывно разглядывать Лукаса. Интерес монахинь не был таким назойливым, как любопытство мирян, но всё равно слегка нервировал. В конце концов, Луизу устроили в герметичной капсуле, и медбратья из монастырского госпиталя увезли ее с «Хикари». В госпиталь проводили и Лукаса, попросив предварительно на полчаса задержаться в санитарной зоне. Только там он и сообразил, что болезнь Луизы могла оказаться заразной.

Как ни странно, не очень-то эта мысль и беспокоила. В чём в чём, а в своей неприкосновенности Лукас был уверен. То есть, он знал, что его могут убить, но так же твёрдо знал, что никогда ничем не заболеет. Больной рыцарь-пилот — это же нонсенс. Так не бывает!

В боксе изолятора, на столе, его ожидала фляжка с синте-коньяком из монастырских погребов. Двести граммов, полагающиеся за успешный боевой рейд.

Лукас скрутил серебряную пробку, вдохнул коньячный запах и устало сел на койку. Он понял, наконец-то, что вернулся домой. И он не смог вспомнить, когда в последний раз спал.

Глава 6

«Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч:

он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».
Послание к римлянам (13:4)

Информация, доставленная рыцарем-пилотом Лукасом фон Нарбэ заставила орден Десницы созвать внеочередной малый собор. И сейчас в зале для капитулов «Симона де Монфора» присутствовали настоятели всех монастырей Десницы и Всевидающих Очей, Великий Кардинал, а также церцетарии и священники ордена Шуйцы, уполномоченные вести расследование. Сразу два пункта в деле против маркграфа Юлия Радуна: первый — умышленное убийство семерых священников; второй — запрещённые генетические эксперименты. И если во второе верилось легко: о лабораториях Союза Маркграфов ходили самые разнообразные слухи, то первое... первое не укладывалось в голове.

За те недели, которые потребовались настоятелю «Святого Зигфрида» на то, чтобы добраться до «Монфора», расследование успели закончить. И на суд собора монахи Всевидающих Очей предоставили почти готовое заключение. Неофициальное, разумеется. Официоз начнётся, когда Великий Кардинал будет делать доклад Божественному Императору. А пока — все свои. Пока можно думать, рассуждать... и искать зацепки, чтобы ухватить-таки проклятого маркграфа за скользкий хвост.

— ...Проект «Бессмертные», — докладывал отец Цвилгус ведущий генетик ордена Шуйцы, — с некоторых пор это название у всех на слуху. Стремление против всех законов Бога и Империи сделать человеческое тело неуязвимым движет не только маркграфами, и мы не сомневаемся в том, что сахе Беляева была подвергнута этим изуверским экспериментам. Результат, как все мы знаем, оказался чудовищным. Но нет никаких доказательств того, что на Акму действительно велись подобные исследования.

По залу прошёл негромкий вопросительный говор. Братья переговаривались между собой, не спеша задать вопросы докладчику. Тот сам всё объяснит, а если не объяснит, вот тогда и можно спрашивать.

— Дело в том, братья и сёстры, — продолжил генетик, — что сахе Беляева не может свидетельствовать. Она не имеет на это права...

Отец Александр осторожно покосился на сидящего рядом Лукаса. Увидел, как фиолетовые глаза полыхнули гневом, и накрыл ладонью сжавшуюся в кулак руку.

«Не надо, мальчик мой».

Лукас внял безмолвному призыву. Уставился в пол. И монах Шуйцы заметно напрягшийся под яростным взглядом, непроизвольно передёрнул плечами.

— Прошу, поймите меня, отец Лукас, — заговорил он, прижав руку к сердцу, — сахе Беляева мертва. Она может говорить, она всё ещё может двигаться, но её тело умерло шесть месяцев назад. По нашим законам мёртвый не может быть свидетелем или обвинителем, мёртвый не имеет вообще никаких прав.

Тишина повисла в зале.

Лукас молчал. И все остальные тоже не спешили заговорить. Если бы возможность пребывания души в мёртвом теле была доказана, Луиза Беляева могла бы выступить со своим обвинением. Но, увы, за тысячелетия человеческой истории, наличие или отсутствие души у нежити так и осталось тайной даже для церкви.

— С вашего позволения, — Великий Кардинал поднялся со своего места и неторопливо прошёл в центр зала, в круг ораторов, — насколько мне известно, сахе Беляева ничего не помнит ни о самом эксперименте, ни о подготовке к нему. И, если я всё понял правильно, специалисты из ордена Всевидающих Очей так и не смогли найти в её памяти ни единого факта, который мог бы свидетельствовать в пользу того, что эксперимент состоялся. Мы все понимаем, что преступление свершилось, мы можем предполагать, кто является преступником, но доказательств у нас действительно нет. Отец Лукас... я знаю, что за последние недели с этой просьбой к вам обращались сотни раз, но, всё же, попрошу ещё раз: подумайте, как следует, всё ли вы вспомнили? Быть может, есть какие-то факты,

незначительные, косвенные, любые, которые позволят вам с уверенностью сказать: в лабораториях Акму велись работы над проектом, противоречащим всем существующим законам?

— Нет, ваше высокопреосвященство, — Лукас покачал головой. — Нет. Всё, что я знаю, это то, что Луиза была в одной из лабораторий. А где её изменили, где с ней сделали... то, что сделали, я, как и все мы, могу лишь догадываться.

— Мне очень жаль, — искренне сказал Великий Кардинал. — В таком случае, орден Всевидающих Очей может лишь добавить это дело к другим, подобным, пусть и не столь ужасающим, и ждать, когда Юлию Радуну изменит осторожность.

Так же неспешно он вернулся в своё кресло.

Собор продолжался.

Теперь место в центре занял представитель ордена Всевидающих Очей. Сухо и с видимой неохотой он сообщил, что расследование на Акму позволяет с полной уверенностью утверждать: цех, в котором погибли рыцари Десницы и монахи церцетарии обрушился в результате падения метеорита. Сбой в защитных системах. Не такая уж редкость, увы, хоть и далеко не всегда приводящая к таким трагичным последствиям. Маркграфа Радуну и наместника Болдина нельзя обвинить в убийстве. Стихийное бедствие считается убийством не может.

Теперь уж все взоры обратились на Лукаса. И он встал, сбросив руку отца Александра, вышел в круг ораторов. Быстрый, резкий. Злой.

— Братья и сестры, — голос, привыкший отдавать команды, а не вести беседы в зале капитулов, заставил и без того взволнованное собрание встряхнуться, — я обвиняю Константина Болдина и Юлию Радуну в убийстве священников. У меня нет доказательств. Ни у кого из нас нет доказательств. Но я клянусь Господом, что цех был заминирован и взорван. Моё слово — против слова Болдина. Моё слово — против слова Радуну. Они виновны.

Именно этого выступления и ждали от Лукаса фон Нарбэ, и всё же зал загудел голосами. Великий Кардинал с неподобающей сану живостью вскочил с кресла, устремился к Лукасу, по дороге успев похлопать по плечу церцетария-докладчика, возвращавшегося на своё место.

— Это очень серьёзное заявление, — заговорил он бодро, едва переступил через границу круга, — но мне кажется, братья и сёстры, что ни у кого из вас нет сомнений в том, что клятва истинна. Кто из нас усомнится в слове рыцаря?

Великий Кардинал сделал паузу и оглядел зал, как будто и впрямь полагал, что найдёт сомневающихся. Массивный, высокий, в развевающейся алой сутане, он был выше Лукаса на две головы, и рыцарь Десницы почти потерялся на фоне его высокопреосвященства. Впрочем, Лукаса фон Нарбэ уважали не за рост. И слово его действительно весило больше, чем все клятвы всех маркграфов вместе взятые.

Законы Империи Шэн — удивительная штука. Если священник клянётся Господом, слова его не подвергаются сомнению. И это правильно. Потому что за всю свою историю церковь не принесла ни одной ложной клятвы.

С Богом не шутят.

— Виновны! — вынес вердикт Великий Кардинал. — Спасибо, дитя моё...

Лукас глянул на его высокопреосвященство исподлобья, молча кивнул и вышел из круга.

Отец Александр поднялся ему навстречу. Не смущаясь взглядов со всех сторон, поцеловал в лоб. Свои, орденские, всё поймут правильно. Остальные давно привыкли к нравам, царящим среди рыцарей Десницы. И тоже поймут. Хоть и неправильно. Не пойти ли им в плазму, а? Его мальчик, его Аристо, гордец и герой, больше всего сейчас нуждается в хоть какой-нибудь поддержке. Потому что самое страшное впереди: после молитвы, знаменующей завершение суда, собор будет решать судьбу Луизы Беляевой.

...Монахи Шуйцы сказали, что процесс разложения необратим. Тело сахе Беляевой

было мёртвым, и вело себя, как полагается мёртвому телу. Несчастливая девочка оставалась в сознании, она понимала, что с ней происходит, и она уже не верила в то, что ей смогут помочь. Теперь ей некому было рассказывать сказки: Луизу увезли с «Монфора», увезли от Лукаса, сразу, как только стало ясно, что она не больна, а просто-напросто умерла.

Лукасу дали попрощаться с ней. И сейчас отец Александр поедом ел себя за то, что в тот момент не был рядом со своим рыцарем.

— Сахе Беляева будет сознать происходящее вплоть до тех пор, пока разложение не затронет мозг, — докладывал отец Цвилгус. — Мучения её, скорее нравственного толка, нежели физического, но она невыносимо страдает. Из соображений милосердия, братья и сёстры, я прошу у собора дозволения на то, чтобы прекратить её мучения.

— Что для этого нужно? — с места спросил Великий Кардинал.

— Полностью уничтожить тело, — был ответ. — Самый быстрый и гуманный способ: отделить голову и растворить в кислоте.

...Отцу Александру очень не нравилось спокойствие Лукаса. Тот словно окаменел, казалось, что и не дышал. Слушал, не говоря ни слова. Слышал ли? Наверняка.

— Это не будет убийством, — говорил монах Шуйцы, — нельзя убить то, что давно мертво. И мы обязаны совершить акт милосердия...

— Это будет убийством! — Лукас, мгновение назад больше похожий на статую, чем на человека, вдруг заговорил, перебив монаха, — и вы все понимаете, что это не назвать по-другому. — Он поднялся, обвёл собрание бешеным взглядом, — для тех из вас, кто не знает, или забыл, напомню, что технологии Старой Терры позволяют поддерживать жизнь даже в мёртвых тканях.

Несколько шагов, и он уже в круге ораторов, в упор смотрит на отводящего взгляд генетика:

— Потом можете сформулировать лучше, брат. Вы владеете терминологией, — и вновь фиолетовые глаза устремлены на мёртво молчащий зал, — Луизе можно дать новое тело. Её мозг можно поместить в машину, которая ничем не будет отличаться от человека. Мы знаем, что такие машины существуют. Орден Всевидящих Очей находит и уничтожает их, потому что их существование противоречит нашим законам, но милосердие выше любых законов. Это одна из сигнатур, братья и сёстры, и я знаю, все вы сейчас вспомнили её... Вы говорите Луизе: «дочь моя». Кто из вас готов обречь своего родного ребёнка на гниение заживо или на гуманное растворение в кислоте?

Отец Александр, настоятель монастыря «Святой Зигфрид» смотрел на Лукаса, смотрел, не отрываясь, не узнавая его. Кто-то другой, гораздо более взрослый, и гораздо более мудрый стоял в центре зала для капитулов, и, находя слова, ранящие в самое сердце, вызывал к милосердию церкви. Его слушали... о, как его слушали! Даже заявляя о виновности Радуна, Лукас приковал к себе меньше внимания.

И он был прав.

С трудом заставив себя отвести взгляд от своего рыцаря, отец Александр украдкой оглядел зал. Да. Так и есть. Никто из слушателей, включая Великого Кардинала, не сомневался в правоте Лукаса фон Нарбэ. Милосердие выше законов — это действительно одна из догм, лежащих в основании церкви Шэн.

— Я прошу у вас милости для Луизы, — закончил Лукас, покорно склоняя голову перед кардиналом. — Милости, на которую она вправе надеяться.

Отец Александр встал из кресла, и тоже поклонился его высокопреосвященству:

— Я прошу милости для Луизы Беляевой.

— Я прошу милости...

Один за другим поднимались с места настоятели монастырей Десницы:

— ...прошу милости...

Монахи Всевидящих Очей, словно сами себе удивляясь, вторили рыцарям:

— ...милости ...

— ...для Луизы Беляевой...

Сёстры из ордена Шуйцы рыдали, что было красноречивей любых слов.

* * *

Рональд Славински, начальник идеологического дивисио ордена Всевидящих Очей перехватил Лукаса у входа в келью. Попросил разрешения войти. И, едва усевшись на жёсткий табурет, сообщил:

— Я только что вновь перечитал ваше личное дело, отец Лукас. Не буду врать, что трепещу, разговаривая с живой легендой, но, признаюсь, ваш послужной список произвёл бы необыкновенное впечатление даже на человека, очень далёкого от войны в пространстве.

— Я стараюсь, — равнодушно ответил Лукас, — зачем вы пришли, отец Рональд?

— Чтобы предложить вам пройти тестирование и начать учёбу в ордене Наставляющих Скрижалей. Я ведь не зря заговорил о послужном списке. Ваш вклад в борьбу с пиратами неоценим, однако на ниве проповедника вы сможете работать ещё более эффективно. Более эффективно, чем сейчас уничтожаете пиратов... честно скажу вам, отец Лукас, мне трудно это представить.

— Мне тоже, — Лукас пожал плечами, — грех гордыни и всё такое. Орден Скрижалей уже дважды обращался ко мне с предложением хотя бы выучиться, если уж не оставить службу в Деснице. Как вы понимаете, оба раза я отказался.

— Но почему?

— Слишком большая честь для меня, — он говорил правду, но ясно было, что церцетарий принял его слова за вежливый уход от ответа, — и слишком высокая ответственность. Не думаю, что я могу наставлять мирян, когда сам всё время нуждаюсь в наставлениях.

— Вам двадцать шесть лет...

— Двадцать семь.

— Будет через два месяца, — отец Рональд позволил себе непонятную улыбку. — Мне пошел восемнадцатый десяток. И я уверяю вас, отец Лукас, что мне до сих пор нужны наставления. Любой человек нуждается в этом, даже Великий Кардинал, которого наставляет сам Божественный Император. Я ведь пришёл не для того, чтобы услышать немедленный ответ. Просто, в отличие от братьев из ордена Скрижалей, мы, церцетарии, можем быть весьма настойчивы. Они вот дважды пригласили вас и отступились, а я обещаю, что время от времени буду напоминать о том, что жду вашего решения. И если вы скажете «нет», просто-напросто, дам вам ещё немного времени подумать. И ещё... столько, сколько понадобится.

— А смысл? — Лукас с удивлением понял, что этот настойчивый человек ему симпатичен.

— Всё меняется, — сообщил отец Рональд. — Да и, в конце концов, выйдете же вы, когда-нибудь на пенсию, верно? А проповедники, в отличие от рыцарей, не знают, что такое возрастные ограничения. — Он встал и слегка поклонился: — не буду больше утомлять вас своим присутствием. Но прошу запомнить моё обещание.

— Обещание регулярно напоминать об этом разговоре? — Лукас хмыкнул, — при таких условиях, забыть не получится, даже если я приложу к тому усилия.

— Тоже верно.

Люк за спиной церцетария закрылся с тихим шипением.

Лукас фон Нарбэ поклялся себе, что никогда не выйдет на пенсию.

* * *

Луизе Беляевой не смогли помочь. Просто-напросто, не успели. Её не стало спустя четыре месяца после собора, и настоятель «Святого Зигфрида» получил сообщение об этом уже через десять минут после ее окончательной смерти. Заодно отец Александр узнал и последние новости по делу Юлия Радуна.

Монастырь неспешно шёл к ближайшей станции: четырнадцать месяцев в рейде — это много даже для рыцарей Десницы. В отдыхе нуждались все, начиная с архимандрита и заканчивая самым младшим послушником. Однако до станции было ещё далеко, и гафлы с юкарами продолжали патрулировать пространство вокруг монастыря, в поисках неосторожных пиратов. Путь «Святого Зигфрида» пролегал по оживлённым торговым трассам, и шанс встретить преступников, жадность которых окажется сильнее трусости, был не так уж мал.

Лукасу, во всяком случае, «везло» в двух рейдах из пяти. Вот и сегодня он доложил о том, что во главе трех звеньев гафл вывел из строя боевую багалу, попросил разрешения на abordаж. Разрешения не дали. Выслали по указанным координатам транспорт с эквесами, а Лукасу приказали возвращаться в монастырь, передав командование заместителю.

В последнее время на борту «Святого Зигфрида» рыцарю-пилоту фон Нарбэ уделялось даже больше внимания, чем обычно. Братья старались быть ненавязчивыми, словно бы незаметными, и в то же время не давали ему возможности замкнуться в вынужденном одиночестве. Лукас, в свою очередь, делал вид, что внимания не замечает, и никого не подпускал слишком близко. Его как будто окружила невидимая сфера. К границам можно подходить без опаски, с этого расстояния Лукас казался таким же, как всегда: спокойный, обаятельный, красивый парень. Чутьочку слишком высокомерный... ну, так может себе позволить.

Дерзнувшего перейти границу, обдавало космическим холодом.

С гибелью Джереми Бёрка путь к сердцу Лукаса оказался закрыт для всех, включая, увы, самого архимандрита.

Это было вполне понятно: никто на «Святом Зигфриде» не мог претендовать на место, которое занимал в этой паре Джереми. Никто не мог стать для Аристо ведущим, какое там, ему не было равных. А сам Аристо не спешил взять кого-нибудь под опеку. Он на своё усмотрение менял ведомых, в зависимости от того, кому из подчинённых, на его взгляд, требовались дополнительные уроки. Он был в курсе проблем любого из пилотов своей группы. Он безукоризненно, как и всегда, выполнял обязанности командира и наставника... Отец Александр всё чаще задумывался над тем, чтобы передать под командование Лукаса осиротевший полк Бёрка, но каждый раз говорил себе, что мальчик всё-таки, не железный, и не стоит нагружать его неподъёмной работой. Как бы там ни было, никого из ведомых Лукас не выделял. Два месяца в компании беспомощной, умирающей женщины, похоже, заставили его всерьёз усомниться в своей способности позаботиться о ком бы то ни было.

Слухи о взаимоотношениях между рыцарями Десницы были сильно преувеличены. Очень сильно. Почему-то те, кто придумывал сказки о том, что рыцари любят по преимуществу друг друга не задумывались над тем, сколько сложностей может создавать такая любовь в замкнутом коллективе, да ещё и в условиях постоянных боевых действий. Как вы себе это представляете, господа миряне? Любовь плоти подразумевает и ревность, и разного рода недоразумения, вроде тех, о которых так любят снимать романтические фильмы. Слишком большая роскошь для бойцов, каждый из которых зависит от каждого.

Не то, чтобы среди рыцарей не было таких, кто любил друг друга иначе, чем водится между братьями. Были, разумеется. И настоятели уделяли таким парам самое пристальное внимание, дабы вовремя пресечь любой зарождающийся конфликт. Отец Александр незадолго до событий на Акму перевёл в полк Джереми Бёрка одного из пилотов «Бальмунга». Как раз потому и перевёл, что любовникам лучше летать вместе, и не дело даже когда пара разбита по разным звеньям, не говоря уж про разные подразделения. Но это на весь монастырь — единственный случай. А разговоров... ох-хо, послушать их, и впору селить рыцарей в кельи по двое. Чего уж там, в самом деле?

И всё же, повод для слухов братья давали сами. Не специально, конечно же. Просто, так получалось. Орденская жизнь — жизнь особенная. А монастыри — особенные места. Там всё иначе, чем в миру, там иные люди, иные отношения, иные чувства. Особенно, среди

пилотов.

Мирянину или даже священнику другого ордена не понять, каково это. И только рыцари-пилоты знают, что такое полет в недоступных другим глубинах «подвала», в тех слоях пространства, где мир выворачивается наизнанку, теряют значение явления и слова, а знание убивает, если не уступает место вере.

Чем глубже ныряешь в «подвал», тем быстрее добираешься до цели в обычном пространстве. Корабли ордена Десницы стремительны и смертоносны, за считанные дни они пересекают пространства, через которые месяцами идут мирские суда; за доли секунды совершают маневры, на которые их противникам требуются минуты; от них нельзя скрыться, невозможно спастись, нельзя предугадать, где они появятся в следующее мгновение. Но никто, кроме священников не сумеет выжить на тех глубинах. А из всех священников, лишь рыцари-пилоты сохраняют там способность управлять кораблем. И разумеется, кроме рыцарей-пилотов никто не летает в глубинах «подвала» на одноместных и двухместных машинах. Малые боевые корабли: гафлы, кипанги, райбуны и юкары — машины для избранных, для тех, в ком достаточно воли, достаточно веры, чтоб противостоять незримым демонам «подвала». В одиночку. Когда от тьмы за бортом, от проникающих в душу миазмов ужаса и ненависти защищает лишь хрупкая броня машины.

И напарник.

Единственный человек, с которым ты можешь хотя бы отчасти разделить своё ужасающее одиночество. И неважно, сколько машин уходит в рейд, звено, десяток звеньев или весь полк. Всё равно есть только ведущий и ведомый. Два человека. Две машины. Одно на двоих пространство.

А орден — это ведь не мирские войска, не временное послушничество по контракту, орден — это навсегда. До самой смерти. Как семья. Здесь нет случайных людей, нет неразрешимых конфликтов, нет суетности и мыслей о том, что можно бросить всё и уйти. Вот и складываются отношения, ближе которых просто не может быть. Даже любовники не так близки, как пилоты из одного звена. И уж наверняка любовники не могут быть так внимательны друг к другу, так заботливы, так... нежны? да, трудно найти более подходящее слово.

Когда знаешь, что любимый человек уже завтра может погибнуть, начинаешь следить за тем, чтобы не сделать и не сказать ничего такого, о чём пожалеешь впоследствии. Пожалеешь, когда невозможно будет исправить содеянное. И никогда не отложишь на потом ни добрые слова, ни добрые чувства.

Братья, они и есть братья. Ведущий и ведомый, старший и младший. Младшие растут, сами становятся старшими, но дружба, теплота, привязанность, зародившись однажды, остаются до конца.

До конца. Да.

И отцу Александру очень не нравилось то, что возвращаясь из патруля, Лукас, выйдя из денника, обводит взглядом ангар, как будто ищет кого-то. А еще отец Александр не в первый раз замечал среди техников и пилотов, ожидающих возвращения Аристо, совсем юного рыцаря.

Март Плиекти, девятнадцати лет, родился на планете Торда, в ордене семь лет, и вот уже год, как носит рыцарское звание. Славный парнишка, перспективный. Не всем же, как Аристо, становиться рыцарями в пятнадцать. В этом возрасте пацанов за пульт боевой машины вообще пускать не положено.

Ошиваясь в ангаре, Плиекти всегда делал вид, что просто любопытствует, но отец Александр уже понял, что лучше бы перевести парнишку в «Бальмунг». Он мог поклясться, что у мальчика сердце замирает всякий раз, как Аристо скользит по нему взглядом. Замирает. И сжимается от разочарования, потому что вряд ли рыцарь-пилот фон Нарбэ замечает Марта Плиекти. Рыцарь-пилот фон Нарбэ ожидает увидеть совсем другого человека.

Лукас и Джереми... Они ничем не отличались от любой другой пары на «Зигфриде».

Обязательно провожали и встречали друг друга, если была такая возможность. А она почти всегда была: комполка и командир ОАГ крайне редко бывают в боевых выходах одновременно, и Лукас, по-прежнему, ждал, что Джереми встретит его.

«Четыре месяца, мальчик мой, — думал отец Александр, глядя на Лукаса от входа в ангар, — достаточно времени, чтобы привыкнуть к тому, что Джереми ты больше не увидишь. Что же с тобой происходит, Аристо?»

— Что случилось, ваше высокопреподобие? — хмуро спросил Лукас, подходя, — желаете ещё раз выслушать мой доклад? Или комментарии? Вот увидите, эквесы непременно попортят обшивку, и мы выручим за багалу гораздо меньше, чем могли бы.

— Разумеется, на abordаж нужно было отправить тебя и шестерых пилотов, — кивнул отец Александр, — а я, старый дурак, как всегда всё перепутал, и зачем-то послал эквесов выполнять их прямые обязанности.

Лукас пренебрежительно сморщил горбатый нос, и тему обязанностей не поддержал. Просто заткнулся и стал смотреть выжидающе.

— Луиза Беляева умерла два часа назад, — сказал отец Александр.

Лукас молчал.

— Все умирают, — сказал он, после долгой паузы, — всегда.

— Господь прибрал её душу.

— Ага, — Лукас криво улыбнулся. — Это самая плохая новость, ваше высокопреподобие? Или есть ещё хуже?

Увы, в последнее время новостей было больше, чем нужно, и почти все они показались бы Аристо дурными. Одной из самых обсуждаемых в Империи тем стало имя Лукаса фон Нарбэ, и хорошо, что мальчик не знает пока хотя бы об этом. Ему нет дела до того, что происходит на планетах. Он все еще думает, что на планетах никому нет дела до него. Верит в защиту монастыря, которая за двадцать семь лет не подвела его ни разу. Даже обитателям пространства, тем, чья жизнь неразрывно связана с космосом, всегда были известны только его имя и позывные. А люди, живущие на планетах, не знали и того — им доставались лишь гладко причесанные церцетарией легенды, которые воспевали вымышленного человека и лишь намеками подсказывали, что этот человек реален.

Теперь все изменилось. Руководство ордена Скрижалей предложило Великому Кардиналу сделать имя и личность Аристо достоянием общественности. В ордене Скрижалей знают, что делают, за их плечами многовековой опыт управления мыслями и идеями паствы, и они правы — действительно, сейчас было самое время открыть тайну Мартина Лилля — вот только Аристо остался без щита, за которым прожил всю жизнь.

Теперь и его имя, и его прозвище, скажут о том, кто он такой любому подданному Империи. Обстоятельства изменились. Личность Первого Рыцаря перестала быть тайной, и ему нужно научиться жить с этим.

Может быть, оно к лучшему, может быть, новые трудности смягчат старую боль?

— Пойдём в мою келью, мальчик, — отец Александр тронул Лукаса за локоть, — не дело это, говорить на столь серьёзные темы в ангаре.

* * *

Константин Болдин, наместник маркграфа Радуна на астероиде Акму, за предумышленное убийство священников был приговорён к высшей мере наказания. Приговор вынесли ещё три месяца назад, но привели в исполнение только вчера. Болдин был повешен, — упокой, Господи, его душу, — члены его семьи лишены всех прав и проданы в рабство, а имущество и деньги от продажи рабов перешли в собственность двух орденов церкви Шэн. Ордена Всевидящих Очей, и ордена Десницы Господней.

Самого Юлия Радуна лишили титула и владений и приговорили к пожизненному домашнему заключению с конфискацией в пользу орденов Всевидящих Очей и Десницы

Господней всего имущества, кроме, собственно, дома, в котором Радуну предстояло отбывать наказание.

Он выкрутился, выкрутился, несмотря на то, что рыцарь ордена Десницы обвинил его в убийстве. Оспорить обвинение Радун не мог: любые его слова, любые доказательства ничего не стоили перед клятвой священника, и тогда он приложил все усилия к тому, чтобы основная тяжесть обвинения пала на его наместника.

Он сумел убедить своих судей в том, что не отдавал Болдину никаких приказов относительно инспекции ордена Всевидящих Очей, и таким образом оказался преступником лишь постольку, поскольку нёс ответственность за любые действия всех своих наместников.

— Для такого человека как Радун — это суровый приговор, — осторожно заметил отец Александр. — Быть одним из богатейших и влиятельнейших людей Империи, и в одночасье потерять всё — возможно, для него это наказание хуже смерти...

— Правда? — равнодушно спросил Лукас, — хуже смерти?

Отец Александр промолчал. Для Лукаса, после того, что случилось с Луизой Беляевой, слова «хуже смерти» не были пустым звуком, но конфискация имущества уж точно не имела к ним отношения.

— Я убью его, — сказал Лукас. — Авва, дайте мне дозволение на то, чтобы вызвать эту падаль на поединок!

— Не дам, мальчик мой, — вздохнул отец Александр. — Ты не можешь вызвать Радуну, пока он не отбудет наказание, а он не отбудет его до смерти.

— Наказание, — медленно повторил Лукас, — конфискация. Какая... нелепость. Любой, у кого есть хоть капля мозгов, должен понимать, что имущество Радуну — не земли, и не деньги в имперских банках.

— Орден Всевидящих Очей проделал огромную работу, у них в кои то веки появился официальный повод добаться до маркграфа, и уж поверь мне, Аристо, они сделали это с огромным удовольствием. Радуну подвергли допросам крайней степени, и вскрылось множество фактов его теневой деятельности, сотрудничества с Вольными Баронствами, разного рода незаконных исследований, а также махинаций с финансами. Заодно, кстати, церцетарии попортили кровь и другим подданным, пойманным за руку на контактах с пиратами. О существовании преступной сети знают все, но нечасто нам выпадает случай внести в её работу серьёзный разлад. Так что, я думаю, с некоторых пор в ордене Всевидящих Очей к тебе относятся даже лучше, чем в ордене Десницы. Они ещё не приглашали тебя к себе на службу?

— Нет. Только в орден Скрижалей.

— А, — отец Александр кивнул, — опять?

Лукас молча пожал плечами в ответ. И вздохнул:

— Ну, чего вы ждёте, ваше высокопреподобие? Что я помогу вам? Ладно, помогаю: вы хотели рассказать ещё о чём-то, я весь внимание.

— Орден вынужден вернуть «Хикари».

— Радуну?

— Да.

— Очень плохо.

— Дело в том, что «Хикари» — подарок правителя Нихон, и конфисковать её значило бы проявить к нему неуважение. Нихонцы, конечно, варвары и язычники, но мы-то цивилизованные люди, и соблюдаем определённые правила вежливости. По крайней мере, на государственном уровне. Указания по поводу «Хикари» получены орденом от Великого Кардинала, а тот, в свою очередь, выполняет прямое распоряжение Божественного Императора.

— Устами которого вещает Господь... — Лукас в два глотка осушил свой бокал, проявив полное пренебрежение к великолепному вину, лучшему из того, что хранилось в погребах монастыря. — «Хикари» не рабыня, ваше высокопреподобие, она никому не принадлежит, ни Радуну, ни ордену, ни Божественному Императору. Отдать её, конечно,

придётся, но предрекаю, это приведёт к серьёзным проблемам. Вот увидите.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно уточнил отец Александр.

Ему, как и многим другим обитателям монастыря, было известно о том, что у Лукаса с «Хикари» сложились странные, почти мистические отношения. Контакт с унтэн-сферой без имплантантов невозможен... во всяком случае, так принято было думать. Хотя, не в контакте дело. «Отношения» и «пилотирование» — понятия очень разные.

— Я имею в виду, что «Хикари» — своенравная дама, — Лукас впервые за время разговора позволил себе улыбку. Злую. Без капли веселья. — А ещё я имею в виду, что Радун в долгу, если не перед орденом, то передо мной лично. И я этот долг взыщу.

Услышать подобные слова от идеального рыцаря, свято чтящего, как Господа, так и орденский устав... от священника, набожность которого можно было приводить в пример иным монахам из ордена Скрижалей... от Аристо, всегда относившегося к мирянам с воистину пастырскими мягкостью и снисходительностью, которых ох как не хватало многим рыцарям ордена Десницы... Нет, невозможно было услышать от него такие слова.

И, однако, Лукас произнёс их, а отец Александр услышал, и с полминуты изумлённо молчал, не в силах осознать, что его мальчик говорит совершенно серьёзно.

— Я запрещаю тебе, — сказал он, наконец. — Запрещаю!

— Что именно? — уточнил Лукас, — запрещаете искать доказательства того, что Радун заслуживает смертной казни? Но разве мы не обязаны по мере сил помогать церцетариям? Наши ордена для того и созданы, чтобы сотрудничать и защищать мирян. Ваше высокопреподобие, вы не можете запретить мне, выполнять обязанности, декларируемые уставом.

— Так, — отец Александр задумался, — так, — повторил он, вновь разливая по бокалам вино, — ладно. В том, что ты сам не сделаешь ничего противозаконного, я уверен. И в том, что Радун должен получить по заслугам тоже не сомневаюсь. Но тебе давно пора в отпуск.

— Свежая мысль.

— Вернёшься, тогда и обсудим всё заново. Но я хочу, чтобы ты отправился в отпуск на планету, — отец Александр стойко снёс выразительный взгляд, в котором было всё, что Аристо думал о планетах, гравитации, грязи и обычаях планетников. — Не спорь, дитя моё, — продолжил он невозмутимо. — Я знаю, ты терпеть не можешь планеты, но тебе действительно нужно ещё раз побывать на Инуи. Вы ведь именно там были с Джереми, да? Много воспоминаний, хороших, плохих, жизнь, иная, чем в монастыре. Ты долго был под впечатлением от той поездки, и тебе стоит ещё раз пройти по тем же местам. Уже в одиночестве. Тогда ты поймёшь, наконец, что Джереми погиб, что это навсегда. И станет легче.

— Обещаете? — Лукас явно не поверил ни единому слову.

— Нет, — признался отец Александр, — но очень надеюсь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

«И поставил он священников на местах их, и ободрял их на служение в доме Господнем».

Вторая книга Паралипоменон (35:2)

Дэвид Нортон был честным вором. Высокие моральные качества достались ему по наследству от предка-полицейского, тоже, кстати, Дэвида Нортон. Предок был далёкий,

всех «пра» до «деда» и не сосчитать, он жил лет через пятьдесят после той войны, когда джапы на китаёз бомбу сбросили, но Дэвид был уверен в том, что они родственные души. И не важно, что один ловил преступников, а второй сам был преступником, дело ведь не в этом, а в отношении к работе. В репутации. Для вора репутация — первейшее дело. Любому клиенту хочется знать, насколько честно ты выполняешь условия сделки.

Серго Мамаев, контрабандист, который помог Дэвиду убраться с Земли, сам вызвался поручиться за него перед нужными людьми.

— Ты, — говорит, — вор честный. Такие везде нужны. Я скажу кому надо.

Поэтому Дэвид не очень удивился, когда к нему обратились с тем заказом. Не так сильно удивился, как мог бы. Хотя, конечно, он не рассчитывал найти работу ещё до переезда, и тем более, он не ожидал получить заказ от церцетариев. Он тогда про церцетариев знал только то, что Серго рассказывал, а Серго расскажет — только слушай.

Серго говорил, что в Шэн Землю называют Старая Терра. И что там надо постоянно следить за собой, чтобы не выдать в себе землянина. Плохо быть уроженцем Старой Терры в Шэн. Опасно. Хуже, чем колдуном в первобытные времена. Колдунов когда-то разыскивали и уничтожали. Землян в нынешние времена ... вы будете смеяться, но разыскивают и уничтожают. Чудны е люди. Космос покорили, пангалактическую империю отгрохали, а нравы хуже первобытных.

Из рассказов Серго выходило, что в церцетарии служит чуть ли не каждый третий гражданин Шэн. То есть, подданный, а не гражданин, будь они неладны.

А церцетарии, оказывается, добрались и до Земли. И так вышло, что Дэвид взялся на них поработать, в обмен на то, чтоб самому подданным стать. В счет, так сказать, будущих ланчей. Церцетарии, со своей стороны, брались обеспечить ему настоящие документы, легенду, способную выдержать любую проверку, и даже предков соответствующих информации в генетической карте.

Там, в Шэн, без генетической карты никуда. Нет тебя. Даже в магазин не сходишь. Без карты одна дорога — в церковь, и просить, чтоб новую сделали, если утеряна. Ну, или подделывать, если с настоящей проблемы.

Подделки бывают разного качества, а Дэвид в генкартах ни в зуб ногой. И хоть он понимал, что Серго его кидать не будет, а, всё-таки, не устоял перед возможностью получить легальные документы. Ему сказали, мол, о том, кто он, что он и откуда, и о генкарте тоже, забудут сразу, как только он сдаст заказ и примет оплату. Дурдом на выезде, ёлы... они за кого его держат? Понятно, что эта самая генкарта будет для церцетарии и маячком, и путеводной звездой и красной ковровой дорожкой к землянину Дэвиду Нортону. Но всё равно дураком надо быть, чтоб отказаться. В комплекте фальшивок, пара-тройка настоящих корочек никогда не лишняя.

А Серго сказал, что если церцетарии чего обещают, то делают. Мол, как сказали, так и будет. Серго, он тоже с прибабахом, как все имперские, только ему ещё хуже, чем остальным. Мотается туда-сюда, с Земли в Шэн, из Шэн на Землю. От такой жизни кто хочешь рехнётся. И церцетариям поверит. Они, всё-таки, люди, церцетарии-то, человека к людям инстинктивно тянет. А на Земле людей уже, считай, не осталось. Чем дальше, тем сложнее разобрать, где человек, а где ложноножка искиновская.

Дэвид, когда у него спросили, чего б ему самому-то хотелось, попросил в предки Нортон-старшего внести. Церцетарии согласились, им всё равно. Вот так получилось, что Дэвид вместе с пра-пра-... с Дэвидом-старшим, короче, в эмиграцию подался.

Нет, не сразу. Сначала он заказ принял, аванс забрал. Дело понравилось, заковыристое было дело — как раз по нему. Ни много, ни мало, а добыть пустой эдзоу.

Никаких денег не хватит, чтоб эдзоу купить. Не продают их за деньги. Их вообще не продают, но если места знать, то да, есть такие сэконды, где, услуга за услугу, тебе и эдзоу раздобудут. Но Дэвиду заказали не такой, из которого предыдущие мозги вытряхнули, микросхемы спиртом протёрли и в сэконд снесли, а новьё, ни разу не юзаное, но протестированное и готовое к работе.

Задача...

Откуда они там у себя в Шэн вообще про эдзоу узнали? Хотя... если они давно на Земле шуршат, то ничего странного. Нашуршали.

Хитрая штука эдзоу. На человеческий с джаповского переводится то ли, как «доппельгангер», то ли как «отражение», а, может и вовсе не переводится — Дэвид разное слышал. Искусственное тело, конструктор, который голыми руками может головы людям отрывать. Джапы делали их для своих самураев, для тех, кто отрёкся от обычной жизни ради воинских подвигов. Хотя, видел Дэвид эдзоу, всё там есть, и в мужских моделях, и в женских — все, что надо, чтобы от жизни не отречься, а наоборот жить так, чтоб остальные от зависти скорчились.

Зачем такая штука церцетариям? Загадка.

Любопытство для вора, скорее, достоинство, чем недостаток. Однако не тогда, когда дело касается заказа. Поэтому Дэвид ничего не стал выяснять сверх того, что для работы нужно было. Эдзоу он раздобыл, потом залёг на дно, и не светился, пока Серго его с Земли не вывез. На одном кораблике они улетели, Дэвид и краденый эдзоу модификации «f». Для баб, значит. Ох, жаль того парня, которому такая баба достанется.

* * *

Серго Мамаев — мужик надёжный, с репутацией. Он контрабанду возил дольше, чем Дэвид на свете жил. Так что за сохранность свою и ценного груза можно было не опасаться. За малый процент от аванса сговорились, что Серго доставит эдзоу на одну из планет и спрячет, как следует.

Он имперский, он тут все ходы-выходы знает. Так что, Серго, пока летели, выбирал, куда эдзоу спрятать, а Дэвид напрягал чип на запись всего подряд. Всей информации о Шэн, которую мог получить на корабле. В свободное время фильтровал — что-то переносил в оперативную базу, что-то загонял в архив. Прогонять через себя такие объёмы данных раньше не приходилось, и если за чип Дэвид не беспокоился, то вот за мозги слегка переживал, поэтому в архив отправлял больше, чем на корку. В архив же сложил и нерадостную новость о том, что совершил, оказывается, «преступление сотрясающее основы имперского спокойствия». О как! И не беспокоит, что эти самые основы ему за сотрясение аванс дали, а в ближайшее время выплатят всю сумму.

В Шэн всё не как у нормальных. У них тут киборги вне закона, а киборгом считается любой, кто себе хоть самый паршивенький гаджет установит. Сами гаджеты тоже вне закона, вот их и возят с Земли контрабандой. Дело прибыльное, хоть и опасное. Но головой-то подумать, а? Если за ввоз в Шэн дешёвки, вроде адреналиновых насосов, можно срок на каторге получить, то за эдзоу не то что каторга, за эдзоу рабство светит. А у Дэвида — карт-бланш. Отпущение греха авансом, да за подписью не кого-нибудь, а Великого Кардинала. Что означает эта должность, Дэвид пока не очень понимал. Знал лишь, что ему за эдзоу ничего не будет, а Великому Кардиналу, если что-то пойдёт не так, будет все, и еще маленько сверху, потому как он всю ответственность на себя берёт.

Перед людьми отвечает за ввоз эдзоу, и перед богом.

Нормально, да?

Психи они тут все.

* * *

Довольно скоро он нашел неожиданный способ коротать полетные будни — стал смотреть имперские фильмы про нашествия землян. Большая фантазия сдвинутых на религии киношников создавала таких монстров, какие нипочём не смогли бы нормально функционировать, они даже просто ходить не должны были. Не говоря уж о том, что реальные кибер-модификации даже близко не похожи на то, что измышляли здешние

мастера спецэффектов. А на Земле большая часть населения понятия не имеет о том, что галактика, оказывается, давным-давно освоена и заселена, как мегаполис. И кем заселена? Землянами же! Какие там нашествия?! Даже стратосферные лайнеры запретили еще во времена того, древнего Дэвида Нортон. О том же, чтобы в космос летать никто и думать не смеет. А на орбите — Серго показал, когда улетали, — висят боевые спутники. Да так тесно, что и Земли-то не видно.

Искин имперцев боится сильнее, чем они его. Боится не по-настоящему — он чувствовать не может — но считает наиболее вероятным противником. А здешние, значит, наоборот. Старая Терра — это для них ужасное место, вроде преисподней, сплошь населённое роботами и киборгами. Смешные люди! Роботы с нормальным интеллектом водятся только в Центральной Америке. Ну, а киборги... а что киборги? А кто в наше время не киборг?

Только подданный Шэн.

Ну и ладно, что взять с людей, воображающих, будто их правитель — воплощение бога? Ну, сумасшедшие же. Не государство — дурдом галактического масштаба.

Правда, и оболванивали их здесь, будь здоров. Дэвид, например, был уверен, что нормальный человек нипочём не станет добровольно смотреть программу под названием «Господь любит вас». А если, всё-таки, рехнётся, и включит не тот канал, то хоть пива выпьет под эту нудятину. Всё не впустую время потратит. Но у Серго этого добра нашлось не меньше, чем фильмов. Такая коллекция — за всю жизнь не пересмотришь. И если уж Серго место, которое мог отвести под груз, отдал бохардатам с записями, записи стоили того, чтоб глянуть, что ж там такого интересного. Дэвид однажды после отбоя собрался с силами и глянул.

И обалдел.

Каждый выпуск этой «Господь любит вас» если не боевик, то детектив, если не детектив, то, снова боевик со стрельбой и мордобоем. То рыцари ордена Десницы Господней пиратам поохотатся устраивают, то отцы-церцетарии преступников ловят. Весело живут ребята, и другим заскучать не дают.

Дэвид с тех пор подсел. Пока летели, дела там, не дела, а после отбоя запускал очередную запись. На Земле таких развлечений не было. Кино — не тот кайф. Кино смотришь и знаешь: брехня и полёт нездоровой фантазии. А тут, вроде как, съёмки по реальным событиям. Насколько уж они реальные, это на совести тех, кто передачу делает, но местные хавают и добавки просят. Ну, и Дэвид теперь с ними. А что, надо же к местной культуре приобщаться.

Он, когда к эмиграции готовился, на Земле ещё, названия заучивал чисто механически. Орден Десницы Господней — армия. Орден Всевидящих Очей — госбезопасность. Орден Наставляющих Скрижалей — идеологи. А теперь оказалось, что неизвестно ещё, кто тут боевики Десница или Всевидящие. И кто идеологи тоже не вдруг поймёшь. Монахи Скрижалей, или, опять же, Всевидящие. Непонятный народ эти церцетарии, всюду они, куда ни плюнь.

Остальные, впрочем, тоже немногим лучше. Даже рыцари, ну, те, что Орден Десницы. На первый взгляд, вроде, простые парни, воюют себе с пиратами, всегда на виду, не какие-нибудь там бойцы невидимого фронта... А на второй — педерасты. Нет, понять, в общем, можно: мужской коллектив, месяцами в космосе, выбирать не из чего. Но про них же, фильмы снимают. И не только боевики. Мелодрамы! Страшное дело... ёлы.

Дэвиду, так-то, наплевать было, в смысле, гомофобом он себя не считал, но романтические истории об однополой любви все равно вызывали оторопь.

Правда, в остальном, орден Десницы Господней был, пожалуй, единственным, к которому у него не было претензий.

Опять же, тачку чужую угнать — это у них запросто. Свои люди.

Когда выходили из «подвала» вблизи планет, приёмники ловили телепередачи. Дэвид в один из таких промежутков посмотрел интервью с Юлием Радун. Бывшим маркграфом...

Маркграфы — это такие дворяне. Дворяне — местные землевладельцы, а маркграфы — крупные землевладельцы. Вроде глав корпораций на Земле, только как если бы корпорации у них были в единоличном владении. Ещё в Шэн есть аристократы, но они не дворяне, они нелюди, и у них земли как раз и нет. А дворяне — это не аристократы, а нормальные люди с большими деньгами и большим бизнесом. Короче, Юлий Радун был дворянином, был богачом, и у него было всё, даже личная армия.

Пока он не сел за то, что кто-то из его людей убил семерых священников.

Дэвиду он понравился. Ничего мужик, с юмором.

— Очень жаль, — говорит, — что Первый рыцарь Лукас фон Нарбэ оказался на поверку обыкновенным вором. Я, — говорит, — был лучшего мнения о всеимперском герое. Впрочем, поскольку «Хикари» была возвращена мне в целостности и сохранности, зла на отца Лукаса я не держу. И если он захочет ещё раз воспользоваться моим кораблём, пусть придёт и попросит. Думаю, мы сумеем договориться. Он, я слышал, редкий красавчик, этот фон Нарбэ, хоть ростом и не вышел.

Радуна Дэвид малость зауважал. Мужик, считай, без ничего остался, пожизненное огреб, а держится молодцом. Хотя, конечно, был бы молодец, не напортачил бы с убийством. Додуматься надо было — на церковь наехать. Здесь за такое и линчевать могут.

— И линчуют, — сказал Серго. — Как только охрана отвернётся, Радун пулю словит. Не того человека он вором назвал. За базар отвечать надо.

Судя по выпускам новостей, на следующее утро после передачи, пастыри в храмах и по телевизору, вместо проповедей отвечали на вопросы прихожан насчёт интервью. И рекомендовали *«детям своим»* умерить возмущение, и простить Радуну грязные нападки на рыцаря Лукаса фон Нарбэ. Мол, карать и наказывать, в том числе и за непочтительные слова в адрес священников — это дело церкви, а никак не мирян. А заодно объясняли, что «Хикари» — корабль Радуна — отец Лукас не украл, а взял в бою, как за ним и водится. *«Сей славный рыцарь верен себе»*. Сиречь, «Хикари» эта — трофей, и если бы не снисходительность Божественного Императора в отношении традиций нихонцев, она осталась бы в собственности ордена Десницы Господней, поскольку всё, что сделал рыцарь фон Нарбэ, было сделано по законам войны.

Насколько Дэвид понял, прихожане, посмотревшие интервью, призывам пастырей не вняли. Канал, по которому была трансляция интервью, мало того, что взяли бойкотировать, а ещё и стали требовать, чтобы его вообще закрыли.

Его и закрыли.

Вот скажите, поверит нормальный человек, что общественность возмутилась нападками на какого-нибудь там деятеля с хорошей репутацией? Да общественности только дай посмотреть, как кому-нибудь тортом в морду зарядят! Это ж люди, люди везде одинаковые, хоть они киборги, хоть религиозные фанатики.

Новый заказ подвалил ещё во время перелёта.

На Земле случалось, что Дэвид не успевал ещё закончить дела с одним клиентом, а на очереди уже была парочка других. Репутация — это не просто слово такое, репутация — это деньги. Но здесь-то была не Земля, а голый космос, тоненькая нитка улим-дуфунга, внутрисистемной связи, и уж точно никакой репутации. Другой мир, в котором Дэвид не отработал ещё ни одного заказа, даже знакомства свести не успел ни с кем, кроме Серго да ещё дюжины контрабандистов. И, все-таки, ему предложили работу раньше, чем их корабль вошёл в систему Канга.

Канга включала в себя восемь планет. На одной из них, под названием Гемал, Серго с некоторых пор имел эксклюзивный доступ к нескольким секциям грузового терминала. В

Шэн, где все порты и портовые службы принадлежали императору, и могли быть только взяты в аренду, никто никогда не замахивался на то, чтоб присвоить себе кусок терминала. О таком вообще не задумывались. Как так присвоить? И, главное, для чего? Контрабанду хранить? Да это ж всё равно, что прятать её прямо в кабинете начальника таможенной службы.

Но кабинет-то — последнее место, где таможня будет искать товар.

Дэвид ещё четыре года назад — четыре земных года назад — придумал, что нужно сделать, чтоб секции нечувствительно выскользнули из-под надзора таможенных систем, и самих таможенников. Серго загорелся идеей — было бы странно, если б не загорелся — прошёл у Дэвида курс по использованию кое-каких земных девайсов, а уже в следующий раз, когда прилетел на Землю, похвалился, что всё получилось, всё работает, и не обещает проблем. Конечно, работает, кто б сомневался! Основная хитрость как раз в земном оборудовании.

В том самом, которого имперцы побаиваются.

Даже Серго.

Дэвид занес в чип номер секции, в которой выделили отсек для эдзоу, занес в чип код, открывающий доступ в отсек. В корке, в смысле, в собственной памяти, в мозгах, ничего не задержалось, и Серго не преминул побурчать, мол, непонятно ему, как так можно, запоминать, так, чтоб оно не запомнилось? Как можно важные вещи клопу в мозгах доверить?

Нейропроцессор не клоп, и запоминает так, что коркой можно вообще не пользоваться, но разве имперцу это объяснишь? Даже контрабандисту, который на Земле столько же времени, сколько в Шэн проводит?

В компьютерных технологиях местным до землян расти и расти. И то, что им краденый эдзоу понадобился — лишнее тому подтверждение. Потому и украли, что своего сделать не могут.

* * *

— Работу тебе хотят заказать на Инуи, — сказал Серго. — В Агасте.

И Дэвид по одному его тону понял, что заказ не банальный.

Ещё не зная, что именно нужно увести, уже пожалел, что откажется. Потому что заинтересовался, а интерес обычно означал, что работу стоит взять. Но нет, не в этот раз. До тех пор, пока не будет уверенности, что стряхнул с хвоста церцетариев, от небанальных заказов нужно держаться подальше.

Дэвид поискал в архиве чипа, нашёл планету Инуи в системе Туин, нашёл на этой планете город Агасту — административный и культурный центр. Нашёл в Агасте Императорский Музей Сокровищ и Редкостей. При наличии на планете такого музея, маловероятно получить заказ на ограбление, скажем, очередного научно-производственного центра.

На всякий случай, Дэвид проверил: научных центров на Инуи хватало, но в столице не нашлось ни одного. Агаста была городом высокой культуры. Какое отношение наличие или отсутствие этих самых центров имело к культуре, Дэвид объяснить бы не взялся, но вот, например, на Земле лабораторий было до хрена, а музеев не было вообще.

И культуры тоже не было. Никакой.

Он не тянул с ответом, сразу сказал Серго, что работу брать не будет, но музей в Агасте — подходящее место, чтобы встретиться с представителем церцетарии. Многолюдно, охрана хорошая, где угодно можно надолго остановиться, с кем угодно поговорить, и ни у кого это вопросов не вызовет.

Серго о многом рассказывал, о чем Дэвид сам бы не догадался, а местные, наверняка, вообще не задумывались. Понятно, что когда человек одновременно в двух разных мирах

живет, он и в том, и в другом мире примечает то, что аборигенам давно примелькалось. Но были штуки, о которых и Серго не думал. Внимания не обращал. Штуки, о которых Дэвид мог бы уже целую книжку написать. Исследование, ёлы. О том, чем имперцы от землян отличаются. А ведь он, считай, и не видел ничего, кроме новостей по дун-кимато, шоу, да фильмов в безумных количествах.

Дун-кимато — официальное телевидение. На всю империю. С запозданием, ясное дело. Нет такой связи, чтоб из Столицы куда-нибудь в отдаленную систему хотя бы за сутки дотянуться. Но уж какая есть, той пользуются с умом. Считается, что по дун-кимато говорят правду, ничего кроме правды, и чуть ли не всю правду.

Еще есть улим-кимато — в каждой системе своё. Саяри-кимато — это уже в пределах одной планеты. И лод-кимато, чуть не в каждом городе собственное. На втором месте по популярности после всеимперского. Ну, понятно. Родные чудеса всегда чудесней соседских, а родина у них тут — это город, где родился и империя целиком. Промежуточные варианты, типа, там, система, планета, только для спейсменов, для тех, кто в пространстве обитает.

На планетах местных от приезжих отличают по тому, кто как время считает. Те, кто безвылазно на одном месте живёт, разве что в отпуск куда летает, те пользуются планетарными календарями, на каждом шарике — свой собственный. А ещё есть имперский календарь — для официальных документов, туристических проспектов и, всего, что за пределами одной планеты происходит. Так что всегда можно понять: если человек говорит, например: «день» и прибавляет «имперский», значит это планетник, привыкший к родному календарю. А те, кто время только в имперских единицах считают, они без уточнений обходятся. Для них других календарей, кроме общего, вроде и не существует.

Пока добирались из системы Канга до Туин, Дэвид вызубрил имперский календарь до полного автоматизма. Это давало шанс на то, что его где угодно будут считать приезжим. Нормальным приезжим. Из пространства, тут так говорили. И на то, что никто не удивится, когда окажется, что Дэвид не знает каких-нибудь, не описанных в справочниках, планетных обычаев.

Постоянные перелёты, по большей части — удел государственных служащих, так что на планетах к тем, кто значительную часть жизни проводил в пространстве, относились дружелюбно, и где-то даже уважительно. Ещё одна странность шэнского мышления. Это что ж нужно было сделать с людьми, чтоб они стали уважать своё государство?

Политика и религия в одной, общей конструкции, не разберёшь, где заканчивается государство и начинается церковь. И все это на мощном идеологическом фундаменте. Невозможно не быть патриотом, невозможно не верить в бога. Даже когда глядишь со стороны, патриотизм и вера не кажутся глупостью. Быстро действует отравка, ничего не скажешь. А Дэвид ведь ещё даже ни на одной планете не был.

И всё-таки, несмотря на религиозный дурман, дышалось здесь легче! Нет, «легче» слово неподходящее. Вот как назвать, когда из засранного до невозможности сортира выходишь вдруг куда-нибудь, где воздух как в горах чистый? Прямоком, из говна — в рай, а? Если и есть такие слова, Дэвид их не знал.

Они же здесь понятия не имели, что такое тотальный контроль. Абсолютный. Знать не знали, как это, когда людьми машина управляет, вроде бога, только бога нет, а машина-то настоящая. И весь ты у неё на виду, от рождения до смерти. Вертишься, как подшипник в масле, прячешься, норы роешь, и знаешь, что всё равно ведь рано или поздно найдут, и привет, Дэвид Нортон, честный вор.

Глава 2

*«и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред
лицем Господним».*

Книга Левит (10:2)

На Инуи прибыли, когда в Агасте был поздний вечер.

— Из порта отправляйся в «Плеяды», — напомнил Серго, явно не знающий, чем бы ещё полезным снабдить Дэвида напоследок, — чем раньше бронь подтвердишь, тем лучше.

На том и распрощались.

На весь срок, пока в Музее выставлялась очередная императорская коллекция, отели Агасты были забиты от крыши до подвалов. Пригородные пансионаты, мотели, и кемпинги — тоже. Но Серго ещё из Канги забронировал номер в «Плеядах». Он был владельцем космического корабля, а к таким людям администрация «Плеяд» проявляла повышенное внимание.

Спэйсмены, наверное, знали и другие отели. Наверное. Не факт. Если судить по фильмам, трепотне на форумах дун-ярифа, и разговорам с Серго, для тех, кто жил в пространстве, существовала только одна гостиничная сеть, остальные не стоили внимания, а значит их все равно, что не было. В «Плеядах» останавливались все обитатели космоса, начиная с рыцарей и заканчивая коммивояжерами. По слухам, там иногда бывали даже аристократы. Но это, по-любому, фейк. Вряд ли они станут селиться там же, где и обычные люди.

В Музей Дэвид решил прийти часа за два до срока. Полчаса на то, чтобы ознакомиться с обстановкой, а полтора — на экспозицию. Он уже успел выяснить, что четыре посещения — с утра и почти до вечера — это среднее время, которое отводит средний турист на то, чтобы увидеть Музей целиком. Подумал, что так много людей не будут добровольно тратить так много времени на неинтересное, значит, когда сделка завершится, надо будет уделить Музею дня три-четыре. Просто, чтобы прикинуть, как оно — ничего не делать, просто ходить и смотреть на всякое, предположительно красивое.

Ленивым утром, туристическим таким утром, в тот час, когда приличные люди уже работают, а приезжие как раз выползают из отелей, чтобы поглазеть на достопримечательности, Дэвид на такси подлетел к Музейной площади.

У парковочной вышки с трудом отыскался свободный причал. Да и тот был свободным лишь постольку, поскольку таковым счёл его таксист, бесцеремонно отпихнувший бортом своей машины тачку, на фюзеляже которой горели номера другой такси-компании. Ну, а что? Нормальная жизнь, нормальные люди. Аж повеяло чем-то родным. Земным. Правильным. И не поверишь, что этот парняга за рулём, как все здесь, по утрам проповеди в храме слушает — вон чего конкуренту в окно показал.

Спускаясь в прозрачном лифте к подножию вышки, Дэвид разглядывал Музей, вызывая в душе подобающие чувства: удивление, недоверие, радость видеть знаменитый Музей своими глазами! — словом, всё то, что в той или иной степени испытывало большинство пассажиров лифта. Таких же туристов. В пределах досягаемости наверняка не было никого, кто подумывал бы о том, чтобы спереть часть экспозиции, но, во-первых, об этом и Дэвид не думал, а, во-вторых, это ещё ни о чём не говорило. Мало ли, кто о чём не думает? Если ежеутренне исповедуешься священнику-эмпату, в твоих же интересах научиться не думать ни о чём этаким. Ни о чём, за что потом станет стыдно.

А Музей и впрямь производил впечатление. Сверху, с последних этажей причальной вышки, он казался каплей воды, сверкающей на тёмно-зелёном бархате. Эффект был настолько полным, что Дэвид, выйдя из лифта на площадь, аж удивился, когда почувствовал под ногами камень, а не бархатную податливость.

Красиво, да. Названия камня, которым замостили Музейную площадь, он не помнил, но читал, что содержание мостовой обходится властям Агасты в немалые деньги. Чуть ли не дороже, чем уход за музейным куполом. Тот, хоть и сверкал на солнце, хоть и искрился, будто настоящая капля росы, выстроен был из обычного прозрачного ганпласта, обработанного чем-то этаким... вряд ли слишком дорогим.

Вместе с толпой туристов, Дэвид неспешно шагал к Музею, оглядываясь по сторонам,

чтобы полюбоваться появляющимися тут и там арт-проекциями. На площади традиционно выставляли свои работы разные свободные художники. Вроде бы, бесплатно. То есть, за место они не платили, а властям отстёгивали только процент от сделок за проданные картины. Неплохо придумано. По крайней мере, Дэвиду, чей вкус к живописи не был испорчен воспитанием, казалось, будто среди картин есть на что посмотреть. Он даже решил когда-нибудь вновь прилететь на Инуи, и купить что-нибудь красивое.

Правда, тут же вспомнил, что нельзя загадывать наперёд, пока не закончишь дело.

Подходя ко входу в Музей, он всё так же глазел вокруг. Внимательно прочёл уведомление о том, что на территории Музея запрещены любые виды съёмки. Немедленно активировал свою фотокамеру. И, пройдя сквозь цепочку сканеров, оставшихся равнодушными к настоящему, живому киборгу, порадовался тому, какой же он, всё-таки, добропорядочный подданный.

Камера, и второй, почти обычный, глаз работали как всегда безупречно. Дэвид машинально отмечал и фиксировал в памяти расположение многочисленных датчиков сигнализации, мельком поглядывал на равнодушных охранников, любовался экспозицией... Активировав БД-имплантанты, надолго остановился перед полотном, изображающим сцену из священной истории. «Наставление упорствующих. Ф.Були. Холст. Масло». Такие картины — нарисованные красками на куске ткани — были для Дэвида в диковинку. А упорствующим, судя по перекошенным рожам, приходилось плохо. Плющило их не по-детски. Наставляли бедолаг фигуристые дамочки в одеждах ордена Скрижалей, во всяком случае, именно они протягивали к страдальцам руки и, видимо, что-то такое говорили, наставительное. Дэвид решил, что успех дамочкам обеспечен, поскольку за их спинами маячили угрюмые ребята в форме рыцарей-эквесов ордена Десницы, вооружённые ручными деструкторами.

Красивая картинка.

Разглядывая её, Дэвид почти приноровился к новым ощущениям: после активации имплантанта в сфере его восприятия оказалось слишком много устройств, это слегка сбивало с толку.

Он неспешно двинулся дальше, следуя указателям с надписью: «продолжение осмотра».

На некоторое время его внимание полностью поглотили разнообразные кальяны — всё, что осталось от некогда знаменитой секты Вкушающих Божьего Духа. В этом зале хватало и картин, в том числе и живописи, но сюжеты их к уничтожению секты отношения не имели. Видимо, потому что Вкушающими занималась церцетария, а что такого уж захватывающего можно нарисовать про орден Всевидающих Очей? То есть, что можно нарисовать, что не было бы засекречено? Вот-вот.

Кстати, о церцетарии. Встреча назначена в зале, где выставлена Дева Завтра, легендарная статуэтка. Или как её назвать? Статуэтка — это ведь то, что руками сделали. А Дева — природное образование, очертаниями и впрямь напоминающее женскую фигуру. Такая себе стройная девушка на цыпочках тянущаяся куда-то вверх.

Она так и называлась Дева Завтра — тот, кто придумывал название, явно был не дурак вставить чем-нибудь вредным для психики. Но дело не в названии, а в том, что Дева эта была двумя с половиной килограммами сумеречного рубина, самого дорогого камня в исследованной вселенной. Они и впрямь были нереально красивыми, и редкими, и, ясное дело, драгоценными, но — нормальных каменных размеров. В смысле, рубинов с кулак за всю историю никому ни разу не попадалось. И вдруг — Дева Завтра. Два с половиной килограмма чистейшей воды сумеречного рубина, да ещё и такой невероятной формы.

Теперь понятно, от какой именно работы сообразил отказаться. Хотя, конечно, это было бы всем делам дело. Не хуже, чем новый эдзоу увести.

Где там Дева? Судя по карте, ещё через два зала этой анфилады. Ага, и судя по тому, как толпится народ впереди, где-то там она и есть.

Народ толпился. Клубился и перетекал. Задние напирали на передних, и если бы атмосфера Музея не делала невозможной саму мысль о таком безобразии, Дэвид мог бы поклясться, что многие тут готовы начать расталкивать окружающих локтями, чтобы пробиться вперёд.

Напустив на себя вид рассеянный, и в то же время деловитый, он устремился в самую гущу посетителей. Ловко ввинчивался между телами, смущённо извинялся, если приходилось кого-то толкнуть, мило улыбался, отодвигая с дороги дам и джентльменов... На дам почти безотказно действовало обращение «благородная сахе», мигом повышающее до дворянки представительницу любого сословия. А джентльмены не успевали достойно возразить, очень уж быстро Дэвид оказывался далеко впереди.

Тактика: «ох, простите, я вас не заметил», оказалась как всегда на высоте. И очень скоро Дэвид прорвался в первые ряды туристов, благоговейно созерцавших Деву Завтра.

— О... — только и сказал он, вздохнул и сам преисполнился благоговения.

Наяву Дева совсем не походила на свои многочисленные изображения.

Надо отдать должное Божественному Императору, или кому там пришла в голову мысль объявить Деву чудом господним, идея была отличная. Невозможно казалось поверить, что резец скульптора не коснулся полупрозрачного камня, что природа сама оформила лёгкий девичий силуэт, и эти вскинутые над головой, протянутые к небесам руки, и полную радостного ожидания улыбку на приоткрытых губах. «Вот же... какая», — подумал Дэвид, покрутив головой.

Вот такая. Да. Настоящая до мелочей. Короткие волосы взметнул предутренний ветер, напряжены тонкие жилки, соски маленьких грудей затвердели от рассветного холода. А она, поднявшись на цыпочки, вся устремившись вверх, в небо, улыбается поднимающемуся над горизонтом солнцу.

Несколько минут Дэвид тоже улыбался своей невесть откуда взявшейся поэтичности, и самой возможности просто так, почти на халяву прийти в музей и посмотреть на что-нибудь красивое. На Старой Терре знать не знали, что такое музеи, хотя обносить частные коллекции богатеев несколько раз приходилось.

За спиной началось какое-то шевеление. Дэвид обернулся, и с изумлением увидел, что толпа посетителей расступается на две стороны, освобождая дорогу кому-то... А, священнику. Нормально! Вот это дисциплина у подданных! Может, обзавестись комплектом рыцарской формы?

Священник был как раз в такой форме. Рыцарь-пилот ордена Десницы, да не просто рыцарь-пилот, не штурман там, или навигатор, а настоящий истребитель. Вон на рукаве нашивка с острым птичьим силуэтом.

Про таких ребят, значит, мелодрамы и снимают?... Ну-ну.

Дэвиду редко попадались мужчины меньше него ростом, но на этого парня, в красивой сине-золотой форме, он смотрел сверху вниз. Разница дюймов в пять, а то и в шесть... в смысле, не дюймов, а сантиметров. Сантиметров пятнадцать, да. Даже бабы обычно выше. Взгляд наткнулся на цветок из белого металлического сплава в петлице форменного кителя. И веселиться расхотелось. Не то, чтобы неловко стало, просто... траур, он у всех траур, хоть у рыцарей, хоть у людей. Что в нём смешного?

Маленький рыцарь прошёл мимо, вряд ли заметив Дэвида. Он вообще, похоже, никого не замечал, ни людей, которые его так почтительно пропустили, ни охранников, ни болбочущих что-то своё экскурсоводов. Остановился поодаль и застыл, глядя на Деву Завтра. Глаза у него были такого же цвета, как она, фиолетовые, прозрачные. Это Дэвид заметил, после чего интерес к священнику потерял.

Здесь, в этом зале, можно было задержаться надолго. Здесь все надолго задерживались. Кто-то уходил, приходили новые люди, но многие оставались и никуда не уходили, разглядывали Деву с разных сторон, вполголоса обменивались впечатлениями, изредка косясь на застывшего, как статуя, рыцаря. Дэвид быстро просёк, что выказывать восхищение

«чудом господним» публика предпочитает, оказавшись поблизости от святого отца. Что ли думают, им это на небесах зачтётся? Типа, священник, как ретранслятор работает? Во, народ!

Всё, что нужно было сейчас Дэвиду, это дожидаться представителя заказчиков, а попутно протестировать новые БД-имплантанты. Вроде бы, ему удалось незаметно установить контакт с электронными системами Музея. По крайней мере, никто до сих пор не поднял тревоги. Это обнадеживало. Если гаджетам удалось найти дыру в системах безопасности Императорского Музея, в местах попроще вообще не должно возникнуть трудностей. Реально мощная штука эти БД. Иногда, так даже чересчур.

Имплантанты Дэвида были изготовлены на Земле, почти перед самым отлётом, и за них пришлось выложить кругленькую сумму. Здесь, в Шэн, тоже умели делать имплантанты бесконтактного доступа, только, в отличие от земных, местные были внешними. Они, ясное дело, тоже вживлялись в мозг, как без этого, но к микроэлектронной начинке конструкторы приспособили ещё и пластиковые антенны, типа рожек, которые на полдюйма торчали из головы и посылали на определённой частоте сигнал, позволяющий их если не увидеть, то засечь датчиками. Сделано это было для того, чтобы асоциальные типы вроде Дэвида не могли с помощью БД-имплантантов совершать асоциальные поступки, вроде обнесения Музея...

На несколько секунд ему стало не по себе, такое чувство, будто... привлёк чьё-то нежелательное внимание. Дэвид покосился в сторону источника беспокойства, и наткнулся на пристальный взгляд тёмно-фиолетовых глаз. Холодный такой взгляд. Изучающий. Священник так смотреть не должен, священников специально учат, как надо смотреть, как говорить, что делать, чтобы людям нравиться. Чего ему надо, ёлы, рыцарю этому?!

Дэвид был не в той ситуации, чтобы позволить себе паниковать, или хотя бы показать, что интерес к нему не остался незамеченным. Поэтому он просто отвернулся, и почти сразу группа туристов с планеты Эйн закрыла его от рыцаря, а рыцаря — от него. Так-то лучше. Дэвид, правда, перестал видеть Деву Завтра, зато получил возможность полюбоваться на эйнцев — тоже неплохо. Тамошний климат, очень уж благоприятный, привёл к тому, что аборигены почти всем видам одежды предпочли боди-арт. Совсем голыми они, понятно, не ходили, что-то надевали. Перья на голову, например. Эйнские дворяне, даже путешествуя на другие планеты, предпочитали по возможности носить национальные костюмы, и сейчас Дэвид наблюдал четверых красавиц, в перьях и ярких красках. Благодаря скученности в зале девицы оказались достаточно близко, чтобы интерес к Деве Завтра пропал окончательно. К сожалению, интерес к самим эйнчанкам сильно охлаждали четверо столь же ярко разукрашенных красавцев, зорко следящих за тем, чтобы их леди никто не оскорбил ни словом, ни действием. На парнях, кроме перьев и сандалий с ремешками до колен, были ещё какие-то юбочки. Ну, а бабы, понятное дело, ограничились намёком на трусики-бикини.

На Эйне кроме благоприятного климата была ещё и очень агрессивная фауна, и в обязанности дворян, помимо управления землями входила защита населения от всяких зверюг. Вспомнив о том, что знатные эйнцы, вроде бы, предпочитают холодное оружие, Дэвид с уважением любовался, как под разукрашенной кожей эйнских леди играют крепкие мускулы и отошел подальше. Ну, их к чёрту. Дамы, приобретающие такие фигуры не в фитнес-залах, а в рукопашных драках с какими-нибудь леопардами — неподходящие объекты для знакомства. Да и вообще, не время знакомиться, вот-вот церцетарии подойдут, не до баб станет.

Он их ждал за те же полчаса, может, минут за двадцать до срока. Думал, что имеет дело со спецами, думал, у тех тоже привычка есть сначала осмотреться, а уж потом действовать. Ну, если обстоятельства позволяют, понятное дело. Интересно было, сможет ли различить в толпе, которые тут туристы, а которые по его душу явились.

Когда к нему раньше времени подошли, Дэвид удивился. Правда, не слишком. Так, самую малость. Ну, подошли раньше, и ладно. Им виднее, в конце концов, как правильно.

Это само по себе было как-то неправильно, только он понять не мог, что не так. Казалось, что всё нормально. Подошёл человек, поздоровался. Высокий такой, худой. Нос, как клюв и залысины. На священника не похож, но Дэвид уже поглядел на одного, который, хоть и в рыцарской форме, а тоже на священника не очень-то, так что не удивился.

Или не этому удивился. Или вообще ничему не удивлялся.

Вроде, с высоким ещё двое были. Губастый такой парняга с родинкой на щеке, и прикинутая по-деловому чернокожая дамочка.

И третий...

Дэвид мог поклясться, что видел третьего. И мог поклясться, что не видел. Он оглянулся, входя в дверь с надписью: «вход воспрещен», но широкий коридор был пуст. А зал с Девой Завтра остался где-то далеко позади.

Да что ж такое?

Дэвид сделал шаг назад, не позволив двери захлопнуться за спиной. Понял, что это другая дверь, и коридор за ней другой. А прямо перед ним одна из граней музейного купола, ганпластовая плоскость.

— Всё в порядке, — сказал высокий.

Да в порядке, не вопрос. Обычное же дело, больше мили пройти по музейным залам, где диковина на диковине, и ничегошеньки не запомнить, только две двери, одна с надписью, другая... а хрен ее знает, может, тоже с надписью.

— Ага, — кивнул Дэвид, — все в порядке.

И отошёл от двери.

Щелкнул замок.

— Повторяю еще раз, — сказал высокий, — дайте мне код доступа в отсек с эдзоу.

Еще раз? А, ну да, точно. Дэвид сообразил, что его уже не единожды спросили про код, и он каждый раз говорил, что не помнит. Потому что не помнил. Ну, ясное дело, пятнадцать цифр, кто ж их на корке удерживать будет? Чип есть, чтоб такое запоминать. Но высокий ничего не говорил о том, чтоб извлечь код из памяти чипа, он хотел, чтобы Дэвид вспомнил, а вспомнить Дэвид не мог. Отказывать высокому в просьбе было ох как непросто, однако теперь уже ясно, что все пошло не так, и ясно, что код отдавать нельзя, неясно только, что делать с тремя противниками, двое из которых вооружены.

Игольниками.

Что, все-таки, церцетария? По закону, право на ношение оружия опаснее парализаторов есть только у священников, аристократов и дворян. Но кто сказал, что законы не нарушаются?

— Не знаю, в чем тут дело, — пробурчал высокий, как будто сам с собой разговаривал, — он не сопротивляется, но все время выскальзывает, словно я воздействую не на ту область. Ладно, времени нет. Каролина, будьте любезны.

Любезность оказалась так себе. Дамочка прицелилась в Дэвида из игольника и приказала:

— Код! Быстро! Или останешься без руки.

Дверь слева и чуть позади. За спиной — губастый. Дэвид, Каролина и высокий образуют вершины неровного треугольника. И можно не оглядываться, без того ясно, что губастый парень тоже поднял оружие. Для рукопашной оба стоят слишком далеко. Значит, в губастого — нож, и уворачиваться от первого выстрела черномазой. А там, как кривая вывезет...

Но дверь раскрылась вновь, как только лезвие скользнуло из рукава в ладонь.

Со словами: «дети мои, извольте объяснить, что тут происходит?» давешний священник выстрелил в губастого из парализатора. Дэвид моментально метнул нож в плечо Каролины. Следующим действием было дать в лоб высокому, и уматывать с крыши. Но дамочка вонзившийся в нее нож проигнорировала. Дэвид едва успел увернуться от ее выстрела — услышал свист, с которым иглы прошили воздух. Носок форменного рыцарского ботинка ударил по чёрной с белыми ногтями руке, игольник взмыл, кувыркаясь,

куда-то в небо. Священник вскинул парализатор, поймав на прицел высокого... парализатор взорвался. В виски Дэвида как будто впились две толстых иглы. В левом глазу потемнело. Тело чуть не отказалось двигаться. Но правому глазу и синтетическим мышцам на боль было наплевать. Дэвид успел заметить изумление на лице высокого, прежде чем хуком в челюсть отправил его в нокаут.

Головная боль мгновенно прошла.

Священник замотал дамочку в ее же пиджак, так что на какое-то время ей нашлось занятие. Губастый был обездвижен. Высокий — обезврежен. Мимо черномазой — в дверь, и мотать отсюда.

Дэвид сбил побежавшую по рукаву струйку пламени. Тут же обожгло спину. Стена огня от края до края плоскости отрезала его и рыцаря от двери. И от третьего — того самого, которого Дэвид засек еще в зале с Девой Завтра. Значит, не померещилось. Но как так вышло, что увидеть этого типа удалось только сейчас?

Огненная стена двигалась, приближалась. Каролина, только-только выпутавшаяся из пиджака, оказалась у неё на пути. Страшно заорала, мгновенно сорвавшись на крик...

Она сгорела заживо за какие-то секунды. И за эти же секунды Дэвид и священник оказались у края плоскости. У края пятидесятиметровой пропасти.

— Пирокинетик вышел из-под контроля. — Спокойно сказал священник, баюкая обожженную взрывом парализатора руку, — полиция не успеет. Как ваше имя, сын мой? За кого мне молиться?

Он был свидетелем. Свидетелей лучше не оставлять. Дэвид сам ни в жизнь бы человека не убил, но тут все складывалось наилучшим образом. Ещё немного, и от рыцаря даже пепла не останется...

Вот гадство, ёлы!

Дэвид выдернул из штанов ремень.

— Спустимся, — сказал он, — без проблем. Только руки я тебе свяжу, чтоб ты с меня не свалился. Высоты не боишься?

Насколько он смог разобрать, изумленный взгляд относился к последнему вопросу, а не к заявленной возможности спуска по отвесной, стеклянно-гладкой стене. Но вдумываться было некогда. Дэвид быстро стянул рыцарю запястья, встал на колени, и священник — не задав ни одного вопроса — взобрался ему на спину. Легкий оказался, и цепкий, как клещ. Если б не раненая рука, и без ремня обошлись бы.

Ладони прилипали к ганпласту даже лучше, чем можно было ожидать. Дэвид раньше не пробовал ползать по таким гладким поверхностям, оказалось, это проще, чем по камню или бетону. «Гекко» работали так, что хоть садись и пиши изготовителям благодарственное письмо сразу, как спустишься.

Дэвид бы, может, и написал. Но до Земли письма отсюда все равно не дойдут. Да и изготовители знать не знали о том, что Дэвид Нортон пользуется их имплантантами.

Огонь вниз по вертикали перемещался гораздо медленнее, чем по горизонтали. Разрыв увеличивался, пламя отставало, а когда над крышей появились первые полицейские машины, погасло совсем.

Полиция — это было плохо. Никуда не годно. Поэтому, оказавшись внизу, Дэвид не стал тратить время на болтовню. Даже свой ремень не забрал. Сказал рыцарю: «лучше тебе помалкивать», и слинял, благо до ближайшей парковочной мачты было рукой подать.

* * *

На Земле до биоимплантантов додумались относительно недавно. Дэвид как раз перед отъездом заменил в себе основную часть кибернетических девайсов на биотические: чтобы на сканерах не светиться. Насчёт сканеров его Серго загодя предупредил. Теперь без специальных анализов в нем не нашли бы никаких отличий от нормального имперца. Да и анализ, даже специальный, не факт, что выдал бы синтетические мышцы, миомеры,

фотоумножители в глазах, модифицированную кожу и ещё некоторое количество полезных примочек. Чтоб найти, надо знать, что искать. Вот если о «гекко» на ладонях будут знать — найдут. Тогда проблем станет ещё больше, чем сейчас.

И, в любом случае, церковникам Дэвид даже в нынешнем состоянии, почти без кибернетики, не понравился бы. В Шэн разрешены только имплантанты, расширяющие возможности человеческого мозга. А всё, что улучшает твои физические показатели — под запретом. Тонкое различие, поэтому на каждый новый проект требовалось получить разрешение чуть ли не у самого Императора. А когда церцетарии кого-то прихватывали на использовании запрещенных гаджетов, преступника возвращали к исходному состоянию, говорят, даже без наркоза. И если клиент после обработки выживал, продавали в рабство. Так что тут еще вопрос, что лучше: выжить или помереть во время операции.

Власть, она и в Империи власть, что тут ещё сказать. Врут, как дышат, враньё для них — обычное занятие. Имплантанты запрещены, а эдзоу целиком — штуку противную и людям и богу — заказали, не постеснялись. И на аванс расщедрились...

Глупо думать, что люди, выплатившие такой аванс, попытаются кинуть на заключительной стадии. Еще глупее думать, что кидать будет контора, старательно и успешно создающая себе репутацию нечеловечески честной и нечеловечески справедливой.

— Вот встрял, ёлы, — буркнул Дэвид вполголоса.

Он надеялся, что священник не выдаст его церцетарии, хотя бы в благодарность за спасение. Но все еще не мог понять, что произошло. Те трое, в музее... четверо. Ну, явно же не с ними была назначена встреча. Это враги. Рыцарь открыл по ним стрельбу, не задумываясь. Он только для проформы, скороговоркой крикнул что-то там про «что тут происходит». Может, правила какие-то есть, насчет того, чтоб не стрелять без предупреждения?

Рыцарь не стал бы стрелять по церцетариям. Наверное. Если это действительно рыцарь, а не... кто?

Кто бы он ни был, лишь бы не болтал.

* * *

— Виктора Кале я запомнил. Он был в спасательной команде, которая подобрала нас с майором Беляевой... там, на Акму.

— Акму действительно сейчас там? — отец Георгий, следователь церцетарии, с интересом проследил направление взгляда Лукаса.

Тот сначала не понял. Потом сообразил, что, произнеся «там, на Акму» машинально взглянул в ту сторону, где находился сейчас астероид. Любопытство следователя было объяснимо — кто же в церкви не слышал о рыцаре-пилоте фон Нарбэ? — но Лукас на несколько секунд почувствовал себя цирковым уродом. Смотрите-ка — живая тварь с навигационным компьютером в мозгах.

Или вместо мозгов?

В последнее время... в слишком затянувшееся последнее время он стал нетерпим к людям, стал непростительно резок в оценках. И действиях. Это недопустимо, но что с этим делать? Молитвы не помогают. Неужели, всем, что было в нем человеческого, он обязан Джереми? И теперь, когда Джереми погиб...

«Аристократ. Нелюдь».

Неприспособленная к нормальной жизни тварь, которой есть место только в пространстве. Он даже не смог жить в отеле — не мог уснуть, все время казалось, что потолок и стены вот-вот начнут рушиться, погребая под собой — поэтому каждый вечер улетал в крохотную гостиницу на орбитальной станции.

Лукас тряхнул головой, прогоняя непрошенные мысли.

— Акму сейчас там. У вас есть еще вопросы, отец Георгий?

Вопросы были. Орден Всевидящих Очей желал во всех подробностях знать, что же

произошло в музее, что видел Лукас, что он делал, и как он может все это объяснить.

Лукас рассказывал. В подробностях. И объяснял, насколько сам мог понять.

Он обратил внимание на Виктора Кале. Не мог не обратить: его интересовало все, связанное с Радун, все, без исключения. Кале, в свою очередь, проявлял интерес к одному из посетителей. И этого же посетителя на глазах у Лукаса и полностью поглощенной созерцанием Девы Завтра публики, погрузил в транс третий участник столкновения на крыше. Прodelал все мастерски, быстро и качественно, не используя при этом ни одну из известных Лукасу церковных практик... Ни одну. Лукас знал их все. И еще, он знал, что кроме священников, погружать людей в транс, гипнотизировать, принуждать к чему-то умеют только псионики.

Подозрение, зародившееся в зале, полностью подтвердилось на крыше.

Они столкнулись с псиониками. Боевая группа — телепат и пирокинетик, первый использует второго, как источник энергии, а при необходимости — как оружие. В рабочем состоянии пирокинетики невменяемы и крайне агрессивны, поэтому, как только телепат потерял сознание, его вышедший из-под контроля ведомый попытался уничтожить все живое в поле зрения.

Церцетария готова была предоставить информацию. Так, в частности, Лукас узнал, что его спаситель — терранин, один из немногих, оставшихся на Старой Терре людей. В Империи относились к терранам с большим подозрением, эмигрантов принимали крайне неохотно — никому не нужны киборги...

...«нелюди»

неотличимые от людей, а на деле — рабы захвативших Старую Терру компьютеров. Дэвид Нортон стал редким исключением. Он купил себе подданство в обмен на «эдзоу» — искусственное тело.

Искусственное тело, предназначенное для Луизы Беляевой.

Бог зачем-то сводит людей, сцепляет нити разных судеб.

Дэвид Нортон доказал, что он не киборг, доказал, что его организм не модифицирован, прошел тесты... Дэвид Нортон каким-то образом умудрился обмануть орден Всевидящих Очей. Но Бог, сводя людей, вряд ли имел в виду, что рыцарь-пилот фон Нарбэ отдаст Дэвида Нортон в руки церцетарии. По крайней мере, не сразу.

Виктор Кале остался жив, хвала Господу, на совести Лукаса фон Нарбэ нет еще одной смерти. Допросить его, однако, не удалось, поскольку он жив, но невменяем. Оба псионика, телепат и пирокинетик, исчезли. Возможно (скорее всего) телепат пришел в себя, вернул контроль над ведомым и отвел глаза десантировавшейся на крышу полиции, успев убраться из Музея до появления там бойцов дивисио по борьбе с псионическими преступлениями.

Удалось установить личность чернокожей женщины, нечувствительной к ранениям и боли. Каролина Одор, еще одна жертва проекта «Бессмертные», в прошлом — телохранитель высшей категории.

В ее смерти виновен был Лукас. Виновен без всяких поблажек. Именно он связал Одор, из-за него она оказалась на пути огненной волны. Но огонь стал для нее избавлением. Лукас знал это, знал еще до того, как церцетарий подтвердил его догадки. Если бы женщина пережила бой на крыше, ножевое ранение медленно и страшно свело бы ее в могилу. Слишком медленно. И так страшно, что даже злейшему врагу нельзя пожелать такой смерти.

Не слышать об этом, не думать об этом...

Радун должен быть убит. Радун — враг. Чудовище. Человек, который хуже любого нелюдя.

Не думать об этом...

Не думать он не мог.

Глава 3

«Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость,

как наряд, одевает их».
Псалтирь (72:6)

Сергея Першина, доктора медицинских наук, руководителя проекта «Бессмертные», беспокоили настроения маркграфа Радуна. Будучи телепатом, Першин имел для беспокойства все основания.

Проект «Бессмертные» отнюдь не зашел в тупик. Нельзя ждать немедленных результатов от такой масштабной, без преувеличения революционной работы. Необходимо набраться терпения на годы и годы вперед. Да, с начала проекта прошло уже шесть имперских лет, и, да, те, кто имеет слабое представление о том, как идут изыскания и совершаются открытия, может предположить, будто у «Бессмертных» нет будущего. Несведущему простительно. Хуже, когда рассуждать таким образом начинают те, от кого зависит финансирование исследований.

Радун отнюдь не ожидал мгновенных результатов, он умный человек, но, похоже, его терпение подходит к концу. Оно и понятно, оказавшись под пожизненным домашним арестом, трудно оставаться спокойным и настроиться на многолетнее ожидание. А ведь без денег маркграфа развитие проекта сильно замедлилось. Без его денег, без его лабораторий. Без его людей. Люди, вообще, больное место. Нельзя использовать в проекте рабов, рабы — преступники, а генетика преступников ущербна по определению. Потом, позже, когда технология будет отработана, а производство «бессмертных» поставлено на поток, сгодятся все, но на данном этапе задействовать можно только свободных людей, с нормальными генкартами. В идеале, нужны женщины.

Радун снабжал генетиков Першина необходимым количеством объектов, прекрасных объектов, но сейчас он арестован, лаборатории на Акму демонтированы, вся информация о проекте хранится только в памяти самого Першина и его сына, Алексея (по крайней мере, маркграф верит в то, что это так), и, похоже, с его точки зрения, полгода на возобновление работы — это слишком много.

Проклятый священник!

Будучи телепатом, псиоником, нечеловеком, Сергей Першин не верил в церковь и без малейшего пиетета относился к ее представителям. Священники были врагами. Слишком опасными, чтобы открыто воевать с ними, но, все же, врагами. И определенно, они не были идеальными людьми, чей ум, честь, совесть и правота не подлежали сомнению.

Проклятый священник узнал о проекте «Бессмертные», проклятый священник вынудил маркграфа Радуна свернуть лаборатории на Акму, проклятый священник уничтожил Каролину Одор, объект номер четыре. И, наконец, проклятый священник навел маркграфа на мысль отказаться от генной инженерии и начать исследования в области компьютерных технологий. Святоша, чусров сын, сгинуть ему в Эхес Ур!

Нельзя так злиться. Плох телепат, не способный совладать со своими чувствами. Першин понял, что эмоциональный фон стал слишком ярким, когда Алексей отвлекся от работы и взглянул на него:

— Кстати, о фон Нарбэ, отец, почему его до сих пор не подключили к проекту? Закон на него не распространяется. А даже если бы и... нам-то что до закона?

— Ты что, издеваешься? — в этой, последней, вспышке, гнев вдруг выгорел. Исчерпал себя. — Прости, ты же не знаешь, — уже спокойно произнес Першин.

Ну да, разумеется, откуда бы ему знать? Закулисный скандал из-за рождения бастарда в семье фон Нарбэ, разразился двадцать семь лет назад. Алеша тогда еще даже в школу не ходил, и футбол был ему гораздо интереснее отцовской работы и любых, связанных с ней сенсаций. Да и кто был в курсе того скандала? Узкий круг ученых, работающих непосредственно на первых людей Империи.

На нелюдей, считающихся людьми.

Новорожденный Лукас фон Нарбэ был «отмечен ангелом».

Что бы это ни значило.

Церцетарии до сих пор не известно, что Сергей Першин, бывший профессор ЕИВ научно-исследовательского института медицины, некогда допущенный к святой святых Империи — генетическим программам создания аристократов — нелюдь страшнее любого аристократа. Нелюдь вне закона. Псионик. Телепат.

У любых других псиоников был шанс легализоваться и жить рядом с людьми, если можно назвать жизнью существование под постоянным, пристальным надзором, риск быть убитым по малейшему подозрению в том, что ты использовал свои сверхчеловеческие способности. Телепатам шансов не оставляли, их убивали сразу, без суда, а их семьи, после проверки, продавали в рабство.

— Не знаю — чего? — Алексей, не глядя, отослал заказ. — Про фон Нарбэ не знаю?

— Именно. Он действительно аристократ, но, увы, бракованный. Так что для нашей работы не подойдет.

— Это невозможно. Бракованные особи уничтожаются еще на эмбриональной стадии.

— О, да. Безусловно! В Империи все и всегда делается по правилам. Эмбриональная стадия... Ты же сам генетик. Ты читал показания свидетелей на Акму. Какого он роста, этот фон Нарбэ?

— Но во всем остальном он безупречен. И его послужной список...

— Он *не* безупречен. Он просто очень красив и идеально сложен. Но это и есть клеймо «забракован», предостережение для энтузиастов, вроде тебя, не оскорбляющее, при этом, остальных аристократов.

— Не понима... стоп. — Алексей потер бровь. — Кажется, понимаю. Если большую часть жизни он провел в невесомости, значит, в норме он должен быть трехметровым, паукообразным чудовищем.

— С одной поправкой: аристократы идеальны, значит, это было бы идеальное, трехметровое, паукообразное чудовище. — Першин-старший кивнул. — Да. Все верно. Лукас фон Нарбэ не соответствует норме, его развитие шло неправильно, что для аристократа — невозможно. А послужной список вообще ничего не доказывает. Разумеется, его способности превосходят человеческие, как иначе, он же нелюдь, хоть и бракованный.

— Насколько я понимаю, это абсолютно незаконно.

— Насчет законности ничего сказать не могу. Информация о том, как он уцелел, и почему ему позволили появиться на свет, доступна только личным врачам семьи Нарбэ.

Отмеченный ангелом. Что бы это ни значило.

Сколько проблем может доставить один-единственный рыцарь-пилот! И все эти проблемы, все разрушения, возможный крах надежд на успешное завершение проекта — все это сделано походя, случайно, просто потому, что Лукас фон Нарбэ по прозвищу Аристо и астероид Акму сошлись в одной точке в неподходящее время. Если продолжить рассуждать в этом направлении, недолго внушить себе какую-нибудь мистическую чушь, но разумеется, все, случившееся на Акму, было лишь цепочкой досадных совпадений. Однако каково же тогда приходится тем, кому достается целенаправленное и пристальное внимание ордена Десницы?

Можно было вообще не дергаться, не прятать объекты, не уничтожать рабочие файлы, какой смысл в этом, если одну капсулу все равно не успели забрать, а одну лабораторию не успели демонтировать. И все потому что проклятый священник умудрился сделать невозможное — вместо того, чтобы болтаться на орбите, ожидая, пока освободится хоть один причал, он посадил матван церцетариев в непредназначенный для этого ангар.

Объект и лаборатория. Целиком. Щедрый подарок ордену Всевидящих Очей.

Слишком щедрый.

А потеря объекта номер двенадцать, Беляевой Луизы, выявила серьезные недоработки в проекте. Наноорганизмы, чьей задачей было поддерживать жизнедеятельность и восстанавливать поврежденные ткани, не справлялись с обширными ранениями (этого от них

пока и не требовалось), однако самопроизвольно переходили в форсированный режим работы, и не позволяли носителю умереть от полученных повреждений. В результате, Беляева сгнила заживо.

Эта смерть произвела на Радуна слишком тяжелое впечатление, и вот, пожалуйста, он всерьез заинтересовался терранскими разработками, их легендарными «эдзоу», искусственными телами. «Эдзоу» не могут регенерировать, в этом смысле их не сравнить даже с нынешними, несовершенными «бессмертными», но они и не разлагаются. А отремонтировать их не сложнее, чем центральные корабельные компьютеры.

Дорогое удовольствие.

Может, маркграф и понял бы это, если б заполучил в свое распоряжение единственный на данный момент «эдзоу», находящийся на территории Империи (единственный, о котором было известно). Но фон Нарбэ (и как не верить после этого в мистику?) сорвал и эту возможность. Снова случайность? Или, все-таки, Аристо не просто так оказался в том самом месте, где эмигрант с Терры должен был передать «эдзоу» церцетарии? Ведь решение о ввозе в Империю запрещенного законом искусственного тела было принято по его настоянию. Дело о смерти Беляевой было громким, очень громким, любой о нем слышал. Любой знает, что ради спасения Луизы Беляевой, легендарный Аристо настоял на нарушении законов, которые призван защищать. Как же отчаянно он хотел спасти ее! Насколько сильно сопереживал! Почему? Потому что священник? Но рыцари ордена Десницы, хоть пилоты, хоть десантники, это не приходские попы, не психологи из Наставляющих Скрижалей. В ордене Десницы служат убийцы, хищники с намеренно искаженной моралью. Принято думать, что там нет эмпатов...

Принято думать.

Об Аристо говорят разное. Это разное не предназначено для чужих ушей, не выходит за стены монастыря «Святого Зигфрида», но приложив усилия, можно получить информацию даже из монастырей Десницы. Аристо отличается от других. Это никого не удивляет, ведь он — почти аристократ. А кто кроме посвященных знает, что аристократам недоступны пси-способности? И кто из посвященных еще не потерял из вида бастарда фон Нарбэ, надежно защищенного церковью, спрятанного от любых мирских исследователей в неприступной летающей крепости?

Отмеченный ангелом. Не эмпат. Не телепат. Нечто другое, непонятное, объединяющее и телепатию, и эмпатию, и дар убеждения, но, в отличие от способностей псиоников, признанное талантом, а не болезнью.

И этот человек девять недель провел рядом с умирающей от гангрены женщиной. Эмпат, он был с ней каждый день, он ухаживал за ней в меру сил и возможностей, он чувствовал все, что чувствовала она, и видел все стадии ее ужасной смерти. В том, что Беляева умерла, умерла именно так, виновен маркграф Радун. Насколько сильно она ненавидела своего убийцу? Такую степень ненависти трудно представить. Но именно так сейчас ненавидит Радуна рыцарь-пилот фон Нарбэ. Именно так. Эмпатия — редкий и опасный дар. А аристократ-эмпат — создание, единственное в своем роде. Сверхчеловеческие возможности, дар убеждения и одержимость местью... Алексей прав, Лукаса фон Нарбэ можно и нужно подключить к проекту.

А раз так, то маркграф еще пригодится. Именно он станет платой за сотрудничество. Хорошая цена, Аристо не сможет отказаться от такого предложения.

* * *

Дэвид по поводу сорвавшейся сделки даже взогреться особо не успел, церцетарии времени не дали. Перехватили у лифта посадочной вышки «Плеяд». Пожилой такой священник, в форме, пароль сказал, все честь по чести. В общем, никаких больше проблем.

Денег заплатили больше, чем обещали. Компенсировали моральный и материальный ущерб, оплатили расходы на лечение. А кроме денег, так, на словах извинились. «Инцидент в

Музее — это наша недоработка. Охрана оказалась недостаточно эффективной, и если бы не посланный волей providения рыцарь-пилот, последствия могли оказаться самыми плачевными».

Волей providения. Это в переводе с церковного на человеческий означает — по чистой случайности. А Дэвид-то думал, что тот парень, священник — один из тех, кто обеспечивал безопасность сделки.

Случайность, значит? Ну-ну. И через весь Музей следом за Дэвидом случайно прошел, и в бой на крыше вмешался по чистой случайности?

Однако выручил ведь. Случайно или нет, но без него шансов выбраться из переделки живьем у Дэвида было гораздо меньше.

Полученных от церцетарии денег хватило бы на то, чтоб несколько лет колотить понты на какой-нибудь из недорогих планет. Дэвид выбрал Сингелу. Из Агасты связался с одним из тамошних столичных агентств недвижимости, и риэлтер обещала подыскать ему подходящий домик как раз, пока он будет лететь из одной системы в другую.

С Инуи получалось две пересадки. Новый опыт. Космические станции — интересные места, и, кстати, полезные, если с кем встретиться надо, чтоб в глаза не бросаться. На вторую из них, под названием Мишмерише, почти одновременно с гаримой, на которой летел Дэвид, прибыл монастырь ордена Десницы.

На Мишмерише все как с ума посходили. В гостиницах тут же сделали платным переключение мониторов на разные камеры внешнего обзора. В прогулочных коридорах с прозрачными стенами, к моменту прибытия монастыря было не протолкнуться. Дэвид позаботился о том, чтоб прямо из своей каюты переключаться между камерами внутри станции. Администрации он об этом сообщать не стал — что им своих забот, что ли, мало? — а, чтоб хоть в чем-то соблюсти закон, отстегнул по прейскуранту, за возможность посмотреть на монастырь прямо из номера. Надо ж было узнать, из-за чего все тут разве что на головах не ходят.

Он не пожалел о потраченных деньгах, зрелище того стоило.

Из окружающей Мишмерише, пронизанной звездами пустоты медленно и неотвратно надвинулась... планета. По крайней мере, так показалось сначала. Громада монастыря не помещалась в поле зрения, не помещалась в сознание.

Не целиком.

На обшивке чудовищной сферы вспыхивали и гасли какие-то непонятные огни, вокруг мельтешили тучи гафл — казалось, истребители просто играют, резвятся, под защитой монастыря-матки. Где-то в административной зоне Мишмерише, в какой-нибудь рубке связи, сейчас, конечно, шли переговоры с монастырем, обмен паролями, проверка безопасности, что там еще, курс корректируют, выравнивают скорость?.. шут их знает, неважно. Отсюда, из каюты, казалось, что расцветенная редкими вспышками громада надвигается безмолвно и неудержимо, и уже вот-вот, сейчас, сомнет, раскатает в лепешку беззащитную станцию.

Только когда от монастыря к причалам устремились матваны, стало ясно, что все закончилось благополучно. Стыковка состоялась, или как там это называется?

Большой монитор в номере, еще недавно так похожий на окно, выходящее прямо в космос, был теперь разбит на несколько секторов, транслирующих изображение разных камер внутреннего наблюдения. Дэвид смотрел, как входят на станцию рыцари ордена Десницы. Первые матваны доставили не только рыцарей, были там и группы техников, и врачи, и послушники из obsługi, но рыцари бросались в глаза.

Синее с золотом.

Не сравнить с черной формой техников, или светло-зелеными мундирами врачей.

Рыцари-десантники с золотыми, шипастыми палицами в петлицах. Большие парни. Скалятся улыбками, проходя сквозь расступающуюся как вода толпу встречающих, веселые

глаза находят, оглядывают, ласкают принарядившихся женщин.

Священники, ага. Так вот смотришь, и прямо видишь — монахи. От отпуска до отпуска уж такие монахи, впору канонизировать за подвиги на ниве воздержания. Что б там про рыцарей Десницы не рассказывали, какие бы фильмы не снимали, в данный конкретный момент этим ребятам явно ничего, кроме баб, не интересно.

А вон и пилоты. За десантниками не сразу различишь — форма-то один в один, только в петлицах мечи с крыльями — а габаритами куда как помельче. И тоже целибат аж в ушах плещется, женщин выцеливают, как будто вместо глаз системы наведения. Но вот эти-то явно держатся по двое. Хотя и кажется, что группой идут, хоть и смешались с десантом, но каждую двойку отчетливо видно. Как летать привыкли, так и тут друг друга из вида не выпускают? Похоже, что да.

А тот пилот, в Музее, он был один.

Дэвид еще несколько минут понаблюдал за рыцарями, за возбужденной публикой. Пожал плечами: народ здесь, все-таки, с прибабахом, как есть, жертвы пропаганды.

Рыцари, конечно, герои, чего там. С пиратами воюют, пленных спасают, заложников освобождают, и вообще, служат и защищают в лучших рыцарских традициях. Но как раз поэтому, к жизни они наверняка не приспособлены. Идеалисты же. Кто кроме идеалистов может постоянно, всегда, без выходных и отпусков быть героем? Эти парни малость похожи на корпорантов на Старой Терре тех еще времен, когда пыталось организоваться сопротивление Искину. Корпорации воевали, ага. Тоже идейные были, бились за деньги и свободу их зарабатывать, но умели что-то только от сих до сих. Если нужно было за пределы вылезти, фантазию проявить — терялись и, так или иначе, гибли. Вот и эти, что они умеют, кроме как воевать? Им ничего больше уметь нельзя, иначе идейность рано или поздно трещину даст. Значит, вне монастырей, в обычной жизни, они как улитки без панциря. Они не знают об этом, не знают, что мир за пределами их монастырей, может быть враждебен. Они уверены в том, что мир и люди в нём созданы разумно и настроены благожелательно, а себя чувствуют хозяевами и в космосе, и на планетах...

И все-таки, покинув монастырь, даже в мирной обстановке держатся, как в бою.

Дэвид мог поспорить, что рыцари в родном для них, смертельном холоде пространства отличаются от рыцарей, которых благодарные миряне видят на станциях, и на поверхности планет. Дэвид был уверен, что отличия разительны.

* * *

В конце концов, он поселился в Девятом Полисе — на Сингеле города по номерам, а не по названиям — наслаждаясь всеми прелестями существования корпоранта на пенсии. Договор с церцетарией включал пункт о том, что его не будут искать, и Дэвид из чистого интереса хотел проверить честность святош. Впрочем, это не значило, что он пренебрег своей безопасностью: обставляясь на Сингеле, он позаботился о том, чтобы поддерживать связь с Серго, и парой-тройкой таких же полезных и нужных людей. Может, орден Всевидающих Очей и воображал, будто контролирует здешние информационные потоки, но о том, что такое настоящий контроль тут понятия не имели. А Дэвид, на Земле и не помышлявший о взломах компьютерных сетей, мог дать пятьдесят очков форы тем шэнцам, которые называли себя «хакерами». Дети они тут, против землян. Натурально, сынки.

В общем, связаться с ним, при желании, можно было. И связывались. За восемь месяцев — трижды. Один раз Дэвид заказ принял — работенка подвернулась стоящая — а дважды отказался, с мотивировкой «не интересно». Он и на Земле так делал, и в Шэн привычки менять не собирался.

Для неинтересной работы можно найти не такого дорогого спеца.

Он привыкал к жизни в Шэн. Когда пообвыкся слегка, больше всего понравилась возможность летать на другие планеты. Захотелось тебе к морю: вот тебе на выбор миллион морей, и каждое от другого отличается. Захотелось тебе в горы: вот тебе горы, какие только

можно придумать. А вот ещё миллион таких, на какие и фантазии не хватит. В лес, в тундру, в пустыню, в тропики — были бы деньги. Деньги были и времени впереди было навалом. Дэвида всё больше на природу тянуло, потому что на Земле какая природа? Никакой. Но в Шэн и с цивилизацией все обстояло в лучшем виде. На одной планете, как он слышал, вообще сплошь зона отдыха: вся планета — парки, кинотеатры, казино да аттракционы всякие. Ну, курорты ещё, ясное дело. Живи, не хочу!

Он и жил, ёлы. Чего ж не жить в этакой-то идиллии человеку со Старой Терры? Киборгу, ага. Даже в церковь ходить привык.

У них тут чётко: в церковь надо ходить каждый день, хотя бы один раз, с утра. И ходят, не рыпаются. На Дэвида соседи по улице дня через три коситься стали: как так, приехал человек, живёт, а в храм не ходит. Дэвид ненавязчиво объяснил, что он после перелётов несколько дней плохо себя чувствует. Отнеслись с пониманием: полёты через «подвал» любого доконают. Ну, а через недельку, хочешь, не хочешь, в церковь идти пришлось.

Поп, отец Йоз, нового человека сразу отследил — приход невелик, все всех знают. После проповеди попросил задержаться, мол, познакомиться надо, то да се. Исповедаться, опять же, новому прихожанину не помешало бы, наверное.

Вот на исповеди Дэвид и напрягся. К визиту в храм он готовился, ясное дело, куда ж без подготовки-то на чужую территорию? Ну, и грехов себе придумал немножко. А отец Йоз этот, — из ордена Скрижалей, само собой, пастыри все оттуда, — он исповедь выслушал и спрашивает:

— Что вы хотите утаить, сын мой? И зачем? Господу и так ведомы все ваши проступки, вы же, пытаетесь скрыть их на исповеди, только оставляете тяжесть на душе. А ведь ей, душе, куда лучше, когда она легка и свободна.

Вот так! О том, что приходские священники — все эмпаты, причем обученные, работающие и на прием, и на передачу, Дэвид знал. Но такой высокой квалификации не ожидал, не в Девятом Полисе, по крайней мере, тут же сплошь благонадежные подданные живут. Пришлось мобилизовать ресурсы и выкручиваться на ходу. Дэвид честно рассказал, что согрешил, присвоив чужое. В долг, значит, у одного взял, а вернуть — не вернул. А так вышло, что возвращать-то пока и нечего. Но кредитору же не объяснишь, он теперь Дэвида ищет, пасть порвать хочет. Отсюда и тяжесть на душе. Совесть мучает, да.

— Вы, сын мой, путаете совесть со страхом попасться, — пожурил его отец Йоз, — чем повторяете ошибку многих мирян. Грех я вам не отпущу, пока вы по-настоящему не раскаетесь в том, что сделали, однако, если кредитор или его посланцы действительно явятся «рвать» вам «пасть», вы всегда можете найти защиту под крышей этого храма.

Обошлось, короче. Дэвид неделю тренировался, прежде чем снова разговор с пастырем на эту тему завести. Сказал, что раскаялся. И что долг вернул, так что целостности его пасти теперь никто не угрожает. Не зря тренировался — поверил священник, хоть и эмпат. Ну, а в храм Дэвид теперь ходил ежеутренне. Вот жизнь! Узнали бы ребята на Земле, смеялись бы до смерти.

Ну, а что делать-то? С волками жить — по-волчьи выть, не так разве?

Глава 4

«Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику»

Второе послание к Тимофею (2:4)

Посадка. «Оса», совершив разворот, хвостом вперед влетает в открытый денник.

Март садится, чуть запоздав: ему нужно больше времени, чтобы сбросить скорость и развернуться, но здесь, в ангаре, отставание на доли секунды простительно, а в бою он цепко висит на хвосте у ведущего, без малейших задержек выполняя самые сложные маневры.

Хороший пилот.

«Хороший мальчик», — стягивая шлем, Лукас улыбается краешком губ, и слышит в шлемофоне:

— Я еще научу тебя улыбаться по-настоящему.

Марту плевать на то, что их всех их переговоры слушают и пишут.

Впрочем, это же монастырь. Здесь все всё обо всех знают.

И в этот раз, выходя из денника, Лукас никого не ищет, среди встречающих. В этот раз он помнит — искать больше некого. Поэтому, пропустив в денник техников, он ждет у входа. Ждет, пока ведомый нагонит его, чтоб вместе отправиться на разбор полетов, а потом — в жилые отсеки.

Вместе. Вдвоем. Так, как и должно быть.

И в ярких, синих глазах Марта недоверие сменяется пониманием. Изумленной, радостной признательностью.

Поход обещал быть несложным — патрулирование, переходы от станции к станции по обжитым трассам, постоянный контакт с внешним миром и увольнительные чуть не каждую неделю. Курорт! Пираты и контрабандисты, прознав о том, что монастырь идет проторенными тропами, нишкнули, так что шансов наткнуться на них практически не было. Для монастыря громко о себе заявить — верный способ с минимальными затратами обеспечить максимальную безопасность мирян.

Конечно, пиратов нужно уничтожать, а не просто пугать, а контрабандистов — не разгонять, а наказывать, но прошлый поход длился больше года, тогда «Зигфрид» побывал и в Вольных Баронствах, и на Периферии, драться приходилось и в «подвале», и в обычном пространстве, так что по заслугам и награда — полгода синекуры на зависть всем прочим монастырям. А и то. Пусть завидуют — злее будут.

Марта перевели в «Бальмунг» сразу, едва монастырь вышел в поход.

— Считай его моим подарком на день рождения, — объявил отец Александр.

— Ну, спасибо, авва, — отозвался Лукас, пребывавший после возвращения с планеты в полном душевном раздрае. — Только рыцарей мне еще и не дарили.

— Спасибо скажешь, когда Плиекти станет твоим ведомым, — архимандрит снес грубость стоически, как, впрочем, и всегда.

Лукас фон Нарбэ, летавший без ведомого с тех пор, как стал командовать эскадрильей, смерил своего командира и приемного отца взглядом, опасно близким к нарушению субординации. Ибо что, как не нарушение субординации — сомнение в умственных способностях старшего по званию?

— В карцер бы тебя, — вздохнул отец Александр. — Полетай с мальчиком, он талантлив, но талант нуждается в огранке. Так что насчет ведомого я серьезно, Аристо. Я хочу, чтоб ты занялся парнем лично, и научил его всему, что знаешь. Это приказ.

И раньше, чем Лукас успел уставно ответить: «во имя Господа», добавил, с усмешкой:

— Это, конечно, приказ, но ты, пожалуйста, воспринимай его как подарок.

Что ж, насчет таланта отец Александр не ошибся. Такие пилоты как Март — большая редкость. И, пожалуй, отец Александр не ошибся насчет подарка. К исходу третьей недели похода, всему монастырю уже было ясно, что у Аристо наконец-то появился ведомый. Впрочем, между вылетами он держал Марта на расстоянии, ничем не выделяя его среди других рыцарей «Бальмунга».

До сегодняшнего дня.

Сегодня они ушли из ангара вместе, как и подобает рыцарям одного звена. И это было правильно.

Отец Александр не ошибся насчет подарка.

* * *

Из системы Туин, ненадолго уходя в «подвал», и вновь выныривая в обычное пространство, дошли до Восора. Повисли на рейде у Торды, ближайшей к Восору населенной планеты. Первая увольнительная — и сразу на поверхности. Это вам не на станциях отдыхать. «Святого Зигфрида», определенно, решили холить, лелеять и баловать.

Лукас на планету, естественно, не собирался. По сложившейся традиции, рядом с населенными планетами на него временно возлагались обязанности всех маршалов монастыря. В обычное время маршалов было четверо: командиры авиаполков и ротные эквесов, но если уж Аристо все равно в увольнительную не идет, пусть хоть пользу приносит. Это было логично. Все привыкли.

В этот раз отец Александр не освободил маршалов от их обязанностей, сократив время увольнительных и вогнав в легкое уныние. Вопросов настоятелю никто задавать не стал — приказ есть приказ. Вопросы попытались задавать Лукасу, как настоятельскому любимчику, Лукас наврал, будто понятия не имеет, что такое стряслось. Может, у отца Александра похмелье, а, может, это беспокойство о моральном облике командного состава.

Он догадывался, в чем причина отступления от традиций. Но... нет, был не готов делиться догадками с кем-то еще.

На Торде родился Март.

И это имело какой-то смысл, все эти штуки: родная планета, место, где ты родился — это имело смысл. Для тех, кто рождался.

Джереми... родился на Инуи. И он приложил когда-то немало усилий к тому, чтобы хоть раз вытащить туда Лукаса.

— *Родная планета! Ты, флюктуация, самозародившаяся в гафле, ты представить-то себе такое можешь? Не можешь! Твой единственный шанс хоть что-нибудь узнать о жизни на поверхности — это слетать со мной на Инуи. Возражения не принимаются.*

Лукас, кстати, и не возражал. Насчет слетать. Он был против «самозародившейся флюктуации». Но Джереми не принимал и этих возражений.

Инуи, Акму, снова Инуи... Достаточно. Лукас был сыт планетами по горло. Больше — никогда. Разве что в рамках выполнения боевой задачи. А поскольку у пилотов не должно быть боевых задач, требующих опускаться на поверхность, значит, все-таки, — никогда.

Он снова разозлился. И привычно сосредоточился на том, чтобы успокоиться. Медитации, медитации... Дел хватало, а дела — лучший способ не поддаваться эмоциям. Нужно написать, наконец, рапорты о последних вылетах; сверить с интендантом стоимость трофеев, взятых в этом походе, и отделить монастырскую долю; к интенданту на маршалский склад стоит наведаться лично. И проведать по дороге вахтенных. Всегда полезно, когда братья вспоминают, что не они одни заняты делом, пока другие отдыхают и развлекаются.

Лукас проверил, кто из братьев не отправился в увольнительную с первыми матванами и с некоторым удивлением обнаружил в списке Марта.

Удивился еще больше, когда перевел дуфунг в режим обнаружения, и выяснил, что Март находится рядом с его кельей.

Случилось что-то?

Срочное дело?

Но по срочному делу с ним всегда можно связаться, и, кстати, если что-то случилось — тоже. И почему Март все еще не на планете?

Март сидел на палубе, прислонясь спиной к переборке, и постукивал пальцами по колену в такт только ему одному слышной музыке.

Лукас стянул с уха ведомого лепесток наушника. Март вздрогнул, поднял глаза. Вскочил на ноги:

— Я тут подумал, тебе, может, помочь чем надо?

— Рапорты напишешь? — кисло спросил Лукас.

Март пожал плечами:

— Могу. Только ты их потом перечитай.

— Ты почему не в увольнительной?

— Я в увольнительной, я на планету не полетел. Ты же не полетишь, а без тебя никак.

— Не болтай чушь!

Лукас прикусил язык, но было поздно. Синие глаза его ведомого потемнели:

— Мы — звено, — напряженно сказал Март, — ты что думаешь, я отправлюсь куда-то без тебя?

Да уж, точно. Думать надо, прежде чем говорить. Для Марта пока одинаково ценны и форма, и содержание. Со временем пройдет, но сейчас он не делает разницы между ритуалом и тем, что за ритуалом.

Люк кельи с шелестом отполз в сторону, и Лукас кивнул:

— Заходи.

В келье первым делом настроил для ведомого временный доступ к своему компьютеру — пусть делом займется, раз уж сам помощь предложил — только потом продолжил поднятую в коридоре тему:

— Пилоты одного звена обычно держатся вместе, все правильно, но не в тех случаях, когда бзик одного из них ограничивает свободу другого. Особенно, когда речь идет о родной планете.

— А ты знаешь, что я родился на Торде?! — Март возрился на него из кресла.

— Естественно. И о том, что ты обещал своим друзьям из полка Джер... из Первого полка, показать свой родной город. У вас там, если не ошибаюсь, добывают янтарь.

— Самая большая в системе янтарная ярмарка. У нас даже собираются Музей сокровищ и редкостей построить. Прямо в Бассаре. Это мой город так называется. Хотя... ты, наверное, и об этом знаешь?

— О Музее впервые слышу.

— Все равно. — Март решительно отвернулся к компьютеру и несколько секунд глядел на пустой монитор. — Все равно. Про бзик правда, но ты планеты не любишь — это не бзик.

— Угу, — отозвался Лукас.

Март был слишком взвинчен. Старался казаться спокойным, от этого напряжение внутри только росло. Расстроен, что не улетел на Торду? Нужно продлить ему увольнительную на все время, пока «Зигфрид» пробудет на орбите. Одумается — слетает домой. Проведает семью — у него там дядя и дед с бабкой. А пока надо подержать его рядом. И делом занять...

Интендант подождет личной встречи? Или сцепиться с ним в официальной переписке?

Пожалуй, интендант подождет. Для родного монастыря, конечно, не жалко трофеев, но принципы и традиции велят биться за каждую мону, а биться лучше, не оставляя логов в монастырской сети.

Интересно. Родной монастырь. Родная планета. Есть что-то общее? «Не любишь планеты» — неверная формулировка. С некоторых пор Лукас их попросту боится. Но пока это не создает помех в бою, Марту об этом знать не обязательно.

— Ты до Инуи вообще совсем на планетах не бывал? — тут же, как подслушал, поинтересовался его ведомый. — Ни разу не спускался на поверхность? Говорят, ты родился в монастыре.

— Говорят. В здешнем госпитале. Но не родился, меня вынули из инкубатора, взятого в числе других трофеев.

— Ну, да. Аристократы все... так. Типа, рождаются.

— Не все в монастырях, — с достоинством напомнил Лукас.

— А правда, что там был архимандрит?

— Отец Александр? Он тогда полком командовал. Был. До сих пор неизвестно зачем его занесло в госпиталь. Говорят, очень интересовался адским устройством с живым младенцем внутри. В итоге, когда устройство разродилось, рядом кроме него никого не

случилось. Жаль, я не помню, какое у него было лицо.

Март ухмыльнулся. А через секунду виновато подпрыгнул:

— Тебе письмо. Я случайно открыл. Случайно, честно. Забыл, что почта не моя.

— Там все равно нет ничего, что уже не прочла бы цензура, — Лукас из-за плеча Марта дотянулся до экрана. — Никаких секретов от братьев, знаешь ли. Тем более, от тебя. — Он открыл меню информации о корреспонденте, и они с Мартом одинаково изумленно уставились на сообщение: «информация отсутствует».

* * *

Племянник должен был спуститься на Торду с первым же монастырским матваном, и сразу лететь в Бассар. С друзьями или без них — его дело, но появиться в родном городе он был обязан.

И, все же, не явился.

Передать Бастарду письмо было некому. А сам Бастард никогда не спускался на планеты.

Этот вариант тоже был предусмотрен: Март мог получить взыскание, мог остаться без увольнительной, уставы монастырей чрезвычайно суровы — как иначе держать в узде бешеных рыцарей? Правда, судя по письмам самого Марта, настоятель «Святого Зигфрида» не был так жесток, чтоб не дать рыцарю увольнительную, когда родная планета — вот она, видна невооруженным глазом, но при составлении плана учитывали и тот факт, что пилот-истребитель мог попросту не дожить до сегодняшнего дня.

Слава Богу, мальчишка жив. Петер и Мария каждый день жгли ритуальные моны перед иконой бодхисатвы Юрия, покровителя всех, космонавтов, и вносили имя племянника в список молитв за здоровье в храме Гнева Господня в Мешехе, столице Торды. В столичном храме даже среди бодхисатв были только пилоты, и наверняка кто-нибудь из них, раз за разом слыша о Марте Плиекти, начал присматривать за мальчиком. Не обошлось без того, раз Бастард сам выбрал его в свои напарники. Что бы это ни значило, лучше уж Первый Рыцарь, чем кто-нибудь другой.

Март жив. Март не наказан. Но в Бассар не прилетел. Вместо него в середине дня у дома приземлилась машина, где были двое других рыцарей. Они представились и передали от Марта посылку с сувенирами для всей семьи. Отец Иоанн и отец Лев — обоим уже за семьдесят, оба вежливые и не высокомерные. Служили с Мартом в одной эскадрилье, пока его не перевели к Бастарду. Понимая желание Петера, Марии и других домочадцев узнать о жизни племянника как можно больше, рыцари приняли приглашение зайти в гости, и не меньше часа терпеливо отвечали на вопросы. Ну, что тут скажешь? Хоть и рыцари, хоть и бешеные, а все ж таки, священники.

Они и объяснили, что Бастард никогда не бывает на планетах, а поскольку Март сейчас его ведомый, то и он тоже не прилетит. Даже чтобы повидаться с родными.

— Максимализм. — Объяснил отец Лев, — Март пока думает, что ведущий и ведомый обязаны держаться вместе в любых обстоятельствах. Станет постарше, поймет, что бывают исключения.

Рыцари обменялись короткими, понимающими взглядами. Отец Иоанн усмехнулся, отец Лев скрыл усмешку, и подытожил:

— Ваш племянник в полном порядке. Если хотите передать ему что-нибудь, мы зайдем вечером.

Петер хотел, еще как хотел. Жаль, нельзя было попросить рыцарей надрать Марту уши, как нельзя было просить передать ему приказ перестать чудить и явиться в Бассар. Племянник как-то слишком всерьез принял странный уклад монастырской жизни. Уж не вообразил ли он себя настоящим рыцарем? Или это близость с Бастардом плохо повлияла на него? Лха его знает, вдруг тот излучает что-то такое... какие-нибудь флюиды, отравляющие

душу? Если это правда, Петер будет настаивать на том, чтоб вернуть Марта домой. Хватит того, что он согласился отпустить племянника на почти верную смерть: тот сам рвался в пилоты, мечтал служить Капелле, и кто бы смог его удержать? Но рисковать жизнью — это личный выбор каждого человека, а рисковать душой не имеет права никто.

На случай, если Март не прилетит на Бассар, Петер кроме письма и бохардата с какими-то документами, получил еще и нехитрую программу, позволяющую разбить письмо на крохотные фрагменты и россыпью отправить в монастырь вместе с любым пакетом почты. Все время пока «Святой Зигфрид» висел на орбите, почтовый узел военного космодрома столицы работал на износ, отправляя, отправляя и отправляя письма. Март рассказывал: такое происходило на каждой планете. Множество людей, несмотря на наставления пастырей, суеверно считали рыцарей Десницы бодхисатвами, или, по крайней мере, близкими к святости. Грех, конечно, но люди грешили и всегда будут грешить, и почти всегда — с благими намерениями. Как бы там ни было, письма с молитвами и просьбами шли в монастыри сотнями тысяч, застревали в фильтрах, уничтожались, им на смену приходили новые. В таких условиях невозможно было отправить в монастырь свое послание, если твоего имени нет в списке разрешенных корреспондентов. Имя Петера Плиекти в списке, конечно, было — Устав ордена не требовал разрыва родственных связей — но он не мог просто взять и отправить Марту письмо для Бастарда, как не мог и написать, мол, дорогой племянник, твоего командира ждет не дождется на Торде представитель Капеллы с крайне интересным предложением.

Конспирация, конспирация и еще раз конспирация.

И Петер и Март были иллюзионистами, им, в отличие от телепатов, не грозила смерть просто за то, что они существуют, но их казнили бы за работу в Капелле. Заговор псиоников, нелюди, объединившиеся, чтоб бороться за жизнь — самый жуткий кошмар ордена Всевидящих Очей.

По первоначальному плану, Март должен был передать Бастарду письмо, полученное от Петера, и убедить всех в том, что понятия не имеет ни о том, от кого получил послание, ни о том, что в нем. Убеждать он умел, у иллюзионистов это получалось даже лучше, чем у телепатов. А в самой по себе просьбе какого-нибудь мирянина передать весточку в монастырь, не было ничего особенного. Раз письмо, отправленное обычным порядком, завязнет в фильтрах и не дойдет до адресата, понятно, что надо обратиться за помощью к кому-то из монастырских священников.

О том, что Март — вдовый Лукаса фон Нарбэ, знали многие. Отец Вэнь, приходской священник, иногда, вместо воскресной проповеди, читал выдержки из его писем — все ж таки, Март не только из их прихода единственный рыцарь, а вообще из всего Бассара. Ну, и о том, что фон Нарбэ его к себе приблизил, тоже многие узнали. Репортеры в том числе. А уж эти-то по всей Торде раззвонили, и даже по улим-кимато в новостях про Марта рассказывали. Словом, через кого и связываться с Первым Рыцарем, как не через него?

Что в том письме, Петер и сам не знал. Знал только, что Бастард посланием обязательно заинтересуется, и спустится на планету, чтоб получить бохардат с информацией. Вряд ли это шантаж — невозможно шантажировать человека, который ежедневно исповедуется в грехах чуть не самому Господу — значит, не обойдется без ордена Всевидящих Очей. Бастард слишком набожен и законопослушен, чтобы не сообщить церцетариям о том, что ему предлагают какое-то сомнительное дельце. Но на то ведь и Капелла, чтоб церцетарию с носом оставить.

И пусть Март оказался в этом плохим помощником, зато почтовый сервер космодрома не подвел. Рассыпавшееся на тысячи фрагментов письмо унеслось в монастырь, чтобы там, пройдя сквозь фильтры и защиты, вновь стать единым целым.

* * *

Вот так и становятся предателями. Из лучших побуждений, и очень, очень просто, даже делать ничего не надо. Не сделал — и уже предал. Март смотрел в монитор, снова и снова перечитывал короткую записку:

«...если Вы все еще заинтересованы в том, чтоб справедливость была восстановлена, и Юлий Радун понес заслуженное наказание, предлагаю Вам сделку. Я предоставлю неоспоримые доказательства причастности Радун к преступным экспериментам над людьми в обмен на нечто, в данный момент принадлежащее одному из Вольных Баронов. Подробности Вы найдете в бохардате в камере хранения гражданского космопорта Мешмеха...»

Номер ячейки, пароль...

Так и становятся предателями. Вот зачем он нужен был сегодня на Торде — передать письмо. А он остался в монастыре, и дяде Петеру пришлось идти на риск. А самое плохое — *ужасное* — в том, что вина грызет не только за это.

Март чувствовал Лукаса за спиной, близко, но все равно вздрогнул, когда рука командира легла ему на плечо.

— Хорошо, что ты остался, — услышал он.

И на одну дикую, разом вогнавшую в пот секунду показалось, что дальше последует: «Говори, от кого письмо!»

— Март... — Лукас развернул его к себе вместе с креслом, — что стряслось?

— Ничего.

Врать, глядя прямо в серьезные фиолетовые глаза, было почти невозможно. Лукас просто эмпат, не телепат, но когда он так смотрит, он будто сердце из груди вынимает.

— Подумал, — выдавил Март, — мы же должны были письмо братьям-цензорам показать. Пришло неизвестно от кого, такого же быть не может, там вирус, все, что угодно... А я открыл.

— А ты не знал. — Лукас улыбнулся, — раз письмо сюда добралось, значит, цензоры его пропустили. Я адресата посмотрел только потому, что мне снаружи писать некому.

Значит, дядя Петер рисковал еще сильнее.

— И... что ты собираешься с этим... — Март покосился на экран. — Что будем делать?

— Больше всего мне сейчас хочется грязно ругаться и ломать чем-нибудь тяжелым что-нибудь хрупкое.

— Ты поэтому рад, что я здесь?

— Точно. Не могу же я психовать в присутствии ведомого. Если ты будешь знать, как легко я срываюсь, ты со мной летать перестанешь.

— Пока жив, не перестану. Но могу, если хочешь, смотаться в Мешмех и забрать бохардат.

— Ты, если хочешь, можешь просто так в Мешмех смотаться. И в Бассар. И куда пожелаешь. Я тебе увольнительную продлил до конца стоянки. А забрать бохардат мы доверим «пасынкам», это по их части.

«Пасынками», или «пасынками церцетарии» называли священников из дивисио Разведки и Безопасности. До недавнего времени Март думал, что ДРБ опасен для него почти так же, как орден Всевидящих Очей. Иллюзионист, он в первую очередь готовился обманывать именно их. По представлениям Капеллы, ДРБ следил за каждым шагом каждого обитателя монастырей, проверял и перепроверял их прошлое, въедливо копался в настоящем, и прогнозировал будущее. Может, так оно и было... Трудно сказать. Если даже «пасынки» и проявляли столь пристальное внимание, то никого из обитателей монастыря оно не смущало. Случайных людей тут не было: попасть в монастырь могли только те, кто с самого детства посвящен богу. Те, кто учился в церковно-приходской школе, после — в семинарии, (не важно какой, военной, инженерной, медицинской, гуманитарной — любой, монастырю требовались самые разные специалисты), кто прошел множество тестов и доказал, что способен без вреда для себя и окружающих провести всю жизнь в замкнутом

пространстве космической крепости, без права на личную жизнь.

Этих людей меньше всего беспокоил интерес к ним других таких же.

У всех своя работа. Никаких секретов от братьев.

Никаких.

Это была правда. И эта правда, в конце концов, стала опасней «пасынков» и церцетарии вместе взятых. Потому что у Марта секреты были, но, вместо того, чтобы гордиться ими, гордиться своей миссией, торжествовать, снова и снова обманывая братьев из ДРБ...

...обманывая братьев...

Разве этим можно гордиться?!

* * *

Март так и не навестил дядю Петера и тетю Марию, сначала не хотел, потому что Лукас оставался в монастыре, а потом — не смог. Побоялся. Вообще боялся лишний раз вспомнить Бассар, чтоб ненароком не привлечь к своим родным внимания «пасынков». Он потерял способность рассуждать: ДРБ представлялся чем-то сверхъестественным, всемогущим и всевидящим, и Март не мог представить ход их рассуждений, направления и методы поиска. Знал, что «пасынки» подключили к работе над бохардатом орден Всевидящих Очей, и от этого становилось совсем тошно.

Он мучительно боялся за бывшую семью.

Что делает ДРБ сейчас? Что делает сейчас церцетария? Что они могут? А вдруг в бохардате, или в ячейке камеры хранения, или в записях охраны космопорта, или... где угодно, на стоянке машин, в ближайших магазинах, на фотокамерах туристов осталась какая-то информация, что-то, что позволит ищейкам напасть на след?

Если бы только он прилетел тогда в Бассар, если бы только он сам доставил письмо и проклятый бохардат! Если бы он сделал это, «пасынки» и церцетария заседали бы сейчас на него. И он знал бы, что происходит. Имел бы возможность хоть как-то влиять на события. Мог обманывать! Господь создал его иллюзионистом, и обман для него родная стихия.

Обманывать братьев?

Все это было слишком сложно.

Март напоминал себе, что он только притворяется священником, что он мирянин, и «пасынки» не братья ему. Но мирянин или нет, рыцарем он стал по-настоящему. Его посвятили здесь, на «Святом Зигфриде», здесь он получил крылатый меч из рук отца Александра, он летал с остальными рыцарями, как самому себе верил им в бою и давно понял, что невозможно оставлять это доверие в холоде пространства, а, возвращаясь из вылетов, вновь надевать броню лжи и опасений. На войне ты либо полностью веришь тем, кто с тобой, либо не веришь совсем. А для монастырей война никогда не заканчивается.

А для Капеллы?

«Уж если предаешь, — говорил себе Март, — так хотя бы выбери, кого именно».

Он думал, что именно так сказал бы Лукас, если бы узнал...

Но выбрать не получалось.

Рыцари Десницы не были врагами Капелле. Рыцари Десницы защищали Капеллу так же, как обычных людей, и как псиоников, в Капелле не состоящих. Освобождая захваченные пиратами корабли, перехватывая в пространстве и «подвале» пиратские флоты, снимая блокаду с планет и космических станций, рыцари не делали разницы между теми, кого спасали. Им все равно было, есть ли псионики среди освобожденных пленников, есть ли псионики на станциях и планетах. Рыцари Десницы убивали пиратов и защищали мирян. Рыцари Десницы погибали, чтоб миряне жили.

Всё.

Капелла не считала врагами именно орден Десницы, Капелла числила во врагах всю церковь Шэн. И Март тоже. Всегда. Он стал бойцом Капеллы раньше, чем отпраздновал десятые именины. Но сейчас Капелла использовала Лукаса. Собиралась использовать. Пока

безуспешно. Всем, что связано с бохардатом и письмом занимались «пасынки», и Лукас оказался, вроде как, вообще ни при чем, однако, эта неопределенность не могла тянуться до бесконечности. Март не знал, как далеко продвинулся в поисках ДРБ, Март боялся за псиоников Капеллы, руководство дышало ему в затылок, ожидая информации. Хоть какой-то.

А информации не было.

Зато Лукас был. Командир. Он присматривал за всеми пилотами «Бальмунга», он был дружен с их исповедниками, и он был эмпатом. Встречаясь с ним в центре управления полетами (там приходилось теперь бывать на правах и по обязанности ведомого командира ОАГ) в ангарах, в трапезной, в молельне, в спортзале — монастырь большой, но невозможно избегать своего командира и напарника, особенно если ты совсем не хочешь его избегать — Март каждый раз с ужасом ждал неизбежного вопроса о том, что с ним происходит.

Лукас никогда не бывает поглощён собой настолько, чтобы не заметить чужие проблемы. А у Марта были проблемы. Еще какие.

Но Лукас не спрашивал. Об этом — никогда.

Март боялся, что рано или поздно он сам захочет услышать вопрос. Просто, чтобы ответить. Переложить *это* на командира, и будь что будет. Главное, что самому уже нечего станет бояться, и нечего будет ждать.

Март думал, что именно этого и ждет Лукас, чтобы спросить его. Обо всем.

* * *

Две недели похода, и вновь передышка. Станция Яблонева.

Изменившийся статус Аристо — после событий на Акму он стал официальным героем Империи — не то чтоб требовал, но настоятельно рекомендовал присутствовать вместе с архимандритом на некоторых мероприятиях, посвященных прибытию монастыря. Торжественный молебен — это само собой, там собирались все рыцари. Но кроме молебна была еще неофициальная встреча с руководством Яблоневой, и стихийно организовавшаяся пресс-конференция, на которую Лукас дал согласие под прицелом сурового архимандритского взгляда.

Если отец Александр чего решил, с ним не очень-то поспоришь, будь ты хоть сто раз Аристо.

А своего ведомого Лукас от пресс-конференции освободил. Проявил милосердие. Сдал под присмотр дружественному отделению эквесов, с просьбой гнать взащей любого, кто хоть чуть-чуть похож на журналиста. Можно с применением неконвенционного оружия в виде армированных титаном ботинок.

Эквесы поржали и Марта в компанию приняли.

— Не поможет, конечно, — заметил их командир, отец Батчер, — от этих ничего не спасет. Но хоть пинка кому выдать, уже день не зря прошел.

— Аминь, — подытожили остальные рыцари.

Это мало походило на приличествующую священникам любовь к мирянам, но кто без греха?

Бар располагался в юкори-зоне, и даже там он был один из самых дорогих. Грея в ладонях круглый бокал с настоящим коньяком, Март вполуха слушал эквесов, смотрел на девушек и думал, что нужно либо отдыхать в местах попроще, либо привыкать к девушкам посложнее. Он еще не успел привыкнуть к юкори-зонам, ко всему тому, что для Лукаса, или вот для этих развеселых рыцарей было в порядке вещей — не успел привыкнуть к богатству и роскоши. К этому, наверное, и не привыкнешь, с этим родиться надо. Ну, или как-то так...

Из монастыря ведь почти никто в юкори-зону не пошел. Только командный состав и те, кто в миру был богат, или, по крайней мере, очень обеспечен. Лукас подпадает под оба определения, хоть никогда не жил в миру, так что, освободившись, он тоже сюда придет. Только Лукас настоящий коньяк пить не станет. И к настоящему вину не притронется. И от

натуральных продуктов будет нос воротить.

Брезгает.

Смешной он, все-таки...

Поймав себя на этой мысли, Март охнул про себя, и решил, что коньяк — штука опасная. Осторожнее надо, когда про командира думаешь.

Именно в этот момент в его чуть хмельную иронию мягко вплелся чужой, вежливый интерес. Внимание Марта пытался привлечь телепат. За первым прикосновением к разуму, последовал пароль для связи — цепочка из трех слов. Пароли регулярно менялись, об изменениях сообщал дядя Петер: пятое предложение в каждом из его писем и было новым паролем. На Яблоневой монастырь получил очередную порцию почты, а Март, соответственно, очередное письмо от дяди. И вот — телепат. Кто-то из присутствующих в полутемном баре людей — свой. Боец Капеллы! Здесь, в самом центре вражеского стана.

Это было так... Ну, как дружеское рукопожатие именно в тот миг, когда ты оказался в месте чужом и чуждом.

Март мысленно улыбнулся. Он был готов к контакту.

Общение с телепатом не было ответами на вопросы, скорее, сочинением на заданную тему. Пей коньяк и думай себе, думай. В нужном русле. А уж там отделят зерна от плевел. Только вот... прежде чем отпустить на волю мысли и ассоциации, Март старательно оградил иллюзорной невидимой стенкой все свои колебания и сомнения относительно его рыцарства, роли в ордене и того, где же свои, а где чужие. Сейчас насчет «своих» сомнений не осталось, но совсем недавно он не был в себе уверен, и делиться этим с Капеллой совсем не обязательно.

А дальше все было легко. Он снова вспоминал текст письма на мониторе, руку Лукаса на плече, вспоминал, как терзался страхом за своих и неведением относительно действий ДРБ. Вспоминал о том, что рассказывал сам Лукас. О сделке, включающей в себя проникновение в резиденцию одного из Вольных Баронов и доказательства вины Юлия Радуня. О том, почему для Лукаса настолько важно, чтобы сделка состоялась...

Насколько важно?

Это тоже не было вопросом, лишь плавным сужением русла. Раз уж Март не знал, как далеко зашло расследование ДРБ, возможно, он мог сказать что-то о том, что намерен предпринять сам Лукас фон Нарбэ. А если и здесь лишь неясность и домыслы, то пусть Март расскажет вообще все — выводы же сделают те, кто разбирается в психологии и движениях человеческой души. Итак, что же по его мнению, думает, что чувствует сейчас его командир?

Что думает Лукас?

Что он чувствует?

Никаких секретов от братьев.

Лукас. Безукоризненная вежливость, спокойный холод. Может, он и оттаит в бою, но в ближайшие полгода «Святому Зигфриду» не придется воевать. Что-то происходило, Март это видел. За два месяца совместных полетов, за два года пристального наблюдения, изучил Лукаса достаточно хорошо, чтобы видеть больше чем остальные. Хотя, конечно, меньше, чем отец Александр... ну все равно. Что-то происходило, и командир все больше замыкался в себе, становился таким, каким был после возвращения с Акму. Вежливым, спокойным, холодным. Равнодушным.

Март не успел научить его улыбаться по-настоящему. И все это из-за письма, из-за того письма, гори оно в плазме!

Стоп! Он принудил эмоции заложить вираж, остановить движение по проложенному собеседником руслу. Гнев был горячим, обжигающим, и давил так, что нечем стало дышать. Март до хруста стиснул зубы, и влил раскаленный поток гнева в иллюзорную форму.

Эмоции — опасный материал для создания иллюзий.

Но только в такие иллюзии может поверить иллюзионист.

И Март поверил себе.

Лукаса убили. Его командира, его ведущего, старшего брата, лучшего друга...

Дрожала под ногами земля, в воздухе висели тучи пыли и каменной крошки, а грохот рухнувшего здания отдавался в костях. И Лукас был там, под обломками. Еще живой. Но уже мертвый. Март слышал его... слышал его, и не слышал, как сам кричит от чужой, разделенной, невыносимой боли. Он не мог спасти. Не успел спасти. Не спас...

Занятый иллюзией, слишком сосредоточенный на том, чтоб не позволить ей поглотить себя целиком, на том, чтобы вовремя ее разрушить, Март не заметил, когда именно прервался контакт с телепатом. Откуда-то из полутьмы послышалось тревожное:

— Девушке плохо... Кто-нибудь...

«Кто-нибудь», разумеется, тут же нашелся. Среди ребят Батчера. Рыцари всегда готовы прийти на помощь мирянам, особенно девушкам.

Это было неважно. Март не пожалел телепátku, сейчас он не пожалел бы ее, даже если б случайно убил. Она хотела знать — она узнала то, что хотела. И не Март виноват в том, что она думала, будто смерть — это просто. Думала, будто месть — это просто.

А что еще она думала? Что у Аристо, как у настоящих аристократов, нет души?

Март, прикрыв глаза, глядел, как тают на внутренней поверхности век остатки иллюзии.

Это — навсегда. С этим жить до самой смерти. Каждый день помнить. Каждый день ненавидеть. А когда ты приходишь в себя, когда боль и ненависть, и жажда мести разжимают кольца, и ты заново учишься дышать, какая-то сволочь, слишком умная, слишком хитрая сволочь присылает письмо, которое снова сбрасывает тебя в пропасть.

— Убырово семья, — прорычал Март сквозь зубы.

Капелла ошиблась, да. Но, получив отчет телепаты, командиры поймут, где и в чем они ошиблись. Так что, в конечном итоге, сегодняшнее недоразумение пойдет всем только на пользу. Должно пойти на пользу. Иначе и быть не может.

* * *

— Март, я понятия не имею, почему псионики считаются опасными. Так повелось с незапамятных времен, и, наверное, в этом есть какой-то смысл. То есть, без «наверное»... Я хочу сказать, те, кто принял это решение, знали, что делают, а нам об этом думать не нужно.

— Пугаешься в показаниях, — ухмыльнулся Март. — Ладно, ладно, я знаю, идеологическая работа с подчиненными — обязанность каждого командира. Ты со мной, значит, ее провел. Теперь, если хочешь, я расскажу тебе, почему псионики — наши враги.

— Не надо. Мне неинтересно.

— Лукас, ну, правда, чего там непонятного? Я же теперь голову сломаю. Если для тебя не все ясно, значит, там на самом деле не все ясно. Но что именно?

Лукас вздохнул, не отводя взгляда от расцветающего в чашке чайного цветка.

— Там. Все. Ясно.

Март ждал.

Цветок распускался.

— Их считают нелюдями, — вновь заговорил Лукас. — Все нелюди — враги людям. Это аксиома. С аксиомами не спорят.

— Ты споришь.

— Нет. Я знаю, что все нелюди — враги людям.

— Но?

Каждое слово приходится вытягивать как клещами. Не разговор, а пытка. Однако Аристо, конечно, не может оставить своего ведомого без ответов на вопросы. Он и правда мог бы стать проповедником. И еще каким!

— Но псионики — люди.

Вот. Это сказано вслух. И непонятно, что теперь с этим делать. И разговор пишется, а, может быть, даже прослушивается. Конечно, псионики — люди, кому, как не Марту Плиекти

знать об этом. Но почему так же думает Аристо? И почему произносит это вслух, не боясь обвинений в ереси? Здесь, на «Святом Зигфриде» говорить такое нельзя.

Или можно?

— Как они могут быть людьми? — пробормотал Март, чувствуя, что запутывается уже по-настоящему.

Губы Лукаса тронуло подобие улыбки.

— Март, ну, о чем ты говоришь? Они ведь божьи твари, а зачем Богу создавать, нелюдей, которые снаружи и изнутри точь-в-точь как люди? Ты разве не заметил, что Он любит разнообразие?

— Это уж точно, — Март поневоле вспомнил школьный курс биологии. — Погоди, а аристократы? Они ведь тоже точь-в-точь...

Улыбка стала почти настоящей. Почти искренней.

— Аристократы созданы не Господом.

* * *

Отец Александр сказал «нет». Сказал сразу, как только пробежал глазами ознакомительный файл из таинственного бохардата. Еще ничего не было ясно, «пасынки» только-только начинали работать, а Лукас увидел бохардат впервые, да и то издали, вставленным в ридер компьютера архимандрита. Еще ничего не было ясно, но «нет» уже прозвучало.

— Ты не будешь этого делать, — сказал отец Александр. — «Пасынки» найдут этих людей, передадут церцетарии, и Радун понесет заслуженное наказание. Ты же этого хочешь, верно? — И прежде чем Лукас сказал хоть слово, продолжил: — ты получишь то, чего хочешь. Но ты ничего не будешь делать сам. Ты никогда не получал этого письма и не знаешь об этом бохардате. А теперь можешь сказать мне, какая часть «ничего» и «никогда» тебе непонятна.

— Почему? — спросил Лукас.

Вопрос был глупый, потому что он знал ответ. И настоятель знал, что он знает.

— Аристо, — отец Александр встал из-за компьютера и подошел к Лукасу, — мальчик... не позволяй им управлять собой. Ты же понимаешь, что эти люди, кем бы они ни были — твои враги. Только враги будут...

— Будут играть на слабостях. Враги и приемные родители. Хотя, наверное, родные тоже так делают. Авва, мне наплевать враги они или...

Боль отца докатилась до него с запозданием: собственные злость и упрямство оказались отличным щитом от чужих эмоций.

— Прости, — Лукас опустил голову. — Я злюсь и говорю недопустимые вещи. Но, авва, если «пасынки» не справятся, я полечу в Вольные Баронства.

— Нет. Не вынуждай меня приказывать. Месть — удел Бога, вот Богу ее и оставь. Он обо всем позаботится.

— Он уже позаботился.

— Не сходи с ума! — Теперь в голосе отца Александра тревоги было больше, чем суровости, — Лукас, я знаю, каково это, когда гнев точит душу...

Он знал. Конечно. Ему столько лет, наверняка он не раз испытывал искушение гневом. И всегда ему удавалось устоять. А его напарник, его бессменный ведомый еще с тех времен, когда оба только начинали летать, был жив.

...— Ты не можешь ненавидеть людей, — как сквозь вату слышал Лукас. — У тебя нет на это права. Ты священник. А Радун — человек.

— Я должен любить его.

Он сам не узнал своего голоса. Должен, это правда. Любить даже врагов.

Никогда не умел. Гордыня — грех, который так и не удалось победить — не позволяла считать врагами даже пиратов, что уж говорить о подданных Империи. Пиратов, враги они

или нет, нужно было убивать. Подданных — защищать. Радун был подданным...

И он был врагом.

В каком случае священник может убить подданного Империи?

Ни в каком. Это невозможно. Священник избежит столкновения либо позволит убить себя.

Лукас не позволил. На его руках кровь четырнадцати мирян. Господь простил ему этот грех, а, может быть, исповедник просто сказал, что Господь прощает. В любом случае, всех, кого он убил, посмертно осудили на смерть. А подданные, которые совершили преступления, карающиеся смертной казнью, приравниваются в Империи Шэн к пиратам. И дело повернулось так, будто Лукас просто выполнил свой долг.

Вышло довольно изящно. Ворота на дорогу в Эхес Ур открылись для него без скрипа, путь казался прямым и хорошо освещенным.

Приговоренных к смерти преступников нужно убивать.

Кто-то, тот, кто отправил письмо, тот, кто собирал информацию в бохардат, дал возможность доказать, что Юлий Радун заслуживает смерти. Лукас понятия не имел, была ли предложенная сделка промыслом Божьим или происками врагов из плоти и крови. Но месть... Он не мог ждать, пока Господь свершит ее чужими руками. Слишком много всего. Слишком. Джереми и Луиза, и страшный, бесконечный крик из-под камней.

Джереми...

И Хикари.

Радун убил Джереми. Радун убил Луизу. Радун хотел сделать Хикари рабыней.

Его нужно уничтожить при первой возможности. Возможность появилась. Значит, пришло время убивать.

— Я понял, ваше высокопреподобие, — Лукас встал. — Разрешите идти?

— Что ты понял, Аристо? — отец Александр вздохнул, глядя на него с печалью. — Не похоже, чтобы мы сегодня достигли понимания.

— Разрешите идти? — повторил Лукас.

На станции Яблонева он впервые в жизни отдал распоряжения по поводу своего личного счета, двадцать семь лет назад открытого домом фон Нарбэ. Никогда не думал, что воспользуется семейным банком. Никогда не считал фон Нарбэ семьей. Но эти деньги не контролировались ни казначейством монастыря, ни орденом Всевидящих Очей, ни даже самими фон Нарбэ. Деньги, за передвижением которых никто пока не следил — то, что нужно человеку, собирающемуся убежать и прятаться.

Человеку?

Да не важно.

Когда «Святой Зигфрид» уходил от станции, средства с личного счета бастарда фон Нарбэ уже перераспределялись между полутора сотнями различных счетов в самых разных банках Шэн и Нихон. Следующие распоряжения Лукас собирался сделать на очередной стоянке.

Определенно, нынешний поход монастыря был спланирован очень удачно.

У священника не может быть никакой собственности, и, воспользовавшись своими деньгами, Лукас совершил преступление. Однако это преступление даже сравнить нельзя было с дезертирством, а именно дезертирство стояло в плане действий следующим пунктом, при условии, что ни «пасынки» ни церцетария не найдут тех, кто отправил письмо.

Покинуть монастырь, как только завершится поход. Лететь на Сингелу на любой контрабандистской явае. Лучшие охотники за контрабандистами и лучшие контрабандисты необходимы друг другу и поддерживают отношения, а коль скоро в Империи нет охотника лучше, чем Аристо, круг его знакомств даже шире, чем у других рыцарей.

С яваей проблем не будет. С тем, чтоб добраться до Сингелы, минуя все кордоны — тоже. Ну, а там уж остается только молиться, чтоб закончить с делами до конца отпуска. А поскольку это невозможно — заранее записать себя в дезертиры, и уходить из монастыря без

предупреждения, ни с кем не прощаясь.

Отцу будет больно, но они оба взрослые люди, и оба видят: обстоятельства сложились так, что любой выбор причинит боль. Причем, обоим. Так что отец поймет, хотя, конечно, не простит. А вот Март...

По отношению к Марту, уйти, не сказав ни слова было нечестно и некрасиво.

Но тоже правильно.

Март решит, что его предали, и может подумать, что все, чему учат монастыри — ложь, раз даже самый близкий человек оказался предателем. Однако если так случится, исповедник вправит ему мозги, и, скорее всего, стресс вкупе с исповедью вынудят Марта принять, наконец, решение и покаяться в том грехе, который он скрывает уже почти полгода. Сам Лукас так и не нашел способа достаточно деликатно расспросить ведомого. Духовная близость, взаимная привязанность в этом случае были, увы, помехой, а не подспорьем. Но что-то Март уже должен был понять. Например, то, что каков бы ни был грех, после соответствующей епитимьи в монастыре простят все. Все, что можно вообразить, включая убийство мирянина. Прощения нет лишь псионикам, киборгам и пиратам, а Март уж точно ни то, ни другое и ни третье. Не так давно он расспрашивал о псиониках, и Лукас с сожалением отметил, что ведомый полон предубеждений, и ставит псиоников на одну доску с пиратами и киборгами.

Как, впрочем, большинство людей. Ну да ладно.

Зная Марта, Лукас предполагал, что, занятый осмыслением собственного греха, тот попутно проведет разбор и его преступления. Стремление подражать командиру полезно, когда Март подражает не ведущему, а сложившемуся в воображении образу ведущего. Идеальному. Ну, а как же, разве Аристо может не быть идеальным?

Март полагает, что Лукас сначала думает, а уж потом делает. Даже в бою.

Этому неплохо было бы научиться.

Март хочет быть таким же, поэтому, прежде чем окончательно клеймить и проклинать, еще не раз подумает. А поскольку парень он умный, наверняка поймет, что Лукас своим молчанием избавляет его от множества проблем: от допросов ДРБ и церцетарии; от необходимости врать, изображая неведение; от опасности быть заподозренным в сговоре.

Поймет, что его помощь не нужна, иначе Лукас попросил бы о ней.

И примет помощь исповедника. Даже если сам о ней не попросит.

Лукас думал о Марте, и понимал, очень хорошо понимал, что меняет живого на мертвых. Вот только... как бы он ни старался, он не мог похоронить Джереми.

И еще, он даже не старался забыть о том, что, в отличие от Марта, Хикари, кроме него, надеяться не на кого.

Вспомни однажды — я не люблю планет.
И хоронить не умею в плену земли.
Только, когда мерещится мутный свет,
думаю, каждый стремится к нему идти.

Я соберу тебе саван из шлейфов звезд,
пепел смешается с плазмой, неоном, льдом,
мы умираем всегда и везде всерьез
только, наверное, в сердце всегда живем!

Я... воскрешу тебя! памятью золотой,
синими бликами в дюзах багал и «Ос».
Господи, дай мне знак, что я **не святой** ...

только вот, время крошится опять всерьез.²

Глава 5

«а сегодня я заставлю тебя идти с нами».
Вторая книга Царств (15:20)

Генкарта, страховка, отпечатки пальцев и сетчатка внесены в государственный реестр подданных... Все это было странно. Живешь в своем праве, ни от кого не прячешься, никто тебя не ищет. Непривычно. Даже как-то расслабляет. А расслабляться нельзя, терранин в Империи должен ступать осторожно, и часто оглядываться.

Дэвид был осторожен. Но легализация — палка о двух концах.

Он прожил на Сингеле больше полугода. И в один из длинных, ветреных летних дней в его дверь позвонили. Дэвид, услышав звонок, напрягся: среди соседей заведено было приходить по-свойски, запросто, двери в домах не запирались. Звонить мог только чужак.

И это действительно оказался чужак. Но не незнакомец, хоть Дэвид и не знал его имени. На крыльце, глядя на Дэвида снизу вверх холодными, фиолетовыми глазами, стоял давешний рыцарь-пилот. В гражданском. Без оружия.

— Мир вам, Нортон-амо, — сказал он спокойно. — Мое имя Лукас фон Нарбэ. Вы позволите мне пройти, или мы побеседуем на крыльце?

Дэвид понял, что уже получил свою порцию пропагандистского яда, потому что первым, на что он отреагировал, было имя. В дверях его дома стояла живая легенда Империи. Это было абсолютно невероятно, и совершенно реально.

Соображать он начал, когда прошел первоначальный шок. Рыцарю известно его имя. Рыцарь знает о том, что он не прошел церковной инициации, иначе обратился бы к нему «сын мой». О чем еще он знает? Впрочем, и того, что он видел «гекко» уже достаточно, чтоб не держать его на улице.

Лукас фон Нарбэ???

Поверить невозможно.

Но в память уже пришло виденное чуть не год назад интервью с бывшим маркграфом Радуном.

«...Он редкий красавчик, этот фон Нарбэ, хоть ростом и не вышел».

Незванный гость соответствовал обоим определениям. Ростом не вышел — это еще мягко сказано, и, действительно, на редкость красив. К тому же, не врет. Это ведь непросто — врать, присвоив легендарное имя. Очень непросто.

И этот вот... собственной персоной явился, чтоб предложить Дэвиду работу. Весьма высокооплачиваемую работу. Кто бы мог подумать, что рыцари так богаты! Но когда Дэвид хотел интересной работы, он не имел в виду *настолько* интересную. Ему и в страшном сне не мог привидеться полет в Вольные Баронства с целью отнять (украсть, скопировать, забрать с трупа) у одного из баронов нечто ценное.

Ничего не было настолько ценным, чтоб так рисковать.

Ни-че-го.

Но, ясное дело, Лукас фон Нарбэ думал иначе.

— Хорошо подумайте, прежде чем отказываться, Нортон-амо, — посоветовал он по-прежнему спокойно, даже дружелюбно. — Вы нужны мне. Вы умеете находить вещи, которые необходимо найти. Я, в свою очередь, умею убеждать тех, кто плохо поддается

² Alyssa Lwuisse

убеждению. Мне кажется, это будет неплохим подспорьем в поисках.

— Умеете убеждать? — Дэвид не удержался и фыркнул, — меня вы пока что ни в чём не убедили. До свидания, ваше преподобие.

Он встал, показывая, что разговор окончен. Надеюсь, что разговор действительно окончен.

— Думаю, что убедил, — мягко произнёс фон Нарбэ. — Да, и я забыл упомянуть, что нашел вас, благодаря помощи церцетарии. У нас хорошие отношения. К тому же, действует договор о сотрудничестве и обмене информацией.

Информация. Да уж. У него была информация, которой он мог обменяться с церцетарией.

— Хорошо же вы платите за своё спасение.

— Я вообще не считаю, что за спасение нужно платить. Платить я буду за вашу работу.

Ну, и что тут скажешь?

«Падла ты, а не рыцарь», — мрачно констатировал Дэвид.

— Вы, правда, думаете, что у вас есть, что рассказать церцетариям? — спросил он вслух. — Думаете, они чего-то обо мне не знают?

— Я в этом уверен. В ордене Всевидящих Очей не знают о том, что вы — киборг неизвестной в Империи модификации. Учитывая ваши заслуги перед церковью, вам, пожалуй, простили бы имплантанты, но только исследованные, те, против которых существует оружие. Все новое нужно сначала изучить. И вы, Нортон-амо, единственный объект для изучения.

Дэвид терпеть этого не мог. Шантажа и всего такого. Но если кто чего не любит, это ж не значит, что он не умеет этим пользоваться. На то, чтоб записать разговор в валяющийся в кресле «секретарь» ушло меньше секунды, а потом голос Аристо очень эффектно зазвучал из встроенных под потолком динамиков. В обычных обстоятельствах Дэвид их использовал, чтоб с полным удовольствием слушать хорошую музыку. В необычных — вот, сгодились, чтоб произвести нужное впечатление на зарвавшегося святошу.

Фон Нарбэ слушал задумчиво. Даже как-то грустно. Руки в белых перчатках неподвижно лежали на коленях.

— Нортон-амо, — сказал он, когда запись закончилась, — мы в неравных условиях, так что сейчас шантаж — моя прерогатива. Я, конечно, совершаю преступление, предлагая вам работу вместо того, чтоб немедленно вызвать сюда орден Всевидящих Очей. Но мои действия пока еще не переполнили чашу терпения тех, от кого зависит мое благополучие.

— Пока еще? — уточнил Дэвид.

Ну, а что? Бывает же так, что враг, чувствующий себя хозяином положения, прокалывается на мелочах.

— Церковь не может позволить себе развенчания героя, — равнодушно сообщил фон Нарбэ. — И даже когда я совершу по-настоящему непростительные поступки, дело замнут, а меня просто тихо прикончат. Ничего страшного. А вот вас отправят под нож хирурга, а после — в рабство. Предоставив запись церцетарии, вы самостоятельно обеспечите себе эту неприятную кончину, и мне, конечно, будет не так совестно, как если вы погибнете от моего доноса. Но для вас-то результат одинаков.

— Вот выродок, — сказал Дэвид.

И тяжело задумался.

— Выродок, — негромко подтвердил фон Нарбэ. — Но прилюдно, а так же для записей, рекомендую вам использовать слово «бастард».

* * *

«Никаких секретов от братьев, тем более — от тебя».

Так он сказал. А оказалось, что секрет был. От братьев, и от Марта. Еще какой секрет!

Он предал. Предал монастырь, предал орден, предал Марта. А то, что он ни разу, ни единым словом не поделился своими планами — это предательство вдвойне.

«Грязно ругаться и ломать чем-нибудь тяжелым что-нибудь хрупкое».

Марту тоже этого хотелось. Бесноваться, орать, шваркнуть о переборку «секретарем», разнести вдребезги пульт стационарного компьютера.

Лукас, получив то письмо, чувствовал себя так же?

Стоп.

Тяжело дыша, Март остановился посреди кельи, сжимая кулаки.

Никаких секретов от братьев...

Не было. Не было никакого секрета. Имеющий глаза, да увидит... Мог не видеть настоятель, могли не видеть пилоты «Бальмунга», им простительно, они рядом с Лукасом все равно, что слепцы. Но ты-то, его ведомый, самый близкий человек, ты же все знал. От тебя Лукас не скрывал ничего, и ты знал, что он сделает еще там, на «Яблоневой», когда обрушил его эмоции на излишне любознательную телепатку.

Ты просто не хотел видеть, вот и все. У *тебя* был секрет, секрет от братьев, секрет от Лукаса, и это застило все. Мешало увидеть правду.

А теперь? Что делать?

Лукас. Всегда спокойный, даже когда внутри клубится бешенство.

Лукас сначала думает, а потом делает. Если хочешь быть таким, как он, научись поступать так же. Сначала думать.

Что подумал бы Лукас, если бы Март исчез, не предупредив, не оставив на прощанье даже сообщения на дуфунге? Что подумал бы Лукас... прежде, чем заклеить Марта предателем? Рыцари не предают своих братьев. Ведомый и ведущий — больше чем братья. Лукас подумал бы, что Март своим молчанием избавляет его от множества проблем, от допросов ДРБ и церцетарии; от необходимости врать, изображая неведение; от опасности быть заподозренным в сговоре.

Лукас подумал бы, что вне стен монастыря Марту нужна помощь?

Эхес ур, да это первое о чем он подумал бы. Особенно, если бы Март всю жизнь, с самого рождения, провел в монастырских стенах; знал о мире снаружи только по фильмам и сводкам новостей канала «Малак»; и... боялся планет.

Лукас отправился бы за ним сразу, как только узнал, что его ведомый покинул монастырь. Сразу. А ты чего ждешь, Март Плиекти?

Работай! Ищи своего командира, благо ты это умеешь.

Март умел делать разные вещи. Его способности были немногим выше среднего, но, в отличие от всех других иллюзионистов — по крайней мере, от большинства других иллюзионистов — он способен был на кое-что еще, кроме иллюзий. Очень разнообразное «кое-что». Очень опасное для него самого.

Любой выход за пределы нормы мог убить его. Так говорили врачи Капеллы, и дядя Петер верил им, и Март тоже верил, потому что в детстве чуть не умер. Как раз от того, что сделал больше, чем мог.

Это случилось на ежегодном благотворительном пикнике, устраиваемом приходом. Тетя Мария как всегда была в организационном комитете, а Март вместе со всеми своими кузенами, кроме самых маленьких, помогал взрослым, и завидовал ровесникам, которые веселились, играли, развлекались, носились, сломя голову по парку, и вообще делали все то, ради чего пикники и затеваются.

Конечно, рано или поздно тетя Мария отпускала поиграть и их. Но этой счастливой минуты еще нужно было дожидаться, а, дожидаясь, переделывать кучу дел, и время тянулось, тянулось и тянулось... невыносимо! А однажды, когда свобода была уже так близко, тетя Мария потеряла свои бусы. Янтарные бусы, свадебный подарок, ставший семейной реликвией. Найти их в парке, среди палаток, стоек с флажками, деревьев, киосков, десятков прихожан, в густой траве... об этом и речи не было. Разве что кто-нибудь случайно

наткнется и принесет — любой узнал бы бусы тети Марии, так что отдали бы сразу. Но если никто не найдет, то ночью роботы-садовники отправят янтарь в утилизатор вместе с мусором.

Тетя Мария ужасно расстроилась. И дядя Петер тоже. А Март и его кузены и кузины, те, что постарше и поумнее, хоть и очень хотели пойти играть с друзьями, стали искать бусы. Потому что... ну просто потому что нельзя же не помочь тете Марии. Дело-то нешуточное, это вам не дурацкий пикник. Да вот только пойти поиграть уж очень хотелось, и поскорее бы. И тогда Март решил придумать себе, будто он не иллюзионист, а ясновидящий. Сделать для себя такую иллюзию. Так было интереснее, вроде как, уже играешь. В ясновидящего.

Вот уж наигрался. До горячки. Два дня пролежал в больнице. Но прежде чем стало совсем плохо, Март нашел бусы и отдал их тете Марии. Пошел прямо туда, где они лежали. Подобрал и принес. И упал в обморок.

Врач сказал, это нервное. Никто не удивился. Бусы тете Марии подарили на свадьбу родители Марта — единственное, что осталось на память о них — и еще долго после того, как Марта выпустили из больницы, тетя Мария чувствовала себя виноватой. Это было плохо. Но постепенно все загладилось, и стало как обычно. Теперь никто кроме дяди Петера и не помнит, что Март тогда болел — Капелла сделала так, что все думают, будто в те годы он уже был в ордене. А вот Март навсегда запомнил ощущение крупных, круглых бусин в судорожно сжавшемся кулаке, дурноту и таинственное, затягивающее в себя мерцание темного янтаря.

И вспоминал, как только приходила в голову мысль сделать какую-нибудь глупость.

«Феномен Плиекти», вот как это называли ученые Капеллы. Предполагалось, что Март может сам себя убедить в том, что он кто угодно. Любой псионик. Хоть телепат, хоть телекинетик, хоть ясновидящий, хоть... хоть кто. Но только предполагалось, потому что первый же опыт показал, что использование этой способности смертельно опасно.

— Смер-тель-но, — по слогам повторил псионик, специально из-за Марта прилетевший откуда-то, чуть не из самой Столицы. — Любая попытка вообразить себя кем-то, кроме иллюзиониста может тебя убить. Ты уже достаточно большой, и знаешь, что такое смерть.

Март знал. Он помнил папу и маму.

И до семнадцати лет ни разу не пытался выйти за рамки способностей иллюзиониста, он об этом даже не думал. Потому что — бусы в кулаке, мерцающий янтарь, и тьма — воспоминание пугало до холодных мурашек по позвоночнику. До слабости в коленях.

В семнадцать он оказался в монастыре «Святой Зигфрид». Через год стал рыцарем. А потом попал к Лукасу.

И понял, что смерть не страшна, если есть за кого умирать.

У Лукаса было «за что». Лукас после гибели отца Бёрка воевал за идею, включающую в себя всех людей вообще, и никого конкретно. Март не умел так, до сих пор не научился, и он дрался за Лукаса.

Он по-прежнему не хотел умирать, разумеется, не хотел, как и все они, рыцари-пилоты Десницы. Только тот и может стать рыцарем, кто любит жить, и будет сражаться со смертью, пока не погибнет. Март был хорошим рыцарем. Отец Александр говорил ему об этом, и Лукас говорил ему об этом. И Март летал с Лукасом уже почти год...

Теперь он не мог бы испугаться воспоминаний, даже если бы захотел.

А он не хотел.

Чтоб догадаться, что искать командира нужно в Вольных Баронствах, псионические способности не требовались, достаточно было знать, что произошло за последние семь месяцев. Но вот чтобы отыскать Лукаса в пространстве Баронств или (хоть это трудно представить) на планетах Баронств, нужно было стать ясновидящим. Или прорицателем.

Март выбирал, пока готовился к побегу.

Сейчас у него был отпуск, так что побег считался просто увеселительной поездкой, но

отпуск-то закончится, а Лукас к тому времени вряд ли вернется. Март заранее настраивался на то, что оба они, и ведущий и ведомый, стали дезертирами уже сейчас.

Он готовился к тому, что будет чувствовать себя преступником. Намерение нарушить один из важнейших пунктов Устава должно было грызть и терзать его совесть, да и перед Капеллой Март оказывался виноват не меньше, чем перед братьями и настоятелем — он же без объяснений и предупреждения бросал доверенное ему дело. Но сборы, планирование маршрута, безнадежные попытки представить, что он будет делать, когда найдет командира — что они оба будут делать в Вольных Баронствах — все это сильно отвлекало от покаянных размышлений.

В конце концов, Март понял, что ясновидение покажет ему, где Лукас находится в данный момент. А поскольку тот был сейчас только на пути к Баронствам, от этой информации мало проку. Другое дело, прорицание. Ответ на правильно заданный вопрос укажет, где они встретятся. Где и когда. И Марту нужно будет просто отправиться в заданное место с заданной скоростью.

Мысль о том, что он может не пережить прорицательского транса, на мгновение цапнула где-то между сердцем и желудком. Но убралась, не встретив понимания. Март уже не раз рисковал жизнью вместе с командиром. И этот случай ничем не отличался от остальных.

Ничем, кроме того, что оба становились преступниками.

И вот этого Лукас для своего ведомого наверняка не хочет. За это Лукас может и наказать. Может, вообще, прогнать обратно в монастырь, с приказом покаяться и...

Нет. Не прогонит. Он знает, что это его простили бы, наложили епитимью лет на десять, и простили. А с любым другим дезертиром поступят по всей строгости Устава. Отлучение и каторга. Так что, сбегая из монастыря, Март оставлял Лукасу очень небольшой выбор. Командир мог принять его, а мог убить его. Не нужно быть ясновидцем, чтоб знать, что он выберет.

* * *

О Вольных Баронствах Дэвид знал, в основном то, что они есть.

Система с хорошо развитой периферией, управляемые семеркой отморожков, которые называют себя баронами. Пригодных для жизни планет в системе аж четыре — это ого-го сколько для одной-то звезды, и население еще похуже правителей. Те хоть и отморозь, но какие-никакие понятия имеют. А остальные обитатели — просто-таки невыразимое словами зло. Кто не генетик вне закона, тот — спятивший хирург или охотник за органами. Кто не контрабандист, тот пират. А кто пират, тот не факт, что не контрабандист. И все до одного — киборги.

Оно и понятно, куда ж без киборгов-то?

Кибернетические имплантанты и их носители были в Шэн пугалом страшней, чем нашествие роботов с Терры. Роботы, они когда еще явятся? А киборги из Баронств — вот тут, рядышком. И неважно, что из Солнечной системы до границ империи лететь немногим дольше, чем из Баронств. Терран в космосе никто пока не видел, а баронские пираты никому расслабиться не дают.

В общем, образ, сложившийся, в основном, благодаря новостным лентам, полуфантастическим фильмам и ненавязчивым упоминаниям в проповедях отца Йоза, доверия не вызывал. Место получалось страшненьким и нереальным. В том, что такие места бывают, Дэвид не сомневался, никто из землян не усомнился бы. В то, что в таких местах живут люди, Дэвид тоже охотно верил — люди где только не живут. Но в то, что в такое место люди будут охотно стремиться, верилось с большим трудом.

А ведь стремились. И ладно бы стекались в Баронства только беглые каторжники, псионики, киборги и прочие преступники, вроде хирургов, промышляющих незаконной установкой имплантантов. Так нет же. В Баронства часто и охотно летали по делам

представители Союза маркграфов, с Баронствами шла не слишком оживленная, но постоянная торговля, туда устремлялись рискованные туристы, охочие до нихонской контрабанды.

Пошлины на ввоз и вывоз товаров Шэн установила такие, что торговля с Баронствами просто не могла быть выгодной. Ну, никак. И, однако же, торговали.

Орден Десницы отказывал в сопровождении караванам, уходящим в Вольные Баронства. А, все-таки, караваны ходили.

С контрабандистами, явившимися из Баронств поступали, как с пиратами, то есть, убивали без суда и следствия. Но поток контрабанды не иссякал.

Хотя... насчет контрабандистов, и того, кто их и как убивал, у Дэвида были сомнения посильней, чем насчет страшных сказок о Баронствах. К примеру, капитан Лейла очень хорошо знала, как попасть в Вольные Баронства, минуя таможенников и кордоны ордена Десницы, и тот факт, что рыцарь-пилот фон Нарбэ прямо сейчас находился на ее явасе «Кари», говорил о том, что трения между орденом и контрабандистами сильно преувеличены. Фон Нарбэ, вроде как, в мыслях не держал убить капитана Лейлу, или отдать ее в руки церцетарии, а капитан Лейла, в свою очередь (к огорчению Дэвида) не стремилась избавиться от естественного врага, высадить его на ближайшей станции или выкинуть за борт. Рыцарь и контрабандистка общались, как старые приятели. Да к тому же на время перелета команда «Кари» получила отпуск, а фон Нарбэ оказался под командованием капитала Лейлы и выполнял обязанности двух членов экипажа.

Дэвид вообще не понимал, как можно всерьез поверить, что этот замороженный истукан будет выполнять чьи-то приказы, кроме собственных, но капитана Лейлу замороженность не смущала. Привыкла, видать.

Через несколько дней полета Дэвид понял, что эти двое, то ли сработавшаяся команда, то ли просто очень хорошо знают свое дело, так что у капитана Лейлы не возникало необходимости отдавать приказы, а фон Нарбэ не нужно было их выполнять. Выкрутились, ничего не скажешь. С какой стороны не посмотри, субординация не нарушается. И капитан в своем праве, и Первый Рыцарь, вирья ему в софт, делает только то, что считает нужным.

Дэвида капитан Лейла приняла на «Кари», как своего, заявив, что «Аристо кого попало на корабль не притащит».

Кем попало Дэвид и не был. А вот капитан Лейла вряд ли знала о том, что он оказался на корабле из-за того, что Аристо его шантажировал. Капитан Лейла, вообще, вряд ли подозревала, что Аристо способен на шантаж.

Она его не видела на Сингеле. Не слышала. Взгляд этот пустой. И голос. И перчатки еще... на корабле фон Нарбэ перчатки снял, здесь он, видать, испачкаться не боялся.

Дэвида не столько даже шантаж бесил, сколько лицемерие. Рыцарь-легенда, ёлы... Выродка идеализировали даже враги. Серго, помнится, тоже говорил об Аристо с придыханием.

На крохотной явасе большую часть времени неизбежно приходилось проводить в компании. Каюты больше походили на гробы: втиснулся, лег — закрой глаза и думай о клаустрофобии. Яваи не для людей, они для ценных малогабаритных грузов, требующих сверхсрочной доставки, так что о продолжительном уединении можно и не мечтать. Первые пару дней это раздражало, потом Дэвид поближе узнал капитана Лейлу, и жизнь наладилась.

Красивая, умная баба. С прибабахом, конечно, на то и контрабандистка. Нормальная женщина в Шэн, если ее в космос потянет, выучится и поступит в мирской флот. Там она, может, и дослужится до капитана, но такой, как капитан Лейла, все равно не станет. По крайней мере, если самой Лейле верить. Если ей верить, получалось, что женщин-капитанов в Шэн хватало, они служили Императору, служили дворянам, работали в крупных перевозочных компаниях. Женщин-капитанов, имеющих собственный корабль, практически не было. Сотни не набиралось. И все до одной занимались незаконными перевозками. Ну, помимо прочего. Ясное дело, никто не посвящал себя только и исключительно контрабанде.

Потрындеть капитан Лейла была горазда, не хуже Серго Мамаева, успевай только слушать. О том, чтоб разобраться, где правда, а где вранье, можно даже и не мечтать. Да и без разницы. Дэвид просто получал удовольствие, глядя, как капитан Лейла рассказывает о своих подвигах, носится в облегающем как чулок скафандре по тесной кают-компании, азартно жестикулирует, встряхивает гривой жгуче-черных, забранных в высокий хвост волос. Голос у нее был низкий, даже грубоватый, выговор резкий. Время от времени она окликала безмолвствующего фон Нарбэ, требуя у него подтверждения правдивости рассказов, и смотрелось это странно. Забавно. Дэвиду каждый раз казалось, что погруженный в себя рыцарь должен возмутиться бесцеремонным: «Ара дзили, Аристо!»

Этому «не-подходи-замерзнешь» манекену, ему фамильярность как нож в печеньку.

Но всякий раз фон Нарбэ безропотно выходил из транса, и выяснялось, что он следит за разговором (чаще всего — монологом), и что его мнение не всегда совпадает с капитанским. Несовпадения капитана Лейлу не смущали, она лишь усмехалась: «ну, дал бы соврать хоть разочек!», и вспоминала еще какую-нибудь историю.

Пыталась втянуть фон Нарбэ в разговор. Но не усердствовала, ясно же было, что бесполезно. Даже когда святоша торчал в кают-компании, а не занимался делами где-то в недрах «Кари», он был так неподвижен и тих, что Дэвид временами попросту забывал о его присутствии.

Как они познакомились? Лейла, услышав этот вопрос, ухмыльнулась, как эйнский тысячеуб.

— Познакомились! Хе! Эти два придурка на моем «Кари» возвращались из отпуска, и по дороге напали на пиратский вирунг. А я ж их на борт пустила, думала, приличные люди. Думала, священники. Сразу двое, а один, к тому же, красавчик такой. Он тогда был вот нисколько не хуже, молоденький совсем только. Хэй, Аристо?! Помнишь? Сколько тебе лет было, а?

— Шестнадцать, — прошелестел фон Нарбэ. — И мы не нападали. Тот пират начал преследовать «Кари».

— Ребенок! — капитан Лейла фыркнула, — ты себе это представь, Дэвид. Дитяtko, росту вот такусенького, в два раза меня младше, но горды-ый, не подступись. Ледышка такая, фу ты, ну ты. Смешной.

— Некоторые люди не меняются, — пробормотал Дэвид, скорее себе, чем собеседнице.

— Вроде того, да. Я его подкалывала, пока пират за нами не погнался. Все бы ничего, «Кари» быстрый, могли и убежать. Но если б нет... два рыцаря на борту, это, считай, мне два раза умереть, и Бёрку, в смысле, отцу Джереми — за двоих. А этого, — капитан Лейла кивнула на равнодушного ко всему фон Нарбэ, — красивого такого... он бы нам позавидовал, что умерли.

«За борт обоих», — с точки зрения Дэвида это было неплохим выходом из ситуации. Если уж один священник так раздражает, то двое должны просто несказанно бесить.

— И вот представь, мы еще не в Самаянге, но уже где-то рядом, а ребенок на меня своими глазищами смотрит и просит передать ему управление «Кари». Охренеть можно. Главное, я на него гляжу и понимаю: мальчик дело говорит. Отдала ему корабль, а Бёрк стрелка согнал, и как они вдвоем дали тому пирату шороху... Кто поверит, что на явае можно вирунг раздолбать? Ну, нет, сейчас-то понятно, про Аристо все слышали, так что все поверят. А тогда?

Капитан Лейла задумчивым взглядом проследила, за фон Нарбэ, который бесшумно поднялся и покинул кают-компанию. Прямой, будто палку проглотил.

— Тогда его только Бёрк знал. Да и потом, наверное — тоже.

Имя Бёрка прозвучало в их разговорах впервые. И, похоже, оно произвело на фон Нарбэ впечатление. Чем-то и этот айсберг, значит, можно пронять.

— Его напарник? — уточнил Дэвид.

— Его всё, — отрезала капитан Лейла. — Напарник. Брат. Может, и любовник. Бёрка убили, а я вот гляжу на Аристо, и понять не могу, он-то сам здесь или в Самаянге?

Показалось, он в Баронства умирать полетел. Самоубийство — грех, а так получится, что, вроде не сам себя убьет, пираты постараются. Попросил помочь добраться, я его взяла на «Кари», команду — в отпуск, чтоб не мешали. Думала, вправлю мозги по дороге. Отговорю. Сейчас, ага, размечталась. Если уж его в монастыре не отговорили, люди, которые всему такому специально обучены... Не знаю, что бы и делала, нехвати он тебя с Сингелы.

Этого захода Дэвид, и так-то теряющий нить рассуждений, уже совсем не понял.

— Живой человек, — капитан Лейла выглядела сейчас гораздо старше своих сорока трех лет, — мирянин, к тому же. Аристо вас защищает, нас защищает, он для этого сделан. Если б шел на смерть, никогда бы тебя с собой не потянул.

Но ведь именно это он и сделал. Потянул на смерть. Работа, которую фон Нарбэ требовал от Дэвида была слишком опасна, и, скорее всего, невыполнима. Дэвид именно так это и понял: святоша собирается загрести жар его руками. Терранином, да еще и киборгом, можно рискнуть. Все равно же преступник, все равно должен умереть, так пусть хоть пользу принесет. Может, фон Нарбэ и «сделан, чтобы защищать», но его защита распространяется только на подданных, причем, законопослушных подданных.

О том, что выродок сам может искать смерти, Дэвид не задумывался. Это что получается, потерял напарника и жить дальше не может? Слабак он, хоть и рыцарь, так выходит. Мысль была соблазнительной, тем более, что Дэвид никогда не относил шантажистов к сильным натурам. Но... слишком уж сложным получалось самоубийство. Поссориться с одним из Вольных Баронов, чтоб умереть — это ладно, но капитан Лейла права, такие дела делаются без посторонних. Значит, что? Значит, умирать фон Нарбэ, все-таки, не собирается. Или собирается, но не в Баронствах. Или, может, в Баронствах, но не в ближайшее время.

Дэвид, когда рассматривал возможности соскочить, задумался даже о том, чтоб на первой же планете в пространстве Вольных Баронств связаться с кем-нибудь из баронов, и сдать фон Нарбэ. Целиком, как есть, можно даже без вознаграждения. Хотя... сколько этот рыцарь стоил, в голове не укладывалось. На такие деньги Дэвид мог сам дворянином заделаться, при условии, конечно, что сумел бы в Империю вернуться.

Он эту идею фон Нарбэ изложил, так, для общего ознакомления. Типа, шантаж — игра в которую могут играть двое, фон Нарбэ-амо, вот вам тема, чтоб поразмыслить.

Тот даже взгляда не поднял. Сказал только:

— Не думаю, что вы сделаете это, Нортон-амо. Вы ведь не убийца.

Интересно, он правда воображал, что бароны его убьют?

Дэвид, кстати, поначалу так и думал, в смысле, не о том, что там фон Нарбэ воображает, а о баронах. Зачем им и их пиратам Аристо? Ясно зачем — прибить, чтоб кровь не портил. Насколько сильно в Вольных Баронствах не любят орден Десницы, он стал представлять только теперь, благодаря рассказам капитана Лейлы. Даже не самим рассказам, а редким оговоркам. Вроде той, насчет «два раза умереть».

Рыцарь-пилот Лукас фон Нарбэ — герой Империи, символ церкви-защитницы, воин-чудотворец. За последний год эту мысль донесли, кажется, до всех подданных, включая грудных младенцев и слабоумных стариков. Всего за год. А в Баронствах о герое и символе знают уже больше десяти лет. Не по фильмам знают, не по сериалам и передачам «Господь любит вас». Наяву сталкивались. Не раз, и не два. И живыми не уходили. Сколько кораблей потеряли бароны из-за Аристо? Скольких людей лишились? Сколько бабла просрали?

Дэвида он за десять дней достал до скрежета зубового. Страшно представить, как он может задолбать за десять лет.

Для баронов и Баронств его смерть — это победа над церковью. Так что просто смерти им будет мало. Победа, она должна быть убедительной. Ёлы... получается, выродок втянул Дэвида в затею гораздо более опасную, чем казалось. А она, затея, уже и по первому взгляду выглядела невыполнимой.

Что же он собирается делать? Если даже человек ну очень далекий от реалий жизни в космосе все правильно понял, то этот-то и подавно должен понимать на что идет. Не дурак ведь. Псих, да, похоже на то. Но не дурак. И умирать не собирается, это уже доказано. Значит, что?

Да хрен его знает.

Любопытство для вора — достоинство, а не недостаток. Но сейчас оно напомнило о себе не вовремя.

По слухам, на барона Чедаша работают не люди, а гомункулы. И это — единственное, что отличает Чедаша от других баронов... это то, что делает Чедаша похожим на Божественного Императора. Ему служат искусственные существа, не мутанты, не киборги, а нечто, от начала и до конца созданное наукой. Нечто вроде аристократов. Аристократы — адские твари, супер-сильные, супер-быстрые, супер-умные, готовые герои для любого комикса. Может ли быть такое, что фон Нарбэ понадобился секрет их создания?

Если да, то зачем?

Можно было пойти и спросить. Просто отыскать выродка... — где он может быть? В рубке, скорее всего, — отыскать и спросить прямо: «зачем тебе исследования Чедаша?» Ведь это же не дело церкви, По-любому, не дело церкви, иначе не фон Нарбэ отправился бы в Баронства, а шифрованный приказ кому-нибудь из резидентов церцетарии. Рыцари-пилоты, они не для того, чтоб по сейфам вольных баронов лазать, у них свои цели и задачи. Да и кто в здравом уме будет рисковать героем и символом и все такое ради выполнения... невыполнимой задачи?

Ну, снова-здорово.

Забыть о невыполнимости!

Глава 6

«и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два»

Евангелие от Матфея (5:41)

Станция Жигалтай была последней стоянкой на пути в Баронства. Здесь «Кари» должен был пополнить запас продуктов и пройти техобслуживание перед прыжком. Дальше — молитва о том, чтоб на входе в «подвал», когда дезориентированы все системы наблюдения, яваю не перехватили пираты, а потом автономный полет.

Нельзя выходить на связь. Нельзя давать о себе знать. Нужно уйти в подвал на глубину, максимально допустимую для мирян в сопровождении священника, и вынырнуть уже в пространстве Вольных Баронств. А там, положившись на удачу капитана Лейлы, и репутацию барона, который ее крышует, лететь на планету Анзура. На Анзуре цитадель Чедаша. Если верить фон Нарбэ, именно там нужно искать лабораторные архивы и информацию о текущих исследованиях.

Дэвид волевым усилием перестал думать о предстоящей (*невыполнимой*) задаче. Он дождался, пока в динамиках общей связи прозвучит бесстрастное: «стыковка завершена», отстегнул ремни безопасности и пошел к шлюзовой камере. Когда еще представится возможность размять ноги, потратить деньги, и, главное, посмотреть на людей — нормальных людей? С некоторых пор, Дэвиду стало не хватать нормальных. Капитан Лейла, она во всех смыслах экстраординарная, это ей только в плюс, но это надо чем-то разбавлять.

Про выродка и говорить нечего.

Здесь еще даже близко был не фронт. Никто бы и не догадался, что «Кари» прямо отсюда начнет незаконный переход границы. Уходить в «подвал» и лететь в Вольные Баронства от Жигалтай, до такого могла додуматься только капитан Лейла. Но даже она бы

не рискнула, если б не фон Нарбэ в пилотах. И не в том дело, что он может провести любой корабль между двумя любыми точками пространства на предельной глубине — еще вопрос, правда ли может, или пропаганда хорошо работает — а в том, что засветись Капитан Лейла с таким пилотом хоть где-нибудь в приграничье, и «Кари» будут ловить всеми Баронствами.

Перелет предстоял долгий. И тяжелый. Перед таким системы отдыха просят. Дэвид к системным требованиям всегда был со всем вниманием, так что ни в чем себе на Жигалтай не отказывал. А, прошвырнувшись по торгово-развлекательной зоне, он понял, что хочет странного: потянуло вдруг в юкори-зону, где никогда раньше не бывал. Он же типичный представитель среднего класса, а средний класс здесь сторонится всего, в чем есть слово «юкори».

Юкори — это уже не для обеспеченных. Это для опасно богатых.

Дэвид не выругался — не вслух — когда бегущая дорожка принесла его ко входу в зону одновременно с поднимающимся со стороны складов фон Нарбэ. Тот, в свою очередь, указал взглядом на датчик:

— После вас, Нортон-амо.

Дэвид пожал плечами и провел по датчику чип-картой.

Попасть в юкори-зону можно было двумя способами: во-первых, по коду генкарты, подтверждающему либо твое высокое происхождение, либо твою принадлежность к церкви, во-вторых, по карте банковской, подтверждающей, что у тебя достаточно денег, чтоб происхождение и социальное положение стали неважными.

По идее, генкарта фон Нарбэ открывала ему доступ не только в юкори-зоны разных станций, но даже и в храм-обитель Божественного императора. Только выродок воспользовался не ею, а обычной расчетной картой на предъявителя. Выходило, что в юкори-зону станции Жигалтай вошли два богатых парня, самого скучного происхождения. По правилам, таким гостям полагался гид, вроде, для их удобства, а на деле — как очевидная любому зрячему пометка статуса. Нувориши, мол, ничего интересного для священников, дворян или аристократов.

Двери за спиной еще закрывались, а перед Дэвидом и фон Нарбэ уже материализовались девушка и парень в форме гидов. Дэвид успел улыбнуться девушке... и улыбка так и застыла, когда девчонка попятилась, извиняясь и желая им приятного вечера.

Парень тоже отступал. Но молча.

В глазах у обоих был страх. Мерзкий страх животных перед человеком. На животных Дэвид уже успел наглядеться, и сейчас понял, что точно так же смотрят собаки на недовольных хозяев.

Гиды исчезли за какой-то невидимой дверцей для персонала, а мерзкое ощущение с налетом брезгливости осталось.

— Когда перед тобой с рождения открыты любые двери, от этого трудно отвыкнуть, — мягко произнес фон Нарбэ.

Судя по тону, он извинялся. Ого! К дождю, что ли?

В ответ на вопросительный взгляд, святоша развел руками:

— Я постепенно избавляюсь от этой привычки. Надеюсь, в будущем она не создаст проблем.

Это он что-то сделал с ребятами из службы сопровождения. Мутант хренов. В глаза им посмотрел. Выморозил до позвоночника.

Дэвид не успел ничего сказать. Сбоку послышалось негромкое:

— Frater!

Вроде, вполголоса, но все равно как-то звонко и радостно.

Дэвид и фон Нарбэ повернулись на голос одновременно.

Светловолосый, высокий паренек кивнул им обоим, но смотрел он на выродка, так смотрел, просто-таки сверлил взглядом. Настороженно, упрямо, почему-то весело. И, надо же, выродок улыбнулся. Всего на секунду, но показался живым, причем, неплохим парнем.

Дэвид хмыкнул и пошел себе дальше. От коридора-проспекта расходилось множество

улочек на любой вкус. Ярко и празднично освещенные, погруженные в мягкий полумрак, разукрашенные в соответствии с разными обычаями разных планет. Что угодно для души. Нырнув в малиново-золотые переливы света под вывеской ближайшего к перекрестку кафе, Дэвид выбрал столик на тротуаре, под настоящим деревом, и уселся, чуть не спиной повернувшись к оставшейся на проспекте паре. Обычный человек в таком ракурсе уже ничего бы не увидел, но кто тут обычный? Периферийное зрение он выкрутил на максимум, включил направленный микрофон, и, на всякий случай, стал вести запись.

Незнакомый парнишка, стоило Дэвиду отойти, шагнул вперед, и порывисто сгреб фон Нарбэ в объятия. Прижал так, что, наверное, кости хрустнули, но тот не отбивался. А когда его, наконец, выпустили, ласково взъерошил парню и без того растрепанные волосы.

Ну, ясно. Это кто-то из ордена. Дэвид уже видел пилотов Десницы, видел, как они ведут себя друг с другом.

Ведущий с ведомым...

Значит, у фон Нарбэ есть напарник? И, значит, несмотря на то, что пилоты одного звена всегда держатся вместе, Первый Рыцарь предпочел отправиться к барону Чедашу в одиночку? Вряд ли они условились здесь встретиться, ох вряд ли. По всему судя, увидеть парня Аристо никак не ожидал, тот сам старшего нашел.

Плохо дело. Если один нашел, то и другие найдут.

Хотя... что плохого-то? Разве похоже, что выродок прячется от кого-то из своих? Он от баронских шпионов тихарится, а с церковью, вроде, никаких проблем быть не должно.

Дэвид ждал, пока принесут заказанный кофе, и подслушивал чужой, сумбурный разговор, всерьез получая удовольствие от чеканной латыни. Честно говоря, такого чистого произношения он не слышал с тех пор, как залил в свой чип интенсивный курс латинского. Нужно было прочесть кое-что, так... не совсем по работе... то есть, заказчик думал, что Дэвиду ту книжку читать не надо, а Дэвид так не думал... короче, любопытство подвигло. Ну, а курс, кроме письменной, еще и устную речь включал. Два в одном. Удобно.

Правда, тогда, конечно, знать не знал, что это когда-нибудь пригодится. Что здесь, в Шэн, латынь — внутренний язык церкви, непонятный простым смертным, непонятный, говорят, даже аристократам, и запрещенный для изучения под угрозой смертной казни.

Вот такие дела.

— Просто решил провести отпуск в одиночку, да?

— Нет. Улетел без предупреждения, чтоб ничего не пришлось тебе объяснять.

— Ты серьезно?

— Мне казалось, это очевидно.

— Мне тоже так казалось, — Март выдохнул и провел рукой по лбу, словно хотел стереть остатки дурных мыслей. — Пойдем, выпьем что-нибудь, а?

— Пойдем.

Март тихо ругнулся. Похоже, по инерции. Лукас понял, что мальчик представлял их встречу по-другому, и разговор представлял иначе, готовился драться... возможно, даже, в прямом смысле. В отпуске, да вне монастыря, чего только не бывает.

Непонятно было, куда делся Нортон. Терранин растворился в сияющих огнях витрин, вывесок и рекламы. На тот случай, если он, возвращаясь на «Кари», объявится где-то поблизости, Лукас выбрал открытую, хорошо освещенную террасу. Рыцари в миру обычно искали места, защищенные от излишне общительных, излишне почтительных подданных, но Март в мирской одежде, так что можно не прятаться.

— Ты понимаешь, — Март, не глядя, ткнул пальцем в экран меню, безошибочно попав по изображению графина с синте-водкой «Жигалтай», — все... вообще все, даже настоятель... так себя ведут, знаешь, будто все как надо. Ты же и в прошлый раз — один.

— Один. Но в прошлый раз у меня не было тебя.

Март издал неопределенный звук и впился взглядом в меню.

— Я понимаю, — произнес он, наконец. — Видимость приличия. Ты пока что не

нарушил никаких правил, и всем удобнее делать вид, что ничего не случилось. А когда ты нарушишь правила, это будут скрывать до последнего. Рыцарь-пилот фон Нарбэ очень вовремя получил всеимперскую известность, такому герою многое сойдет с рук. А мне не спустят ничего. Поэтому ты и не взял меня с собой. И не сказал ни слова, потому что никогда бы не стал мне врать. Но, Лукас, ради всего святого... Если бы отец Джереми в одиночку отправился в края, откуда нет возврата, разве ты не последовал бы за ним?

— Джереми так и поступил. В одиночку отправился в края, откуда нет возврата.

— И ты идешь за ним, — выдохнул Март со злостью.

Такого поворота Лукас не ожидал. Никогда не думал, что со стороны его одержимость местью может выглядеть стремлением к самоубийству. В голову бы такое не пришло.

Он пожал плечами и улыбнулся:

— Даже не знаю, что тебе сказать. Простого «нет» достаточно?

Март сжал зубы.

Потом они молча пили водку. Молчание было необходимо. Как вдох перед прыжком в ледяную воду. Как молитва за упокой тех, кого ты убьешь в предстоящем бою.

— Никогда не стал бы мне врать, — снова произнес Март. — Ты мой брат и командир, я тебе верю от и до, но ты можешь сам не понимать, чего хочешь. Кто-то должен позаботиться о том, чтоб ты не погиб без веской причины.

— Это означает, что в монастырь ты не вернешься?

— Я твой ведомый.

— Как ты меня нашел?

— Не моя тайна, — Март глянул виновато и неожиданно трезво. — Извини.

Лукас молча кивнул. Мальчик все еще не готов рассказать о том, что тяготит его душу. Но теперь у них есть время. Теперь у них есть все время вплоть до самой смерти, и можно просто ждать. Рано или поздно Март скажет все, что сочтет нужным.

Дэвид успел выпить остывший кофе. И заказать еще. И еще. Кофейная карта была разнообразна — всего и за день не перепробовать. Четвертая чашка едва не остыла, пока он думал, так и этак примериваясь к услышанному.

Что же получается? Получается, фон Нарбэ взялся за дело, в котором он не может рассчитывать на поддержку церкви? Он — и вдруг не может? А почему?

Потому что собирается совершить преступление. «Нарушить правила», как аккуратно сформулировал его напарник. Фон Нарбэ хотел уберечь мальчика от чего-то, во что сам влез, кажись, по самые уши, да только мальчик оказался тем еще пройдой. Повезло выродку с ведомым. Сразу и не выберешь, завидовать ему или сочувствовать.

Но если церковь не помощник, то куда податься священнику? Остаются только личные связи. Великое дело личные связи. Капитан Лейла взялась доставить Аристо в Вольные Баронства в обход таможни, чтоб он нигде и никак не засветился, чтоб как можно дольше не попал в руки баронов. Может, Лейла, в свою очередь, знакома с кем-нибудь из специалистов вроде Дэвида, и могла бы свести с ним фон Нарбэ? А, может, и незнакома. Это у Серго Мамаева в друзьях кого только нет, а нормальные-то контрабандисты, те, кто на Старую Терру не суется, совсем не обязательно водятся с ворами.

Возвращаясь к личным связям, получается, что их явно недостаточно. И из имеющихся вариантов выродок закономерно выбрал лучшее. Потому что лучшее. А не потому что решил, что землянина не жалко.

Дэвид даже удивился, как это у него ловко вышло. Путем прямой подтасовки фактов и легкого передергивания, он в полчаса сам себя убедил в том, что у Лукаса фон Нарбэ нет насчет него никаких злодейских планов. Сам фон Нарбэ, несмотря на заявленное умение убеждать, к такому блестящему результату даже не приблизился.

А те двое снова замолчали. Снова надолго. Дэвид не собирался уходить, пока они не закончат, хоть и не думал, что услышит что-нибудь стоящее. Но когда он собирал ложкой

сливки с седьмой по счету чашки кофе, микрофон снова ожил. Заговорил парнишка.

— Что за грехи были у этого человека? Нортон?

— Разные.

— Разные, как же! Ты взял их на себя, значит знал, что они серьезные, это понятно, но я надеюсь ни одного непростительного греха там... нет? — последнее слово споткнулось о короткую улыбку выродка, и упало безнадежно, как камень в колодец.

— Я разберусь с этим, — сказал фон Нарбэ ровно.

— Он знает?

— Мирянину нельзя знать о таком. Ты что, забыл Устав?

— Это *Я* забыл устав?! — взвился парень. — Ну, конечно! Это, наверное, я смылся из монастыря, пью водку на забытых Богом станциях, скрываюсь от тех, кто хочет помочь и собираюсь нарушить закон?!

Несколько мгновений они смотрели друг на друга в упор. Потом одновременно рассмеялись.

Парнишка разлил по последней.

Дэвид залпом допил кофе. Больше он точно не услышал бы ничего интересного. Но больше было и не нужно. Непонятно только, что теперь делать с выродком, и с их договором, и с шантажом. И вообще — что делать?

* * *

— Я люблю общаться, — сказал Дэвид, — люблю с людьми говорить. Когда ты с людьми говоришь, люди тоже с тобой говорят. Обычно. Но некоторые только молчат и гляделки пучат. И как с ними разговаривать? С ним, например? — Дэвид кивнул на Лукаса. Тот поднял голову, взглянул на Дэвида с вежливым удивлением.

Молча.

Март не выдержал и хихикнул.

— Сказано грубо, — промурлыкала капитан Лейла. — Но, в целом, верно.

— Это обо мне? — тихо уточнил Лукас. — Нортон-амо, я поддерживаю разговор, когда ко мне обращаются.

— И не вижу смысла тратить на вас время, когда вы оставляете меня в покое, — подхватил Дэвид. — Тем более, что мне все равно неинтересно все, о чем вы говорите.

Длинные, темные ресницы опустились. Лукас фон Нарбэ вновь являл собой бесконечное, безмолвное терпение. А Дэвид Нортон казался живым воплощением язвительности.

— И всегда на «вы», — сообщил он Марту, — знаешь, гордыня грех, но гордиться гордыней — это я даже не знаю как называется.

Двенадцать недель пути через «подвал» без связи с внешним миром. Вчетвером на крохотном корабле. Кажется, за такое время можно сто раз пожелать друг другу смерти. И прикончить, если подвернется возможность.

— У нас тут прорыв, — хвалится Дэвид, когда Март, после десятичасовой вахты появляется в кают-компании.

Лукас молча бросает в горячую воду шарик чая, и Март, с чашкой в руках, валится в кресло.

— Вы, наконец-то, на «ты»?

— Шас! — говорит Дэвид.

Лукас молча качает головой.

— Но успехи достигнуты гигантские, — Дэвид полон энтузиазма. — Найдена тема, которую его преподобие способен поддерживать.

Март уверен, что Лукас способен поддержать любую тему. Его командир настолько образован, что, кажется, нет областей, о которых он не был бы осведомлен. Но он и правда

не слишком разговорчив. В монастыре это казалось нормальным. В миру... в общем, тоже кажется нормальным, пока Дэвид не привлекает к этому внимание.

Сочувствие к командиру требует помолчать. Но любопытство побеждает.

— Какая тема?

— Животные.

— Животные? — Март глубоко вдыхает чайный аромат. — Лукас никогда не видел животных.

Лукас устало прикрывает глаза.

— Я всего лишь сказал, что они опасны. Они разносят инфекцию.

— Кошки! — Дэвид произносит это слово так, будто делает колющий выпад.

— Пахнут, — спокойно отзывается Лукас.

— Кошки непредсказуемы! Они могут напасть.

— Нет. Они просто сильно пахнут. И полны болезнетворных бактерий.

— От них шерсть.

— Возможно. Я не видел кошек.

— А собак?

— Не вижу разницы. Все одинаково опасны.

— Собаки кусаются!

— Собаки, — негромко говорит Лукас, — пахнут. И разносят заразу.

— Видишь, — гордо заявляет Дэвид, — он может говорить. Сам. А я уж начал думать, что он только с пульта включается.

Лукас улыбается краем губ.

Они не убьют друг друга ни за месяцы в «подвале», ни потом, в Вольных Баронствах. Может быть, там убьют их всех. Но таковы уж Баронства. Март думает, что Дэвид Нортон, конечно, не будет драться за Лукаса фон Нарбэ, но он, по крайней мере, не предаст их, разве что для спасения своей жизни. А о том, что Лукас фон Нарбэ не позволит убить Дэвида Нортон, Март знал с самого начала. С того момента, как выяснил, что его командир взял на себя все грехи этого человека, всю ответственность за его преступления, прошлые и будущие. Да, он подписал себе смертный приговор. Но, может, оно того стоило? Терять-то все равно было нечего.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

«Отвратительно для гордого смирение: так отвратителен для богатого бедный»

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (13:24)

Эффинда многие любили. Спокойный, незлобивый мужик, может, слишком мягкий, чтоб его уважать, но это только по меркам Роя, астероидного облака, одеялом укрывающего все четыре населенные планеты Баронств. В Рое жизнь суровая, там кто сильный, тот и прав, и если ты не готов дать по рогам любому, будь готов к тому, что любой даст по рогам тебе. Но даже в Рое Эффинд многим нравился. Как раз из-за незлобивости.

К тому же, жил-то он не в Рое, а на Либаре, второй планете от Ирека, здешнего светила, а на планетах, как всем известно, жизнь далеко не такая суровая.

И, опять таки, в Рое, следуя неизменной традиции обитателей пространства, пренебрежительно относились к планетникам, но на Эффинда пренебрежение не распространялось. Хоть он и жил на планете, а все равно был пилотом. Получше многих обитателей Роя. Получше большинства. Если не вообще всех. Однако же не зазнавался. Руку

подать не брезговал.

Хороший человек, одним словом.

Андре его терпеть не мог.

Настолько, что завидев долговязую фигуру Боба Эффинда, с трудом подавлял желание отвернуться, сделать вид, что не заметил, а то и вовсе исчезнуть. Исчезать он умел. Делать вид, что не видит того, что видеть не хочется — тоже. Но с Эффиндом неизменно здоровался, порой перебрасывался парой слов. И даже не сплевывал, когда тот уходил подальше.

Вот, спрашивается, что человеку надо?

Сначала он страдал, что его продали пиратам. Аристо такой-сякой, доверия не оправдал, мирянина не защитил, и вообще зачем он нужен непонятно. Крушение идеалов в чистом виде. В том, чтоб быть проданным хорошего мало, кто бы спорил, но пираты быстренько перепродали Эффинда барону Инагису, а уж барон-то пилоту с БД-имплантантами создал все условия. Казалось бы, живи и радуйся.

Нет. Не радовался.

Ну ладно, людям из Империи рабство как нож острый, в золотой клетке им так же плохо как в железной, и вообще, без свободы не жизнь. Но Эффинд и в Империи свободным не был. Технически. Он бы у Радун до самой смерти стоимость имплантантов отработывал. А если бы Радун его у Инагиса выкупил, то выкуп пришлось бы отработывать даже тем поколениям Эффиндов, которых пока и в природе не существует.

Полтора года назад монахи ордена Семисот Семидесяти Семи Апостолов, в рамках освобождения имперских подданных из лап пиратов, заплатили за Эффинда столько денег, сколько у них, в принципе, быть не могло. Выкупили. Вместе с другими рабами. Другие улетели домой, на все лады славя милосердие Господа и церковь Шэн, а Эффинд остался в Инагис-руме.

Свободный. Высокооплачиваемый. С отличной крышей. И по-прежнему недовольный.

Спрашивается, сейчас-то что не так?

Ответ с ног валит. Эффинд собирается быть вечным укором Аристо, который продал его, вместо того, чтоб вместе с ним погибнуть. Будет, значит, торчать в Баронствах, служить Инагису или тому, кто больше предложит, демонстрировать всем окружающим терпение, смирение и добронравие истинного шэнца, пока — что?... Видимо, пока что-нибудь. Потому что дальше мысль останавливается.

Как ни крути, а идеалы — штука мрачная. Осторожней с ними надо.

Андре расстраивала неблагодарность. Сам он с радостью вернулся бы в Империю, но пока не мог себе этого позволить. Знал, что рано или поздно... уже пять лет знал, что рано или поздно прилетит домой. Пусть ненадолго. На полгода или год. Этого хватит, чтоб отдохнуть, чтоб вернуться в Баронства с новыми силами.

А Эффинд в любой момент — может. Ничего его здесь не держит.

И Аристо ни при чем. Что действительно имеет значение, так это то, что в Баронствах, и особенно в Рое, Эффинд — уважаемый человек, а не подозрительная личность, то ли киборг, то ли еще что похуже, каким его считали в Империи. Кем он там был? Дорогим специалистом, одним из лучших мирских пилотов, личным слугой маркграфа. Все это хорошо, но имплантанты делали его существом второго сорта. Там он этого не понимал. Здесь — тоже не понимает. Только домой возвращаться не хочет.

Терпение, смирение и добронравие. А еще — глубокое разочарование.

Эффинд стал легендой сразу, как только появился в Рое. «Маргарита» тогда пришла без половины экипажа, зато с БД-пилотом, и такой добыче все тут же обзавидовались. Только Бушель, капитан «Маргариты» особо довольным не выглядел. Эффинда продал почти сразу. Потом пил с остатками команды. На любопытствующих они смотрели криво, поздравления принимали без энтузиазма. А там и слухи поползли. И выяснилось, что Бушель, ни много, ни мало, самого Аристо упустил. Добровольно, без принуждения, или почти без принуждения

дал уйти рыцарю, который стоит как сотня Эффиндов и еще пригоршня имплантантов в придачу.

А, может, и дороже. Это считать надо.

Поверили в историю не сразу. Даже здесь, в Рое, для обитателей которого убийство или пленение Аристо было важнейшим событием в жизни, целью, вроде Самаянги — такой же невероятной и такой же недостижимой — Первого Рыцаря идеализировали, всерьез считали святым. И принять тот факт, что Аристо пожертвовал мирянином, чтоб спасти себя, получилось не сразу. Если точнее — так и не получилось. Отзвуки громкого «дела Радуна» дошли и сюда, выяснилось, что спасал Аристо не себя, а свою женщину и свой корабль, а это, конечно, меняло весь расклад, и нимб над шлемом рыцаря-пилота фон Нарбэ воссиял только ярче.

А вот карьера Бушеля, как свободного капитана, на этом и закончилась. С таким неудачником даже от полного безденежья никто в поход не выйдет. Вот закончатся деньги, вырученные за Эффинда, и прямая дорожка ему в кабалу. Если повезет, Маро Инагис его к себе возьмет, не повезет, будет искать хозяина попроще.

Да и пусть его. К Бушелю у Андре ничего не было. К Эффинду было, но тоже... хм-м, разное неконструктивное. И сказать нашлось бы что, и сделать, но без веского повода незачем, а веского еще дожидаться надо.

Он и ждал. Но, так. С лентой. Других дел хватало. Не Бобом Эффиндом жив Андре дю Гарвей, и слава Господу.

* * *

При жизни «Гиза» была нусуром, после смерти, ее навсегда пристыковали к одному из обитаемых секторов Роя в баронстве Инагис-рум, и сделали рестораном. Небольшим. Довольно дорогим. По здешним меркам, «Гиза» стала считаться местом тихим и приличным. В ней не стреляли, не дрались и не шулерствовали. Соблюдали, в общем, правила. А кому правила были не по душе, те в «Гизу» не ходили.

Андре тут был завсегдатаем. Тихие, приличные места, они же буквально созданы для тихой, приличной работы. А Эффинд в «Гизе» почти никогда не бывал, он предпочитал юкори-зону. Даже в Рое есть такая. Со своей, конечно, спецификой. В общем, появление шишки, вроде Боба Эффинда в месте вроде «Гизы» — это всегда событие. А уж когда Боб Эффинд в зал, буквально, врывается, да не один, а с десятком солдат Инагиса в тяжелой броне, это для всех присутствующих повод поднять руки вверх, и сидеть неподвижно.

Андре поднять руки запоздал. Он загляделся на красивого, синеглазого парнишку, который выглядел слишком... положительным для Роя. Загляделся не потому, что красивый и синеглазый, а потому, что держался мальчик так, будто прожил тут всю жизнь.

Паренек был в компании двоих мужчин постарше, вида самого бандитского. Эти-то явно местные, но, наверное, не из Инагис-рума. И Андре как раз задумался, не нужна ли мальчику помощь, когда солдаты ворвались в зал.

Двое тут же застопорили входной люк. Чисто машинально — пиратская привычка, что тут сделаешь. Остальные взяли публику под прицел. А Эффинд вышел вперед.

И остановился.

С выражением глубокой растерянности на лице.

Андре смотрел на него вполглаза. Основное внимание он уделит приглянувшемуся парнишке. И его спутникам. Один из них, темноволосый, маленький как нихонец, начал было вставать, но паренек положил руку ему на плечо, заставил остаться на месте.

— Что такое?.. — с непонятной интонацией произнес Эффинд. — Как так?..

Он еще раз огляделся, искал кого-то и, похоже, глазам не очень верил. Тихо ругнулся, а потом молча, быстро вышел из зала. Следом убрались солдаты.

Дар речи вернулся к присутствующим не сразу.

Что это было не понял никто. И некоторое время все были слишком заняты собой, слишком заняты осмыслением того, грозила ли «Гизе» и им самим опасность, чтоб обращать внимание на окружающее. Андре же, подавив первый порыв выйти следом за Эффиндом — не стоило привлекать к себе слишком много внимания — продолжал наблюдение. Вот сейчас его парнишке определенно нужна была помощь, потому что синие глаза стали закатываться, и кровь отхлынула от лица.

«Нихонец» отреагировал мгновенно. Указательным пальцем несколько раз сильно надавил парню между носом и верхней губой, потом, не церемонясь, ущипнул за кончик носа. Странная метода, но она сработала, синеглазому чудесным образом стало лучше. Последовавший затем короткий обмен взглядами выглядел как безмолвный диалог, так бывает, когда людям не обязательны слова, чтоб понимать друг друга. Похоже, эти двое братья. И, похоже, они действительно из Нихон, это же была нихонская техника, какой-то специфический способ реанимации?

...Андре не успел вовремя изобразить отсутствие интереса.

Казалось только что нихонцы были полностью заняты друг другом, но вот уже две пары внимательных глаз смотрят в упор. Спокойно. Холодно.

У черноволосого фиолетовые глаза.

Странный цвет. Линзы? Имплантанты?

И почему «братья»? Это-то откуда взялось?

Андре отвел взгляд. Интереснее всего на свете стал текст на экране «секретаря», ибо никакая действительность не сравнится с вымышленным миром хорошего любовно-авантюрного романа. Все бандиты Роя не в состоянии отвлечь Андре дю Гарвея от чтения по-настоящему интересной книжки.

Так-то!

Третий парень, пока суд да дело, вызвал такси, и скоро троица покинула «Гизу», где бурное обсуждение уже перекинулось с Эффинда, на Маро Инагиса, шпионов из других баронств, и вот-вот должно было дойти до пророчеств насчет неизбежной войны между баронами.

Нет. Хороший роман, но недостаточно увлекательный.

«Секретарь» — в карман. Фланирующей походочкой — через зал, перебросятся парой слов здесь, парой улыбок, там, уверить всех, с кем хотя бы раскланялся, в том, что война неизбежна. Так-то лучше. Так веселее.

Достигнув стойки бара, Андре грациозно устроился на высоком стуле, подмигнул барменше, которая, не дожидаясь заказа, начала смешивать для него «Коллапсар».

— Мария, сестренка, ты знаешь, кто были эти трое?

— Ты мне лучше скажи, кто были эти десятеро, — мрачно отозвалась Мария. — Эффинд с ума сошел? Или правда к войне дело?

— Думаю, ты права оба раза. Хочешь дополнить страховку пунктом о нанесении ущерба при нападении регулярных войск?

— Я подумаю, — высокий стакан скользнул по стойке прямо в руки Андре. — А об этих троих... Будешь врать, будто про всех любопытствуешь? Красавчик-то там один.

— Красавчик один, но спроси меня, я тебе скажу, что блондин интереснее.

— Безобиднее, — проницательно усмехнулась Мария. — Все равно не советую. Думаю, его братец тебя на клочочки порвет.

Но под жалобным взглядом ее сердце смягчилось, и язвительность уступила место сочувствию.

— Недавно они в Инагис-руме, чуть больше общей недели. Из какого баронства прилетели не знаю. Готовая команда на яваю. Который красавчик, он навигатор, мальчик твой — пилот, а третий у них инженер. Вроде, нанял их кто-то, так что они тут приказа на вылет ждут. Хорошие ребята. Чаевые оставляют — в самый раз.

— Ссорились с кем-нибудь? — деловито уточнил Андре.

— Не знаю. Но, кажется, ни с кем не успели. За все время, что я их тут видела, проблем

не было. Они, так-то, мирные.

Андре молча кивнул и прикусил соломинку.

Мирные. Наверняка. Мария в клиентах с одного взгляда разбирается. Но он видел, что даже десять вооруженных солдат не смутили красивого навигатора — тот готов был ринуться в бой, и не останови его младший братишка, неизвестно, что случилось бы дальше. То есть, известно, разумеется. Остались бы от красавчика ошметки по всему залу. Но людей, которые готовы драться с вдесятеро превосходящими силами противника, мирными уж точно не назовешь.

Интересно, навигатору просто Эффинд не приглянулся, или он точно знал, что солдаты Инагиса явились по их души?

Допив коктейль, Андре отказался от второго. Несколько минут посидел, глядя в глаза своему отражению в хромированной поверхности стойки.

Думал.

Мария от такого дела даже слегка расчувствовалась, вообразила, будто он влюбился и, как все влюбленные, стал неадекватен. Женщинам это нравится, и не обязательно, чтобы влюблялись именно в них. А мальчик и правда интересный. Но бог с ним пока, с мальчиком. Эффинд — вот что главное. Эффинд и наконец-то появившийся повод задать ему вопросы так, чтоб наверняка получить ответы.

— Пожелай мне удачи, Мария, душенька, — Андре спрыгнул со стула, встряхнул руками, чтоб зазвенели сразу все браслеты.

— Я тебе лучше пожелаю держаться от них подальше, — никакая сентиментальность не могла лишить барменшу здравого смысла, — красавчик за младшим в оба глаза присматривает, он тебя, если что, еще на подходах искалечит.

— Все пустяки, буквально все. Любовь стоит пары переломов.

Андре отвесил Марии шутовской поклон, послал воздушные поцелуи залу, и покинул «Гизу». Он отправился на охоту. Андре дю Гарвей отправился на охоту. И пусть читают благодарные молитвы те, кого он миновал. И пусть молят о милосердии, потому что в следующий раз он может не пройти мимо.

* * *

В Инагис-руме Эффинда даже искать не надо. И проследить за ним можно, не прилагая усилий. Баронство велико, но ведь и личность известная.

После эскапады в «Гизе», Эффинд отправился напрямик к Маро Инагису.

Андре вылетел из Роя полчасом позже.

Когда Эффинд покинул резиденцию барона, и уже без солдат, в сопровождении только телохранителей, направился в свой пригородный дом, Андре ждал его там. Заканчивал последние приготовления.

Человеку с БД-имплантатами даже в большом доме не слишком нужна живая прислуга. Особенно, если этот человек привык жить в одиночестве, а лучшей компанией считает библиотеку, коллекцию фильмов и хороший домашний кинотеатр. Так что проблем с живыми людьми у Андре не возникло, сигнализацию он приручил еще год назад — сразу, как только стал искать повода поговорить с Эффиндом начистоту — а всю бытовую технику, которая хотя бы гипотетически могла помешать долгожданной беседе, лишил источников питания.

Он дождался, пока Эффинд и телохранители войдут в дом. Тянуть время было опасно: заметят, что дом обесточен, забеспокоятся, лови их потом. Так что Андре дождался, пока между людьми и входной дверью появится пространство для маневра, и атаковал сразу, как только появилось где развернуться.

Телохранители, парни Инагиса, все четверо — нихонские киборги. Настоящее зверье. Кошмар для любого нормального бойца. Не теряют функциональности, лишившись конечностей; устойчивы к повреждениям; стреляют в любую цель из любого положения, и

как тараканы — девять дней могут жить без головы. Ну ладно, насчет головы вранье, но остальное — чистая правда. Таких убить — сорок грехов простится.

Впрочем, у Андре и на убийство людей запретов не было.

Две руки, две сэйры, четверо противников. Он перерезал глотку ближайшему, развернувшись по инерции в сторону удара, отрубил руку киборгу, напавшему сзади. Сэйрой в другой руке полоснул первого противника по корпусу, разрубил почти пополам, до позвоночника, усиленного биополимерным составом. Перехватил сэйру обратным хватом, вонзил в горло киборгу позади.

Если бы можно было принудить оставшихся к стрельбе, может, они и сами добились бы раненых. Просто случайно. Но двое уцелевших телохранителей в первую очередь стремились спасти клиента. И сейчас были уже под аркой, ведущей из холла в глубину дома. Затеряются там, в комнатах, среди мебели, найдут второй выход — лови их потом.

Стрелять Андре не любил. Кто в Рое живет, тот вообще стрельбу не одобряет. Попадешь не туда, и всем хана, кто не в скафандре.

Он с трех ударов отрубил голову второму киборгу. Быстро, пока первый не опомнился, рванул вперед. К арке. Успел. Подсек ноги одному из убежавших, нанизал на сэйру второго. Из холла начали стрелять. Наконец-то! Андре, прямо с сэйры, столкнул противника под выстрел. Первый, обезноживший, оттолкнул подальше Эффинда. Еще надеялся спасти.

Пригвоздив киборга к полу, Андре освободившейся рукой швырнул в пилота подвернувшейся этажеркой с книгами. И уже отправляя ее в полет понял, что та составляет единое целое с еще двумя. И все они из настоящего дерева. Тяжелые как... Человеку не поднять ни одной рукой, ни двумя.

Глаза у Эффинда стали такие — без вопросов ясно, он все понял. И остается только шепнуть на выдохе: «слава богу». Потому что этажерки достигли цели. Сбили с ног и придавили. Не убили. Судя по крикам, Эффинд жив, и даже почти здоров.

Подстреленного киборга — сэйрой поперек туловища. Прибитому — вспороть живот. Ага, так лучше. Стрелка... чуср, да пропади оно всё! — пристрелить. Благо вот он, под рукой, чужой игольник.

Два выстрела, второй из которых взорвал-таки киборгу голову.

Два удара сэйрой, обезглавившие последнего из врагов.

— Ну, дела, — Андре бросил игольник, и свернул сэйры в браслеты, — не знал, что у Инагиса есть такие резкие парни.

— А-а-а... — просипел Эффинд извиваясь под стеллажом, — аристо... крат...?

— Прикинь! — Андре сочувственно цыкнул зубом. — Сам удивляюсь. Но так уж устроен мир, Боб, кто на Аристо крысится, за тем аристо-краты приходят. Не возрадовался малому — получай большое. А получив, не жалуйся.

Он рассчитывал узнать у Эффинда что-нибудь интересное, что могло оказаться полезным. Но никак не ожидал, что интересное окажется удивительным.

Эффинд поверил, что за ним пришли из-за Аристо. Поверил, потому что видел Аристо в Рое. И в «Гизу» с солдатами пришел именно за ним, за Первым Рыцарем, был уверен, что найдет его там.

Не нашел.

И не мог понять, как это вышло.

— Тебе что, денег мало? — Андре пока не пытался осмыслить услышанное. Просто принимал как данность.

— При чем тут деньги? — горько ответил Эффинд. — Его жизнь принадлежит мне. Я имею право... Чтоб он понял, как это, быть проданным.

— Что ж ты его еще на «Хикари» не сдал, сука ты пафосная?

— Я же не знал, что он меня бросит! Аристо продал мирянина пиратам, не попытался спасти! Я помыслить о таком не мог. Он это сделал, и все равно в это никто не верит. О чем тут говорить?

Андре не слишком жаловал дом фон Нарбэ, считая их всех высокомерными, заносчивыми и холодными засранцами, биороботами, чей геном не включает даже зачаточного чувства юмора. Не было никаких оснований полагать, будто Аристо отличается от родственников в лучшую сторону, так что Андре и его не любил. Заочно. Но еще сильнее он не любил неблагодарности. Аристо, может, и не ангел, и далеко не святой (а, может, в силу спецификации как раз святой, но тогда тем более не ангел), но он делает важное дело, необходимое дело. Работает на благо Империи, рискует жизнью нисколько не меньше, чем Андре дю Гарвей, чем любой другой аристократ, созданный для войны. Люди должны быть признательны им уже за то, что они есть. Боб Эффинд должен быть признателен Аристо уже за то, что тот просто существует, убивает пиратов, обеспечивает безопасность пилотов-мирян. Любой, кто рассуждает иначе, кто не трепещет, не испытывает благоговения при упоминании аристократов, наверняка враг.

Нет, высокомерие — прерогатива дома фон Нарбэ. А дю Гарвеи всего лишь здраво оценивают свою роль в современной жизни.

— Тебя выкупили, Эффинд, — напомнил он. — За тебя заплатили в полтора раза больше, чем стоят твои имплантанты. Это охренеть как дорого! Как думаешь, придурок, откуда у ордена Апостолов столько денег? Они живут на подаяние! На ми-лос-ты-ню. Ну?

— Я... — Эффинд дернулся, — рабов выкупают дважды в год. Значит, деньги как-то находятся.

— На те деньги, которые за тебя отдали, можно было освободить человек двадцать. Как думаешь, выбирая между одним киборгом и двадцатью нормальными людьми, кого предпочли бы Апостолы? И почему, на хрен, они, все-таки, выкупили тебя? А?!

Андре коротко выдохнул. Помолчал, ожидая, пока уляжется злость. Он умел управлять эмоциями, но только тогда, когда это было нужно для работы. А сейчас он не работал. Пока — нет.

— Трофеи, идиот, — заговорил он, убедившись, что вполне овладел собой. — Тебя выкупили за долю трофеев монастыря «Святой Зигфрид», которая принадлежала Аристо. Он убивал пиратов, чтоб освободить тебя из рабства. А ты служишь барону, который дает пиратам защиту и работу. Так, спрашивается, кто у кого в долгу? Полежи тут, проникнись. Скажешь, когда раскаешься.

— Я раскаиваюсь, — истово зашептал Эффинд, — раскаиваюсь. Я так виноват. Я все осознал, все понимаю. Клянусь, я улечу в Империю сразу же, сегодня же. Богом клянусь.

— Нельзя клясться Богом, — серьезно напомнил Андре. — Особенно, когда врешь.

— Я не...

— Врешь. Ты не улетишь сегодня в Империю. Потому что я тебя убью. Вот подумаю только, о чем еще не спросил.

Он встал, прошелся по гостиной, разглядывая абстрактные узоры на стенах. Эффинд кричал и звал на помощь, но это не мешало. Наоборот, помогало сосредоточиться. Интересные новости. Очень интересные. Лукас фон Нарбэ в Вольных Баронствах. Зачем он здесь? И как это его сюдапустили? Особенно странно это выглядит теперь, когда он из выдумки превратился в реальность. Создать героя, и тут же отправить его на верную смерть — это даже для ордена Десницы перебор. Тем более, что в Деснице без одобрения церцетарии только воюют, на все остальное обязательно спрашивают разрешения.

Эффинд был уверен, что Аристо в «Гизе»... Был уверен. До сих пор не понимает, как он мог так ошибиться. Так, может, он не ошибся. Может... нет, невозможно. Но...

Андре тихо зарычал на пытающуюся ускользнуть мысль.

Да! Вот оно. Фиолетовые глаза. Он видел портрет. В резиденции фон Нарбэ, кто-то из их предков. Раз в сколько-то там поколений рождается ребенок, отмеченный ангелом. Ребенок с фиолетовыми глазами. В бесконечной череде портретов шестнадцать были с глазами такого цвета. Аристо — семнадцатый. Но на портретах сплошь светлокочие блондины — всех фон Нарбэ изготавливают по единому лекалу, и практика эта началась задолго до появления науки генетики — а Аристо смуглый брюнет. Трудно заподозрить в

нем принадлежность к ледяной семейке, особенно, если все внимание сосредоточено на его спутнике.

Тот мальчик, он чуть в обморок не упал сразу, как только Эффинд вымелся из «Гизы». А Эффинд в упор смотрел на Аристо, но не видел его. У Аристо внешность запоминающаяся. Его невозможно сфотографировать или снять на видео, эта особенность входит в спецификацию всех моделей аристократов, даже тех, кто не создан для войны или разведки, но не запомнить, однажды увидев, нельзя. И вряд ли можно с кем-то спутать. Эффинд несколько дней прожил с ним бок о бок, Эффинд увидел его в Рое и узнал — не мог не узнать. Но в «Гизе» не увидел.

И Андре его не увидел. Не обратил внимания. Что, учитывая интерес к красивым людям любого пола, выглядит прямо-таки противоестественно.

Паззлы сложились в картинку с почти наяву услышанным щелчком, и картинка оказалась прекрасной — Аристо прибыл в Вольные Баронства в компании псионика.

Андре мог обе сэйры поставить на то, что в ордене Десницы понятия не имеют, где их рыцарь, и с кем. Ибо, как уже было сказано, это полное безумие отправлять на смерть настоящего героя. Еще большее безумие — предполагать, будто ордена Десницы и Всевидящих Очей знают о контактах Аристо с псиониками. И ведь все вокруг уверены, что они братья. Если это не влияние иллюзиониста, значит, Андре ничего не знает о псиониках. Конечно братья, сходство-то налицо: один блондин, другой брюнет, один высокий, второй маленький, один синеглазый, второй... со вторым все ясно, в общем. Братья. Прямоком из «Жития бодхисатвы Артура Северного» пожаловали.

* * *

Выходя из особняка, Андре думал, что день был на редкость хорош. Невинное развлечение — самое обычное убийство — принесло совершенно неожиданные результаты. Он от души подрался, уничтожил четырех киборгов, убил одного врага Империи, и нашел компромат на Аристо. Последнее нуждается в уточнении, но интуиция подсказывает, что ошибки нет. Все идет к тому, что Лукас фон Нарбэ, наконец-то, перестанет считаться героем.

Перестанет считаться человеком!

Глава 2

«справедливо освободили их от всякого обвинения в чем бы то ни было»

Третья книга Маккавейская (7:5)

Сумбурный день. Очень сумбурный.

Пока летели из «Гизы» в отель — молчали. Все трое. Каждому было, что сказать, было о чем спросить, но любая тема требовала защиты от слишком любопытных ушей и глаз.

Март извелся за время пути, успел и казнить себя, и помиловать, и не по одному разу. Не знал чего ждать. Ждал плохого. Когда поднялись в номер, остановился посреди гостиной, имея вид независимый и слегка вызывающий... Лукасу даже показалось, что мальчик хочет сунуть руки в карманы. И плевать, что Устав не велит.

— Ну, псионик, — сказал Лукас, — и что?

Март открыл рот и вытаращил глаза.

Дэвид, отправившийся, было, прямоком в свою спальню, остановился и стал глядеть на него с неподдельным интересом.

— Случись в «Гизе» бой, — продолжил Лукас, — пострадало бы множество невинных людей. Ты их спас.

Март смотрел на него все так же недоверчиво. И молчал. Лукас подумал, что Дэвид,

пожалуй, прав, утверждая, что очень трудно говорить с безмолвствующим собеседником. Но его, в отличие от Дэвида, трудности не пугали.

Сейчас до мальчика дойдет, вот тогда он и заговорит. Он поверил в непростительность своих грехов, он по инерции, возмутится тем, что его не записали в преступники.

И хорошо бы тайна, которая мучает его, как нарыв, наконец, прорвалась.

— Плевать мне на людей! — голос Марта дал осечку. — Я псионик, мне на всех плевать.

— Не на меня, — Лукас позволил себе улыбнуться. — Иначе тебя бы здесь не было. И не на орден. Иначе бы тебя, опять же, здесь не было.

Дэвид исчез, и дверь за собой закрыл.

Спасибо.

— И на тебя! Плевать! — Март часто заморгал и уставился в потолок.

Вот так-так. Что бы он ни прятал, это было серьезнее, чем казалось, потому что рыцари не плачут... разве только от очень сильной боли.

— Март, — Лукас положил руку ему на плечо, слегка потянул вниз, усадил на пол, и встал на колени рядом. — Мальчик...

Ладонью скользнуть по шее за ухо, зарыться пальцами в короткие волосы, поцеловать в висок. Совсем немного тепла, но Марту сейчас и не нужно больше, чтобы перестать бороться со слезами, ткнуться лбом Лукасу в плечо.

Спрятался. Вот и хорошо. Когда спрячешься, становится легче.

Он гладил Марта по голове, ждал, пропускал через себя тончайшие оттенки страха, вины, бессилия, и нерациональной, едва-едва теплящейся надежды на чудо. На то, что командир сумеет сделать что-то... что-нибудь... там, где ничего сделать нельзя. Луиза надеялась так же. Верила до последнего. Март, мальчик, что же ты скрывал так долго? Зачем терпел? Чего боялся?

И в чем себя винишь?

— Как так, Лукас?... — голоса было почти не различить, — все эти... миряне... почему ты о них думаешь? Даже когда... Он же пришел тебя убить.

— Мы их защищаем.

— Ты — священник.

— Конечно. И ты тоже.

— Нет, — Март чуть заметно качнул головой, и еще сильнее вцепился в Лукаса, — нет. Я об этом думаю все время, и никак не отпускает. Ты же священник. Настоящий. Ты там должен быть, дома, в монастыре... ты себе другой жизни не мыслишь. А ты — здесь. И дома у тебя больше нет. И ничего другого нет, потому что никогда не было. И не будет.

Он замолчал.

Вздыхнул, поднял голову, прямо взглянул в глаза:

— Это из-за меня.

— Так вот ты какой, Юлий Радун, — мягко сказал Лукас.

Март взвился, пришлось приложить усилие, прижать к себе крепче, чтоб удержать. Пусть объяснит. Он сейчас больше чем Лукас нуждается в объяснениях. Лукас кое-что уже и так понял. Тревожные, тягостные мысли, начали одолевать его ведомого, когда «Святой Зигфрид» висел у Торды. Когда пришло то письмо, из-за которого они и оказались сейчас здесь, в Баронствах. Март что-то знал об этом, знал, но молчал. Почему? Потому что был повод. Повод достаточно серьезный, чтобы молча наблюдать, как твой ведущий роет себе могилу. Март — псионик, церковь Шэн враждует с псиониками, значит, для Марта рыцари — враги.

Но это не так.

— То, что ты знал о письме или о тех, кто его отправил, та информация, о которой ты умолчал, она могла нам помочь? — заговорил Лукас, убедившись, что Март перестал психовать, и снова слышит не только себя и свои страхи.

— Нам? — голос скрипнул. — Ты что не понимаешь? Нет никаких «нас». Разные цели.

Разные... все разное. Я за тобой следил, все время. Столько тайн, столько всего, то, что только твое, что только в монастыре, нигде больше. Я тебя отдал. Врагам. Я — враг.

— У меня только один враг. Его имя Юлий Радун. А ты — мой ведомый, и *мы* — звено, боевое подразделение, с общими целями и задачами. Март, я не стал бы летать с человеком, который не хочет летать со мной. Ты — хотел. Ты об этом мечтал. Летать со мной, а не враждовать, не шпионить, не устраивать диверсии. И ты летал. И не делал всего остального.

— Ты не знаешь!

— Я семь лет обходился без ведомого. А потом появился ты. Единственный, кому я могу доверить свою жизнь не только в бою. Ты действительно думаешь, что я выбрал тебя наобум? Или, что я ошибся в выборе?

— Ошибся.

— Поэтому ты здесь?

— Может, я все еще за тобой шпионю? — Март произнес это с неясной интонацией, как будто сам не был уверен ни в чем.

— Для кого?

— Для Капеллы!

Он замолчал так резко, как будто прикусил язык. Отшатнулся от Лукаса, ошарашенный, близкий к панике.

— Март, — Лукас улыбнулся, — извини, что учу тебя делать твою работу, но раз ты шпион Капеллы, и оказался так близок к провалу, ты, наверное, должен сейчас использовать свои псионические способности?

— Иди ты... — вяло буркнул Март. — Все по-настоящему плохо, как ты так это выворачиваешь, что кажется, будто оно еще ничего?

— Это не я выворачиваю. Это ты забыл, что Господь не посылает нам испытаний, которые мы не могли бы вынести. А значит, что бы ни случилось, с этим можно справиться.

— Да ну? — в синих глазах вера сцепилась с упрямством. — И часто ты вспоминал об этом на «Хикари», когда твоя женщина гнила заживо?

— Постоянно. Что мне еще оставалось? Луиза справилась с испытанием, прошла его достойно, и достойно встретила смерть. По сравнению с тем, что выпало на ее долю, мы с тобой — счастливчики. А насчет Капеллы... может, там орден Десницы и считают врагом псиоников, но ты-то — рыцарь, и ты знаешь, как мы относимся к ним на самом деле. Да, и по поводу того, что мы здесь, а не в монастыре, в конечном счете это к лучшему. Наша цель — цитадель барона Чедаша, а в цитадели, если повезет, мы найдем и самого барона. Убьем его — окажем Империи огромную услугу, а кроме того, нам простят все грехи, в том числе и непростительные.

— И заплатят столько боевых, сколько за всю жизнь не пропить. — Март криво улыбнулся, покачал головой, — что мне делать, Лукас?

— Понять, наконец, что ты выбрал сторону, когда отправился за мной в Баронства. Исповедаться. И по возможности скорее составить рапорт о том, что ты можешь, и насколько это для тебя сложно.

— А если нам придется воевать с псиониками?

А если...

— Пиратов-псиоников нужно убивать, — сказал Лукас, — мирян-псиоников — защищать. Это просто.

Очень просто. Но когда «свои» оказываются врагами, верить нельзя никому.

— Псионики Капеллы приравнены к пиратам.

Луиза не стала стрелять в своих людей. Никогда больше Лукас не пошел бы с ней в бой, даже если бы она выжила.

Март? Будет стрелять?

Верить нельзя никому. Но невозможно не верить своему ведомому.

Жизнь становилась все удивительнее. Дэвид уже и забыл, когда в последний раз жалел о том, что взялся за эту работу. Теперь вот еще и псионик в команде. Жаль, на записи из «Гизы», нельзя еще раз полюбоваться обалдевшей мордой Лукаса. Куда только делась всегдашняя невозмутимость, когда он понял, что происходит.

Дэвид вот не понял. Ну, нет опыта общения с псиониками, и подготовку антипсионическую он не проходил, не священник, все-таки. Быстродействия системы хватает, чтоб оценить ситуацию, и отреагировать, но это ж все только в пределах имеющейся информации. Так что, когда в «Гизу» вломились парни с оружием, Дэвид сообразил, что это за Лукасом, и даже — страшно подумать — решил, что будет драться, а вот почему все закончилось, не начавшись, не понял. Но лицо у преподобного на секунду стало такое, как будто ему небо на голову упало. Типа, псионик в ордене Десницы — это крушение устоев, и вообще полный беспредел. Наверное, так оно и есть, церковь, вроде как, с псиониками воюет. Но Лукас, он парень быстрый, у него морда снова стала каменной раньше, чем Март заметил, что устои сокрушил. И даже для истории ничего не осталось. На словах такое выражение лица не передать, а от записи у аристократов встроенная защита. Биогенератор помех. Поэтому их в лицо почти никто и не знает.

Кстати, в Нихон, говорят, любой себе может такой девайс поставить, были бы деньги. И в Баронствах, вроде как, имеется парочка спецов. Но нихонские лучше. Правда, ни там, ни там до биоимплантантов не додумались, так что и нихонские гаджеты, и местные в империи вычисляются на раз-два.

Что интересно, в «Гизе» тогда как раз случился парень с генератором помех. В зале он был, а в записи его нет, только рябь и мерцание. Дэвид его запомнил — такого любой бы запомнил — там косища толщиной с запястье, глаза покрашенные, к тому же, парняга на Марта пялился не отрываясь. Если по здешним приметам судить, чувак при деньгах, такой мог себе и нихонские имплантанты купить. Весь в цацках с головы до ног — в глазах рябит от красоты несказанной.

В Баронствах принято себя цацками увешивать. Лукас говорит, это демонстрация статуса. Здесь кто богаче, тот и круче, а богатство — вот оно, драгоценности всякие. Если ты совсем без ничего, с тобой и разговаривать не станут. Они трое, типа, обеспеченные ребята, но не шикают. Перстней пара-тройка, Март и Лукас серьги носят. Оно все скромненько. Неброско. Но кто понимает, тот понимает. У Марта во всех цацках «небесный» янтарь с Торды, синий, в цвет глаз. У Лукаса и вовсе — сумеречные рубины. Тоже. В цвет глаз. Плевать, что глаз такого цвета не бывает.

Дэвид сказал, что серьги на него только на мертвого наденут, так Лукас в отместку предложил ему браслеты. Лукас, он, вообще, мстительный, хоть и священник. Дэвид отбивался. Требовал найти альтернативу. Не может же быть, чтоб для демонстрации статуса инженера не нашлось чего-нибудь более пристойного, чем бабские цацки.

Лукас, когда про «бабские цацки» услышал, некоторое время сидел молча и глубоко дышал. Типа, медитировал.

— Это он, чтоб не ржать? — уточнил Дэвид у Марта.

— Это он, чтоб не убить.

— Меня нельзя убивать.

— Да! — тут же рявкнул Лукас.

Как-то слишком быстро он согласился. Даже для такого быстрого парня — чересчур. Дэвид слегка обеспокоился.

— Потому что я все время об этом думаю, — сказал Лукас, — постоянно себе об этом напоминаю.

— Дэвиду надо ключ на тридцать два, — встрял Март, причем, гаденыш, из кожи лез, чтоб оставаться таким же серьезным, как его командир, — из технического золота, с инкрустацией.

— Нет. Ключ придется заказывать, это займет слишком много времени. Поэтому браслеты и перстни. Или мы прокалем тебе уши.

— А как насчет кольца в нос? — Дэвид надеялся, что зловерный святоша услышит в его голосе сарказм.

Вотще. Тот и бровью не повел.

— Можно кольцо в нос. Какие камни ты предпочитаешь?

Странно было вспомнить, что когда-то он святошу терпеть не мог. Нет, он и сейчас не испытывал особо теплых чувств, но, конечно, с тем, что было, не сравнить. Что уж там, ясно уже, что Аристо лучше, чем хочет казаться. Да и попритерлись друг к другу. Сработались.

И, ёлы, убеждать он умел, насчет этого не наврал и не преувеличил. Отлично у него получалось. Даже жаль, что рыцарь, потому как на будущее не помешал бы такой напарник. Когда под рукой человек, который кого угодно способен уговорить о чем угодно рассказать, самая долгая часть работы — сбор информации, ее покупка или добыча — сокращается даже не вдвое, а, пожалуй, вчетверо. Раз-два, десять минут о чем-то потрепались, и то, на что у Дэвида полдня ушло бы, за час решилось.

Кстати, насчет рыцарства сам Дэвид не стал бы далеко загадывать. Возвращение в монастырь ни Лукасу, ни Марту явно не светило, и как они собирались жить дальше, когда добудут в Баронствах нужные файлы и передадут их заказчику, оставалось пока неясным.

Они об этом не говорили.

Вообще.

Лукаса трудно было заподозрить в малодушии, но... Дэвид любой свой гаджет мог поставить на то, что преподобный не хочет заглядывать далеко вперед. С ним же все ясно, с Лукасом фон Нарбэ, он собирался сделать свою работу, обменять исследования Чедаша на компромат, привести Радуна на виселицу, и с легким сердцем пойти на казнь, во искупление грехов сахе Нортона. Всем хорошо, все довольны. Ситуация разрешена ко всеобщему удовлетворению. Рыцари себе всеобщее удовлетворение где-то так и представляют. Все умерли — и зашибись.

Но, вот незадача, Лукаса нашел Март. И теперь о том, чтобы спокойно умереть, речи не идет. Потому что Лукас за Марта отвечает, значит умирать ему никак нельзя. Чувство ответственности у него такое, будто он не рыцарь Десницы, а, натурально, пастырь из ордена Скрижалей, и, кстати, мозги он вправляет не хуже пастырей. Профессионально, будто бы специально учился. Как он Марта вечером за двадцать минут из преступников в герои поднял. Заслушаешься!

Кто б ему самому еще мозги вправил.

Нет, Дэвида не волновала судьба Лукаса фон Нарбэ. Просто обидно, что такой талант может пропасть зазя из-за багов в системе, этих его непонятных принципов и несовместимых с жизнью представлений о честности. Но у Лукаса, похоже, баги — это как раз система и есть. Жаль. Потому что работать с ним — это действительно круто.

Прилетев в Баронства, они знали о заказе только то, что бохардат с данными об исследованиях находится в цитадели барона Чедаша, а о самом бароне — что у него даже прислуги живой нет, одни гомункулы, которые по характеристикам не уступят хорошему киборгу, но, в отличие от киборгов, верны хозяину, как самые настоящие роботы. Вот как раз информацию о том, как их делать, и нужно было добыть. Ну, и результаты самых последних разработок, понятно. Двух недель не прошло, как им удалось ухватить за хвосты сотню ниточек, которые, привели их в Инагис-рум, здесь сплелись в десяток веревочек, а в итоге, превратились в такой себе канатик сложного плетения. Хвост канатика был в руках у Дэвида, а начало — у кого-то, по имени Андре Скорда, и этот Скорда, пока что так выходило, оказался единственным, кто мог помочь в разведке подходов к цитадели.

Дальше Лукас в поисках помочь уже не мог, дальше не с людьми нужно было общаться, а с «секретарем» пару часов посидеть.

Чтоб выяснить, что Скорду нужно искать именно в Инагис-руме, и не на планете, а в

Рое, и что застать его, чтоб поговорить о деле, можно в двух местах: в принадлежащем ему салоне «Идеальная хозяйка. Элитные рабы по доступным ценам» (Дэвида от такого слогана малость затошнило); или в «Гизе». Том самом ресторанчике, где буквально сутки назад едва не случилось побоища. В котором — какая неприятность! — могли пострадать миряне, и в котором с гарантией полег бы десяток тяжеловооруженных бойцов. Ибо выяснилось, что они были из армии барона Инагиса, а это автоматически приравнивало их к пиратам, что, в свою очередь, обязывало Лукаса их прикончить. Ну, а Лукас, как уже было сказано, человек очень ответственный.

Если б Дэвид не был уверен, что его преподобие все следующие сутки провел в отеле, беседуя с Мартом на душеспасительные темы и занимаясь стратегическим планированием, он заподозрил бы, что обязанности, все-таки, были выполнены. Потому что уже через пять часов после «Гизы» в официальных новостях по улим-кимато в первый раз сообщили о гибели Роберта Эффинда, а потом к этой теме возвращались чуть не каждые двадцать минут, добавляя все новые и новые подробности. А уж что началось в улим-ярифе — общей сети Баронств — это и не пересказать. Такого количества фейков на единицу времени Дэвид, пожалуй, еще ни разу не видел. Откуда взялась информация о том, что Эффинда и киборгов убил гомункул барона Чедаша, он за сутки так и не понял. Не мог поймать хвосты. Но утверждение о том, что убийца — гомункул, нашел и в сетевых сварах, и в официальных новостях, и даже — ну все равно ведь дыры уже найдены, так почему не пользоваться? — в сводках с места преступления, предназначенных для очень ограниченного круга читателей.

Откуда что взялось? Почему гомункул? Зачем Чедашу ломать любимую игрушку соседа, убивать пилота с БД-имплантантами?

В новостях неуверенно намекали на скорую войну. В сети о неизбежной войне прямо-таки орали, с разным настроением, от паники до боевого неистовства, но орали громко и недвусмысленно. Кому-то, зачем-то нужно было, чтоб война началась, чтоб бароны вцепились друг другу в глотки. Кто-то неплохо поработал для этого, причем, не особо даже утруждая себя тонкостью в изготовлении фейков. Воспользовался скрытыми тулзами в общественном мнении, так, что ли?

Получалось, что так.

А подозрения с Лукаса Дэвид снял бы, даже если б они возникли. Вместе с Эффиндом погибли четверо его телохранителей, боевые киборги нихонской сборки, а убить киборга не способен ни один человек, даже аристократ. В смысле, аристократы, конечно, не люди, но они — существа из плоти и крови, а боевой киборг... это боевой киборг. С ним справится только другой такой же.

Или гомункул? В Инагис-руме в этом, кажется, никто не сомневался.

Однако, война войной, а их троих интересовал Андре Скорда.

Никто из тех, с кем довелось поговорить, этого типа живьем не видел. Все о нем слышали, слышали что кто-то, знает кого-то, кто видел еще кого-то, кто уж точно со Скордой знаком. Да вот беда, выяснялось, что ни один, так другой в цепочке уже некоторое время, как помер. Все это как-то не радовало. А когда Дэвид заподозрил, стал проверять, и таки убедился в том, что ни одного изображения Скорды нет ни в открытом доступе, ни в тех базах данных, куда обычным смертным путь заказан, он здорово озадачился. И только сегодняшняя встряска, несостоявшаяся драка (не случившаяся бойня?), и тот накрашенный парень с косой, все это как-то вдруг сложилось... в предположение. Пока — просто предположение.

Уж не Скорда ли это пялился на Марта так, будто сожрать его хотел? Загляделся, даже солдат проигнорил. Вот ведь пакость какая. Надо Лукаса озадачить, он того засранца не мог не заметить. Он вообще всех замечает, кто на Марта глаз кладет. Как не убивает — непонятно.

Вселенная сжалась, сосредоточилась в одном человеке. Не уменьшилась — уплотнилась, макрокосм стал микрокосмом. Выбор сделан, жалеть не о чем, сожаления уступили место планам. Многое нужно узнать, во многом разобраться. Понять, чему служил, и чему мечтал служить. Понять, какой же идее собирался посвятить свою жизнь, и существует ли она, эта идея, где-то, кроме собственного воображения.

Стоило, сотню раз стоило пережить кошмар разоблачения, ради того, чтоб понять, наконец, что тебя любят, что ты необходим.

Чтобы понять — *насколько* .

Они всю ночь тогда говорили. О многом. Обо всем.

Лукас хотел знать, чего добивается Капелла. А Март понял, что не знает, как отвечать. Потому что объяснения, которыегодились для него, их было недостаточно для Лукаса. Потому что Лукас дальше смотрел и больше видел, и... пришло время Марту смотреть так же. Любой в Капелле знает, что церковь Шэн — враг псионикам, любой знает, что церковь убивает телепатов, взрослых и детей, любой знает, что с церковью нужно бороться. Псионники — такие же люди, как все остальные. И имеют столько же прав на жизнь.

Но для церкви... для церкви все иначе. Церковные институты так же сложны, как человеческая жизнь, поэтому церковь упрощает правила для тех, кто в миру. Псионники — нелюди, а значит враги, однако воцерковленный псионик становится человеком, а кто в Империи не воцерковлен с рождения? Псионик не может войти ни в один из трех старших орденов, но орденов тысяча сто, у каждого свои цели и задачи, и в любом из них найдется место для любого, кто пожелает уйти из мира. Псионники считаются врагами лишь до тех пор, пока ведут себя как враги.

Но кто начал вражду?

Церковь? Капелла? Телепаты?

Капелла приравнена к пиратам.

И телепаты. Мертвые. Убитые. Дети, лишенные родителей, родители, у которых отняли детей. Как быть с этим?

— Не все сразу, Март, — Лукас говорил тем же тоном, каким, бывало, приказывал Марту не горячиться на обсуждении боевой задачи, или на разборе полетов. Это сработало: Март, как собака, послушался интонаций. — Не все сразу. Псионники никогда не были специализацией ордена Десницы, а я не всеведущ. Мы можем опираться только на то, что знаем наверняка. А знаем мы, что Капелле нужна нарушающая законы Империи технология изготовления гомункулов.

— И что Капелла связана с проектом «Бессмертные».

Лукаса передернуло.

— Вот этого мы как раз не знаем. И зачем Капелле исследования Чедаша — не знаем тоже...

— Да как не знаем? Где «Бессмертные», там и...

— Там и очень дорогая технология изготовления гомункулов. А, может, она нужна Капелле, чтоб, например, выкупить своих бойцов, попавших в рабство в Баронствах?

Марту стало стыдно. Ужас, как стыдно. Сначала думай, потом — делай, сначала думай, потом — говори. Он обвинил Капеллу в сотрудничестве с Радунем, он чуть не обвинил Капеллу в преступлении против человеческой природы. Это он-то, служивший в Капелле с самого рождения.

— Вообще-то, — Лукас чуть улыбнулся, — твоя версия выглядит более правдоподобной.

Но принимать ее нельзя. Естественно. У священников есть право судить, а значит, для любых заключений им нужны неопровержимые доказательства. Чего же хочет Капелла на самом деле? Чему всю жизнь учили Марта?

Капелла хочет справедливости. Равенства в правах для псиоников и людей. Но

получается, что неравенство существует только для бойцов Капеллы, которые приравнены к пиратам и заочно приговорены к смерти.

— Я пират. — Вслух произнес Март.

Звучит очень странно. Пираты — преступники, убийцы, нелюди.

— Ты идиот, — сказал Лукас. И убил весь пафос момента.

А бойцы Капеллы приравнены к пиратам не потому, что псионики, а потому, что совершают преступления против законов Империи. Устраивают теракты, похищают имперских подданных, грабят банки... эхес ур! Ну, и чем они, в таком случае, отличаются от пиратов? Только тем, что совершают преступления во имя идеи? А идея в том, чтобы их перестали считать преступниками.

Замкнутый круг.

— Телепаты.

Мда. Спасибо, командир, напомнил. Действительно. Телепаты — люди, лишённые прав, не совершившие никакого преступления, и все же, обречённые на смерть. Им есть за что бороться, им нечего терять. Закон, объявивший их преступниками, был бы бесчеловечным, если бы телепатов считали людьми. А так, все выглядит пристойно, и все остаются чистенькими. И Лукас защищает этот закон, и Март его защищает, потому что выбрал, потому что всегда будет на стороне Лукаса.

Капелла пытается защищать телепатов и вовлекла в свою борьбу многих других псиоников. Это можно понять. И то, что проблемы телепатов нечувствительно стали проблемами всех остальных, тоже понятно. За себя человек будет бороться с большим энтузиазмом, чем за ближнего своего.

Непонятно, зачем их убивать.

— А кто-нибудь видел, как их убивают? Я не помню ни одной казни по обвинению в телепатических способностях.

— Естественно. Телепатов казнят по сфабрикованным обвинениям. А, может, просто тайно убивают.

— В специально отведенных для этого местах, — согласился Лукас таким тоном, что Марту захотелось самому себе треснуть по уху.

Опять спорол чушь. Опять не подумал. Откуда и взялось-то непонятно. Вот это вот: «сфабрикованные обвинения», «тайные убийства», это, вообще, что?

То, во что верят в Капелле. То, в чем негласно обвиняют церковь Шэн.

Кто-нибудь там, в Капелле, задавался вопросом: «зачем»?

Зачем убивать телепатов?

Потому что они могут читать мысли? Но это умеют и эмпаты, и священники ордена Наставляющих Скрижалей оттачивают свои способности до такой степени, что могут читать мысли.

Потому что любого способны заставить поверить в то, что им нужно? Ну, так иллюзионисты тоже это умеют. При должном обучении, еще и покруче, чем телепаты, потому что могут воздействовать сразу на несколько человек.

Способны подчинить себе, заставить выполнить любой приказ? Но это, пусть, с изрядным усилием, умеют и священники Скрижалей, и эмпаты, и иллюзионисты, и дипломированные психиатры, специалисты по гипнозу. И Лукас. Он, кстати — без усилий: ну кто ему в чем откажет?

Так чем же опасны телепаты? Что у них есть, чего нет у всех остальных?... И если дело в том, что у них есть что-то, чего нет у других, то, может быть, их ищут не для того, чтобы убить, а для того, чтобы использовать? Но каким образом?

Марту не хотелось идти в «Идеальную хозяйку». Одно дело рабы в Империи, там это всегда преступники, которые что заслужили, то и получили, а другое — рабы в Баронствах, чаще всего подданные Империи, которых не сумели защитить рыцари Десницы, и не могут выкупить монахи Семисот Семидесяти Семи Апостолов. Рабов-нихонцев было гораздо

меньше — у Нихон с Баронствами союз.

Правда, из-за этого у бедолаг из Нихон, оказавшихся здесь в рабстве, не было никакой надежды выкупиться, потому что на родине о них просто-напросто не знали, а орден Апостолов выкупал нихонцев только в самых крайних случаях. Детей, например. Или беременных женщин.

И на родину они все равно не возвращались.

В общем, идти туда, где торгуют людьми, попавшими в рабство из-за того, что ты или твои братья оказались плохими защитниками, Март считал плохой идеей. Со Скордой можно было поговорить и в «Гизе». Ну, хоть предварительно. А после предварительных переговоров работороговец станет уступчивым и покладистым, в этом Март не сомневался. Верил в Лукаса. И в себя.

Но Дэвид сказал, что говорить со Скордой нужно в «Идеальной Хозяйке», и Лукас с ним согласился. Март даже удивился, что вдруг за единодушие? Обычно эти двое спорят просто из принципа, когда один говорит, что вода мокрая, второй непременно возражает, что она жидкая. А тут вдруг, чуть не в один голос заявляют, что «Гиза» — не вариант.

— Осмотримся на его территории, — туманно пояснил Дэвид. — Всегда полезно.

Март-то по простоте душевной считал, что вести переговоры на территории потенциального противника скорее вредно, а в том, что Скорда им не союзник, сомнений не было. Но Лукас поддержал Дэвида, и уж Лукас-то знал, что делал... Дэвид, наверное, тоже знал. Один Март был не в курсе.

Что-то с Дэвидом Нортонном было... не совсем ясно. Март не спрашивал: если бы можно было, Лукас сам бы рассказал. Откуда-то ведь он о непростительном грехе Дэвида узнал, верно? А где о таком узнают, если не на исповеди? Значит, Лукас хранит тайну исповеди, и задавать вопросы бесполезно. Всё просто.

Всё всегда становится просто, когда перестаешь паниковать и начинаешь думать. Этому тоже Лукас научил, то есть, этому Март у него научился. Жизнь — штука сложная, но пока ты чист перед Богом, ты будешь в собственной душе находить правильные ответы на любые вопросы. А если что-то не получится — исповедник укажет верный путь.

Просто держись за ведущим.

И защищай его. Потому что никто, кроме тебя, этого не может.

* * *

...— А, отец Лукас! Великолепный Бастард, гордость дома фон Нарбэ. Они уже не раз пожалели о том, что не могут сделать вас равноправным членом семьи.

— В доме фон Нарбэ и без меня хватает хороших пилотов, — сухо произнёс Лукас.

— Безусловно, — Андре Скорда слегка поклонился. В скользнувшей по губам улыбке присутствовала тщательно отмерянная доза яда.

Не смертельная.

У Марта сердце колотилось где-то в ушах. Хотелось сломать Скорде нос, прострелить голову, допросить с применением психотропных препаратов — и все это одновременно. Может, еще не поздно было состряпать какую-нибудь иллюзию... любую, в «Гизе» ведь удалось мгновенно сориентироваться, почему же здесь фантазия отказывает?

— Вы знакомы? — Дэвид приподнял бровь, глянул на Лукаса.

— Не имею чести быть представленным, — Скорда по-обезьяньи ухмыльнулся, вдруг растеряв и красоту, и изысканность манер, — но наслышан, не извольте сомневаться. Да и кто здесь не слышал про Аристо? «Здесь» — это я в широком смысле. В «Идеальной хозяйке» и во всей обитаемой вселенной, и...

— Предполагается, что мы дождемся, пока вы перестанете паясничать? Или вам просто больше нечего сказать?

Брр... от холода в голосе у Марта даже глаза замерзли. Он поймал сочувственный взгляд Дэвида. Да уж. Характер у Лукаса... характер, в общем. Просто неприятно, когда об

этом напоминают при посторонних.

— Мягче, мягче надо, отец Лукас, — и снова Скорда казался красавцем, и снова он улыбался тонко и суховато, и мелодично звякали браслеты на запястьях, — вас ваши же люди боятся, разве это дело?

— Говорите, что вам нужно. Или заткнитесь, и мы изложим свое дело.

Между ними, кажется, даже воздух заискрился. Столкнулись взглядами, как в любовной атаке. И Скорда, хмыкнув, опустил глаза, завесил лицо золотистой челкой.

— Проходите, — в глубине помещения с шелестом открылась дверь, — гость в дом, радость в дом.

В той части салона, где хозяин встретил их и попытался ошарашить приветствием, все просто-таки кричало о том, что здесь продают рабов. В изящных рамках на стенах сменяли друг друга ролики со счастливыми семьями, довольными приобретением недорогого и качественного работника; молодыми мамами, купившими в «Идеальной хозяйке» идеальную няню; пожилыми дамочками, которым повезло приобрести здесь скромную, покладистую компаньонку.

— Только штучный товар, — прокомментировал Скорда, заметив, как Март оглядывается по сторонам, — только домашние любимцы. Прекрасно обучены, полностью безопасны. Но вам это, наверное, не интересно. Для молодых людей — вот эти каталоги. Красные — девушки, синие — юноши.

Неуловимым движением он сунул в руки Марту открытку в синей обложке.

— Прекрасно обучены, — красная открытка птицей упорхнула обратно на стеллаж, — полностью безопасны, — ослепительная улыбка с откровенной, где-то даже подкупающей насмешкой. — Полистайте на досуге.

Март, не глядя, сунул каталог в карман. Ничего не должно быть в руках, потому что наверняка придется драться. Скорда — враг.

А за дверью, мягко скользнувшей в пазы у них за спиной, закрывшейся герметично, как и принято в Рое, за этой дверью о работорговле не напоминало ничего. неброский кабинет, обставленный неинтересной мебелью, скучного цвета стены. Пара картин, не рамок-проекторов, а нарисованных руками.

Март еще не научился разбираться в живописи. Он и с чаем-то пока не до конца освоился. Это ж изыски для богатых: картины, драгоценности, чай и всякое такое, а он с Лукасом чуть больше года, и большую часть времени учился летать, а не жить по юкори-традициям.

— Это хорошие картины, — шепнул ему на ухо Скорда. Откуда взялся, гад, так близко? — скажи ему это, при случае. А то он ведь не знает, что у тебя есть вкус, а?

Он какой-то слишком быстрый. И бесшумный. И...

— Скорда-амо, — осыпалось кусочками льда, — отойдите. Пожалуйста.

— Пожалуйста, — голос Скорды был полон любезности.

Март выдохнул.

Скорда — враг, но странный враг, он не злит, а...

Пугает?

Да.

— Отец Лукас... — работорговец уже улыбался из другого конца кабинета, — вы присаживайтесь, сахе, здесь неказисто, но удобно. Отец Лукас, вы ведь поняли, что я не желаю вам зла, не так ли? Но ваши спутники, наверное, сомневаются. Отец Март, сахе... — он глянул на Дэвида, — простите, не знаю вашего имени.

— Нортон.

Судя по голосу, Дэвид отнюдь не был впечатлен ни ужимками Скорды, ни его поразительной осведомленностью. Они с Лукасом держались с одинаковым спокойствием, только Лукас был высокомерен и холоден, а Дэвид — слегка рассеян.

— Нортон-амо, — Скорда тряхнул челкой, — очень, очень рад знакомству. Нортон-

амо, отец Март, думаю, я должен объяснить... почему отец Лукас до сих пор не сломал мне шею.

— Потому что пока вы не объявлены пиратом, я должен защищать вас, а не убивать.

— О... — Скорда, похоже, растерялся, и не сразу поймал сбежавшую мысль, — действительно. Этот момент я не учел. Но, возвращаясь к объяснению моей лояльности, сахе, признаюсь со всей откровенностью: я думал о том, чтоб донести на отца Лукаса. Ведь за него причитаются огромные, по моему скромному разумению невообразимые деньги. И о том, чтобы донести на отца Марта я тоже думал. А как же? У нас тут немного развлечений, знаете, и из них самое животрепещущее — это поединки в Клетке с участием рыцарей ордена Десницы Господней. В поединках выступают боевые киборги, и заканчивается все разрыванием рыцаря на куски, это... щекочет нервы. Но вас так трудно захватить живьем. Пилотов — практически невозможно. Сами видите, соблазн был велик. Однако, я сказал себе: «Андре, дорогой мой, а долго ли ты проживешь, после того как срубишь бабок за Аристо?» Не хочу говорить вам ничего приятного, отец Лукас, но за вас меня убили бы даже местные. Понятно, что это считалось бы убийством из зависти, но... — взмах руки, звяканье браслетов, — мне-то не легче. Я поразмыслил еще — расставаться с мыслью о деньгах не хотелось — и от идеи шантажа отказался тоже. Неправильно оценивал ваши приоритеты, как-то даже не подумал о том, что я мирянин, и, значит, нахожусь под защитой, и вряд ли вы убьете меня за шантаж. Откровенно говоря, отец Лукас, я до сих пор не очень в это верю. Вы ведь уже убивали мирян. На Акму.

— Они были пиратами! — вырвалось у Марта.

Он понял, как сердито и по-детски это прозвучало, разозлился еще сильнее. А Лукас вдруг улыбнулся.

— Скорда-амо, ведомый прикрывает ведущего. И вам его с курса не сбить. Давайте ближе к делу. Вы решили не рисковать, вы хотите продемонстрировать свою лояльность. Дальше?

— У меня достаточно друзей в Баронствах, думаю, пришла пора обзавестись друзьями в Шэн. Я вас не выдал, может быть, когда-нибудь, вы поможете мне. А в доказательство добрых намерений, — Скорда наклонился вперед, накручивая на палец прядь неровной челки, — могу сказать, что о вашем присутствии здесь известно не только Маро Инагису. Уже послан донос в орден Всевидящих Очей.

Март вздрогнул.

Скорда даже не взглянул на него, наверняка не заметил... ведь не заметил же?

— Наши отношения с церцетарией значительно теплее, чем с любым из баронов, — Лукас даже плечами пожать не удосужился, — вы все сказали? Тогда давайте перейдем к делу.

Теперь ясно было, что нужно делать, какую иллюзию творить. Март сосредоточился на этом — на создании и поддержании у Скорды уверенности в том, что никого из них нимало не заинтересовала новость о доносе в церцетарию. Легко! Это не «Гиза», где пришлось работать по площадям, тут воздействие на личность, причем, всего на одну.

А Дэвид, тем временем, изобразив, что ждал только разрешения Лукаса, излагал, что требуется от Скорды. Его интересовало все: сведения о сигнализации, подходы к цитадели, подземные и надземные коммуникации, вентиляционные шахты, основные и дополнительные источники энергии, еще какие-то вещи, о которых Март даже понаслышке не знал.

Скорда слушал. Кивал.

Один раз вдруг пристально, через весь кабинет, взглянул Марту прямо в глаза. И улыбнулся.

Бррр... Что-то в нем было. Такое. Надо бояться, а хочется наоборот подойти поближе.

Что-то похожее в незапамятные времена Март чувствовал к Лукасу. Давным-давно, по-настоящему давно, в прошлой жизни. Он только-только попал в монастырь, он знал, что его

цель — Бастард, аристократ с недокументированной спецификацией, крайне опасное существо с невыясненными возможностями. Март должен был бояться его, следить за ним, и всегда помнить, что Бастард хуже любого другого врага, потому что другие враги — люди. Он боялся, следил, помнил. И сам не заметил, как его притянуло... к Бастарду. К Лукасу. Так притягивает планету звезда. Тут уж ничего не поделаешь, таковы законы вселенной.

Тьфу! А Скорда-то при чем?!

А Скорда, окончательно посерьезнев, уже снова говорил с Лукасом.

— продаю и покупаю информацию, но то, что вам нужно, стоит по-настоящему дорого. Вы готовы платить, отец Лукас?

Несмотря на серьезность, вопрос прозвучал как-то... не так. Не по-деловому, а... ну, таким тоном, наверное, предлагает сделку Дьявол.

И Март никак не ожидал, что этот вопрос лишит Лукаса его безупречной, холодной невозмутимости. В одно мгновение его командир оказался рядом со столом, наклонился к лицу Скорды:

— Даже не думай об этом, сука, — прошелестел он на грани восприятия, страшно до ледяных мурашек под кожей. — Просто. Забудь.

Лукас... мирянину... *такое* ?!!

— Ай-яй, преподобный отец, — работороговец отъехал к стене вместе с креслом, замахал руками так, что только звон от браслетов пошел, — вы же не телепат, зачем сразу думать так плохо?

— Можешь считать меня телепатом, — Лукас выпрямился. — Теперь назначай цену, которую я приму.

— И кто здесь рыцарь, а кто деловой человек? — вопрос был задан со скорбной патетикой, но явно не требовал ответа. — Ладно, ладно, никаких проблем. Мое второе предложение: информация за информацию. Я хочу знать, зачем вы в Баронствах, и что вам нужно от Чедаша. Естественно, пока вы не закончите с этим делом, все, что я узнаю останется при мне.

Лукас молча кивнул.

Скорда, словно это было сигналом, подъехал обратно к столу.

— Вот и славно, преподобные отцы, Нортон-амо, сегодня хороший день для хорошей сделки. Совершенно случайно у меня прямо сейчас есть то, что вам нужно.

...Когда за визитерами закрылась дверь, Андре не сразу нащупал кнопку блокиратора замков. Пальцы дрожали. Мерзкое ощущение. Очень мерзкое.

Услышав сигнал, подтверждающий, что все двери заблокированы, он откинулся на спинку кресла, тоскливо глянул на синюю обложку каталога, вежливо оставленного Мартом на краю стола.

Как это сложно...

С Аристо всё оказалось сложнее, чем можно было ожидать. Вообще всё. Андре рассчитывал иметь дело с аристократом, а столкнулся, похоже, с психоником. Эмпат? Телепат? Кто он такой? Перехватил инициативу, навязал бой, да еще и по своим правилам. И ведь честно предупредил насчет Марта, недвусмысленно дал понять, что их двое против одного. Чего стоило внять, а?

Понятно что помешало: привычка считать всех фон Нарбэ закосневшими гордецами, способными на маневр только за пультом боевого корабля.

Ведущий и ведомый, все правильно. Пара сработанней, чем традиционная связка телепат-пирокинетик, уж точно гораздо более маневренная — оба понимают, что делают, оба знают, чего друг от друга ожидать. Вот мерзавцы! Март сбил с толку, заморочил голову, дал Аристо возможность для атаки, да так ловко, что специалист по телепатам даже не заметил воздействия.

Но как же так? Доподлинно известно, что воспроизвести психонические способности

невозможно, они всегда случайны, а в создании аристократов нет места случайностям. Аристократ не может быть псиоником.

Кто же тогда Аристо?

Андре попытался сообразить, в какой же момент попал на крючок и стал выполнять требования фон Нарбэ. Не смог. И насмешливо выдохнул сквозь зубы.

Это ж надо было так попасться!

Аристо чуть не обманул его. Мог выманить все необходимые сведения, заставить молчать обо всем, и уйти, не оглядываясь. Он так бы он и поступил, если б Андре не вывел его из себя. Случайно! Просто потому, что попытки разозлить кого-нибудь из фон Нарбэ давным-давно стали его личным спортом.

Ни разу не удалось. Они не люди, не аристократы, они — летающие машины. И кто бы мог подумать, что Аристо взбесится из-за своего мальчишки? Да еще настолько взбесится, что пойдет напролом, забыв про финты, атакует прямым ударом.

Это было так, будто мозг сжали в кулаке. И все, что не поместилось — потекло сквозь пальцы. Чуср... Очень убедительное подкрепление приказа: «не думать» и «забыть». И даже на «суку» как-то не обижаешься, только бы поскорее отпустили.

Избави нас, Господи, от врагов-телепатов!

— Мерзавцы! — вслух повторил Андре.

И, заложив руки за голову, стал крутиться на кресле.

Ну, Аристо! А ведь с виду — такая же высокомерная задница, как все его родственнички. Он может убить за Марта, Март кого угодно убьет за него, обоим можно только позавидовать. Можно было бы... не попадись им на пути Андре дю Гарвей.

Жаль. Но что поделаешь? Аристо обречен, а вот Марта нужно спасти. Насчет него не было никаких распоряжений, и он слишком хорош, чтоб пропасть вместе с фон Нарбэ.

Глава 3

«Есть хитрость изысканная, но она незаконна»
Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (19:22)

Сразу после встречи со Скордой улетели в другой рум. Во-первых, для безопасности — надо же предпринять что-то хотя бы из вежливости к шпионам ордена Всевидящих Очей; во-вторых, потому что работа в Инагис-руме была почти закончена, действия переносились в Чедаш-рум, и жить там стало удобнее.

Дэвид не вдавался в подробности, просто сказал, что ему нужно побывать в доме Скорды дважды, с интервалом в несколько дней. И Лукас не заинтересовался подробностями, просто сказал:

— Хорошо.

Но первый визит прошел слишком успешно. По удивительному совпадению, под рукой у Скорды оказались нужные сведения, и обмен состоялся без проволочек, информация за информацию. Что это за совпадение такое, насколько оно удивительно и чем грозит — это Дэвиду еще предстояло выяснить. Равно как и то, откуда Скорда так много о них знает.

— От Эффинда? — Предположил Март. — Оттуда же, откуда узнал про то, что Эффинд на нас в церцетарию донос отправил. Следил за ним или еще что.

— Скорда не сказал о том, кто отправитель, — напомнил Лукас.

— Он тебя убить хотел, а ты все оправдания ему ищешь!

Тут Март был прав. Для парня, который, вроде как, малость свихнулся на мести, и нарушил ради этого закон, Лукас был уж слишком терпим. Но и Лукас тоже был прав. Скорда действительно не называл имен, и вообще сказал очень мало. Всего лишь сообщил о том, что них донесли в церцетарию.

Ладно. Рано или поздно прояснится и этот вопрос.

Дайте только время.

Времени хватало, потому что проникновение в жилище барона — наплевать, по-тихому туда лезть, или с боем прорываться — дело хитрое. Готовиться к нему надо не день и не два. Сам Дэвид решил, что между первым визитом и вторым визитом к Скорде должно пройти суток двое-трое. Для начала. Там, по результатам, можно будет определиться, что делать дальше.

Интересно, Лукасу действительно наплевать, за какие именно запрещенные возможности Дэвида Нортон он пойдет на казнь? Или он ни о чем не спрашивает, потому, что чем меньше знаешь — тем меньше, если что, расскажешь?

Миомеры, «гекко», чип, камеры и микрофоны — это все игрушки, пусть даже они не ловятся имеющимися в Империи сканерами, все равно, это ерунда. Такое любой купить может. Не в Баронствах, и не в Нихон, конечно, но на Земле — любой. От денег зависит. А Дэвид Нортон — работа штучная, таких на всей Земле едва ли полсотни наберется. Не фуллборг, как эдзоу, не киборг, как все остальные.

Человек.

Землянин.

Если б не искин, может, рано или поздно все на Земле такими стали бы. Вот это была бы жизнь. Но — не судьба.

В кабинете Скорды Дэвид оставил шпиона собственного производства. Была у него на одном из пальцев хитрая «железа», способная вырастить настоящий биочип. В данном случае нужен был «клоп», со сканером частот, приемником, питанием от самого себя, и собственной памятью. На всё про всё — кусочек кожи, толщиной в пару клеток. Этот чип не обнаружит ни устройство, ни человек. Разве что особо рьяная уборщица разглядит прозрачную пленочку под подлокотником кресла. Но, судя по сомнительной чистоты обивке, таких в доме Скорды не водилось.

Лукас был занят тем, что обеспечивал им выход на позиции максимально близкие к цитадели Чедаша. До той черты, за которую живым людям ход был попросту заказан. Внутри цитадели могли попасть только гомункулы, но снаружи Чедаш с людьми общался. С узким кругом людей. В этот круг им и надо было попасть.

Дело сложное. Но когда в команде такая непонятная штука, как Лукас фон Нарбэ, все, что зависит от людей, становится возможным, даже если считается невозможным.

Дайте только время.

Вот так они и работали — каждый над своей задачей. И у каждого решение зависело только от времени. Март помогал обоим. Основной своей обязанностью он, конечно, считал пребывание рядом с Лукасом в любом месте и любое время, но это не всегда было уместно. Так что по мере сил Март работал и с Дэвидом. Одна голова хорошо, а две лучше, особенно, если обе головы с фантазией и неплохой операционкой.

За трое суток «клоп» должен получить достаточно данных о взаимодействии домовой системы с удаленными устройствами. На основании этих данных Дэвид собирался написать и запустить в систему «червя». А дальше уже — дело техники.

Еще надо было найти предлог, чтоб снова посетить Скорду и забрать «клопа». Поначалу планировалось, что второй раз Дэвид пойдет в «Идеальную хозяйку» за обещанной информацией, но Скорда отдал им все и сразу. Правда, сейчас сам активно шел на контакт. Запал он на Марта, и, похоже, что запал всерьез.

Это было странно... в смысле, ясно, что люди разные, но, чтоб на парня — вот так, все равно странно. И это решало все проблемы с повторным визитом.

Дэвид так думал.

А Лукас — нет.

У него был повод вызвериться на Скорду, это точно. И повод велеть Марту держаться от Скорды подальше тоже был, еще какой. Но мнением самого Марта он даже не

поинтересовался.

А Дэвид, если бы знал об этом, может, и не стал бы развивать тему. Кто их поймет, в конце концов, этих рыцарей, неизвестно же, как у них с субординацией, и до каких пределов доходит власть старшего над младшим. Опять же вот — поводы. Аж два. Но Дэвид не знал. И к исходу вторых суток, за ужином, предложил вместе подумать, как им добраться до «клопа», не искалечив при этом Скорду.

— Зачем его калечить-то? — не понял Март. — Он меня уже дважды в гости приглашал. Заодно и «клопа» заберу.

— Заодно?

Таких интонаций Дэвид у Лукаса раньше не слышал.

Март, видимо, тоже. Потому что тоже заржал. Оно, наверное, нехорошо, вдвоем со смеху укатываться, пока третий про себя до миллиона считает, чтоб никого не убить. Но, с другой стороны, а как не смеяться-то?

— Лукас, — сказал Дэвид, когда его преподобие считать закончил, — Марту двадцать один год. Когда ты решишь, что пора поговорить с ним о сексе, он спросит, что ты хочешь узнать. И будет прав.

— Это в том смысле, — влез Март, — что Скорда ничего мне не сделает, а не в том, что я больше знаю...

Зря он так. Лукас фон Нарбэ, наверное, и на смертном ложе не утратит навыка мгновенной заморозки взглядом. Так что Марта он, можно сказать, на лету сбил. Одним движением брови.

А когда заговорил, даже Дэвид себя так почувствовал, будто кто-то прошел по его могиле.

— Скорда опасен. Не только потому, что знает о нас.

И, после тяжелой паузы. Как будто признаваясь в чем-то нехорошем:

— Он знал, кто я, но не боялся.

Да уж, нечего сказать, аргумент.

Но ведь не поспоришь. Скорда всю дорогу нарывался, и это при том, что если рассказы про аристократов, хотя бы наполовину правда, Лукас его мог в полминуты по стенке размазать. Никакие телохранители не спасли бы, разве что киборги. И зря его преподобие пеняет себе за гордыню. Хотя... нет, не зря. Для этого у него всегда повод есть.

— Лукас, — сказал Март, — я три года врал целому монастырю со всеми его службами безопасности. Ты решил, что я достаточно хорош, чтоб летать с тобой. В бою ты мне веришь, так почему сейчас засомневался? Я что, стал хуже? Или глупее?

— Демагогом ты стал. А зря. Я в эти игры играю лучше. Нанести визит Скорде разрешаю, так и быть, но все это время его жизнь будет зависеть от тебя. Не давай мне повода, Март.

— Ты же не убьешь мирянина.

— За тебя? Убью.

Дэвид предпочел свалить подальше, не дожидаясь завершения разговора.

Два придурка!

Как бишь это было... где-то, когда-то услышанное, или прочитанное: *«что значит рыцарь для рыцаря мало кому понятно, кроме них самих и Бога»*. В общем, оно самое и есть. А если по-людски, то все равно получается: «два придурка».

* * *

Если честно, Март чувствовал себя не так уверенно, как утверждал. Ситуация незнакома, никогда раньше не приходилось оказываться... объектом такого интереса. Все равно, что в первый раз сесть за пульт незнакомой модели гафлы, без тренажеров, без ничего, голая теория — и сразу на стартовую катапульту. Однако, умея пилотировать одну

модель, можно представить, как управлять другой. С людьми так же. И хоть Март слегка запаниковал, когда связался со Скордой и услышал в дуфунге веселый голос, достаточно оказалось представить, что его панику почует Лукас, чтоб тут же прекратить бояться.

Скорда уж точно не страшнее родного командира.

Скорда...

Март его не узнал.

Вот просто... совсем. Все было другим. Обстановка жилой части дома, вместе с салоном и помещениями для рабов целиком занимавшего внутреннее пространство небольшого астероида, абсолютно не подходила глумливому, паясничающему мерзавцу. А Март запомнил Скорду именно таким. Тот массу усилий приложил, чтоб так его и запомнили.

Зато эта обстановка, вычурная, изысканная, даже, наверное, утонченная, почти как в юкори-домах, подходила нынешнему Скорде. Вычурному, изысканному, и уж до того утонченному, что только это, пожалуй, и убеждало в том, что да, этот человек действительно Андре Скорда. Обилие украшений, изукрашенные длинные ногти, причудливая прическа... и веселые серые глаза с неожиданными зелеными проблесками. Все равно ведь смеется, хоть и не зло, хоть и без яда.

Яд у него, похоже, специально для Лукаса припасен.

Март чуть не растерялся. Мог бы, если б не привычка моментально реагировать на изменяющуюся ситуацию. От военного опыта, оказывается, и в миру есть польза, так что растерянность не помешала выполнять боевую задачу. В результате применения серии заранее заготовленных иллюзий, Скорда, извинившись, вспомнил о том, что, кажется, «...забыл кое-что в кабинете...». Те две картины пришлось очень к месту, потому что он предложил Марту взглянуть на них повнимательней, «...они того стоят, хоть это и просто копии...» Ориентировка была выдана Дэвидом с высокой точностью, и Март без труда обнаружил на подлокотнике кресла почти невидимую пленку. Снять ее, скатать в крошечный шарик, было делом одной секунды. И еще секунда — на то, чтоб вжать этот шарик в выемку дуфунга.

Задание выполнено.

Дуфунг тоже принадлежал Дэвиду, и Март подозревал, что он только выглядит как обычная, новенькая «Алага».

Все они... только выглядели обычными. И «Алага», и Дэвид, и Март.

А Скорда с Лукасом даже не выглядели.

Теперь можно уходить. Один звонок Дэвиду — «клоп» передаст данные и рассыплется — потом извинения, мол, срочные дела, неожиданно, очень жаль, может, как-нибудь в другой раз...

Март нажал кнопку вызова, и, дождавшись ответа, сказал:

— Я задержусь. Передай Лукасу, что все нормально, ладно?

Он должен был понять. Обязан был понять, почему же все время, с первой же встречи, не перестает их сравнивать. Своего командира, и этого непонятного работоторговца. Они не похожи, не могут быть похожи. Какое там, одна мысль о том, чтоб искать между ними сходство, кажется кошунством.

Только, почему-то, она все время приходит в голову.

Две картины. Одна — копия «Небес», бодхисатвы Артура Северного. Вторая — копия с полотна, автор которого неизвестен. На обеих небо, но какое разное! Прекрасные и всеобъемлющие, чистые как космос Небеса бодхисатвы. И яростно-холодная, прозрачная бездна неба неведомого художника.

Разные. Похожие. Как же все это сложно!

Оригиналы, по слухам, принадлежат дому фон Нарбэ. Интересно, а Лукас знает?

Если и знает, Марту он об этом все равно не сказал.

Лукас, он, вообще, в основном молчит. Только изредка задает вопросы. Это если не по делу, а так вот, выпить вместе, или, там, просто быть рядом. Лукас молчит. Слушает. Смотрит. Непонятно даже, когда Март столько всего успел от него узнать, если говорит почти всегда сам, рассказывает, рассказывает, про семью, про Торду, про всякое разное...

Нет, на самом деле, понятно, когда. Всегда. То есть, постоянно. Стараешься подражать, повторяешь, копируешь, так вот и учишься. На живом примере. Дэвид недавно Лукасу сказал: «твой парень из всех сил старается стать таким же скучным отморозком». Типа, не одобрил. Хотя, конечно, «скучный отморозок»... кто так говорит, тот совсем Лукаса не знает. А Дэвид его знает. Значит, просто издевается. Над кем вот только? Над Лукасом бесполезно, а Март этого вообще услышать не должен был. Мда. В монастыре жилось гораздо проще.

Андре... э-э... то есть, Скорда. Тьфу! Ладно, Андре. Он — наоборот. Он говорит. И его хочется слушать. Уроженец Баронств, он влюблен в Империю, как бывают влюблены в чужие края, люди, бывавшие там только в гостях, а то и вовсе знающие лишь понаслышке. Андре в Империи бывал, но преимущественно по делам, так что времени на то, чтобы оглядеться, посмотреть на жизнь Шэн изнутри, у него ни разу не нашлось.

Рано или поздно он собирается просить подданства, и ему действительно нужны там друзья. И он столько всего знает про Империю! Тем, что любишь, всегда интересуешься. Особенно, если любишь то, что далеко. Вот, например, уроженцы Инуи знают о своей планете, и о своей столице, гораздо меньше, чем туристы, турагентства, искусствоведы, историки...

Лукас ненавидит Инуи.

Почему? Там родился отец Бёрк, разве Лукас не должен любить эту планету?

Лучше не думать об этом.

В присутствии Андре, впрочем, надолго задуматься о плохом, или о чем-то, что нельзя изменить, все равно не получалось. Появлялись все новые темы для разговора, для размышлений о разном, не грустном, реальном, но далеком. Во всем этом и правда есть смысл. В том, что называется искусством. Прекрасные вещи, созданные руками людей. Они заставляют помнить о том, что в мире есть что-то кроме твоих проблем, и кроме твоей жизни. Есть прямо сейчас.

Это важно.

А для Лукаса важно лишь Пространство.

— Он, я гляжу, вообще не разменивается на мелочи, а?

Это Андре. Значит, последнюю мысль Март подумал вслух?

— Когда речь идет о людях, для него нет мелочей.

— Тогда, тебе повезло.

Вот так всё. Просто. И непонятно. То ли угроза в этих словах, то ли предупреждение, то ли мерещится что-то, а на самом деле Андре сейчас наплевать на Лукаса. Хм. Нет. Точно не наплевать. Чтоб это понять, не нужно быть эмпатом.

Зато Лукас, похоже, потерял интерес к Андре Скорде. Что-то они с Дэвидом успели выяснить за те часы, пока Март был на... э-э... пока Март наносил неофициальный визит? Что-то узнали, уверившее Лукаса в том, что сейчас Андре не опасен?

Они столкнулись на причале гостиницы. Лукас вышел с парковки, а машина Андре влетела в шлюз. Ни раньше ни позже, надо ж было так угадать.

— Привет, — сказал Март, вылезая. — Дэвид передал тебе...?

— Нет.

— Добрый вечер, — вежливый Андре тоже вышел из машины.

Они зацепились взглядами. Снова, как тогда, в «Идеальной хозяйке», но ненадолго. Так... ритуально. Март знал этот ритуал, сам не раз выполнял его. Правда, конечно, в своей весовой категории. Это было до поступления в орден, еще на Торде. Когда на нейтральной территории сталкиваешься с другими парнями, своими ровесниками, и драться не из-за чего,

но что-то такое все равно есть. Что-то, что может в любой момент стать причиной. Обычно это девчонки.

Чего-о?! Так он тут, получается, кто??

— Пойдем, — сказал Лукас. — Прощайте, Скорда-амо.

— До встречи, — мягко так поправил Андре. — Уверен, мы еще увидимся.

Времени на осознание своего статуса не нашлось. Дэвид встретил на входе в номер, сунул в руки Лукасу пластину «секретаря» с развернутым экраном.

— Это что?

— Это компьютер, — в голосе командира был давненько не слышанный холод.

— Не придурайся! Я спрашиваю тебя, что вот это за новости?

— Это именно то, в чем мне сегодня нужна была твоя помощь. Ты помог. Благодарю.

— Надо же! Его преподобие снизошел до благодарности. Какого хрена ты туда влез?

— Хватит! — взорвался Март. — Чусры и ички на вас, с вашими разборками! Достали! Долбанные альфа-самцы!

Дэвид у Лукаса, оба, взглянули на него с одинаковым недоумением.

— Кто? — тихо уточнил Лукас.

— Мы? — обалдело переспросил Дэвид.

— Все! — рявкнул Март.

Но боевой запал как-то вдруг испарился. Про альфа-самцов, это он явно зря. Это от раздрая в мыслях. Не надо было Лукасу и Андре так друг на друга смотреть. На причале.

Все как-то запуталось.

— Что происходит?

Март и Лукас произнесли это одновременно.

— Незаконное освобождение рабов происходит, — ответил Дэвид, — почитай в новостях. Какой-то недоумок из этих ваших неслучайных Апостолов пойман на попытке организовать побег чужой собственности. Если б не был священником, его бы туда же, в рабство. А для священников приговор — Клетка. И один наш общий знакомый альфа-самец

Март почувствовал, что неудержимо краснеет

будет биться за... я так полагаю бета-самца, идиота, которому лучше бы умереть, чтоб не дай бог, не размножиться. Семь боев с киборгами, привыкшими разрывать священников на куски. Альфа-самцы в восторге от открывающейся перспективы. Уже завтра ночью одним из нас станет меньше, что, разумеется, большой плюс для оставшихся. С учетом традиционной для альфа-самцов конкуренции.

— Дэвид. Я, возможно, заслужил твой сарказм, но не нужно издеваться над Мартом.

— Ага. Успевай заступаться. Когда тебя разорвут на кусочки, Марта защищать уж точно будет некому.

— Это Март меня защищает.

Вот... так. Все правильно. Март сглотнул вставший в горле комок, и спросил:

— А в чем... — получилось хрипло, он откашлялся, и начал снова: — в чем проблема-то? Семь боев. А киборгов сколько?

— Это поединки, — Лукас передал ему «секретаря». — Почитай, здесь все есть.

Развернулся и ушел в свою спальню.

Нужно рассказывать ему... о сегодняшнем дне? Наверное. Иначе зачем было оставаться? Ведь не ради того, чтоб поближе познакомиться с Андре Скордой. Но не сейчас. Не надо отвлекать его еще и этим, тем более, что и отвлекать-то нечем, ничего же не произошло. Лукасу нужно время. Для медитаций. Для подготовки к бою. Все-таки, семь поединков, тем более с киборгами.

Сейчас ему точно ни к чему решать еще и проблемы ведомого.

Март, наконец-то, смог сосредоточиться на экране «секретаря». Да. Главная новость Роя — смертельный бой в Клетке. Редкое событие, как Андре и говорил. Священник ордена Семисот Семидесяти Семи Апостолов совершил преступление и должен был погибнуть в

зрелищном поединке с боевым киборгом Хундо. «Настоящей машиной смерти...», как заверял текст, и сопровождающее текст видео, на котором машина смерти Хундо как раз ломал кости кому-то из предыдущих приговоренных. «Но на этот раз», — Марту казалось, что даже буквы в словах захлебываются от восторга, — «мы увидим то, чего никогда не видели. Невероятные поединки. Против семи боевых киборгов будет драться эдзоу!...».

— Эдзоу? — Март оторвался от чтения. На видео были только киборги, устрашающие зрителя в меру своей фантазии. — Лукас выдал себя за эдзоу?

— Отлично придумал, — фыркнул Дэвид. — Где только слов таких набрался? И ты тоже, кстати.

— Я — от Лукаса. Он два года назад... одной женщине нужен был эдзоу, иначе она бы умерла. И Лукас убедил Собор, чтоб ей разрешили. Но она умерла. Не хватило времени.

— Н-да? — Дэвид неопределенно пожал плечами. — Про эдзоу вы слышали, а про боевых киборгов нет?

— Эдзоу опаснее. Их делают на Старой Терре, там все лучшее.

— Не вопрос! Вы оба больные, или как? Лукас не эдзоу.

— Он аристократ.

— Оба больные.

— Да какого... — Март клацнул зубами, чтоб не выругаться. Глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Помогло бы, если б Дэвид не наблюдал за ним с такой откровенной издевкой. — Ты же ни убьере не знаешь про аристократов.

— А вы очень много знаете про боевых киборгов. Ага. В кино видели, ёлы. И объясни мне, раз уж твой драгоценный аристократ не снизошел, за каким гадом надо было нарываться на семерых?!

— Так... а варианты-то?

— Были варианты. Поединок с этим Хундо, и финита, кто кого победил, тот того и съел. Но этот псих прислал мне список киборгов-рестлеров Клетки, и попросил найти в нем тех, кто засветился на казнях. Как раз семеро и набралось. Я бы знал зачем, послал бы подальше. До чего ж меня самоубийцы утомляют.

Казни в Клетке.

Март начал понимать. В боях в Клетке участвуют профессионалы, что киборги, что люди, они дерутся за деньги. Это такая работа. Одна из многих. Похожа на цирк. Рестлеры — артисты, пусть и очень своеобразного жанра. Артисты, а не убийцы. В основном. Но среди них есть те, кто убивает священников.

Лукас знал, что их немного. И новые найдутся не скоро. После урока, который он преподаст, даже те, кто хотел бы убивать, задумаются над тем, что могут сами стать жертвой.

— Дэвид, это знак, что Лукас прав. Знак для церкви.

Дэвид посмотрел на него со смесью раздражения и жалости.

— То, что кто-то из Апостолов попался, как раз когда мы здесь — это знак. — Март с тоской подумал, что Лукас мог бы объяснить, Лукас умеет объяснять. А его не учили проповедовать язычникам, а Дэвид хуже любого язычника, потому что скептик и материалист. — Это же понятно. Ты просто в Бога не веришь, поэтому не видишь. Лукас нарушил Устав, совершил преступление, но сделал это, потому что Господь вел его сюда. Господь показал ему путь к отмщению. Дома в это никто не верил, кроме Лукаса, а сейчас поверят все, потому что Господь явил свою волю. Он хочет остановить убийства, и для этого Ему нужен Лукас. Единственный священник, который не боится верить по-настоящему.

— Зашибись объяснил. Получается, твой замечательный Лукас, весь такой священник, сначала совершает преступление, чтоб отомстить, не жалеет ни себя, ни тебя, ни меня, все, понимаешь ли, во имя мести, а теперь готов сдохнуть на ринге, и никому в итоге не отомстить.

— Он не погибнет.

— Да ну?!

— В том и смысл, Дэвид. Он должен отомстить, поэтому не может погибнуть, иначе все будет зря. Но спасти этого Апостола он тоже должен, иначе он перестанет быть священником, и тогда... все равно все будет зря. Эхес ур... не умею я объяснять. Лукас умеет. Он бы все понятно сказал.

— Лукас-то? Ну-ну. Если ты не заметил, он обычно просто говорит: «делай». И все делают. Без объяснений. А влюбленные щенки, те даже приказов не дожидаются.

— Я не... — Март чуть не задохнулся от злости. И от стыда. Он действительно так выглядит? Со стороны действительно кажется, будто он...

— Ладно, не щенок, — Дэвид забрал у него «секретарь». — Извиняюсь.

— Я не влюблен.

— Да плевать мне на это, Март. Мне нужно сделать свою работу, получить за нее деньги и свалить отсюда живым. А Лукас сегодня обломал мне как минимум два пункта.

За ухом Марта нежно курлыкнула мембрана дуфунга.

Андре? С чего бы вдруг?

— Март, прости за поздний звонок. Ты можешь дать мне поговорить с сахе Нортоном?

— Если он не против. Дэвид? Это Анд... сахе Скорда.

Дэвид скорчил рожу, но кивнул, и Март переключил канал на его «Алагу».

— Ну? — сказал Дэвид.

— Да, — сказал Дэвид.

— Мать его! — сказал Дэвид. — Seriously? Ладно, посмотрим.

И, вновь поглядев на Марта, непонятно добавил:

— Трое больных. Скоро будет четверо.

* * *

Встретились в «Гизе». Относительно нейтральная территория, защищенная от лишних ушей и глаз — то что надо для делового разговора. Из Чедаш-рума, конечно, не близко. Андре предложил Марту заехать за ним и Нортоном. Март поблагодарил, но отказался.

А в итоге эти двое оказались в «Гизе» чуть не раньше самого Андре. Март раскурочил блок автопилота такси, перевел машину на ручное управление, и добрался из одного рума до другого с такой скоростью, о которой создатели этих машинок никогда и не мечтали.

Он действительно классный пилот. Похоже, Аристо, все-таки, выбрал парнишку в ведомые не из-за внешности. Злобствуй, злобствуй, Андре дю Гарвей. Завидуй. Аристо выбирал человека, которому готов доверить не только жизнь в бою, но и всего себя навсегда. И принять ответное доверие. Навсегда. Пока один из них не погибнет. Вряд ли ты можешь предложить Марту хоть что-то сравнимое.

С другой стороны, Аристо не жалец. А вся эта ситуация целиком — повод для ордена Десницы задуматься, так ли уж хорошо, что их пилоты настолько привязаны друг к другу, что даже когда выясняется, что один из них псионик, второй покрывает его преступление. Хм. Однако, Аристо слишком близко подошел к тому, чтоб подтвердить свой статус героя, так что еще неизвестно, о чем задумается орден, и к чему приведут размышления. Нет. Он не погибнет в Клетке, бастард дома фон Нарбэ. Его личная спецификация неизвестна, но фон Нарбэ традиционно бойцы, и Аристо, скорее всего, тоже. Изначально и их, и дю Гарвеев, создавали для войны со Старой Террой, в том числе, для уничтожения боевых киборгов, а вот специальных киборгов для уничтожения аристократов не создавал никто. Значит, Аристо победит. Значит, героем ему не бывать. Здесь все в порядке и беспокоиться не о чем.

Но семь боев подряд... Это совсем не то, что уничтожение четверых киборгов-телохранителей. Эффекта неожиданности не будет. Бой с эдзоу, страшной легендой Терры, заставит этих семерых готовиться к завтрашней ночи всерьез.

Нортон согласился сделать ставку на Аристо. Хотя, кажется, так и не поверил в то, что аристократ способен уничтожить киборга. Странно для шэнца, с их-то пропагандой,

преподносящей аристократов как неуязвимые и всемогущие машины. Но сахе Нортон вообще производит впечатление скептика. Судя по имеющейся информации, он восемь лет прослужил в мирских войсках, а это еще та работка. В идеальное верить отучает с гарантией.

Правда, в нынешней ситуации, лучше верить в фон Нарбэ, чем в его противников.

Андре и сам бы поставил деньги на уничтожение киборгов, да нельзя. На него смотрят. Считается, что у него всегда нос по ветру. Это удобно. Обычно. Но вот в таких ситуациях ни к чему. А Март играть на тотализаторе не может — священник.

Да и не стал бы он. Не те у них с Аристо отношения. Март молодец. Он не сомневается в том, что его командир победит. Все уже понял. Знает, что бой будет не мезью за убитых священников, и даже не выкупом того, который еще жив, а уроком. Проповедью в духе ордена Десницы. Мол, вот, что бывает с теми, кто убивает священников, смотрите, дети, и помните — убивать грешно. Чего Март не понял, так это почему такая спешка. От поимки преступника до казни всего двое суток.

Андре объяснил. Спешат, чтобы священника никто не успел освободить. Империя не ссорится с Баронствами в открытую, но ясно же, что здесь есть шпионы, резиденты, диверсанты, и неизвестно, на что пойдет церковь Шэн, чтобы не допустить казни одного из своих детей.

Так что на подготовку казни стараются тратить как можно меньше времени, оповещая при этом как можно больше народу. Зрелище превосходит по популярности любые другие: места в зале продаются с аукциона, а через букмекерские конторы проходит больше денег, чем за целый сезон обычных боев. За размещение рекламы в зале Клетки, в сети и на каналах улим-кимато рекламодатели устраивают между собой собственные бои без правил. Удивительно, что не насмерть. В общем, дело со всех сторон выгодное. Но приходится спешить.

— Кстати, если хотите, могу организовать два места в зале.

— А вот это все, — Нортон покрутил пальцами, — только что озвученное, про убийства за рекламное место, популярность, аукцион... нам это нужно забыть, игнорировать или предполагается, что мы будем по гроб обязаны?

Андре улыбнулся ему.

— Нортон-амо, услуга за услугу. Вы пошли мне навстречу с тотализатором. Я пойду навстречу вам. Март, а ты что скажешь?

— Вряд ли что-то изменится от того, буду я в зале или нет.

Узнаваемые интонации. Так холодно, так спокойно. Ах, мальчик, мальчик, у Андре дю Гарвея был целый день, чтоб узнать тебя поближе.

Выдержать паузу. Дать ему время...

— Но я готов быть обязанным... ты скажи, что ты за это хочешь?

Вот! И почему, спрашивается, такое сокровище досталось Аристо? Только потому, что и в жизни фон Нарбэ должно быть что-то хорошее? Ну, так Андре готов меняться. На что угодно.

— Лукас за это съест мою печень на завтрак, — он на секунду накрыл руку Марта своей, — поэтому лучше я просто сделаю тебе подарок.

— Лукас не ест животную пищу.

Ох как. Неожиданно. Шутить таким голосом, и с таким спокойным лицом — плохая привычка. Ладно. Счет до сих пор в пользу фон Нарбэ, но никто и не рассчитывал на мгновенный результат.

Глава 4

*«Благословен Господь, твердыня моя, обучающий руки мои
битве и персты мои брани»*

Псалтирь (143:1)

Клетка. Всегда шумно, всегда ярко, пестро, слепит глаза. Здесь легко, опасно, захватывающе. Все знают всех, каждый каждому волк, каждый каждому брат. Сюда не приходят по делу. Клетка — только для развлечений. Выплеснуть адреналин, увидеть кровь, вдохнуть страсть, ярость, жажду победы, ненависть поражения. Чужие, зато истинные, такие, какими они должны быть, а не такими, какими они становятся в кондиционированном воздухе офисов.

Сегодня особенный день. Редкий. И публика ведет себя не так, как обычно. Предвкушение смерти меняет людей почти до неузнаваемости.

Как они ждут! Эмпату без подготовки здесь должно быть тяжело. Или противно. Уже можно делать выводы о Нортоне — ему противно. Он не любит смерть, не любит боль, ни свою, ни чужую. Таким самое место в МВ. Служить и защищать. Вроде рыцарей, только проблемы решают не такие глобальные.

А Март чужих эмоций не чувствует. Ему тут просто не по себе. Монастырский образ жизни не воспитывает интереса к подобным шоу. Не только смертельным, а, вообще, любым, подразумевающим бой, страсть, ярость и прочее из списка. Рыцарям заемные чувства ни к чему, они сами и сражаются, и убивают, и побеждают, и гибнут в бою. По-настоящему.

А сегодня бастард дома Нарбэ будет убивать на потеху толпе.

Мысль об этом почему-то не греет. Кровь, что ли, мешает? Равенство происхождения?

Два льва в стае собак должны соперничать или объединиться?

Им двоим есть, что делить. Есть кого делить. Ставка высока. Но даже это не повод радоваться тому, что существо одной с тобой крови, пусть ненадолго, станет развлечением для собак.

Гордец фон Нарбэ!

В монастырях и правда учат смирению.

Гул толпы слился в единый, восторженный рёв. Вторя ему, заорали динамики. На огромных экранах мелькание рекламы сменилось нечеловеческой рожей Хундо. В отличие от телохранителей и прочих боевых киборгов, чья профессия требовала постоянного контакта с людьми, рестлеры не маскировали свою искусственность. Наоборот, старались стать как можно страшнее, как можно больше похожими на машины, а не на людей. Эпатаж был частью их работы, жуткая внешность, как стати беговых лошадей, влияла на ставки.

Но далеко не все при этом действительно становились нелюдями.

— Фуллборг, — непонятно сказал Нортон.

Хундо ревел, молотовидная башка взметнулась на телескопической трубке шеи, огненные глаза сверкали, отражая свет прожекторов.

Чудовище. Как и все они, все семеро. Ролики в яриф и по кимато не передают и сотой доли того впечатления, которое производят эти миляги, когда смотришь на них отсюда. С лучших в зале мест, прямо над рингом, над силовым куполом Клетки.

— Я понимаю, почему их отлучают... — начал, было, Март. И застыл, сцепив пальцы.

Рев пошел на убыль, снизился до тихого ропота. Удивленного. Почти стыдливого.

«Так-то, уроды!» — Андре нервно звякнул браслетами. Просто, чтоб услышать свои сэйры, почувствовать их холод на запястьях. — «Это вам не киборг, это — сверхчеловек».

Аристократ.

Поэтому экраны пусты. Трансляция этих боев будет выглядеть очень странно. И все-таки, бои состоятся. Потому что такого никогда не было, и никогда больше не будет. Семь смертельных поединков подряд. Даже те, кто будут просто слушать трансляцию, запомнят ее навсегда, перескажут детям и внукам.

К тому же, когда Аристо хочет чего-то, ему трудно отказать.

Чем он был занят прошлую ночь и этот день? Март говорит — медитировал. Может, и

так. А, может, ознакомился с тактико-техническими характеристиками будущих противников.

В бой включился сразу, не дал себе труда поддержать Хундо на расстоянии, присмотреться к его тактике, познакомиться с приемами. Быстрый, чусры б его взяли... Он настолько меньше Хундо! У киборга одна рука толщиной с целого Аристо. Ладно. Это нормально. Так и должно быть. И у Хундо сейчас не руки: в бою он использует специальные насадки на конечности — два моргенштерна, один на цепи, второй на древке. Холодное оружие разрешено, огнестрельное — нет.

Кроме моргенштернов, конечно, есть и манипуляторы. Чтоб держать противника, когда доходит до финала, до дробления костей, разрывания мышц и сухожилий. Сколько раз это было? Не много — казни в Клетке редкость. Но это было. Предсмертные вопли, и судорожно сокращающиеся, хлещущие кровью куски того, что мгновение назад составляло часть человеческого тела.

Как некрасиво!

И как красиво сейчас.

Фон Нарбэ не чужды эстетике.

Он уходит, уворачивается от свистящих булав, пропускает мимо себя мечущуюся на длинной шее, смертоносную башку. Прикасается к корпусу киборга. Раз, другой, десятый. Не бьет, движения рук изящны, как будто в пальцах кисть художника. Две кисти. Вон, поблескивают, тончайшие, почти невидимые лезвия. Он со всех сторон, бесшумный, легкий как тень, он всегда на одно мгновение опережает грохочущий цепью шипастый шар, летающий вокруг Хундо. На полшага впереди. Коснулся груди, сочленения там, где вырастает из бронированных плеч шея, проскользнул сбоку, еще пара касаний, чтоб уйти за спину.

Хундо не нужно разворачиваться, на его голове глаза и впереди и сзади, размещены рядом с ударной частью молота. Широкий обзор. Но он, похоже, не успевает уследить за Аристо. И тот обходит его. Отступает, словно для того, чтоб оценить картину.

Добавить последний мазок.

И добавляет. С разворота. Ногой. В самый центр неразрушимого грудного панциря.

Хундо слишком тяжел. Как бы ни был силен удар, его не отбросило назад, даже не качнуло. Он стоял. Моргенштерн на цепи тяжело ударился о пол. Второй бессильно повис. Потом подкосились ноги, и киборг осел на колени. Почти сравнялся ростом со стоящим перед ним Аристо.

Что он сделал? Этот бастард... что он сотворил такое? Чему учат в монастырях, но не учат в домах аристократов?

В первый раз с начала боя Аристо улыбнулся.

И Март, подавшись вперед, ответил на улыбку. Так, будто Аристо смотрел на него, а не в пол перед Хундо. Так, будто никому другому Аристо и не мог улыбнуться.

А потом, уже не улыбаясь, фон Нарбэ взял у плеча правую руку Хундо, выдохнул... И рванул. Киборг издал вопль, от которого хрипом зашлись динамики. Его рука, та ее часть, которая еще была живой, отделялась от тела. Необходимые для существования остатки плоти и крови, сращенные с механизмом, способные чувствовать боль, рвались, брызгая кровью.

Хундо кричал.

Аристо бросил на пол его правую руку. Так же медленно, тщательно соизмеряя усилия, оторвал левую. Одним страшным рывком вырвал из корпуса шею. И, чуть поморщившись, сунул руку в образовавшееся отверстие. Вытащил, вытянул, как мерзкую личинку из сырой норы, как моллюска из панциря, живой, студенисто подрагивающий в затянутых в перчатки ладонях, человеческий мозг.

Киборги — они, все-таки, люди. Как бы они не выглядели, что бы ни делали с собой...

Аристо, не глядя, бросил мозг за плечо. Тот шмякнулся о купол. Передние ряды с той стороны подались назад, как будто в них могла попасть омерзительная каша.

— Следующий, — прозвучал равнодушный голос.

— Твою мать, — пробормотал Андре.

И передернулся, увидев сияющие глаза Марта.

А тот улыбался так искренне, как будто ему только что пообещали в подарок щенка или котенка.

— Типовая модель, — объяснил он, — Лукас показывал мне... нам. Дома.

Голос был едва слышен даже в гарнитуре, Март осторожничал, хотя здесь и сейчас мог бы орать, стараясь перекричать толпу, все равно никто бы не услышал.

Никто бы не поверил.

— Типовая модель абордажного киборга. Только вместо булав у них резак и тяжелые пульсаторы. Лукас иногда ведет тренировки у эквесов. Таких они тоже изучали. И он один раз показал, как можно этого вот — одним ножом. Ну... двумя. Вот. Как сейчас.

Брр... все ясно. Мальчик в восторге не от разбрызганных о стену мозгов, а от того, что дом родной вспомнил. Весело у них там, в монастырях.

Второй киборг, Зива, блестящая, гибкая, переливающаяся, как будто отлитая из ртути, была осторожнее. Держалась поодаль. Чуть слышно жужжали вибролезвия вдоль рук и ног, и так же негромко жужжали, набрав скорость, дисковые пилы, на этот бой заменившие Зиве ладони. Неплохое вооружение для циркового боя насмерть.

Непонятно было, долго ли она собирается отступать. Аристо некоторое время следовал за ней, так же тщательно выдерживая дистанцию, выжидал. То ли « типовые модели » в голове перебирал, то ли молился за упокой. И вдруг, как-то сразу превратился в яростный, ошетилившийся лезвиями смерч. Ножи были у него в руках, ножи выступили из ножен на локтях, змеиными языками сверкнули из подошв ботинок. И он взлетел. Это было невозможно, это было... как в фильмах. Какие-то нереальные, сверхъестественные спецэффекты. Каскад кувырков и ударов, десятки неглубоких, резаных ран на блестящей оболочке Зивы. Изредка Аристо касался пола кончиком пальца, краем подошвы, для того лишь, чтобы изменить направление полета, увернуться, отклониться от проносящейся мимо фрезы, от удара гибкой, оснащенной лезвиями, конечности.

Зива уже не казалась быстрой. Ее атаки не достигали цели. Она не успевала защищаться, не успевала угадать, откуда будет следующий удар.

Не успевала затягивать порезы.

Оболочка истончалась. Тускнела. Становилась прозрачной.

Аристо по-прежнему двигался слишком быстро. Но Андре смотрел внимательно, помнил предыдущий бой. И теперь видел: режущие раны сбивали системы Зивы с толку, заставляли тратить время и ресурсы на заращивание повреждений, а на пять-шесть порезов, приходился один колющий удар. Глубокий. В те же точки, что и в бою с Хундо. С поправкой, конечно, на то, насколько разными были модели. Грудь. Шея. Плечевой сустав, подмышечная впадина. Основание черепа. Точка где-то на позвоночнике — по крайней мере, у людей там позвоночник...

Та же схема.

Монастырская школа боя с киборгами? Ну, ничего себе, школа!

Время задуматься над тем, как же мало известно о монастырях Десницы. Вообще о церкви. О монастырях, о миссиях на всех населенных планетах, в каждом приходе. О том, что они могут, на самом деле. Что знают и умеют... недостижимое для аристократов. Люди с искаженной логикой, извращенным мышлением. Служители церкви Шэн.

Весть о сегодняшнем бое разойдется по всей Империи, станет для священников явлением божьей воли. Ярость аристократа; гнев высшего существа, оскорбленного чернью; право на убийство, дарованное самим Божественным Императором, для этих святош превратится в знамение от их Бога.

Что за люди?! Что за нелепые мысли в их головах?

Аристо убивает, потому что создан для этого. А не потому, что его направляет Бог.

В Клетке, обездвиженная, распластанная по полу, судорожно подергивалась Зива.

Аристо был серьезен и сосредоточен. Он не стал расчленять ее. Проявил уважение к женщине? Пожалел? Кто его поймет?

Вскрыл одним плавным движением, распластал от шеи до паха, явив восторженно ревущей толпе сложный внутренний механизм, сросшийся с живым телом.

Мозг Зивы размещался в грудной клетке. В этом отношении большинство киборгов устроено одинаково.

— Следующий.

Церковь пыталась.

Освободить осужденных на казнь священников. Убивать палачей.

Со священниками иногда получалось, поэтому теперь на подготовку к казни отводят минимум времени. С палачами не вышло ни разу. Тут речь шла уже не о противостоянии киборг-церковь, тут дело шло на принцип: мстительность церкви против знака качества нихонских инженеров. Человек не может убить киборга. И десять человек — не могут. Десяток эквесов Десницы в полной броне и с тяжелым вооружением, да, способны. Но такая команда не может прийти незаметно и незаметно уйти, тем более, не может совершить тихое убийство. Эмиссары церкви, эквесы, бойцы Всевидающих Очей — были и такие (со своей монастырской школой боя) — проникали в Баронства, находили палачей.

И погибали.

Или попадали в Клетку.

Никто в церкви, ни разу не додумался просить Божественного Императора о том, чтоб в Баронства послали аристократа. Возможно, это тоже было делом принципа.

Возможно, святоши ждали божественного вмешательства. Что ж, они дождались.

Андре смотрел, как Аристо добивает третьего противника.

Человек не может этого. И аристократ может не всякий. Бастард фон Нарбэ побеждает за счет скорости, сверхъестественной даже для его семьи. Хотя... кто их видел в бою, этих фон Нарбэ? Возможно, они все такие.

Взглянув на Марта, встретив его сияющий взгляд, Андре мрачно уставился себе под ноги.

Ну, вот и как с этим бороться? Аристо и учитель, и друг, и брат, и... неизвестно что еще, с учетом монастырских обычаев. И он же еще, извольте видеть, непобедим, хоть в воздушном бою, хоть в рукопашном. В прежней жизни Март, наверняка, видел, как Аристо уничтожает таких же киборгов, но вооруженных отнюдь не дурацкими лезвиями, молотами и булавами...

Жизнь несправедлива к потомку славного дома дю Гарвеев.

Динамики окатили зал ледяным: «следующий»...

И в Клетку с обоих входов ворвались сразу четверо киборгов. Вооруженных...

— Чусры и иччи! — вырвалось у кого-то в верхних рядах.

Март вскочил, но Андре толкнул его на руки Нортону:

— Держи! Не отпускай!

А сам рванулся к ближайшему входу в Клетку. Лезвия сэйр развернулись с нежным, ласковым посвистом.

Четверо киборгов, вооруженных «Хисабами». Оставшиеся палачи Клетки. Керн, Маака, Урта и Богорат. Они открыли огонь раньше, чем ступили на ринг.

Перекрестный огонь... Кто пропустил их. С оружием?!!

А кто бы их не пропустил?

Они видели, как Аристо убивает их, одного за другим и поняли, что он убьет всех.

Они хотят жить. Тот, кто привык убивать незащитных, всегда хочет жить особенно сильно.

Две сэйры.

Два киборга. Богорат и Урта.

Не ждут атаки сзади, и хоть у всех у них круговой обзор, атаки они все равно не ждут. Два эдзоу в одном зале — это невозможно, а на людей с холодным оружием киборгам плевать. Никто из людей им не страшен.

У Аристо не сэйры — ножи. Он так привык, да, и он творит чудеса. Даже сейчас. Но у него нет времени.

Андре в два удара отсек голову Богорату. Не решает. Но сбивает с толку. Он видел, как Аристо — смазанная, с неразличимыми движениями тень — пронесся между Малаком и Керном. Залп из «Хисабы» Мааки ожидаемо вошел в корпус Керна. Залп Керна растекся по куполу. Зрители уже бежали к выходам, лезли по головам, в ужасе от расцветивших купол смертельных вспышек.

Сэйры с размаху, сначала звонко, потом — с чавкающим звуком — рубили Богорату конечность с деструктором.

Аристо завершал смертельный круг. Если все сделано верно, сейчас один из его противников будет обездвижен.

Уворачиваться от ударов так, как он, Андре не умел. Блокировал сэйрой.

Уворачиваться от выстрелов из деструкторов — не умел тем более. Не в ближнем бою.

На его удачу, и Урта и Богорат продолжали стрелять в Аристо. Еще не поняли, что произошло.

Они быстро двигаются, нечеловечески быстро, но соображают не быстрее, чем люди.

Обезглавленный, лишенный оружия, Богорат попытался войти в клинч, прижать Андре к куполу. Урта стрелял из обоих стволов.

Взмывая вверх, используя безголового противника, вместо опоры, Андре видел, как Аристо ударило о бронированный корпус Маака. Обездвиживающий удар. Да. Но он не должен был быть — таким.

Сэйру — вниз. В затягивающуюся быстро твердеющей пленкой дыру на месте срубленной головы. Всю силу в удар. Там, внизу, под пластиком, керамикой, жидкой броней — человеческий мозг. Аристо знает, где именно. Андре может только догадываться.

Прежде, чем выстрел Урты смел его вниз, Андре вырвал сэйру из внутренностей Богората. Уже перекатываясь, стряхнул с лезвия липкое, мерзкое. Киборг упал, суча обрубками конечностей. В центре Клетки Аристо — медленно, хотя и все еще слишком быстро для человека — ушел в пережат от сдвоенного залпа Керна. У него тоже остался один противник. Только ему сейчас, похоже, и одного многовато.

Отвлекаться нельзя.

И Андре не отвлекался.

Зал практически опустел, когда они вместе добились последнего врага.

— Столько... всего... — Аристо тяжело дышал, не понять, от усталости или от боли, — нужно у тебя... спросить, Андре Скорда.

— Цену ты знаешь, — язвительно напомнил Андре.

И отвернулся, весь поглощенный сворачиванием сэйр, когда в Клетку ворвался Март.

Интересно, этот парень, когда закончит хлопотать вокруг своего... старшего брата, — иччи с чувствами на таких братьев! — он сообразит хотя бы сказать спасибо?

* * *

Март сказал спасибо.

— Ты спас Лукаса. И меня вы с Дэвидом спасли. Я бы точно туда влез, если б Дэвид не держал. Мы в долгу перед тобой.

— А что, — уточнил Андре, — Лукас тоже так считает?

— Лукас тоже так считает, — отозвался фон Нарбэ.

Фиолетовые глаза были мутными от боли, но голос вот хоть на столечко бы дал слабину!

Март кивнул. Он улыбался, и смотрел с такой искренней признательностью, что Андре и правда почувствовал себя героем. Да что там, повод есть. Четверо вооруженных киборгов от одного безоружного Аристо даже пепла бы не оставили.

Главное сейчас не поверить, будто вмешался в бой ради этих сияющих глаз и этой улыбки. Нет. Вмешался — чтоб не позволить Аристо умереть. И Март тут ни при чем. И желание защитить его, уберечь от потери, даже не появлялось. Какое, к чусрам... говорить не о чем. Аристо — соперник, от него нужно избавляться, так что, если б не необходимость сохранить ему жизнь в этих боях, самым верным решением было бы дать ему погибнуть.

Всё.

Фон Нарбэ словил-таки заряд из «Хисабы». Выстрел прошел по касательной, но ожог все равно получился знатный — правое плечо, шея, нижняя челюсть. Теперь его не назовешь красавчиком. Хотя, конечно, эффект временный.

И просто чтоб повыводить его из себя, этого святошу, временно потерявшего и боеспособность, и вообще способность нормально двигаться, Андре сам отвез их в отель в Чедаш-руме, вызвал туда собственного врача, и даже расплатился бы с врачом сам, но понял, что тогда он точно не жилец. Боеспособный или нет, Аристо найдет способ его прикончить.

Инстинктивно не хотелось надолго выпускать их из вида. Как будто находясь рядом, их можно контролировать. Вообще, мысль не лишена оснований. Контроль, не контроль, но хотя бы присмотреть, чтоб с ними — с Мартом — ничего не произошло, пока Аристо не в состоянии его защитить, это дело нужное.

Тем более, что цели и задачи совпадают, а теперь еще и требуют поспешить с реализацией.

Целей и задач было немного. От Андре требовалось развязать в Баронствах междоусобную войну, а до войны оставалось всего ничего — организовать нападение любого из баронов на Чедаша. Неплохо было бы, если б в результате нападения Чедаш или барон-агрессор погибли — это не позволит остальным спустить дело на тормозах. Идеальным вариантом было убить самого Чедаша, убить или куда-нибудь деть, как делась — пропала, испарилась, потерялась в пространстве — его приемная дочь, Анна Миклашевская. Невероятной силы телепат и телекинетик, и пирокинетик, и, возможно, что-то еще. Чедаш и Анна стали бы силой, способной объединить Баронства. Для этого девчонка и была нужна. Чедаш вырастил ее из живого ребенка, но, по сути-то, создал, собрал, как своих гомункулов. Только времени это заняло больше.

У Андре были серьезные подозрения, что сверхмощные псионические способности Анны — тоже результат вмешательства Чедаша. Вопрос о том, была ли девчонка уникальным материалом, или методики барона позволяли добиться подобных результатов с любым псиоником, решали сейчас изучающие Анну специалисты.

Чедаш остался один. Баронства застыли в неустойчивом равновесии. Смерть Чедаша равновесие нарушит, бароны кинутся делить его рум, сцепятся между собой, и не будет довлеющей над ними силы, которая смогла бы вынудить их объединиться. Точнее, сила эта никуда не денется — империя Шэн, вот она, ее солнца видны невооруженным глазом — но империя начнет на территории Баронств вежливую грызню с Нихон, будет подливать масла в огонь междоусобиц, и на некоторое время отдохнет от пиратов.

Баронам будет не до того, чтоб распылять войска в набегах.

Целью Аристо были данные об исследованиях лабораторий Чедаш-рума. Данные, которые хранились в цитадели самого барона, на каком-то бохардате, без выхода в общую сеть, да еще и неизвестно где находящемся и неизвестно как выглядящем. Пойди туда, не знаю куда.

Аристо все это не смущало. Возможно, у него был повод для самоуверенности. Возможно даже, этот повод давала ему его команда. Странный набор из парнишки-псионика

и бывшего капитана мирвоев. А, может, он просто хорошо знал, на что способен сам.

Андре тоже нужна была информация об исследованиях Чедаша. Не первоочередная задача, вообще не обязательная, но желательная. Побольше узнать о Миклашевской. О гомункулах. О возможности или невозможности искусственного создания псиоников.

Совершенно точно, исследования Чедаша не должны были попасть в руки Аристо. Неважно, зачем они ему, неважно, даже если и Аристо, и Андре работают, в итоге, на один результат. Добиться этого результата должен Андре, либо никто. Нет гарантии, что церковь не пытается таким образом окольными путями вызнать тайны создания аристократов. Нет гарантии, что церковь не попытается создать своих сверхчеловеков.

В конце концов, вот он — Аристо. Живой пример удачной попытки, пусть и на готовом материале.

Он многое успел сделать. Всего за несколько дней вплотную подобрался пусть не к самому барону, но к людям из ближнего круга. О нем говорили, как о старом знакомом. Не задавали вопросов о том, кто он и откуда взялся. Воспринимали, как своего. Симпатизировали.

Да. Все фон Нарбэ не сахар, но этот особо опасен. Он выходил на Чедаша, как, наверное, выходил на цель в том легендарном бою с вендаром «Атхама». «Атхаме» не повезло... Был захвачен, и вошел в историю в очень неприглядном виде — проиграть бой райбуну, это ж никакого воображения не хватит.

Чедашу, скорее всего, тоже не повезет.

В бою с «Атхамой» к Аристо, в конце концов, пришло подкрепление.

А в бою с Чедашем?

Люди, которые ведут слежку за Аристо с той самой ночи, когда случилась бойня в Клетке, кто они? Враги? Или союзники?

Андре, в свою очередь, следил за ними. Очень осторожно, чтобы, упаси бог, не спровоцировать раньше времени ни на какую резкость. Рано или поздно выяснится, на чьей они стороне, и тогда можно будет действовать.

Андре до сих пор не был уверен насчет того, на чьей стороне он сам.

Глава 5

«Лучше вор, нежели постоянно говорящий ложь; но оба они наследуют погибель»

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (20:25)

Аристо и Март... то есть, отец Лукас и отец Март были в бессрочном отпуске. Архимандрит «Святого Зигфрида» личным распоряжением продлил отпуска обоим сразу, как только стало ясно, что Аристо отправился в Баронства. Март не знал об этом, не знал, что уходил из монастыря уже на законном основании. Никто не сказал ему о продлении отпуска, потому что была надежда, что не уйдет... Глупая надежда. Как ведомый может не пойти за ведущим?

Отец Александр вздохнул, глядя на собеседника на развернутом экране дун-дунфунга.

Собеседник тоже вздохнул. Он чувствовал себя не лучше отца Александра.

Отец Пауло Пабалес, начальник разведывательного дивисио ордена Всевидящих Очей. В последнее время они виделись каждый день, и не по одному разу. Слишком часто и стремительно менялась ситуация. Аристо, Аристо... задал же ты всем хлопот, мальчик. Встряхнул верхушку церкви так, что только пыль полетела. Теперь вот напомнил еще и о том, что нельзя подменять веру целесообразностью.

А ведь он говорил о том, что получил знамение. Сказал, что Господь позаботился о том, чтоб месть свершилась. И что услышал в ответ? Что он — сумасшедший.

Все люди совершают ошибки. Все. Но тяжелее всего приходится родителям,

ошибившимся в детях. Желая уберечь Аристо от беды, стремясь не дать неведомым врагам использовать его в своих целях, и отец Александр, и отец Пауло были не правы. Теперь это ясно. Ошибку нужно исправлять, и ее исправят.

Но с Лукасом, наверное, уже никогда и ничего не будет просто. Теперь проблемой стал его вдовый. Март Плиекти, которого отец Александр сам, в приказном порядке, сделал напарником сына.

Подарил...

«Только рыцарей мне еще и не дарили»

Подарок был выбран безошибочно. Мальчики сработались, стали близки, и отец Александр радовался за обоих — радовался за Лукаса, которой, хвала Господу, больше был не один.

А Март оказался преступником.

И как теперь быть?

Посыпать голову пеплом, представляя, каково будет Лукасу снова потерять напарника? Так в монастыре пепла не сыщешь. Да и не архимандритское это дело — раскаиваться, без возможности что-то изменить.

Выход искать надо. Такой, чтоб не противоречил законам божеским, а, в идеале, и человеческим.

Семью Плиекти взяли под усиленный надзор сразу, как только в орден Всевидящих Очей пришел донос на Марта. Видимо, источник был достаточно надежным, чтоб в церцетарии донос приняли к сведению, и стали проверять. А в результате проверки выяснилось не только то, что Петер Плиекти — псионик-иллюзионист, но и то, что он сотрудничает с Капеллой. Март — тоже иллюзионист, боец Капеллы, обманом проникший в орден Десницы, обманом проникший в монастырь.

Именно он должен был передать Лукасу то проклятое письмо.

Это казалось нелепицей, невозможно было поверить в такой виртуозный обман, в подделку такого количества данных, но куда же деваться? Факты есть факты, спорить с ними бессмысленно. Что ж, значит иллюзионист. Значит, обманул. Втерся в доверие.

К Лукасу. Ну да, ну да.

Чтоб обмануть Аристо, одних иллюзий недостаточно. Март по-настоящему летает, по-настоящему бьет пиратов, по-настоящему влюблен в Лукаса.

Март должен был убедить Лукаса отправиться в Баронства, должен был сыграть на его чувствах, постоянно напоминать о потере, взывать к мести. Вместо этого, он приложил все усилия к тому, чтоб исцелить безысходную скорбь по Джереми и сумел вернуть командира в мир живых. Лукас улетел в Баронства не только вопреки приказу архимандрита, но и вопреки желаниям самого Марта. Март, выяснив, что его оставили, злился так, что этого не скрыли бы, наверное, никакие иллюзии. И еще больше злился на то, что никто вокруг не находил в ситуации ничего особенного. Ну, улетел ведущий без ведомого, так ведь это ж Аристо, он всегда так делает.

Что еще показали допросы Петера Плиекти?

Март отправившись вслед за Лукасом, нарушил приказ Капеллы. Сначала он ранил связного Капеллы, потом вообще перестал выходить на связь, а в итоге пошел вслед за командиром на верную смерть. Так кто же он? Враг Империи или рыцарь, принявший неписанные законы ордена Десницы, и готовый лететь со своим ведущим даже в Эхес Ур?

Отец Пауло, при всем уважении к традициям пилотов Десницы, напомнил, что если Знамение относительно Аристо очевидно и не подлежит сомнениям, то насчет отца Марта не было никаких указаний. Никаких указаний *Свыше*. Отец Март преступник, его преступления приравнены к пиратству, и это не изменить тем фактом, что, став рыцарем, он выбрал верный путь. Возможно, это смягчит наказание, но...

Но он по-прежнему *отец* Март. О преступниках так не говорят.

Отец Александр вежливо не стал обращать внимания отца Пауло на такие детали. В конце концов, церцетарии редко оговариваются, а значит *все* сказанное имеет смысл.

Если Март погибнет, это будет слишком даже для Лукаса. При всей его силе. При всем его терпении. Покидая монастырь, Лукас готов был умереть — хотел умереть — потому и взял на себя чужие непростительные грехи, но, покидая монастырь, он покидал и Марта, это имело значение, потому что никто больше, ничто больше, не держит Аристо среди живых. Что ж, Март не позволил себя покинуть. И сейчас Лукас будет искать способ спасти их обоих.

Какие они, все-таки, предсказуемые. Эти мальчики. Рыцари. Отцу Пауло, наверное, смешно. У них, в церцетарии, прямота не числится среди важнейших добродетелей.

— Что они предпримут? — спросил отец Пауло. — Вы знаете их лучше, чем кто бы то ни было.

Да. Пожалуй. Даже Марта отец Александр знает лучше, чем его родной дядя. Несмотря ни на что.

— Убьют барона. По крайней мере, попытаются, с Божьей помощью, убить барона. Это индульгенция.

— Хмм... — раздумчиво и значительно произнес отец Пауло. — Ну, что ж. Наказание семи киборгов-убийц было сочтено Знамением. И если отец Март может подвигнуть отца Лукаса на еще более значительное деяние... хмм... значит, отец Март нужен империи. Я так это вижу. Хотя, решать, конечно же, не нам с вами. Орден Всевидящих Очей в Баронствах окажет отцу Лукасу всю возможную помощь.

Отец Александр молча кивнул. Церцетарии будут помогать. Он сам, и весь монастырь — будут молиться. Бог не оставит Лукаса, может быть, Он не оставит и Марта.

* * *

— Я домой, — сказал Март. — С ними трудно, знаешь. Надо поесть и выспаться.

Еще бы не трудно. За сегодняшний день побывали в трех румах, встретились с двумя сенешалями и одним бароном. И каждого нужно было убедить в том, что Лукас не опасен, и каждого оставить в убеждении, что он чудовищно опасная штука. Да еще и проделать это так, чтоб избежать личных вопросов, типа, «Скорда-амо, а правду ли говорят, что вы вмешались в бой в Клетке?» Март — молодец. Но неудивительно, что он устал. Андре тоже устал бы, будь он человеком.

— Дома ты не поешь. И не выспишься. Опять будешь няньку изображать.

— Если я не ложусь спать по команде отбой, Лукас меня нокаутирует, — мрачно сообщил Март. — Не знаю, что он сделает, если я не буду нормально питаться. Пристрелит, наверное. Так что еще неизвестно, кто там нянька.

— Заедем ко мне, а потом я тебя отвезу.

— Андре, я сам себя отвезу гораздо быстрее.

— Взломаешь очередное такси?

— Я оплачиваю ремонт автопилотов.

— Ты просто не хочешь со мной пообедать.

— Я просто... — Март сдался. — Ладно. Я никак не могу понять, что тебе от нас нужно. Зачем ты нам помогаешь? Ты же работороговец, почти враг. Почти преступник.

— Ты знаешь расценки? — Ухмыльнулся Андре, с поклоном приглашая Марта занять водительское место. — Лукас тебе не сказал? Информация за информацию, я отвечаю на вопрос — ты отвечаешь на вопрос. Только так.

Он замолчал, когда машина нырнула в «подвал». Март, как, наверное, и его драгоценный наставник, совершал прыжок моментально, едва-едва отойдя на предписанное правилами расстояние от планеты, и уходил так глубоко, как только мог себе позволить в присутствии мирянина.

В такие моменты священников лучше не отвлекать разговорами.

Через несколько минут машина вынырнула в Рое, в прямой видимости от «Идеальной хозяйки».

— Помогаю я не вам, — сказал Андре. — Помогаю я — тебе. Что ж поделать, если ты считаешь, что проблемы Аристо — это твои проблемы? А что мне нужно, ты и сам знаешь. И нечего краснеть, — он полюбовался тем, как после этих слов лицо Марта немедленно залил румянец, — я хочу, чтоб ты мне начал хоть чуточку доверять. Для начала. Кстати, вы с Аристо что, действительно — ни разу?

Ох. Аккуратней надо время выбирать. Март, пилот, конечно, классный, но, учитывая чисто рыцарскую манеру до последнего не гасить скорость, вопрос оказался слишком личным, чтоб задавать его во время посадки.

Сели, однако. Даже почти мягко.

— Ты сдурел, что ли?! — вызверился Март. — Ты что несешь?!

Надо же, как разозлился. Даже забыл, что с мирянами надо быть терпеливым и вежливым.

— Извини, если обидел, — Андре завесил глаза челкой, — я просто спросил. Ты весь такой влюбленный, Лукас — весь такой эмпат. Не вижу причин, почему — нет?

— Во-первых, в ордене это не принято.

— Да-а?

— Будешь глумиться — разобью твою машину. Да. Не принято. Слишком много было бы проблем. Во-вторых, у Лукаса есть возлюбленная. Кстати, я тоже предпочитаю женщин.

— Это «кстати» очень некстати. Машину жалко. Буду вежлив и почтителен. Иди в дом, я скоро.

Очередная партия рабов отправилась в Империю еще три дня назад. Система жизнеобеспечения старательно имитирует снабжение водой и воздухом полутора десятков человек, но в доме лишь двое надзирателей и врач.

Дел немного. Только почту проверить. Пролистать, почти не читая, деловую корреспонденцию — ничего, стоящего внимания, ничего, требующего немедленного ответа. Что еще? Ага, дополнительные распоряжения по делу Аристо. Очень хорошо. Не придется импровизировать.

Андре открыл письмо. Ответ из ордена Всевидящих Очей на донос от такого-то числа такого-то месяца... текст доноса в теле письма: церцетарии не беспокоятся о безопасности переписки, когда пишут главе дома дю Гарвей. А глава, пересылая ответ в Баронства, уверен в безопасности шифровальных систем. Правильно уверен. Тем более что церцетарии ничего особенного и не написали, так, вежливо отмахнулись, мол, знаем мы и об отце Лукасе фон Нарбэ, и об отце Марте Плиекти, спасибо за беспокойство, надеемся и впредь на плодотворное сотрудничество.

Чего и следовало ожидать.

Эту часть Андре пробежал глазами, не дав себе задуматься. Приказ оказать Аристо всю возможную поддержку удивил, но оказался к месту. Андре так и так собирался помочь, угадал, значит. Насчет чего не угадал, так насчет того, что Аристо в Вольных Баронствах не по приказу церкви. Переоценил здравомыслие святош. А они, извольте убедиться, готовы рисковать живой легендой, ради... чего? Ради лабораторий Чедаша? Церковь заинтересовалась методиками повышения псионических способностей? Созданием гомункулов? Церковь хочет научиться делать сверхчеловеков?

С них станется. Но все равно, это бред какой-то. Почему Аристо? Из него никудышный инфильтратор. Даже с учетом Марта. Есть еще непонятная величина — Нортон. Мм... нет. В любом случае, это задание не для бойца. Там, где за несколько лет не нашел лазейки один из дю Гарвеев, ничего не сможет и фон Нарбэ. Они вообще годятся только на то, чтоб стены ломать.

А теперь, гордый потомок дома дю Гарвей, вспомни о том, что этот фон Нарбэ уже сделал подкоп под стену, защищающую Чедаша, и даже заложил туда взрывное устройство. Вспомнил? Делай выводы.

Андре тихо ругнулся и пролистнул письмо дальше.

К комментариям.

Прочел. Перечитал. Удалил письмо.

Отвернулся от экрана, но текст — черные буквы, белый фон, — виделся по-прежнему отчетливо.

«Семья Плиекти арестована».

Аристократ может любить. Ни одна спецификация не лишает эмоций. Даже фон Нарбэ, хоть и безнадежно выморожены, все равно способны чувствовать.

Только они этой способностью не пользуются.

Хватает ума.

А у дю Гарвеев — у одного дю Гарвея — не хватило. Надо же, какая досада.

В небольшой столовой, тесноватой, уютной, не предназначенной для гостей, было полутемно. Это помогало держаться с обычной легкостью, помогало отпускать обычные шутки, и улыбаться, улыбаться — в ответ на смущение, в ответ на улыбку, в ответ на гнев. Следить нужно было только за голосом. Март не слишком разбирается в мимике, и совсем не умеет чувствовать эмоции.

Что делать?

Выход... есть. Потребовать семью Марта себе в собственность. Сразу их, конечно, не отдадут. Сначала допросят — допросили, пока шло письмо — потом будут судить, приговорят... Плиекти-старшего осудят на смерть. Остальных продадут в рабство. Забирать нужно всех, значит надо прямо сейчас требовать для Петера Плиекти замены казни лишением человеческого статуса. Он станет вещью, а вещь казнить нельзя.

Аристократ имеет право превратить человека в вещь. Аристократ может убить человека, ни перед кем не отчитываясь, что уж говорить о таких мелочах, как сохранение жизни?

Март. Чтоб спасти его, нужно дать ему возможность убить барона. Чедаша, или любого другого. Не самому Марту, это было бы слишком рискованно, а Аристо. До барона, правда, надо еще добраться... И, похоже, что Аристо знает, как это сделать.

Андре не знал. За пять лет жизни в Вольных Баронствах, он много всего успел сделать. Спас десятки тысяч никчемных жизней никчемных подданных. Предотвратил не одну сотню организованных пиратских рейдов. Отдал Империи Анну Миклашевскую. Подвел Баронства к порогу войны. Но до сих пор не представлял, как и с какой стороны подобраться к Чедашу. Его, в отличие от приемной дочери, нельзя было приманить человеческой теплотой, обмануть добротой и вниманием. Это девчонке мучительно не хватало любви и заботы, а самому Чедашу оно надо не больше, чем его гомункулам.

Аристо поможет Андре проникнуть в цитадель.

Андре поможет Аристо прикончить барона.

Март получит прощение всех текущих грехов — пилоты одного звена и награды и взыскания традиционно получают поровну.

Что ж, все складывается не худшим образом. И если пройдет так, как задумано, то беспокоиться придется только об одном: о том, чтоб Март не узнал, по чьей вине его семья оказалась в рабстве.

Взгляд Марта расфокусировался.

— На связи...

Тихо, в сторону Андре:

— Извини.

И, уже полностью сосредоточившись на разговоре:

— Да.

— В его доме.

— Что-то случилось?

— Так точно.

Снова взглянул на Андре:

— Это Лукас. Летит сюда. Скоро будет.

* * *

Разговоров было, разговоров... Весь Рой гудел, да и на планетах, те, кто Рою был не чужд, с энтузиазмом слушали и пересказывали сплетни, домыслы, а порой и факты. Даже про войну забыли, так рьяно взялись обсуждать бойню в Клетке. Слухи расползались со скоростью света. Лукас еще от первой порции обезболивающего не отошел, когда по Баронствам — уже с планет в Рой — поползли рассказы о том, что Господь послал эдзоу покарать нечестивцев.

Скорда от такого дела так ржал — чуть не порвался. Очень радовался Бичу Божьему в лице богопротивного киборга. Думал, если Лукас из-за ожога говорить почти не может, так веселье с рук сойдет. Ага, как же. Эффект заморозки взглядом еще никто не отменял.

Но, веселье весельем, а шум после боя поднялся изрядный. И в этой ситуации от Скорды оказалось неожиданно много пользы. О чем они с Лукасом договаривались, и когда успели договориться — непонятно. Один молчит (всегда молчал, а с учетом раны, так вообще себя попытками говорить не утруждает), второй — треплется без умолку, но почти всегда не по делу. Дело, однако, продвигается. Скорда работу Лукаса продолжил, свои связи использовал, Марта подключил, так что встреча с Чедашем уже не за горами.

Барон ими и сам заинтересовался. Ну, не ими, конечно, а Лукасом. Про эдзоу за пределами Земли только слышали, целиком такую штуку никому добыть не удавалось. Контрабанда — контрабандой, а если бы не поддержка церцетарии, тот же Серго Мамаев мог ни Дэвида, ни эдзоу с Земли не вывезти. Они же все сосчитаны. Каждый на учете.

А заказали его, значит, для женщины Лукаса... Тесен мир. Полон совпадений.

Время шло.

Трое суток, полностью занятых полезной и бесполезной, а временами, может, и вредной деятельностью Скорды; шпионажем Дэвида в улим-ярифе и в «Идеальной хозяйке»; искрящими от напряженности, но ладно хоть редкими встречами Скорды и Лукаса.

Один молчит. Второй триндит. А кажется, что оба вот-вот друг другу в глотку вцепятся. Подрались бы уже, что ли. Сколько можно другим нервы мотать?

Март, наконец-то, перестал проводить все свободное время в комнате Лукаса. Живучие ребята аристократы. Трое суток, а этому и обезболивающее уже не нужно, и всякие «формальные упражнения», или как их там, начинает выполнять потихоньку. Даром, что правая рука пока бездействует.

«Червь» в домовый системе «Идеальной хозяйки» делал свою работу. Скорде приходила чертова уйма зашифрованных посланий, он использовал самые разнообразные коды. Коммерция, в плазму ее через «подвал». Сложная игрушка. Временами, даже слишком сложная. Ну что за размах, спрашивается, у работоторговли, чтобы настолько тщательно шифровать свою переписку?

Дэвид регулярно проверял «червя», а тот, в свою очередь, деликатно оттяпав у системы небольшую область оперативной памяти, сохранял туда все открытые Скордой дешифрованные письма. Которые и сливал Дэвиду во время коротких сеансов связи. Ничего там не было интересного. Коммерция. Скучное занятие. А работоторговля — еще и грязное.

А уж доносы в церцетарию...

Прочитав это письмо, Дэвид даже поверил в него не сразу. Успел привыкнуть к тому, что Скорда им не враг. Тот ведь, сволочь, из кожи лез, чтоб показать, насколько он не враг, а кому-то так и вовсе — друг.

Дэвид слил текст на «секретарь» и принес Лукасу. Тот лучше ориентируется во взаимоотношениях орденов и всяком таком. Может, ничего особенного в письме и нет. Вот, написано же: «...оказать Аристо всю возможную поддержку». Хотя, конечно, все и так ясно было. Чего ждать от того, кто людьми торгует? Гнида, она гнида и есть, ей все равно, кого продавать... Непонятки возникли с остальным. От чьего лица приказ насчет помощи? На

кого Скорда работает? Кто он такой, вирья ему в софтину?!

Лукас глянул на экран, вздохнул и покинул реальность на две с половиной минуты. Экстренная противоубойная медитация. Прием концентрированной благодати.

Потом, все еще не отрывая взгляда от письма, заговорил в пространство:

— Март?

— Ты со Скордой?

— Где вы?

— Да. Оставайтесь на месте. Мы скоро будем.

— Отбой.

И, не меняя тона:

— Дэвид, ты поведешь.

Тут же, правда, переключился в вежливый режим. Добавил: «пожалуйста». И правильно, нечего путать подельника с подчиненным. Можно было дожать, чтоб преподобный вслух сказал, что не может с раненой рукой машину вести, но ладно уж. Не время меряться.

Остальные вопросы Лукас пресек:

— Извини, прежде чем что-то объяснять, я должен проверить подозрения. И если я прав, объяснений не будет.

Вежливый. Извиняется. Пришел в себя, значит.

Чтоб лишний раз его не нервировать — опять таки, не та ситуация — Дэвид только плечами пожал, мол, мне же легче. Ваши дела, вы ими и занимайтесь. Что бы Лукас ни планировал сделать в доме Скорды, его будет слышно, хоть и не видно. Мог бы, кстати, и сам сообразить. Знает же, что Дэвид за домом круглосуточно следит.

А раз не сообразил, чьи это проблемы? Уж точно не Дэвида.

Март, тот ломает такси. А у Лукаса машина из проката, в ней автопилот отключается без применения грубой силы и снятия печатей. Хотя, Дэвид, конечно, предпочел бы лететь на автопилоте. Вручную прыгать в «подвал» еще ни разу не приходилось.

Жаль, автопилоты на запросы священников не рассчитаны.

— Это несложно, — заверил Лукас. Пробежал пальцами по сенсорам, задавая курс. — Глубину прыжка на максимум, держи руль и дорабатывай, когда я скажу. На опасные глубины мы все равно не уйдем — это же не боевой корабль.

Ну, что считать опасным...

Нырять в «подвал», Дэвид аж вспотел, так старался не думать о том, за счет чего же священники обеспечивают безопасность на такой глубине. Здоровых объяснений не было, церковные не устраивали, все вместе не вызывало никакого доверия. А священникам нужно, чтоб в пути через «подвал» миряне в них верили. Иначе, ёлы... никто ничего не гарантирует.

Трындец, короче.

Зато до Инагис-рума они добрались за считанные минуты.

* * *

Сказав, что Аристо скоро будет здесь, Март слегка преуменьшил. Аристо прибыл почти моментально. Очень спешил. Непонятно, с чего вдруг такая спешка.

Андре вышел в холл, встретить нового гостя. Гостей. С Аристо был Нортон, и оба, что рыцарь, что экс-капитан были настроены очень недружелюбно. Где-то слишком близко к ним витала острая потребность схватиться за оружие и — убить.

Кого?

А неизвестно. Андре не был телепатом, всего лишь умел угадывать эмоции.

Март, естественно, вышел следом, не мог не встретить командира. Встретил только за тем, чтоб услышать от Лукаса прохладное:

— Побудь с Дэвидом. Я потом объясню. Скорда, где мы можем поговорить? Ты и я.

Наедине.

Вот так-так.

Андре глянул из-под ресниц, ухмыльнулся, вложив в ухмылку весь яд, скопившийся за годы неприязни к семье фон Нарбэ.

— Что такое, Аристо? Неужели ревность? Ты же говорил, что уверен в мальчике.

Без эффекта. Айсберги яд не берет.

— Март, иди в машину. Дэвид, присмотри за ним. Пожалуйста.

И едва закрылась дверь в ангар, все так же холодно, так же равнодушно вопрос:

— Ты донес на Марта. Зачем?

В голосе ни гнева, ни угрозы. Лишь интерес. Аристо задал вопрос и хотел услышать ответ. Церцетарии донесли на доносчика. Хорошо работают, сволочи, быстро вызнали, от кого на самом деле пришла информация о Марте. Стравили аристократа... с кем? С аристократом же. А смысл? Зачем им это нужно?

Зачем? Вот и Аристо об этом же спрашивает.

— Какая разница? — на пробу ответил Андре.

— Мне нужно знать, как реагировать на твой поступок, и что с тобой сделать.

— Я донес на твоего ведомого, мой дорогой соперник, — Андре отвесил насмешливый поклон, — его близкие арестованы, его собственная безопасность под вопросом. А ты сомневаешься в том, как на это реагировать?

— Я убил бы тебя. Не важно, действовал ты в интересах Империи и церкви или в поисках личной корысти. Но ты не человек, ты либо киборг, либо аристократ. Если ты киборг, я тебя уничтожу. Если нет...

Лукас не стал договаривать, холодный взгляд заменил все несказанные слова. Будучи аристократом, Андре получал право совершать любые поступки, любые преступления. Но...

— Аристократ или киборг? Третьего не дано?

— Скорда, — голос был полон терпения, — ты убил двух боевых киборгов с тяжелым вооружением. Это под силу мне... и тебе. Я — бастард, единственный в Империи, следовательно...?

— Предпочту быть киборгом.

— Я тоже, — тихо и устало произнёс Лукас. — Они хотя бы знают, кто их враги, а кто союзники.

— Меня, признаться, тошнит от самопожертвования, — Андре подошел к нему ближе, так, чтоб ощутима стала разница в росте. — Все это очень благородно, отказать себе в убийстве, не отомстить за мальчика, который потерял семью, не вызвать на бой того, кто равен тебе по силе, но при этом, заметь, полностью здоров и владеет обеими руками.

— Ты все никак не запомнишь, что провокации не действуют.

— А вопросом, зачем я тебя провоцирую, ты не задавался? Рыцарь. Я могу спасти и Марта, и его родных. А ты? По недоразумению выживший ублюдок. Ты можешь кого-нибудь спасти?

— Аристократ, — подытожил Аристо. — Жаль.

— И, правда, как жаль. Но я тебе ответил, так окажи встречную любезность. Как равный равному. Или как ублюдок — законнорожденному. Ты спас кого-нибудь? Или только убивал тех, кто тебя любил. Март думает, ты любишь его. Думает, ты как человек. Ты не говорил ему? О Джереми Бёрке. Об импринтинге. О том, что ты нелюдь, Аристо, но даже как нелюдь неполноценен.

Наконец-то хоть какая-то реакция. Сдвинулись брови, расширились зрачки. Имя Бёрка возымело эффект, чего и следовало ожидать.

Что, Аристо, больно?

— Нам нужен хозяин, — Андре улыбался, крутил браслет на запястье, — мы так устроены. Но тебя, ублюдок, никто не научил служить на расстоянии. И ты непременно хочешь, чтоб твой человек был рядом. Ты как пиявка, как... вампир. Присасываешься и вытягиваешь жизнь. Они же умирают, Аристо, они любят тебя, идут за собой, ты убиваешь

их, а потом ищешь замену. Ты убил Бёрка, убьешь Марта...

Он не успел развернуть сэйру.

Всегда был хорошим бойцом, в своей семье, пожалуй, лучшим. Видел, что творил Аристо в Клетке, выводы делать умел, все рассчитал верно: с одной рукой бастард должен был проиграть в скорости. Должен был утратить преимущества спецификации.

Расчет не оправдался.

Ох, убыр... зато оправдался расчет на имя Бёрка. Судьба что же, решила, что этого достаточно? Однорукий ублюдок вообще пренебрег руками. Зачем ему руки, у него ноги есть. Может, он и двигался медленнее, чем в Клетке, может, ему и мешали раны. Андре этого не заметил. Не успел. Почувствовал только удары, мгновенно слившиеся в один, всепоглощающий очаг боли. И услышал мантру, монотонную, ровную, до краев полную прозрачной ярости. «Прости врага. Люби врага. Уничтожь врага».

Монастырская школа?..

Последний удар пришелся в висок. Сбил с ног. Человек надолго потерял бы сознание, Андре всего лишь на миг отключился. Тут же пришел в себя. Увидел в руке Аристо проблеск смертоносного лезвия.

Мелькнуло и исчезло.

— ...люби врага... — прошелестел Аристо. — Провокация удалась, Скорда. Надеюсь, ты доволен.

Ему было стыдно. Так стыдно, что у Андре заложило уши от пронзительной чистоты этого, одного-единственного чувства.

Только стыд. Ничего больше. Ни злости, ни боли, ни хотя бы раздражения.

Андре не двигался, пока Аристо не повернулся к нему спиной.

Уходить собрался. Рыцарь. Там, снаружи, его ждет Март. И Марту он ничего не объяснит — как же, это ведь не его тайна. А Март ему все равно поверит. Март ему верит всегда и во всем, не требует, как от Андре, объяснения поступкам, не ждет доказательств лояльности, просто верит. Просто — любит. Его.

Сэйра тихо свистнула. Андре оказался на ногах раньше, чем Аристо успел обернуться. Ударил сзади. Гарвеям — можно. Фон Нарбэ — им нельзя, они сами так не умеют, и от других не ждут. Болваны.

Режущим — по раненому плечу.

Больно?

Аристо еще оборачивался, когда вторая сэйра с нежностью прошла по креплениям наручных ножен. Обезоружила.

Страшно?

Нет, ему не страшно. Он не умеет бояться. Но преимущество теперь на стороне Андре. Сила, масса, длина рук. Оружие.

Андре прижал его к стене, придавил всем телом, свел над головой сдавленные кольцами сэйры запястья.

— Не можешь меня убить, рыцарь. Не смеешь. А я тебя — могу. И кто же из нас настоящему свободен, а?!

— Свободен? — эхом отозвался Аристо. — Так вот в чем дело.

Даже сейчас... этот ублюдок позволял себе быть снисходительным. Позволял себе — прощать. Того, кто не нуждался в прощении. Он дернулся, когда Андре провел пальцами по его лицу, по тонкой пленке скрывающего ожог церапласта. Дернулся, но промолчал.

Прощал?

— Машине все можно, да? — Андре ногтями впился в его плечо, и разочарованно поморщился, не услышав ни звука. — Машина безгрешна?

Он готов был проделать с Аристо все, что сделал с Эффиндом. Готов был потратить на это достаточно времени, чтоб услышать, как ублюдок будет кричать, как запросит пощады, запросит милости. У машины.

Машина безгрешна. И немилосердна.

— Скорда! — звонко раздалось из-за спины. — Подними руки и отойди от него. Медленно.

Март?

Разве машины умеют... любить?

* * *

Смотреть на них. Кто бы избавил от этого. Тут впору самому себе пожелать смерти. Смотреть, как Март неумело размыкает кольца сэйры, видеть, как он боится сделать больно, чувствовать его гнев, любовь, тревогу — вот уж пытка, самому такой не измыслить.

Что-то похожее было тогда, в Клетке.

Но тогда Март не целился в Андре из пульсатора.

Впрочем, сейчас под прицелом его держал только Нортон. Март убрал свой «Аргер», чтобы разобраться с сэйрой.

Кобуру оставил открытой.

— Ну, вы... вообще. — Он, наконец, справился с креплением, — На минуту оставить нельзя. Обалдеть. Взрослые же люди.

— Ведомый, — Аристо бледновато улыбнулся, — всегда прикроет.

— Как ты раньше без ведомого жил?... — Март глянул на окровавленную ладонь, потом — на пропитывающийся кровью рукав командира, — эхес ур! Да он хуже киборгов!

— Лучше. Пойдем, — Аристо отлепился от стены. — Подбери мои ножи. Скорда, звони, когда перебесишься.

Нортон буркнул что-то невнятное. Недоумевающее. Мирвою в отставке милосердие священников было так же чуждо, как и Андре. А звонить придется. Потому что есть приказ: оказать всю возможную поддержку. Приказа не убивать не поступало, и если бы не тянул время, не поддался желанию сначала раздавить, а уж потом прикончить, не было бы сейчас Аристо. Был бы вышедший из-под контроля бракованный аристократ, которого пришлось уничтожить.

— Позвоню, — Андре смотрел на лежащую у стены сэйру. — Хоть прямо сейчас позвоню. Перебесился. Что, Март, тоже считаешь меня машиной?

— Нет.

Надо же. И ведь не врет. Если бы еще не фонил в эмоциях дурацкая жалость.

Унизительная.

— Ты не машина. Машины не могут чувствовать. — Март улыбнулся. — И беситься не могут. А ты не можешь выбирать. Делаешь то, что должен. Тебе это нужно, так же, как дыхание. Нельзя винить людей в том, что они дышат.

И он тоже? Прощает? Не понимает, что ненужное прощение хуже несправедливого обвинения. Минуту назад Март готов был убить за кровь на рукаве Аристо, а теперь говорит, что не винит за арест семьи.

Это было смешно. Это злило. Это было неправильно.

— Убирайтесь, — Андре махнул рукой в сторону дверей. — И поскорее выздоравливай, бастард. Время не ждет.

Глава 6

«две тысячи избранных мужей в помощь ему, и серебро и золото, и довольно запасов»

Первая книга Маккавейская (15:26)

— Это было... — Дэвид подумал, выбирая подходящее слово, — впечатляюще.

— Угу. Особенно та часть, где он меня вздрючил, — Лукас мрачно уставился в чашку с

чаем.

Сдуреть можно. Аристо демонстрирует нормальную, человеческую реакцию на проигрыш. Прямо-таки таяние полярных льдов на глазах изумленной публики.

— Какие ты, оказывается, слова знаешь! — хмыкнул Дэвид, — а, вроде, нельзя при мирянах выражаться. — И, предупреждая любое следующее «выражение», добавил: — Вам надо было подраться. Лучше уж так, чем если б вы из-за Марта сцепились.

Теперь на него с яростью уставился Март.

— Не, ну а что? — Дэвид не смутился, — ты сам про альфа-самцов говорил. Вот они и разобрались, кто круче. Давно пора было.

— По результатам столкновения выяснилось, что Скорда сильный, а я — тупой. — Лукас, кажется, собирался просверлить чашку взглядом, — идеальное боевое соединение. Не говоря уж о том, что я по-прежнему небоеспособен.

— А ты думал, визит к Скорде тебя вылечит?

— Парадокс. Было гораздо легче иметь с тобой дело, пока ты терпеть меня не мог. Почему-то тогда ты воздерживался от остроумных комментариев.

— Ты их просто игнорировал. Да ладно, преподобный, не парься. Сначала ты ему насовал, потом он тебе. Всё нормально.

— Дэвид, — Лукас вздохнул и сделал глоток чая, — я вообще не должен был с ним драться. Я — неконтролируемый аристократ, я опасен для людей, у меня нестабильная психика и непредсказуемое поведение. Это нужно только доказать. И Скорда чуть было не добыл доказательства. Правда, ценой своей жизни, но, вряд ли он тогда об этом думал. Дополнительные факторы... — Лукас покосился на Марта, Март показал ему кулак. — Сбивают с толку. Мешают трезво мыслить.

— С этого места подробнее, пожалуйста. Не про факторы, про них я понял. Опасность для людей — это еще что?

— Все аристократы опасны для людей.

— Ага. По тебе видно.

— Сарказм... — преподобный вцепился в чашку и, похоже, сосчитал про себя до десяти, — неуместен. Считается, что аристократам необходим импринтинг на хозяина. Считается, что без этого аристократы сходят с ума, начинают убивать. Мы вообще, очень агрессивны. Это проблема, решить которую пока не удалось. Скорда говорил как раз об этом, о том, что в моем случае хозяином был мой первый напарник. А после его смерти... я стал неподконтролен, и должен быть уничтожен. Из аристократа невозможно воспитать человека. Лишившись хозяина, аристократ очень скоро станет убийцей. А все предположения церкви о том, что мы наделены такой же душой, как и люди, и можем руководствоваться в поступках совестью и страхом божьим — антинаучный, бездоказательный бред.

— А на самом деле?

— Откуда мне знать? Они любят своего хозяина, я любил Джереми. В чем разница? Но мне нравится мысль о том, что у меня есть душа, и что она свободна.

— Что-то я не пойму. То, что ты опасен — это только предположение. И то, что ты не опасен — тоже только предположение? А исследования не проводились, что ли? Аристократ с хозяином, аристократ без хозяина, контрольная группа аристократов...

— С ума сошел? — серьезно поинтересовался Лукас. — Настоящий аристократ за эксперименты над собой или членами фамилии уничтожит экспериментаторов на семь колен в обе стороны. Мы, помимо прочего, еще и злопамятные.

— Да ладно. Ты же не единственный, у кого хозяина убили.

— Богохульствуешь, — Лукас смерил его хмурым взглядом. — Пожалуйста, воздержись от этого в присутствии Марта. Хозяин остальных аристократов — Божественный Император, бессмертный и неуязвимый. Аристократы послушны ему, как эффективные и идеальные инструменты. На них и на церкви держится Империя Шэн. Благодаря Божественному Императору, для аристократов не существует понятия «преступление». Они

полностью безгрешны, ибо полностью несвободны...

— Бррр... — Дэвид вовремя почуял, что поддается торжественному ритму, — ну-ка осади. На меня твои проповеднические штучки не действуют. Какой, к чусрам, контроль? Что ты, что Скорда — такие твари... Да когда вы двое сцепились, вы же чуть астероид в куски не разнесли. И это после того, как Скорда получил приказ тебе помогать, и после того, как ты сам решил, что нипочем его не убьешь. Оба в итоге друг друга почти прикончили. Где контроль-то?

— Скорда защищался.

— Да сейчас! — вмешался Март, — он тебя спровоцировал.

Ага. С этой стороны преподобный атаки не ожидал. Хотя, спрашивается, при чем тут атака, не бой ведь идет, просто выяснение диспозиции. Кого бояться, в кого стрелять, от кого прятаться? Посмотреть, как у Лукаса выражение лица меняется — вот это было забавно. Он по привычке сначала все вокруг выморозил, и только потом вспомнил, что это он сегодня тупой и во всем виноват.

Март прав. Март рассуждает по-человечески, а не по-церковному. Логика Лукаса мирянину не понять, и как-бы-священнику, типа Марта, тоже не понять. Скорде, значит, можно провоцировать, потому что одна из его обязанностей — доказать, будто Аристо невменяем. Скорде можно в порядке самозащиты убить того, кому он обязан помочь, потому что Скорда очень дорого стоит и если погибнет, введет Шэн в убытки. А Лукасу на провокации поддаваться нельзя, потому что Скорда не ведает, что творит, и вообще, как дитя малое. И убивать нельзя, потому что Скорда очень дорого стоит, и Лукас, убив его, введет Шэн в убытки.

Они похожи.

— Скорда донес на Марта независимо от своего желания. И поможет нам, независимо от того, чего хочет. Поможет *мне*, независимо от того, что предпочел бы прикончить своими руками. Это и есть контроль Божественного Императора.

— Охренеть, как эффективно, ёлы. Ты так себе любовь представляешь? Что-то Скорда не выглядел счастливым от того, что может послужить хозяину.

— Дэвид, он не заслужил язвительности. Спаси нас Бог от того, чтоб оказаться на его месте.

— Но ты оказался, — Март, кажется, решил на год вперед исчерпать лимит нарушения субординации. — Ты выбирал между Уставом и местью. И я оказался. Когда выбирал между Уставом и тобой. И Дэвид... наверняка тоже выбирал.

— Да уж, Дэвид выбирал, — Лукас ухмыльнулся, как голодный кайман.

Невеселая ухмылка. Ну, так кайманы, они вообще... несмешные.

— Я выбирал между разными способами его прикончить, — признался Дэвид. — До сих пор не выбрал. Все такое заманчивое.

— Вы никак не поймете, что Скорда не выбирает. В этом и разница. И, Март, он спасет твою семью. Думаю, он уже это сделал.

— И что? Если бы не он, никого и спасать бы не пришлось. Он делает то, зачем живет. Если ему плохо от этого, то почему бы ему не жить для чего-нибудь другого?

— Март...

— Да пошло бы оно все в плазму! Тебя там не было, когда он тебя... — Март клацнул зубами. — Ладно. Ты там был. Логично. Тем более. Ему плохо было? А тебе хорошо, да? Лукас, я серьезно, если ему плохо от несвободы, почему же он готов убить тебя, лишь бы ее не потерять?

— Так у них пожизненная индульгенция, — Дэвид подумал, что разборки между собой эти двое могли бы устраивать наедине. — За такое и убить не жалко.

— Именно, — Лукас кивнул. Поморщился от боли. — Индульгенция для себя, для следующих поколений, для всех аристократов вообще. Для них это ценнее возможности попасть в Самаянгу. И, потом, Март, пойми ты, что они действительно любят хозяина. Лишиться этой любви... тяжело.

— Ну да. Ты всё об этом знаешь.
— Всё я об этом узнаю, если лишусь еще и тебя. А сейчас, отставить хамить командиру!
— Извини.
— Извинения приняты. Дэвид, когда Скорда появится, он первым делом спросит, как вы умудрились нас с ним подслушать. Лучше прямо сейчас придумать что-нибудь приемлемое.
Гостиничный дуфунг деликатно пискнул.
Все трое уставились на него, как на врага.
— Накликал?!
— Рано. — Отрезал Лукас.
Март, после отповеди чувствовавший себя лишенным права голоса и младшим по званию, в полемику не вступил, и вместо этого ответил на вызов. Выслушал. Глянул на Лукаса:
— Мы принимаем незнакомых гостей?
Лукас проверил, насколько легко вынимается из скрытой кобуры его «Аргер» и кивнул.
— У тебя всю дорогу было оружие, — констатировал Дэвид. — Ты мог Скорду просто пристрелить.
— Пока руки были свободны? Тогда я его и зарезать мог. Нельзя.
— Зануда ты, преподобный.
Лукас в ответ только вздохнул.
Сверхагрессивный и опасный для людей аристократ. Кто бы сомневался!

* * *

Гостей было двое. Обоим с виду слегка за двадцать. Вроде Лукаса с Мартом — один постарше, второй помоложе. А лет им может быть от двадцати до шестидесяти. В Баронствах, как и в Империи, живут лет по двести, так что определять возраст по внешности — это навык иметь надо. Землянину сложно.

Дэвиду они показались типичными планетниками. Держались неуверенно. Сила тяжести для них непривычная, о вакууме сразу за тонкими стенками забыть не получается, местные обитатели косятся, и вообще, планетникам в Рое неуютно.

Дэвид побыл бы планетником. С радостью. Космос и все космическое достало по самое не могу, а слетать на Анзуру или Либар получалось не чаще, чем раз двое-трое суток. И всего на несколько часов. Некоторые люди просто не созданы для космоса. Для искусственной — вирья бы ей в софт! — гравитации, для этих вот тонких стенок и для вакуума. Некоторым людям для жизни окна нужны.

Но Дэвид-то в космосе не по своей воле, а потому, что стал жертвой подлого шантажа. А эти сами в Рой прилетели. И чего им надо?

Неуверенные, боязливые планетники цепко огляделись, едва перешагнув порог. На «жучки» которыми щедро были оборудованы все юкори-номера отеля, пошел поток фейков. Чужих. Не тех, которые генерировал чип Дэвида. Скармливать следящим устройствам дезинформацию — естественно и приятно, но делать это раньше, чем поздороваяешься... Какие интересные парни! Стоит порадоваться, что «Аргер» у Лукаса прямо под рукой.

А вот к приличным людям, там, на планетах, приличные гости ходят.

— Мир вам, сахе. Можем ли мы говорить откровенно?

— Мир и вам, — отозвался Лукас. — Говорите.

Оба на глазах изменились, мимика, движения, осанка — будто другую программу запустили. Склонились в одинаковых поклонах, и тот, что постарше, сказал:

— Благословите, ваше преподобие.

На хорошей такой латыни сказал. Лукас встал из кресла, и в ответ, на латыни же:

— Господь, да благословит вас.

До того торжественно все это получилось! Для Роя почти через край. Пароль-отзыв, натурально. Впечатления не испортило даже то, что встать Лукасу помогал Март. И тут же усадил обратно. Остался стоять за креслом, положив руку командиру на плечо, заботливый, что твоя нянька.

И что это значит?

Дэвид вовремя вспомнил, что ему латынь знать не положено. А там и Лукас попросил гостей говорить на общеимперском.

«Не все здесь служат церкви».

Церковь Шэн. В Баронствах. Ладно, всё бывает, но эти двое явно не из Апостолов, и не из ордена Скрижалей.

— Я диакон Климент Пылаев, — назвался старший. — Командир специального подразделения разведывательного дивизио ордена Всевидящих Очей. А это диакон Алексей Скорыня, связист. Отец Алексей обеспечил нам защиту от прослушивания.

Церцетарии? Арестовывать, что ли, пришли?

Вдвоем?!

Температура в гостиной начала понижаться со скоростью миллион кельвинов в секунду.

Freezing device мощностью в одного некрупного фон Нарбэ. Дэвид в первый раз увидел, как Лукас работает по площадям.

И ведь не делает ничего, айсберг преподобный. Просто сидит и смотрит. Молча. Как обычно, в общем-то. А гостям уже хочется то ли бежать, то ли извиняться, то ли на помощь звать.

Дэвиду и самому хотелось смыться. Март поежился, и Лукас, не оборачиваясь, накрыл его руку своей.

Сразу слегка попустило.

Лукас боится за Марта, только и всего. Боится, вот и нападает на любого, кто покажется угрозой. Если Скорда получил из Шэн письмо по поводу своего доноса, значит и здешним церцетариям что-то такое прилетело, какие-то распоряжения, приказы. Почта у спецагентов, поди, с одинаковой скоростью ходит.

А гости, наконец, сообразили, что от них всего лишь ждут продолжения. Типа, ну пришли, представились, дальше что?

— Преподобный отец Лукас, подразделение временно переведено под ваше командование, — сообщил Пылаев. Секунду помялся и добавил совсем другим тоном: — это большая честь для нас. Обещаю, мы все сделаем, чтоб оправдать доверие.

Во как!

Не только Лукас, значит, умеет из преступников в герои повышать. Это, видать, общецерковная дисциплина.

* * *

Следили. Это закономерно. Как только вычислили, сразу установили слежку, и правильно сделали, поскольку фигуры такой величины как он, входя в давно начавшуюся игру, способны спутать все планы, а то и разломать игровое поле. Неприятно то, что вычисляли — выманивали — на живца. Апостол, за которого он вызвался драться в Клетке, был не Апостолом, а церцетарием. Подставился специально для того, чтоб вытащить найти его в Рое, вытащить на свет.

«Прогнозы, построенные на изучении психологического портрета, позволяли с высокой вероятностью рассчитывать на то, что вы не допустите казни священника».

А если бы прогнозы ошиблись?

Такое отношение было непонятно. Рисковать собой и своими людьми в бою — это одно, а отправлять брата на смерть, отдавать на растерзание киборгам — совсем другое. Но в каждом ордене свой Устав, и не рыцарю Десницы пытаться понять церцетариев.

Открывшиеся перспективы еще несколько часов назад ошеломили бы. Сложное, но частное дело двух дезертиров и одного терранского киборга, серьезно приблизило к достижению сразу нескольких целей в Баронствах и орден Всевидающих Очей, и мирскую разведку. Отец Климент этому даже не удивлялся, мол Аристо есть Аристо.

Пропаганда работает — никуда не спрячешься.

У Скорды, при всех недостатках, есть минимум одно несомненное достоинство: он не верит в Аристо.

Нежданная помощь оказалась, впрочем, весьма кстати. План уничтожения Чедаша, в общих чертах, был готов давно. За последние дни, пока Лукас лечился (было бы ума побольше, а злости поменьше, так уже почти вылечился бы) Март и Скорда успешно реализовали часть задач. Теперь все упиралось в сроки — это еще раз к вопросу о том, что кому-то следовало сидеть тихо и зализывать раны, а не лезть в драку с... другим альфа-самцом. Эхес ур! В сроки, и в организацию штурма. Благодаря работе Скорды и Марта, пятеро из шести баронов готовы были атаковать цитадель Чедаша. При условии отключения защитного периметра, естественно. Но это уж было заботой Лукаса и Дэвида.

Скорде нужна была война, и он ее почти получил. Молодец, что тут скажешь.

Сейчас у него осталась одна проблема. Организация. Бароны не могли выбрать командира. Скорда командовать не мог — личина не позволяла, а сами бароны хотели в командиры эдзоу: с их точки зрения, идиот, способный выйти на боевого киборга с ножом, как раз годился на то, чтоб возглавить штурм. Лукас почти не сомневался, что бароны в своих рассуждениях использовали именно эту формулировку. Может быть, не все слова совпадут, но «идиот» там точно есть.

Эдзоу, однако, так же как и сам Скорда, к началу штурма должен был быть внутри цитадели. Дэвида охранять. Самого ценного специалиста, без которого вся затея теряет смысл.

И вот, пожалуйста, в неизреченной милости своей Господь послал Лукасу отца Климента и его спецназовцев. А у отца Климента есть опыт командования крупными боевыми подразделениями, харизма и лояльность к псионикам. Последнее необходимо, потому что без Марта отцу Клименту не обойтись. Так же, как Лукасу и Скорде не обойтись без Дэвида.

Теперь дело за Лукасом. Нужно вернуть руке подвижность, чтоб даже наметанный глаз не понял, что с эдзоу не все в порядке. Нужно лично встретиться со всеми пятью баронами. Нужно представить им отца Климента, и с Божьей помощью, а также при поддержке Марта, убедить в том, что отец Климент — идеальный командир.

Убеждать у Аристо получается гораздо лучше, чем драться.

Хотя, драться приходится чаще.

Плохо быть злым и тупым. Еще хуже быть злым, тупым и слишком самоуверенным.

* * *

Март тоже злился. Трое суток лечения насмарку. Скорда разбередил едва успевшие зарубцеваться ожоги. Еще и порезал, гад, тварь бешеная. Лукас сказал, что это ерунда, что его способность к регенерации гораздо выше человеческой. Правду сказал. Но Март, делая перевязки, с трудом удерживался от того, чтоб ругаться вслух. Бесило не то, что Лукас не уберется, что уж там, Дэвид прав, драка аристократов — это локальное светопреставление, надо радоваться, что дом уцелел. Бесила целенаправленная жестокость Скорды, бессмысленное, непростительное стремление сделать больно.

Это неправильно. От этого жутко. Первый порыв, самый естественный, уничтожить тварь. И от понимания того, что тварь не виновата, что ее даже осуждать за жестокость нельзя, порыв только усиливается. Становится... эхес ур, становится целью.

Недостижимой.

Март наложил на стянутую шовным клеем рану полосу церапласта. Снова вспомнил, как пальцы Скорды, пачкаясь кровью, впивались Лукасу в плечо, и задохнулся от злости. Это нечестно! Нечестно, что аристократов нельзя убивать!

— Март. «О ниспослании сердцу кротости». Трижды. Вслух.

— Прости.

— Не извиняйся, молись. Поможет.

Лукасу помогало. Молитвы, медитации, он на этом всю жизнь держится. А еще на том, что он — настоящий священник. У него любовь к людям — настоящая.

Март скрипнул зубами, но приказ есть приказ. Надо молиться.

В первом прочтении слова не затронули сердца, но потом Лукас усадил его напротив, взял за руку, и второй раз они прочли молитву вдвоем. Сразу как-то потеплело. Кротость не кротость, а спокойнее стало.

— Вдумывайся в слова, — сказал Лукас, — слушай себя и Господа.

Март слушал. Не себя, правда — Лукаса. И Господа, наверное, тоже. Потому что командир, когда молится, он где-то там, недалеко от Бога.

— Они набожные, — зачем-то сказал Март. — Все. И дядя Петер тоже. Честно.

Лукас здоровой рукой притянул его к себе.

— Он их спасет. Ни о чем другом он сейчас и думать не может.

— Ты же не телепат.

— Я знаю, что он тебя любит.

— Ты должен защищать мирян от пиратов, — Март улыбнулся, — ты не должен защищать аристократов от псиоников.

— Я защищаю псионика. От него самого.

— А я — тебя.

— От аристократов. Я доложил бы церцетариям о том, что твой дядя — функционер Капеллы сразу по возвращении в Империю.

— Я знаю.

Естественно. Знает. С того момента, как выдал себя. Просто никогда не задумывался. В его вопросе: «что, если придется воевать с псиониками?», уже был ответ.

«Придется воевать».

Лукас когда-то говорил, что правильно поставленные вопросы всегда несут в себе ответы. Тот вопрос был поставлен правильно.

Лукас в любом случае не отдал бы врагам информацию, добытую у барона. Он отдал бы бохардат «пасынкам», или сразу церцетариям, это позволило бы аналитикам продвинуться вперед в поисках заказчика, и, в конце концов, Капелла пожалела бы о попытках манипулировать Аристо.

Даже если бы сам Аристо к тому времени был уже мертв.

— Еще я знаю, — сказал Март, — что мы остаемся в Баронствах только из-за меня. Сам-то ты давно бы допрашивал дядю Петера, выясняя, какая же сволочь придумала эту затею с письмом, но на мне непростительный грех, и снимет его только убийство Чедаша. О том, что Чедаш может убить *тебя* ты, как обычно, не беспокоишься.

— Беспокоюсь, но уповаю на Бога. Он справедлив и не попустит мою смерть, пока я не научил тебя всему, что нужно рыцарю.

— Значит, ты будешь жить вечно, потому что Скорду я не прощу никогда. Ты ведь об этом? О великодушии, милосердии и всем таком прочем? Я не бодхисатва.

— Я тоже. Дело не в святости...

— Ты — святой. Ты даже на грешную землю никогда не спускаешься.

Вот сейчас Лукас скажет: «не богохульствуй»...

Лукас улыбнулся.

— Это не святость, это трусость. Грех, между прочим. Март, если ты готов был простить меня, прости и Скорду. Я погубил бы твою семью, а он может исправить то, что сделал.

— Моя семья — орден Десницы.

Март хотел бы знать, говорит он что-то новое для Лукаса, или всего лишь озвучивает то, что тому давно известно. «Проговаривает», чтоб сделать частью реальности. Лукас верит в силу сказанного слова.

Поэтому и молчит почти всегда.

Но насчет семьи — это правда. Нет другой семьи, кроме ордена, то есть, нет семьи, кроме Лукаса, но со временем, даст Бог, и другие рыцари станут как братья. А дядя Петер — преступник. Март боялся сказать это вслух потому, что боялся почувствовать себя предателем. Вот, сказал. Давно надо было.

Спасти дядю. Сделать вещь, но спасти. Спасти тетю Марию, кузенов и кузин... да, это хорошо. И Лукас не смог бы этого. Скорда может. Сделает. Но прощения не дожидается.

— Ты тоже думаешь, что вы похожи? — спросил Март. — Дэвид говорит, что похожи. Скорда так и норовит напомнить, что ты бастард. Себе напоминает. Типа, у вас ничего общего. Мне тоже казалось, что он, как ты. И ты его с собой равняешь. Лукас, ты никогда не говорил: «я хочу, чтоб ты мне доверял», ты вообще никогда не говорил о доверии. Никаких секретов от братьев. Ты меня любишь, я тебя люблю, мы летаем вместе. Всё. А он... врал мне все время. У меня, если честно, в голове это не помещается. Я сам так врал. Тебе. Я себя за это ненавижу, а ты хочешь, чтоб я Скорду простил.

— Он любит тебя.

— Неправда.

Снова улыбка. Одними глазами. Лукас вдруг показался намного старше. Нет, не своих двадцати восьми. Показался намного старше Марта.

— Он любит тебя, просто его любовь заперта в клетку вместе с душой. Но, несмотря на его несвободу, тебе было хорошо с ним.

— Потому что он похож на тебя.

— И он может дать то, чего я не могу. Прости его, Март. И прости, наконец, себя. Мы с тобой можем судить, у нас на это право от Бога, и здесь, ты же видишь, получается, что мы все виновны, либо все прощены.

— Я постараюсь, — пообещал Март. — Правда, постараюсь.

Глава 7

«вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабевает сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их»

Второзаконие (20:3)

Аристократам неведомо раскаяние, безгрешные, они не знают чувства вины, здравомыслящие — не видят пользы от извинений. Зато аристократам дана целеустремленность. И сила, чтоб достичь поставленной цели.

Если они ошибаются, они просто исправляют ошибку. Не терзая себя сожалениями. Если им что-то не удается с первого раза, они пробуют снова и снова, меняя тактику, перебирая стратегии, неизбежно добиваясь результата.

Если цели двух аристократов окажутся взаимоисключающими, результата добьется только один.

— Несложно, да? — Андре ухмыльнулся, даже не пытаясь изобразить дружелюбие, — пока нам нужно одно и то же, мы всемогущи, как твой Господь.

— Просить тебя не богохульствовать бесполезно?

— Попроси.

— Прошу. Пожалуйста, не поминай Господа всуе.

Вот гадство! Ублюдок виртуозно меняет вектор гордыни. Но он же не думает, что дню Гарвей хоть в чем-то уступит фон Нарбэ?

— Святоши хорошо тебя выдрессировали.
— Дрессировали — тебя. Меня воспитывали.
И не поспоришь. Два раза гадство.

Все это, впрочем, было просто невинной забавой. Так, скоротать перелет из Роя до Анзуры. Ссориться всерьез рано: Чедаш стал первостепенной задачей, для ее выполнения Аристо нужен в добром здравии, а значит ни драться, ни убивать его пока нельзя. В добром здравии, конечно, не означает — в хорошем настроении. Но настроение этой сволочи с наскоку не испортишь. После Чедаша, когда наступит время для полноценной провокации и убийства Аристо в порядке самозащиты, придется приложить немало усилий, чтоб снова вывести его из себя.

И тогда нужно будет сразу стрелять. В рукопашную уже подрались, хватит. В следующий раз Аристо может и не остановиться.

Им предстояло сражаться вместе. Любой ценой защищать Дэвида Нортон, экс-капитана мирвоев, непонятного человека, о котором Андре так ничего и не выяснил. Вот сейчас он что делает, этот Нортон? Сидит на заднем сиденье и молчит, как будто ничего вокруг не видит и не слышит. Медитирует, что ли? Медитировать так сосредоточено только священники могут. Церцетарий он, наверняка церцетарий. Только — в миру. Есть же у них мирские агенты.

Вот уж попал Андре дю Гарвей. С орденом Всевидящих Очей сотрудничаешь. Не стыдно?

А как все хорошо начиналось. Аристо и псионик в компании непонятного хмыря ошиваются в Баронствах. Бери их голыми руками, делай, что хочешь, никто не впишется.

И во что вылилось?

Аристо — агент церцетарии. Непонятный хмырь — агент церцетарии. Ошиваются они в Баронствах, с миссией церцетарии и под прикрытием спецназа церцетарии. Их шпионы проникли даже в «Идеальную хозяйку».

А псионик...

— Андре, — еле слышно произнес Аристо, — хоть ты перестань психовать. Все у вас будет, наберись терпения.

Андре сбился с мыслей и утратил дар речи.

Дар речи вернулся раньше.

— Это что было?

— Прогноз. На основании психологического портрета.

— Какого, к убырам, портрета?..

— И постоянного эмоционального напряжения.

— Это нездоровое чувство юмора, или извращенное милосердие?

— Инстинкт самосохранения, — все так же тихо, так же ровно. — Я эмпат. Вы с Мартом оба у меня уже в печенках сидите.

— Март...? — Андре запнулся. Что, собственно, он хотел услышать? Аристо все сказал.

— Дай ему время.

— Я мешаю тебе работать. — Андре стряхнул на глаза челку, — что ты за тварь, Бастард? Не обращаешь внимания, когда я с тебя кожу сдираю, и дергаешься из-за ерунды, которая вообще тебя не касается. Нелюдь ты. Нельзя доверять аристократов церкви, из них хрень какая-то получается.

Он поймал короткую улыбку Аристо. Надулся и открыл «секретарь». Лучше уж кино посмотреть. А то непонятно, кто тут за чей счет развлекался.

Машина пронеслась сквозь атмосферу, не сбавляя скорости метнулась над домами, и замерла, словно примерзла к посадочной палубе клуба.

Андре вздохнул. Придержал за плечо Аристо, уже открывшего дверцу.

— В переговорах с Чедашем... я могу помочь? Чем-то, кроме не мешать?

— Уже помогаешь.

— Н-да?

Аристо молча кивнул, и вышел на палубу.

Не соперник. Просто — равный. Нечего делить...

Некого.

А цель общая. Значит, союзник?

Андре догнал его, мурлыкнул, глядя поверх черноволосой макушки на гомункулов-охранников у дверей впереди:

— Нам все равно придется драться, мой красивый. И мне все равно придется тебя убить. Если ты не убьешь меня.

— Нам не придется драться, если я не нападу. Я не нападу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Церцетарий Нортон, всю дорогу не проявлявший интереса ни к Андре, ни к Аристо, негромко уточнил:

— То есть, прямо сейчас не подеретесь? Красивые. А я-то уж размышлялся.

Гомункулы были слишком близко, и все пришедшие на ум достойные ответы, Андре пришлось оставить при себе. Судя по короткому взгляду, которым наградил Нортон Аристо, ему тоже было что сказать.

И тоже пришлось промолчать.

Это сближало.

* * *

Открытие финала. Болельщики собираются на трибунах. С лотков нарасхват идут пиво и чипсы. Кругом шарфы с цветами команд, значки, транспаранты, охрана. И девочки с помпонами вот-вот выйдут на поле, чтоб поприветствовать команды. Феерия, в плазму ее через «подвал».

Готовились долго. Пришло время проверить, хороша ли подготовка.

Пока Андре с Мартом парили мозг вольным баронам, поднимая их на войну, Лукас выманивал на себя Чедаша. Кочевряжился, понимаешь, отказывался встречаться. Ему, эдзоу, какой-то там барон не интересен. У него и без какого-то там барона дел в Баронствах предостаточно.

Сработало?

Сработало. Чедаш в ярости, Чедаш уже почти на все готов, лишь бы встреча состоялась. Ему, может, эдзоу не так и нужен, да дело на принцип пошло.

Лукас следил за ним, Дэвид для Лукаса следил за ним. Из вида не упускали. Не лично, ясное дело. Боже упаси за этой штукой лично следить. Взять Чедаша под полноценное наблюдение было нереально, он и сам осторожничал, и места, где он бывал, не позволяли ни подсматривать, ни подслушивать. Это не Скорда, у которого весь дом камерами и микрофонами нашпигован. Скорде оно для работы надо, а Дэвиду, считай, приглашение — заходи, подключайся, делай, что хочешь. А заведения, организовывающие встречи и досуг таких как Чедаш, в первую очередь как раз о том заботятся, чтоб ни одного микрофона и камеры вблизи клиентов не оказалось.

Головой отвечают.

Так что слежка за бароном — задача почти невыполнимая. Но все, что может видеть, слышать и запоминать — видел, слышало и запоминало.

А Лукас, получив от Дэвида очередную сводку, часами медитировал на записи, прокручивал снова и снова, без конца.

Если случалось остаться вместе с ним в гостиной, Дэвид включал кино с чипа, или смотрел новости, или еще чем занимался, не привлекающим внимания. В перерывах открывал глаза, и видел, как Лукас сосредоточенно копирует движения Чедаша. Походку,

характерные жесты, даже мимику. С каждым днем сосредоточения было все меньше, раскованности все больше. Раны заживали, понятно, поэтому Лукасу становилось легче двигаться. Но казалось, будто дело не в ранах, казалось, будто Чедаш осваивается в новом теле.

Нехорошее зрелище.

Дэвид однозначно предпочитал кино.

Он один раз спросил, зачем это надо. Так, чисто, для поддержания разговора — чтоб не все время самому говорить — пока накрывали к ужину стол, и ждали Марта из душа.

— Не знаешь? — удивился Лукас. — Ты сам это делаешь.

— Делаю что?

— Это. — Лукас как-то очень знакомо усмехнулся, с несвойственной ему издевкой...

...Кусок времени как будто вырезали ножницами. От усмешки Лукаса, до голоса Марта:

— Ужинать? А, может, перевязку сначала?

Цифры на часах скакнули на пять минут вперед.

Дэвид немедленно заподозрил обоих святош. Непонятно в чем. В сговоре? В применении иллюзии?

В гипнозе. Вон оно как.

Эти двое удалились менять повязки, а он перемотал запись с чипа на пять минут назад, и послушал, что тут было. Натурально, гипноз. Лукас стал его отражением. Это уметь надо, но если умеешь — фокус сбивает с толку. Так у кого угодно можно вызвать доверие, и точно ведь, Дэвид это регулярно проделывал. Так, говорят, можно ввести в гипнотический транс. Но тут мало умения, тут еще и способности нужны. Такие. Типа псионических. А на псионическое воздействие реагирует чип — проверено еще на Инуи.

Лукас не псионик. Он просто на всю голову трудный. Против таких даже чип бесполезен.

Лукас потратил кучу времени на то, чтобы научиться вести себя как Чедаш.

Данных недостаточно, копия неидеальна, о гипнозе можно и не мечтать. Но расположить к себе, ненадолго войти в доверие, это он теперь сможет. Он, если Марту верить, однажды целую толпу священников, во главе с Великим Кардиналом, убедил закон нарушить. Надо думать, его и на Чедаша хватит.

Но Чедаш телепат.

И если он хоть что-нибудь заподозрит — хана всем. И Лукасу, и Дэвиду и Скорде.

* * *

Прежде, чем подпустить их троих к дверям, гомункулы тщательнейшим образом просканировали каждого. Оружия не нашли — не было его. Лукас без ножей, Скорда без браслетов. Куда катится мир?

— В целях обеспечения безопасности благородных посетителей, необходимо снять ваши биометрические данные, — сказал гомункул без сканера, зато с «Марудом», нихонским деструктором. Если б деструктор заговорил, у него, наверное, был бы такой же голос. Неживой. На интонации ни намека.

В точности, как у Лукаса, который гомункула с дороги сдвинул:

— Твой хозяин хочет со мной встретиться, значит, считает, что это безопасно.

Ну а что? Нормальная логика. Причем, у деструкторов и холодильников она одинаковая.

Скорда прошел между гомункулами, манерно накручивая на палец локон.

Дэвиду захотелось дать торгашу пинка, но он сдержался.

А как только двери раскрылись — роскошные, двустворчатые, деревянные двери,

сверху донизу покрытые резьбой — в мозгах щелкнул поставленный Лукасом переключатель, и сами собой всплыли нужные мысли и нужные чувства. Дэвид вошел в образ. Теперь он был тем, кем... кем и был. Инженером, обслуживающим эдзоу Акумацуми Такэно.

Полученные в Клетке повреждения были полностью устранены, но послеремонтная реабилитация требовала постоянного присутствия инженера рядом с клиентом, и никакая встреча, хоть с бароном, хоть с императором, хоть даже с любовницей, этого не отменяла.

Инженер должен быть рядом, и точка. Это ж эдзоу. Это понимать надо.

Гомункулы Чедаша и владелец клуба обеспечивали безопасность барона. Акумацуми-сан обеспечивал безопасность собственную и своего инженера. Скорда выступал посредником в переговорах.

Барон хотел получше узнать, что такое эдзоу, и готов был заплатить за это чем угодно в пределах разумного. Пределы разумного для человека с его властью и богатством были весьма широки. Чего хотел Акумацуми-сан? Для начала всего лишь взглянуть на человека, который так настойчиво искал с ним встречи.

Они гордые, эти ребята. Те, кто удостоился вечного, могущественного, почти неуязвимого тела. Они гордые не потому, что вечные и могущественные, а потому что сами по себе такие. Герои ведь. Эдзоу за просто так не станешь.

По широким коридорам, мимо зеркал, ползучих цветов, натурального шелка и дерева — всех этих юкори-штучек, к которым поневоле привыкаешь, когда начинаешь служить эдзоу — неторопливо дошли до очередных дверей. Здесь уже никаких сканеров, только живая охрана и гомункулы — каждой твари по паре.

За дверями просторный кабинет, и снова все настоящее: шерсть ковра, кожа кресел и диванов, шелковая обивка стен, табачный запах.

Вот он, барон Чедаш. Жгучий брюнет. До того бледный, аж светится. Худой и длинный. Сидит, развалясь, в низком кресле, но все равно видно, что длинный. Повыше, пожалуй, чем Скорда.

— Спасибо, что приняли мое приглашение, Акумацуми-амо. Располагайтесь, прошу вас. Нортон-амо, присаживайтесь. Скорда, сядьте здесь, — Чедаш кивнул на рабочее кресло у стола, — люблю на вас смотреть. Ну, да вы в курсе.

— Я в курсе. Большая честь для меня, благородный Чедаш-амо.

Скорда в этом освещении весь аж переливался: золотые волосы, сверкающие драгоценности, инкрустации на ногтях. В глазах рябит. Что за радость на него смотреть — это, только Чедашу понятно.

Акумацуми-сан принять приглашение не спешил. Осматривался. На Чедаша посмотрел с тем же интересом, что и на абстракцию из светодиодов напротив окна, и на цветочек, который на стене висел. Девочку, вошедшую с подносом, — кофе, там, сливки, то-сё — изучил более внимательно. Девочками Акумацуми-сан традиционно интересуется больше, чем баронами.

Это Чедашу, кажется, не понравилось.

Но он улыбнулся. И Акумацуми-сан ответил зеркальной улыбкой. Чедаш опустил в кофе кубик сахара, стал неторопливо размешивать. Так же неторопливо кружила ложечка по чашке в руках Акумацуми-сана.

— Вы хотели побеседовать о чем-то серьезном, Чедаш-сан? Здесь?

Девочка вошла снова — что-то там такое принесла Скорде, то ли калькулятор, то ли карандаш. Поймав взгляд Акумацуми-сана, улыбнулась, помедлила секундочку, прежде чем уйти.

Еще бы. Эдзоу Акумацуми Такэно — одна из самых красивых моделей. Куда там Скорде, тот вообще не киборг.

— Пожалуй, не здесь, — Чедаш со стуком отставил чашку. — Акумацуми-амо, я приглашаю вас в свой дом. Окажите любезность.

Акумацуми-сан помедлил с ответом:

— Чедаш-сан, посещение вашего дома не входило в мои планы.

— Акумацуми-амо, — Чедаш машинально копировал его тон, — я приложил столько усилий к тому, чтоб наша встреча состоялась, что теперь просто не могу отступить.

— Из уважения к вашим усилиям, Чедаш-сан. Я принимаю приглашение.

— Благодарю вас, Акумацуми-амо.

Они поднялись на ноги одновременно.

— Скорда, вы летите с нами.

— Это честь для меня, благородный Чедаш-амо.

* * *

Никакого интереса. Просто — вежливость. Когда один знатный человек настойчиво ищет встречи с другим знатным человеком, вежливость обязывает проявить внимание. Если, конечно, нет причин к тому, чтоб избегать знакомства.

У Акумацуми-сана не было таких причин.

На подлете к куполу цитадели машина сбросила скорость. Дэвид машинально зафиксировал посланный на периметр сигнал. В верхней части купола скользнули в стороны бронированные створы шлюза. А силовое поле по-прежнему бликовало на ярком солнышке. Пролетели прямо сквозь него. Понятно, откуда слухи, что у барона Чедаша неприступная цитадель.

Дэвид давно интересовался системами защиты. Так чисто, на уровне хобби. Эдзоу-инженеры — высший класс кибернетиков, элита в элите, но нельзя же все время только эдзоу заниматься. Защитные комплексы, датчики, ловушки, сигнализации, кибер-охрана — это интересно, вроде как задачки порешать. Недетские задачки. Охранные комплексы корпораций где-нибудь на Формозе по сложности сравнятся с фуллборгом, со всеми его нано-нейронными цепочками и самообучающимся софтом. У фуллборга, у него главное есть — живые мозги. А для кибер-охраны этот мозг с нуля делать приходится. Дэвид заранее пожалел о том, что периметр цитадели нельзя будет изучить получше. Вряд ли Чедаш договорится с Акумацуми-саном о сотрудничестве, а значит задержаться здесь, в гостях, не выйдет.

Пространство под куполом заливал яркий, неотличимый от естественного, свет. Логично было ожидать, что внутри цитадель уютнее, чем снаружи. Сад, беседки, пруд с карпами... ну, или что тут принято?

Оказаться в помещении с голыми стенами, перед шлюзом, даже не пытающимся притвориться обычной, человеческой дверью, было как-то неожиданно. А Чедашу, видать, нормально. Акумацуми-сану, понятно, всё равно. Ему вообще на все закидоны чужеземцев наплевать.

Чедаш чуть поклонился:

— Прошу.

Теперь он сам управлял автоматикой цитадели. Вживленный гаджет — Дэвид фиксировал импульсы — родственник БД-имплантантов, дорогая вещь, сложная. Красивая.

По ту сторону шлюзовой камеры разве что пространства поменьше, а так все то же самое. Голые стены. Двери в стенах. Поверх — силовые мембраны. Гомункулы стоят, не дышат. Охраняют.

Идти далеко не пришлось: мембарана на двери шагах в двадцати впереди погасла, дверь открылась. За ней, вроде, мебель какая-то. Уже хорошо. А то можно подумать, будто Чедаш, как его гомункулы, может без сна и отдыха обходиться, и раз он гостей в цитадель не приглашает, так ему тут и мебель ни к чему.

Гомункулы, кстати, двое, которые возле двери стояли, вслед за Чедашем внутрь комнаты зашли. И опять застыли. Дверь — щёлк, захлопнулась. Мембрана беззвучно натянулась.

— Дэвид, — сказал Акумацуми-сан. — Брутфорс.

Акумацуми... И ведь Дэвид ему имя даже не придумывал! Настоящее заюзал.
Беседки. Пруд с карпами.
ТЬфу!

Чедаш сам запер дверь, сам включил защитную мембрану, ни одна система цитадели не могла отменить его приказ. Поэтому дверь не открывалась. Двое гомункулов-охранников были обезглавлены в первую же секунду после того, как Лукас произнес ключевые слова.

Внешнее устройство Чедашевского гаджета приняло пакет информации, воздействующей на все пять чувств. Контрольный блок успел обработать не все, слишком интенсивным оказался поток данных, но то, что было обработано, произвело эффект световой и шумовой гранат, разом рванувших непосредственно в мозгах барона. Шокирующий удар по рецепторам. Все, что хранилось на чипе Дэвида, все запахи и вкусы, все краски, все звуки мира, начиная с журчания воды в этих самых джаповских прудах, и заканчивая ревом взлетающего стратосферного лайнера.

Сейчас Чедаша нельзя было убивать. Неизвестно, как запрограммирован его гаджет, что он выкинет, в случае смерти носителя. Чедаша нужно было вывести из строя. Дэвид надеялся, что барон сразу потеряет сознание, но телепаты, они, сволочи, крепкие. У них мозги рассчитаны на перегрузки.

Правда, не на такие перегрузки. Сознания Чедаш не потерял, но, шокированный, впал в ступор. Ничем не хуже транса, в который может вгонять Лукас.

Акумацуми-сан!

Да Лукас в обморок хлопнется, если живого карпа увидит.

Они со Скордой оторвали гомункулам головы голыми руками. Оторвали. Не сломали шеи, не оглушили, не... что там еще можно сделать с человеком или гомункулом, с некиборгом, в общем? Много чего можно. Оторвать голову — сложнее всего. Позвоночник, он... хреново он рвется.

Максимально интенсивный поток данных непрерывно шел на внешнее устройство чедашевского гаджета. Здешние киборги и недокиборги лишены главного: полноценного компьютера в мозгах. Даже у носителей БД-имплантантов, при всей их сложности, нет чипа, только вшитый софт. Дорогой, как... дорогой, короче. Но это не компьютер. Они тут даже представить себе не могли, что возможна информационная атака на вживленный гаджет. Что возможна ситуация, в которой буфер данных окажется переполнен, контрольный блок вырубится, не выдержав нагрузки, и поток нефильтрованной информации хлынет прямо в мозг.

Даже телепат может потерять сознание. От такого — может.

А гомункулы Чедаша — псионики.

Неизвестно, что они будут делать, гомункулы эти, если хозяин погибнет. Сейчас Чедаш потерял сознание, и они стягивались сюда, к запертым дверям. Хозяин в опасности. Хозяина нужно спасать.

Дверь выглядела крепкой. Да еще мембраны...

Лукас и Скорда стояли на одной линии, примерно в метре от двери, в полутора метрах друг от друга. Стояли неподвижно. Как роботы.

И абсолютно одинаково улыбались.

Они ждали, когда дверь не выдержит. Они *хотели*, чтобы дверь не выдержала.

Долбанные аристократы!

Потеря Чедашем сознания стала сигналом не только для гомункулов. Она стала сигналом и для Дэвида. Устройство захвачено, чип полностью контролирует его.

«Языка» взяли. Теперь нужно время на «допрос». Изучить зашитый софт, установить нормальное взаимодействие. И, в конце концов, получить контроль над всей автоматикой цитадели.

Тогда Климент Пылаев, начнет штурм.

* * *

Чип, он многозадачный. Удобно. Дэвид одновременно отключил силовое поле над цитаделью и блокировал доступ к системе местным администраторам. Он не мог контролировать всю цитадель. Технически — запросто, но физически мозгов бы не хватило, а сам по себе чип на это не годился, тут творчески мыслить надо.

Цель штурма — уничтожение всех до единого гомункулов. Они будут драться до последнего, сдаваться не умеют, на компромиссы не пойдут.

— Открываю купол, — доложил Дэвид. — Сейчас начнется. Я пока запер вообще все двери.

Отрезанные друг от друга в разных секторах цитадели бойцы Чедаша, не будь дураки, взялись уничтожать все имеющиеся в пределах досягаемости видеодатчики. Знают, что наблюдать за ними могут теперь только враги? Как они, интересно, между собой связываются? Скорда обыскал оба трупа, оружие нашел, а приборов связи — никаких.

Они псионики, у них свои методы — там, где датчики уцелели, Дэвид видел, как гомункулы парами и тройками встают напротив запертых дверей, просто смотрят, а ганпласт за мембранами дрожит и гнется, и рано или поздно, конечно не выдержит. Но это телекинез или как-то так. Еще среди гомункулов пирокинетики есть. А для связи надо телепатом быть. Или нет?

— Или Чедаш, пока жив, остается ретранслятором, — предположил Скорда. — С дверями насколько все плохо? Как с нашей? Хуже?

— Как с нашей.

«Их» дверь вот-вот должна была выйти из пазов. К тому же, кто-то из осаждающих телохранителей, пытался проплавить в ней дыру. Мембрана защищала от физических повреждений, а не от нагревания.

И не от телекинеза.

Выломают дверь, выломают и контур генератора поля.

План предполагал, что для штурмующих будут организованы относительно безопасные пути, позволяющие уничтожать отдельные группы противника. Пока все шло по плану. Ворвавшись в цитадель, люди баронов, во главе с бойцами диакона Пылаева, разделились, в соответствии со схемой штурма, и уже успели зачистить несколько помещений.

Внезапно открывающиеся двери, из-за которых тут же начинают стрелять — это неприятный сюрприз для псиоников, сосредоточенных на расшатывании и нагревании этих самых дверей. Правда, и псионики, даже сосредоточенные, куда опаснее обычных солдат. Неразумно, конечно, но чисто по-человечески, Дэвид, предпочел бы, чтоб в местах столкновений не уцелело ни одной видеокамеры. Ему совсем не нравилось видеть, что телекинетики могут делать с людьми...

Что-то вроде того, что проделывает с киборгами аристократ.

— Чем их больше погибнет, тем лучше.

Ну, преподобный... Руки по локоть в кровище, а голос такой, как будто говорит о погоде где-нибудь на Торде, а не о людях, которых здесь и сейчас убивают.

— Ты это прекрати! — Это Скорда. Скалится и челку со лба сдувает. — Мне они живыми нужны, чтоб дальше было кому воевать. К тому же, какой смысл этим-то гибнуть? А баронов здесь ни одного нет.

— Бароны, — подал голос Дэвид, — не идиоты, чтоб с деструкторами по коридорам скакать.

Лукас метнул на него косой взгляд:

— По-твоему, мы идиоты?

— Лукас, твоя проницательность иногда пугает.

— Если это единственное, что тебя в нем пугает, — протянул Скорда, — то ты смельчак, Дэвид Нортон.

* * *

Не абордаж, но очень похоже. Участвовать в настоящих абордажах даже Лукасу приходилось редко — но опыт тренировок есть. Отработка абордажного боя обязательна для всех рыцарей. Мало ли что может случиться?

Случилось. До такого, наверное, никто бы не додумался. Рыцарь-пилот Десницы вместе со спецназом Всевидящих Очей, штурмует цитадель вольного барона.

Связи с Лукасом не было — внутри цитадели дуфунги вообще не работали. Но к этому подготовились. План штурма составлен заранее, каждый знает свое место и свои задачи. И все идет, как надо. С Божьей помощью, все идет как должно. Открываются нужные двери. Вспыхивают и гаснут в ритме тревожного кода лампы над входом в помещения, где заперты гомункулы. Да те и сами выдают себя попытками освободиться.

Страшный противник. Воистину. Понятно, почему Чедаш считался непобедимым. Столько псиоников, спаянных одной целью, умеющих работать в команде, объединять свои силы — не будущее ли это Капеллы?

Если бы Дэвид не перехватил управление автоматикой цитадели, штурм захлебнулся бы в самом начале. Даже взломав защитный купол, даже пройдя силовое поле, люди оказались бы бессильны против организованного нападения теле- и пирокинетиков.

И сейчас каждая вздрагивающая под ударами дверь, над которой мерцают лампы, означала чью-то смерть.

— Не лезь в бой, — сразу предупредил отец Климент. — Стреляете вы, летуны, хорошо, я слышал, но этого будет недостаточно.

— Делай, что должен, — сказал Лукас.

Март делал. То, что был должен. Прикрывал ведущего. Сейчас его ведущим стал отец Климент, Март держался позади, не мешал, когда нужно было стрелять — стрелял. Но основной задачей сам для себя сделал постоянное поддержание иллюзии. Их группа: отец Климент и два взвода дружинников барона Инагиса, оставалась невидимой для врагов. Гомункулам приходилось действовать наугад, бить по площадям, выжигая пространство за открывшейся дверью, в тугой шар скатывая уплотнившийся воздух.

Рассредоточиваться для максимально эффективного боевого взаимодействия умели все бойцы, однако учитывать при этом, что враги их не видят, оказалось непривычным. Со временем, однако, приноровились, стали делать поправку на невидимость, на то, что гомункулы лупят из-за дверей со всей дури, не жалеют сил, не жалеют самих себя, но лупят — наугад.

Март молился, чтоб не оказалось за какой-нибудь из дверей эмпата или, спаси Господи, телепата.

Уничтожить всех.

Гомункулы с виду не отличались от людей. Стрелять в них было трудно. Это совсем не то, что вести бой за пультом гафлы. Там не думаешь об убийстве, там думаешь о победе. Здесь твои выстрелы сжигают живую плоть. Совершенное и живое ты делаешь уродливым и мертвым.

Но Лукас сказать делать, что должно, и Март знал, что должен убивать.

* * *

Андре откатился в сторону, перезаряжая обоймы. Еще не устал, но...
«Когда же они закончатся?»

Боеприпасов пока хватало. В первые секунды после того, как рухнула дверь, они с Аристо буквально выкосили всех, кто оказался на линии огня. Андре досталось от телекинетика — чуть не вырвало конечности из суставов — но аристократы крепче людей.

Прежде чем трупы вспыхнули, с большинства удалось собрать запасные обоймы. Потом полыхнуло. Все, что не успели собрать, естественно, взорвалось.

Андре прикрыл Нортон и Чедаша — самый бесполезный защищает самого нужного, это закон. Сейчас самый бесполезный — он. Даже от фон Нарбэ пользы больше, чем от дю Гарвея.

Грохнуло. Стены треснули и потолок просел. Ребра, кажется, треснули тоже.

Зато выгорело сразу все. Моментально. Топлива для следующей атаки не осталось. То ли гомункулы не рассчитали, то ли наоборот, надеялись таким образом сразу всех прикончить. Они ж не знали, что пытаются убить аристократов. Пламя добило струи пены с потолка. Интенсивнее заработала вентиляция.

Вот что интересно, взрывая трупы и боеприпасы, выметая центр комнаты очистительным огнем, о безопасности своего хозяина гомункулы просто не подумали? Или Чедаш, как аристократ, и не на такие перегрузки рассчитан?

Теперь главное было не дать им сосредоточиться. Псионники — эти псионики — не могут воздействовать на то, чего не видят. Поэтому Андре, не останавливаясь, заливал подходы к двери огнем, не позволяя врагу атаковать. Аристо стрелял прицельно. В любого, кто оказывался в поле зрения. Пилоты, иччи их грызи, они все стрелки.

Что-то с ним было не так. С Аристо. С того момента, как по стенам побежали трещины, что-то с ним... что-то в нем изменилось. Что — не понять. Кажется, будто он боится, но этого, конечно, не может быть.

— Двери. — Сказал Нортон.

Все двери, удерживавшие гомункулов, выломаны. В цитадели сейчас начнется свалка. Уличные бои. Коридорные... Нортон по-прежнему контролирует автоматику, у защитников нет шансов. Атакующие будут гибнуть десятками, но все идет по плану.

— К нам двигается группа, — Нортон закрыл глаза, сосредоточился. — Двенадцать человек. Без оружия.

Что? Кто?

— Телепаты. — да уж, по голосу Аристо точно не скажешь, что он не в порядке.

И он прав, если безоружные, то вполне возможно — это телепаты. Им оружие ни к чему, у них пирокинезики есть.

— Лучше сюда, чем к штурмовикам.

Взгляд из-под выгнутой брови, как выстрел. Красавчик-пилот весь в крови и копоты, глаза по контрасту кажутся светлыми. Сверкнул зубами. Типа, улыбнулся.

— Лучше сюда.

Со штурмовиками где-то там Март. Только Нортон знает, где именно. Март, конечно, парень боевой, и стрелять умеет, и подраться, наверняка, не дурак, но... не надо ему телепатов.

И сюда не надо бы. Но что делать?

— Скорда. Умеешь защищаться?

— От одного, двух. Не от толпы.

— Понял. Дэвид?

— Знаю, знаю. О себе беспокойся, преподобный.

Преподобного трясет. Снаружи не видно, но... не надо обладать проницательностью дю Гарвеев, чтоб чувствовать, как его колотит изнутри, дрожь пробирает с каждым скрипом, выходящих из пазов потолочных плит. Что, бога ради, с ним творится?

— Скорда. Преимущество телепатов во внезапности, это ты знаешь, не так ли?

Спокойный какой. Чему верить, его голосу или своему обманчивому чутью?

Преимущества телепатов... Да. Внезапность. Если знаешь, что имеешь дело с телепатов, можно успеть подготовиться, защитить разум. Уметь надо, но этому учат. У дю Гарвеев спецификация включает устойчивость против телепатических атак. Плохо то, что телепатов слишком много. Плохо то, что им не нужно видеть тебя, чтоб атаковать.

Аристо знает, что делать. Нужно просто довериться ему. Позволить...

— Ты что, уже начал? — рывкнул Андре, едва справившись с порывом засветить ублюдку кулаком в голову.

— А чего ждать? Хочешь выжить — не мешай.

Устойчивость против телепатических атак. Сдаться гораздо сложнее, чем защищать себя. Не надо сдаваться. Надо просто верить. Аристократы все устойчивы к телепатии, сопротивляемость вырабатывают с самого детства, с рождения. Аристократы слишком опасны, чтобы кто-то мог получить контроль над ними. Есть лишь один хозяин — Божественный Император. Смысл жизни в том, чтоб служить ему. Высшее счастье — услышать его похвалу. И нет во всей вселенной силы, которая заставит предать хозяина.

Хозяин хочет, чтоб Андре дю Гарвей уничтожил телепатов.

С радостью!

Глава 8

«Сделаем же его нашим другом и союзником»
Первая книга Маккавейская (10:16)

Дэвид был еще жив. Значит кто-то, Лукас или Андре, тоже. Кто-то из них еще жив.

Господи, спаси и помилуй раба своего Лукаса!

Господи, спаси и помилуй Андре Скорду, хоть у него и нет души!

Несмотря на то, что группы противника могли теперь свободно перемещаться по цитадели, лампы по-прежнему предупреждали об опасности. Март думал, что рефлекс: замигало — залег и стреляй, останется у него навсегда. И когда в монастыре, при одновременном старте всех десяти вендаров упадет напряжение в сети, он точно что-нибудь пристрелит. Инстинктивно.

Шум и грохот стояли по всей цитадели, везде шли бои. К очагу одного группа отца Климента как раз приближалась.

Лампы мигнули. Март шарахнулся к стене, вскинув деструктор.

Несколько секунд ожидания.

По сигналу — вперед. Противник безоружен, но это неважно. Стрелять. Уничтожить! Пока не вспыхнул огонь, пока воздух не сошел с ума и не раздавил твое тело.

Вперед!

Мимо оплавленных стен, поскальзываясь на жирном, мокром пепле. Как же здесь воняет!

А впереди, на черной золе, в душной саже — золотая, яркая вспышка. Сверкающая смерть, блистательный жнец, танцующая, идет по трупам, не глядя, добивает тех, кто еще двигается, голыми руками пробивает насквозь грудные клетки, ломает гортани, крушит черепа.

Андре...

— Скорда? — изумленно выдохнул кто-то позади.

Узнали. Имели с ним дело, с красивым работником, манерным, жеманным, насмешливым, в салоне которого никто, никогда не купил ни одного раба.

Не узнавали.

Март сам не понял, почему подался вперед. Какое-то помрачение. Так обрадовался, что он жив, этот... императорская кукла. Жив! Ранен, весь в крови, в саже и копоти. Но живой.

Стоит. Смотрит.

Март его обнял раньше, чем успел подумать, что он, вообще, делает? Скорда — враг. Враг.

А враг замер в его руках. Застыл, тронь — порежешься. И лишь через бесконечную секунду закаменевшие мышцы расслабились.

Выдохнул. Ухмыльнулся.

— Март. Твой командир сейчас выстрелит мне в голову. Он ужасно ревнивый.

И обнял в ответ.

— Я тебя испачкаю.

— Плевать, — сказал Март.

Лукас, наверное, решил им не мешать. Он был с Андре, держался позади, стрелял, избегал ближнего боя. Нельзя было отвлекать гомункулов от Андре, можно было только прикрывать его, вот Лукас и прикрывал. Он умеет быть не только ведущим.

А сейчас исчез. К Дэвиду вернулся?

С телепатами, это они удачно придумали. Те споткнулись на Андре, а телепат, он когда на ком-то спотыкается, он не понимает, что надо отступить. Не приучены они отступать, им же отпор почти никто дать не может. Машинально начинают давить — все телепаты, не только Чедашевские гомункулы — тратят все больше усилий. И рано или поздно, конечно, продавливают.

Телепат любого человека ломает, хватило бы сил. У этих сил было предостаточно, вон сколько пирокинетиков вокруг. Только ломать они взялись...

— Машину, — Андре улыбается. — Где-то там, — палец со сломанным, грязным ногтем касается виска, — машина. Не так уж глубоко. Лукас это вытащил наружу. И бросил телепатам. Типа, погрызите косточку. А косточка ганпластовая. Как ты с ним уживаешься, Март?

— Я...

— Лучше молчи. Сам знаю. Он тебя тоже.

* * *

Лукас казался слишком спокойным, даже по сравнению с его всегдашней бесстрастностью. Такой спокойный, будто мертвый. Март, как вошел в их убежище, сразу увидел и просевший потолок, и стены в трещинах. Понял, в чем дело. А еще грязь. И вонь.

Это невероятно, сколько там было грязи!

Массовое побоище с массовым трупосожжением.

Март демонстративно огляделся и громко сказал:

— Хорошо построено. Тут еще пару бомб взорвать можно, и ничего не рухнет.

Дэвид и Андре его явно не поняли. Дэвид только плечами пожал. Андре хмыкнул:

— В общем, да. Еще сто лет простоит. Ты это к чему?

Лукас глянул исподлобья:

— Спасибо. Дэвид, ему бы попить и умыться. Есть тут поблизости вода?

Вода здесь, со всей этой копотью, жаром, пеплом, лха знает чем еще, расходовалась моментально. Фляги опустели еще к середине штурма.

— Там, за дверцей, — часть стены со скрежетом отъехала в сторону, открыв взорам скудно обставленную спальню. — Справа, по плану, водопровод. Душевая у него там или что, не знаю. Воду пить можно, чистая.

Эти трое в воде, конечно, не нуждались. Даже Дэвид.

Где-то в недрах цитадели, штурмовики заканчивали зачистку.

Четверть часа ожидания были не лучшими в жизни Марта. Даже хуже, чем готовность номер два, которая может длиться часами. Сражаться самому гораздо легче, чем сидеть в безопасном месте, пока недавние соратники продолжают бой.

Спасибо, хоть Дэвид время от времени говорил, что где происходит.

Но все когда-то заканчивается. Отец Климент, вымотанный, весь в грязи и копоти, ввалился к ним в сопровождении отца Алексия и отца Энэро — еще одного церцетарийского спецназовца.

— Здесь, что ли, командный пункт? Докладываю, живая сила противника полностью уничтожена. Хотя, — отец Климент понизил голос, — не особо-то она живая. Парни опознали среди местных — своих, которые точно в мертвых числились. Не мои парни, — он тяжело осел на пододвинутое Лукасом, относительно целое кресло, — Инагисовские. Спасибо, отец Лукас. А попить нет, случайно?

Андре сунул ему в руки позаимствованный в ванной кувшин с водой. Март догадался принести стакан.

Скоро в цитадель явятся сенешали, начнут делить трофеи, рядиться, кто из баронов кому сколько должен, выяснять, кто сильнее пострадал. А пока есть время допросить Чедаша, найти нужные документы, и убираться отсюда. Бароны и сенешали — это забота Андре.

— Допросить и убить, — напомнил Лукас. — Дэвид, ты готов?

— Угу. По мозгам он, если что, получит.

— Март, ты еще можешь использовать иллюзии?

— Прикрыть нас от него смогу. Больше — ничего.

Устал. Очень.

— Начали? — хмуро спросил Дэвид.

— Начали.

Стимулятор из кибераптечки еще и подействовать не успел, а мебель в комнате, и так-то покореженную, смяло, будто вырезанную из картона. Загудели, стены. Разбежалась по ним новая сеть трещин. Рухнул кусок потолка.

Чедаш не видел их.

— Слушай меня, барон, — голос Лукаса, нечеловечески спокойный, перекрыл грохот разрушений, — мне нужна технология производства гомункулов, последние разработки, данные о моделях, еще не поставленных на поток. Все это хранится здесь, в цитадели. Скажи мне, где, и я не убью тебя.

Он отпрыгнул в сторону, пропустив мимо себя то, что было столом. Конструкция врезалась в стену, окончательно превратившись в бесформенную грудку металла и пластика.

Чедаш вновь потерял сознание.

— Ему надоест, — пообещал Дэвид.

Стимулятор действовал.

Барон пришел в себя. По комнате пронесся смерч, тучи пепла и золы взметнулись в воздух, грозя задушить. С потолка обрушились потоки пены, снова прижимая дрянь к полу.

Это сделал Дэвид или Чедаш?

Лукас продолжал говорить. И если закрыть глаза, если только слушать, казалось, будто вокруг не светопреставление с участием мебели и сгоревших человеческих останков, а покой хорошо оборудованной допросной.

— ...скажи мне, где бохардат, и я не убью тебя.

Март сказал бы.

— Провались в Эхес Ур! — пожелал Чедаш.

Что-то непохоже было, чтоб он шел на контакт. Но Лукас улыбнулся. И Андре — тоже.

— Готов, — произнес Андре одними губами.

— Дэвид?

— Понял.

Чедаш вскрикнул и потерял сознание.

Стимулятор действовал.

Барон пришел в себя. И заговорил.

— Эта штука все время была здесь? — Андре огляделся. — Я один чувствую себя идиотом?

Да уж. Найти здесь что-то сейчас... Особенно такую маленькую вещь, как бохардат.

— Утешься тем, что не мы это сделали, — посоветовал Дэвид. — Где оно было? В столе? А стол у нас... хм...

— Столом у нас чуть Лукаса не убило. Значит оно тут. — Андре решительно отправился к конструкции, пять минут назад пролетевшей от стены к стене со скоростью спортивной машины.

— Скорда, — мягко окликнул Лукас.

— Мм?

— Не надо.

— Да ну?

— Бохардат найдет отец Климент.

— Правда?

— Это ведь не то, что ты *должен* делать.

— Откуда тебе знать, Бастард?

— Чем бы это ни было, — Лукас не двигался, и Андре не двигался тоже, две статуи, прикованные друг к другу взглядами, — нужно оно вам или нет, решит Божественный Император. А принять решение ему может помочь только церковь. Скорда, ты знаешь, что я прав. Церковь не ошибается. Аристократы постоянно совершают ошибки.

— Наши святые отцы. — Андре растянул губы в улыбке. — Уж не знаю, чем вас таким кормят, что все вы, без исключения, честны, человеколюбивы и набожны. Я думаю, что когда Бог создавал людей, он, имел в виду таких ангелов, как ты, мой красивый. За одним маленьким уточнением: к голосу совести вы прислушиваетесь чаще, чем к голосу разума. Полагаю, это единственная причина, по которой вы не отправляетесь в Самаянгу сразу после рукоположения. Все-таки, Господь наделил нас разумом для того, чтоб мы им пользовались, а священники избегают мыслительной деятельности с такой настойчивостью, как будто считают её грехом. Так почему же именно вы вправе решать, а? Лукас?

— Ты все сказал?

— Знаешь, Март, — Андре сунул руки в карманы, и демонстративно отвернулся от останков стола, — лучше быть нелюдью, чем священником. Забирайте эту хрень, отец Климент. Я посмеюсь, когда церковь начнет делать из мертвецов собственных гомункулов.

Неловкая пауза. Стыдно. И... жаль его. Гордый, такой же гордый, как Лукас. Но — один, без Бога, без сил, без веры в то, что прав.

— Отец Климент, — Лукас взглядом указал на «стол».

— Во имя Божье, — уставно ответил диакон.

Не по себе было всем. Не только Марту. Но, наверное, всем по разным причинам.

Отец Климент и отец Энэро разбирали стол. Там стучало, брякало. Лукас косился на особо громкие звуки.

— Март, Чедаша убьешь ты.

— Во имя Божье.

Бохардат не пострадал. Защитный футляр оказался рассчитан на куда более серьезные повреждения.

— Разрешите взглянуть, отец Климент? — вежливо улыбнулся Дэвид.

Отец Климент глянул на Лукаса, тот молча кивнул.

Теперь пришла очередь Чедаша.

Барон, едва живой, лежал на полу. Стимулятор по-прежнему действовал, и Дэвид совсем недавно снова лишил Чедаша сознания.

Непонятно, как он это делает, но с Дэвидом вообще многое непонятно.

Закатившиеся глаза в алой сетке лопнувших сосудов. Лицо залито кровью из носа и

рта. Почти не дышит. Убить такого — акт милосердия.

— Упокой, Господи, душу грешника, — сказал Март.

— Упокой, Господи, — эхом откликнулись диаконы.

Лукас молчал.

Март достал «Аргер». Первым выстрелом испепелил Чедашу голову. Вторым прожег грудную клетку.

Голова и сердце. Так оно надежнее.

Он даже отвернуться от тела не успел. Оно вспучилось, осело, расплзлось... В тот же миг чьи-то руки сжали в стальной захват, вышвырнули из комнаты.

Андре? Лукас? Да кто ж их поймет? Март видел из коридора, как оба они, в один голос приказывая остальным отступать, полосовали шевелящийся пол из деструкторов, переведенных в режим лучевой стрельбы.

Что-то... черная, блестящая дорожка полилась к ногам. Насекомые? Какие-то здоровенные жуки.

Март не разбирался. Пальнул из «Аргера». Дотоптал ногами то, что уцелело.

Следующие две минуты все они — двое в комнате, остальные — снаружи, были заняты тем, что топтали, жгли, стряхивали с одежды и размазывали о грязные стены десятки жуков. Больших. Блестящих. В твердых, хрустящих панцирях.

Какое-то безумие. Воплотившийся кошмарный бред. Невозможная, разумом не постижимая мерзость.

А когда все закончилось, когда все, наконец, закончилось, и ничего больше черного, блестящего, многоногого не шевелилось, не подавало признаков жизни, Лукас перезарядил «Хисабу». Обвел взглядом Андре, Марта. Остановился на Дэвиде. И тихо, но с искренним любопытством спросил:

— Это и есть животные?

— Это насекомые, — нервно буркнул Дэвид. — Животные — симпатичные.

* * *

— Я поведу, — сказал Март, когда вышли в ангар.

Лукас не возражал. Единственное, что ему было нужно, это чтобы все благополучно покинули цитадель. И он не отдавал приказа взлетать, пока ангар не покинула последняя машина со спецназовцами.

Логика в этом — никакой. Ведь не думает же он, на самом деле, что в прошлый раз священники погибли из-за того, что он первым вышел на поверхность? Конечно, не думает. Это Марта и беспокоило. Ресурс почти выработан, мыслей нет, остались противоречащие друг другу инстинкты. Один требует убратся с планеты как можно скорее, второй — проследить, чтобы все ушли живыми.

Чтобы никто не остался замурованный под обломками пластонового купола.

Лукас даже ничего не сказал, когда, отойдя от планеты на расстояние для прыжка, Март выставил глубину всего в две трети возможной.

И, к ужасу Марта, потерял сознание, едва прыгнули в «подвал».

Он пришел в себя почти сразу, а вот Марта попустило не раньше, чем вернулись домой. Страшно представить, что было бы, нырни они глубже, на те слои, куда могут добраться демоны.

Если честно, то страшно представить, насколько же Лукас ненавидит планеты, если в «подвале» чувствует себя в большей безопасности. Понятно, что он был на пределе прочности, но на поверхности его хватило бы еще надолго. А стоило взлететь — всё, форсированный режим отключен, а в нормальном режиме системы уже не функционировали.

Ладно. Слава Господу, добрались без потерь. Слава Господу, Андре милосердно

воздержался от комментариев. Даже когда они высадили Лукаса и Дэвида в ангаре отеля и остались вдвоем, взяв курс на Инагис-рум.

Понятно, что никакое это было не милосердие, просто Андре тоже вымотался так, что сил говорить уже не было. Но Март и за это был ему признателен.

* * *

«Идеальная хозяйка» была закрыта. Выходной без предупреждения. «Приносим уважаемым клиентам извинения за доставленные неудобства».

Уважаемым клиентам наплевать. Вся деловая часть этого сектора Роя как будто вымерла. И в Чедаш-руме то же самое. Тихо. Безлюдно. Просторно.

Все до единого корабли отстыковались и висят на дистанции ухода в «подвал». Светятся. Кажется, что карта звездного неба поменяла рисунок. Столько кораблей разом не доводилось видеть даже при столкновениях с крупными флотами баронов. Бароны, они, все-таки, каждый сам за себя. А тут все, сколько их есть, пиратские капитаны поспешили выйти в пространство.

Дэвид сказал, мест на уходящих из Баронств гаримах и фанаках уже не осталось. Все билеты раскуплены за несколько часов. И это несмотря на то, что на кораблях обеих империй для всех, кроме подданных, вдвое подняли цены. Желаящие эвакуироваться не побрезговали даже каторжными гаримами, а сейчас с аукциона продают наспех оборудованные пассажирские места на багалах.

Война.

Пока ее ждали, над ней смеялись. Вот она. Пришла. Теперь не до смеха.

Сколько мирян погибнет?

Новости противоречат друг другу. Слухи муссируют две основные версии. Согласно первой, Вольными Баронствами заинтересовалась Старая Терра. Двое эдзоу вступили в сговор с кем-то из баронов, прикончили Чедаша, теперь готовят почву для вторжения десанта терранских киборгов. По сравнению с ними, как показала недавняя бойня в Клетке, нихонские киборги — просто плюшевые игрушки. Вторая версия утверждает, что в сговор с баронами вступили киборги из Нихон, а то, что они с виду как люди, так это потому, что в Нихон тоже научились делать эдзоу. И теперь бароны-предатели во главе с нихонцами готовят почву для вторжения десанта нихонских киборгов.

Поверить в это, пожалуй, проще, чем в терран, вышедших в космос. Но кто здесь знает о том, что на Старой Терре уже много столетий не строят корабли?

Об этом и в Империи-то почти никто не знает.

А война все равно будет. Бароны уже начали подозревать друг друга в сговоре и с терранскими эдзоу, и с нихонскими. Прояснить ситуацию без драки они не смогут. Точнее, им не позволят.

Ну, да. А тот, кто должен не позволить, кажется, не настроен принимать гостей, несмотря на договоренность.

Ставни опущены, двери затянуты силовыми мембранами. Обе двери: и та, что ведет в салон, и та, за которой жилая часть астероида. Вторая, правда, стоило машине Лукаса приблизиться, неохотно приоткрылась. Как раз, чтоб протиснуться в шлюзовую камеру.

Сам Скорда ожидал в ангаре. Очень, такой, домашний. Не накрашенный, весьма просто причесанный, одетый во что-то шелестящее, свободное, но, разумеется, расшитое узорами от ворота до подола. Это ведь Скорда, он без блессток не может.

Держится прямо. Если не знать, и не скажешь, что под шелками больше церапласта, чем целой кожи. Ему, наверное, даже дышать больно. Досталось вчера сильнее всех. А под широкими рукавами звенят невидимые браслеты. Как надо жить, чтоб даже дома не расставаться с оружием?

— Неужели сам долетел? — издевательски протянул Скорда, едва Лукас вышел из машины. — Я вчера подумал, ты теперь в «подвал» ни в жизнь.

— Ты ошибся.

— Как всегда немногословен. Или сегодня тебе просто сказать нечего?

Он имел право насмешничать. Лукаса вчера при нем накрыло.

— Я по делу, — напомнил Лукас.

— Это означает, что тебе есть, что сказать, но ты как обычно брезгуешь просто поддержать дружескую беседу. Ладно уж, — по мановению руки раскрылись двери в холл. — Проходи, Бастард. Чувствуй себя как дома.

Ну-ну. С последнего посещения тут абсолютно ничего не изменилось. Скорда, такой внимательный к собственной внешности, не озаботился тем, чтоб заменить треснувшие декоративные панели на одной из стен. А ведь почти неделя прошла.

— Жаль, кровь пришлось смыть, — Скорда проследил взгляд Лукаса. — Пойми правильно, моя возвышенная натура постоянно нуждается в приятных впечатлениях. Наиболее приятным до вчерашнего вечера было воспоминание о том, как я сломал тобой эту стенку.

— Ты на мне заиклился.

— Еще бы! Март вчера сказал, что не может остаться, потому что должен вернуться в отель. Мне пришлось в одиночестве переживать самую значимую на текущий момент победу, и в одиночестве зализывать нанесенные тобой душевные травмы. А с кем в это время был Март? То-то же. Было бы странно, если бы я не заиклился. — Скорда приглушил яркое освещение в гостиной, — садись, красивый мой. Я, пока тебя ждал, везде напихал булавок. А еще решил, что в качестве выпивки предложу тебе настойку на Либарских жабах. Это даже здесь экзотика, хотя Либар из окна видно. Дорогое удовольствие, как раз для аристократов. В бутылке мертвая жаба плавает. Хочешь?

Взгляд пронзительный, внимательный, любопытный...

Лукас справился с дурнотой. И, вроде бы, сумел сохранить невозмутимость. Но Скорду, увы, не обманул.

— Такой чувствительный, — тот почти мурлыкал. — Ты еще вчера пролил каплю бальзама на мою душу.

— Только каплю? Что же я должен сделать, чтоб ты удовлетворился?

— Мм... — серые с прозеленью глаза мечтательно затуманились, — это предложение или ты просто любопытствуешь?

— Это недоумение.

— Совсем не интересно, что бы я хотел с тобой сделать?

— У тебя в холле стенка сломана. А я понятливый. Так что нет, не интересно.

Скорда тряхнул головой, но убранный в косу челка не упала на лицо, не спрятала смеющийся взгляд.

— Лу-укас, ты так и будешь уступать?

— Это не трудно.

— Не дашь мне развлечься за твой счет? Ладно, тогда давай к делу. Ты хотел что-то узнать, и... что-то предложить взамен. Я весь внимание.

— Как телепаты связаны с аристократами?

Вот теперь Скорда точно пожалел о невозможности спрятаться за челку. Глаза распахнулись так, будто он сам на булавку уселся. Хоть и не покрашенные глазищи, а выразительные.

— С чего ты взял...?

— Не увиливай. Если тебе нельзя об этом говорить, так и скажи.

— За такие вопросы... — поморщился, — Лукас, за подобный интерес убивают. Я, все-таки, выпью. Налить тебе чего-нибудь? Синтетического.

Разлить по бокалам бренди — дело недолгое. Заваривание чая гораздо лучше помогает собраться с мыслями. Но Скорда быстро соображает, и к ситуации приспосабливается почти моментально.

Протянул бокал.

Звякнули браслеты.

Уже снова спокоен, разве что непривычно серьезен.

— У меня вопросов больше чем ответов. В кои-то веки мои правила мне же вышли боком.

Лукас молча ждал. Правила нередко оборачиваются против тех, кто их придумал. Когда так случается, надо выбрать от чего отказаться: от правил или от своих интересов. Скорда выберет. Не мальчик.

— Об этом нельзя говорить ни с кем, кроме аристократов. А мы, ты же понимаешь, и так об этом знаем, поэтому... тему вообще не принято затрагивать. Любого не аристократа, задавшего твой вопрос, следует допросить и убить. Тебя кем считать, аристократом или священником?

— Уступишь мне право решать за тебя?

— Вчера ты и разрешения не спросил... Ха! — Скорда ухмыльнулся и отсалютовал бокалом, — я понял. Понял, откуда ты знаешь. Я сам все и сказал, когда ты поймел меня в мозг перед атакой телепатов.

— Я не... — в плазму бы его, с такими формулировками, — не делал ничего подобного.

— Лукас, я тебя умоляю! Главное, что информация не пришла со стороны. Пойми правильно, я совсем не возражаю против того, чтоб допросить тебя в меру нескромной фантазии, но после допроса пришлось бы искать тех, кто проболтался тебе, и допрашивать их. А они наверняка и вполтину не такие красивые и упрямые. Весь интерес теряется. Н-ну, а теперь... — Скорда чуть наклонился вперед... и зашипел от боли. — Ненавижу... Эти кретинские царапины! Шевельнуться лишний раз нельзя. Убыр их об кочки! И перестань ржать! Это из-за тебя я инвалид. Моя природная грация, неповторимое изящество, волшебное очарование... ууу... — он всхлипнул от смеха, и тут же снова зашипел. — В общем, допрос отменяется по техническим причинам, так что просто скажи мне, что у тебя есть в обмен на сверхсекретную, и очень, очень интимную информацию о телепатах?

— Исследования Чедаша.

— Вот так, — только и сказал Скорда.

И залпом осушил бокал.

— Ты не отдал мне это вчера только для того, чтоб продать сегодня?

— Точно.

— Знаешь кто ты, Лукас фон Нарбэ?

— Ублюдок. Можешь добавить «подлый» или «лживый» я не возражаю.

Скорда смотрел на него, не отрываясь. Крутил в ладонях пустой бокал.

— Подлый. Лживый. Но зачем тебе? Подожди... — поднял руку, — не хочу влезть в долги, лучше сам угадаю.

— В долг я тебе даже который час не скажу.

— А каким казался наивным, когда мы только познакомились! Это нужно не тебе, а Марту, мм? Я прав?

Можно не отвечать. И так ясно.

— Лукас, — Скорда умудряется произносить слова так, что даже простое имя звучит, как непристойное предложение, — а Март знает, что ты для него нарушаешь правила?

— Нет никаких правил.

— Врешь.

— Не без того. И что? Деваться-то тебе некуда. Во-первых, тебе нужны данные об исследованиях Чедаша, во-вторых, для Марта ты и сам вывернешься наизнанку.

Скорда отвернулся, поставил бокал на стол. Медленно, по одному, стал бросать туда кубики льда. Процесс занял все внимание без остатка. А уж залить лед бренди — это и вовсе занятие, требующее медитативной сосредоточенности.

Все-таки, лучше заваривать чай.

— Я для него ничего сделать не могу. Даже правила нарушить. Бесполезный, как чужая кукла. — Скорда по-прежнему не оборачивался, золотая коса мотнулась между лопаток, — но прав все равно я. А ты когда-нибудь поймешь, что невозможно жить без хозяина. И тогда согласишься на кого угодно, на любую мразь, лишь бы отдать себя.

Невозможно жить без Бога. И невозможно не быть себе единственным хозяином. А еще невозможно объяснить это Скорде. Да и не надо. Он все равно не волен выбирать.

— Страшная тайна аристократов, Лукас, заключается в том, что импринтинг не происходит без телепата. Святоши правы: ты свободен. Джереми Бёрк никогда не был твоим хозяином, и Март им не станет. Они не правы в том, что хозяин тебе не нужен, но это докажет только время.

Так это происходит. Аристократа-младенца вынимают из инкубатора, и сразу, с первых минут, приставляют к нему телепата. Идеальными для взаимодействия считаются телепаты в возрасте от трех до пяти лет. Взрослые тоже годятся, но со взрослыми могут возникнуть проблемы, их нужно очень строго контролировать, да и отношения между взрослым и ребенком складываются совсем не такие, как между двумя детьми. А маленькие телепаты легко принимают необходимость заботиться о младенце, легко начинают любить подопечного. Старшие братья, старшие сестры, опекающие младших, неродных, но в том возрасте родство не имеет значения. Маленькие аристократы растут, учатся, познают мир и свое место в мире. И телепат, друг, брат, защитник — неотъемлемая часть их жизни. Обязательная часть.

Телепаты тоже учатся. Их учат правильно влиять на разум аристократов, создавать связь с хозяином, формировать зависимость, пробуждать нерассуждающую, самозабвенную и искреннюю любовь к Божественному Императору. Любовь, которая и делает аристократов из людей совершенными, многофункциональными куклами.

Двенадцать лет они вместе: аристократ и телепат, ближе друг к другу, чем близнецы, роднее, чем генетические родственники. В двенадцать лет аристократ проходит последний тест на соответствие нормам своего дома. Тогда же он получает от Божественного Императора приказ убить своего телепата.

И убивает.

Смысл жизни аристократа в том, чтобы выполнять приказы хозяина.

— Даже женщины?

Лукас знал, что не нужно об этом спрашивать, знал, что вонзает лезвие в рану, но... он не был посторонним, не был просто любопытствующим, просто священником, которому удалось добыть интересные сведения.

Он был аристократом.

И фон Нарбэ считали его членом семьи.

И в его семье... в его мирской семье все было так, как рассказал Андре?

— Ты не знаешь, да? — серые глаза снова изучали его лицо с пристальным вниманием, — ты думаешь, для нас есть разница между женщинами и мужчинами? Все-таки, монастырь испортил тебя, Лукас. Нельзя доверять аристократов священникам.

Улыбнулся. Протянул наполненный бокал.

— Наши женщины во всем равны мужчинам. Наши семьи создаются по любви, но дети, об этом-то ты знаешь, появляются не по воле бога от союза между мужем и женой, а по приказу главы дома — из принадлежащего дому генетического банка. Аристократки — не матери, аристократы — не отцы, семья — условность, необходимая для нормального развития психики. Нет никаких причин для разного отношения к представителям разного пола. Честно-то говоря, я и причин для создания нас разнополыми не вижу. Но... вкусы у всех разные.

Улыбка превратилась в ухмылку. Всего на секунду.

Что-то Скорда не выглядел счастливым от того, что может послужить хозяину.

Дэвид прав. Андре, действительно, не выглядит счастливым. Но еще вчера, выполняя приказ, уничтожая врагов Божественного Императора, он был абсолютно счастлив.

— И, кстати, Лукас, подумай вот о чем. Мы не боимся за того, кого любим. Ты вчера был довольно жалок, знаешь? Когда трясся от страха за Марта, боялся, что цитадель рухнет и твоего парнишку раздавит обломками.

— Настойка на жабах, — сказал Лукас.

Андре недоуменно нахмурился.

— Упоминание выпивки приготовленной из мертвых животных, — пояснил Лукас, сделав усилие, чтобы не улыбнуться, — лишает меня самообладания вернее, чем насмешки над моими страхами.

— Да пошел ты!

— Уже ухожу. Вот, — он выложил на стол перед Андре бохардат, — здесь данные об исследованиях.

* * *

Явая «Нетопырь», по документам принадлежащая какому-то шэнцу, а на деле, естественно, церцетарийская, ожидала их на частном причале. Они, в свою очередь, ожидали Марта. Лукас тестировал корабль перед стартом, Дэвид мечтал. Друг другу они уже привычно не мешали.

Даже не верилось, что работа сделана, и, наконец-то, все закончилось. Теперь можно возвращаться к жизни законопослушного, весьма обеспеченного, подданного. И с Сингелы больше ни ногой. Ближайшие пару лет — точно. Напутешествовался. Хватит. Всякая экзотика, типа океанов, гор и заповедников со зверьем, она и на Сингеле есть, сколько душе угодно. А то, вон, можно взять пример с Лукаса, и вообще на все это забыть. Сидеть дома, да смотреть образовательные каналы. Там тебе и природа, и животные, и последние изобретения, и все, что хочешь. Без риска для жизни. Без шизанутых поделщиков. И под толстым-толстым слоем атмосферы.

Дэвиду так понравились перспективы — толстый слой атмосферы особенно привлекал — что он нашел на чипе список девушек, с которыми успел свести близкое знакомство за месяцы мирной жизни, и стал задумчиво перелистывать видеозаписи. Какую-нибудь из прекрасных дам можно пригласить в гости. Сингела — подходящая планета, чтоб погостить. Список был невелик, но каждая девушка вызывала исключительно приятные воспоминания. Трудно выбрать. Проще, наверное, завести новое знакомство, где-нибудь там же, на Сингеле. Или приглашать всех по очереди?

Нет! Остепеняться, так остепеняться. Новая жизнь, новая женщина и ни-ка-ких извращенцев-аристократов.

Хотя, по правде говоря, компании шизанутых рыцарей будет не хватать. Привык.

Если совсем по правде, привык быть не один. Эти двое на себя не замкнуты, священники же, их, типа, учат сосуществовать в коллективе. Вот они и... сосуществуют. А коллективу неожиданно понравилось. Ну, ясно, когда привыкаешь к мысли, что на этих ребят можно положиться, они из обузы становятся помощниками. А когда ты одному из них разрешаешь к себе в голову залезть и внушить всякого — это уж вообще. Ну, и, понятно, живая тварь с тобой под одной крышей, это для психики полезно. Девушка не годится. От нее придется скрывать, кто такой Дэвид, и откуда он, а в собственном доме все время врать — это такие перегрузки, никаких предохранителей не хватит. Надо будет зверушку какую-нибудь завести. Собаку. Или еще кого. Раз уж рыцарей дома держать нельзя.

Дэвид ухмыльнулся и подключился к внутрикорабельной связи:

— Лукас?

— Да?

— А если б в доме тогда собака была, ты бы рискнул заявиться?

— Нет. Я бы тебя украл.

Вот гад, а! Когда его не видно, не поймешь, всерьез он или издевается.

— Это как?!

Тишина в ответ.

Дэвид вздохнул, встал из кресла и пошел в рубку.

— Не знаю пока, — сказал Лукас, не оборачиваясь, как только Дэвид откатил дверь в рубку, — не думал об этом. Догнать на машине, парализовать и — в мешок.

— В какой мешок?!

— С отверстиями для дыхания.

— Ящерица, — мстительно сообщил Дэвид. — Это будет ящерица. Самец, — уточнил он, в ответ на удивленный взгляд. — Он все время будет молчать, и глазами лупать.

Лукас ошалело моргнул, и Дэвид нанес последний удар:

— Я назову его Лукас. И научу пить чай.

«Нетопырь» должен был доставить их на Воктер — ближайшую шэнскую станцию. Никакой таможни не будет, ничего такого. Даже жаль, что контрабандой вывезти нечего.

Дальше пути расходились.

Дэвид сидел в кресле второго пилота, вдруг преподобный один в рубке заскучает, и перебирал каталоги сетевых зоомагазинов в поисках подходящей ящерицы. Не вовремя задумался над тем, что еще десять минут назад так же точно перебирал девушек. Ну, почти так же.

— Лукас?

— М?

— Март-то где пропадает? Скоро сутки, как улетел.

— Не знаю, где именно. Он с Андре.

— Чего?!

— Хм, — Лукас покосился на него, — что такое?

— Мальчик потерял для женщин, — с горьким пафосом сказал Дэвид. — Последний оплот пал. Мы проигрываем битву за естественные отношения. *Они* повсюду!

Как обычно, услышав слишком много слов на непонятную тему, Лукас на секунду завис. О битвах за естественные отношения он, понятное дело, никогда не слышал. И что Март — последний оплот, ему в голову не приходило. Система у преподобного многозадачная, быстродействующая, с отличным фильтром спама, ее как зря не перегрузишь. Но Дэвид там прописан, как источник заслуживающей доверия информации, поэтому Лукас честно пытается информацию обработать. Ну, и виснет. Ага.

— Я не думаю... — посмотрел настороженно, чуял, что издеваются, но не мог понять, в чем подвох. — Не думаю, что Скорда может так сильно повлиять на предпочтения Марта. Не беспокойся об этом.

Бедолага. У него забота о мирянах на уровне рефлексов.

— Давай чаю принесу, — буркнул Дэвид. — Зануда ты, все-таки, преподобный.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

«и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет Господь моим Богом»

Бытие (28:21)

На Воктере было очень многолюдно. Все странноприимные зоны работали с предельной нагрузкой, корабли уходили каждый час, но мирян, казалось, не убывало. Люди

бежали из Баронств, и создавалось впечатление, что население всех четырех планет устремилось на Воктер, что в Баронствах остались только обитатели Роя, да и они готовы в любой момент убраться в нейтральное пространство. Те, у кого есть возможность, конечно.

Те, у кого возможности не было, рвались из Роя на планеты.

Думали, что там безопаснее. Станные люди. Чем смерть на планете лучше смерти в пространстве?

Лукас и Март на «Нетопыре» должны были продолжать путь до встречи с тангой «Танриверди». Задача: передать «Нетопыря» пилоту «Танриверди», принять управление тангой, и на максимально допустимой для мирян глубине следовать к «Святому Зигфриду».

Уходили из монастыря, как дезертиры. Возвращаются как с обычного боевого вылета. Воистину, Господь создал для людей непредсказуемый и очень странный мир.

Дэвида ожидала зарезервированная церковью каюта в первом классе фанаки «Легана».

Лукас не поленился заглянуть на «Легану», осмотрелся, поговорил с экипажем. Нужно было убедиться, что все в порядке, и Дэвид будет на фанаке в безопасности. Убедился. Дэвида приняли за священника, а когда он попытался возражать, его приняли за священника, путешествующего инкогнито. Помня, что злорадствовать нехорошо, Лукас воздержался от комментариев. Терранину предстоял интересный перелет в обществе людей, уверенных, что знают его тайну, и прикладывающих массу бессмысленных усилий к ее сохранению.

А за пару часов до старта Дэвид завел вдруг неожиданный разговор.

— Я тут свой счет проверил, — начал он издали и непонятно.

Лукас был уверен, что миряне — те, у которых есть деловые задатки — регулярно проверяют состояние своих счетов. И Дэвид всегда казался ему мирянином с деловыми задатками. Задавать вопросы Лукас не стал. Раз Дэвид заговорил на эту тему, значит, ему есть что сказать, не так ли?

Тот сказал. Насупился и мрачно поинтересовался:

— У тебя что, лимит наводящих вопросов? Хоть бы хмыкнул из интереса, что ли. Мне надо снова привыкать к общению с людьми, наделенными даром речи. Мог бы помочь.

Нет. Не мог бы. И Дэвид прекрасно об этом знает.

— Насчет оплаты, — буркнул терранин. — Ты мне заплатил за работу еще до того, как мы улетели с Сингелы. Я не знал.

— На всякий случай, — объяснил Лукас. — Если бы меня убили или заморозили счет.

— Там больше, чем мы договаривались.

— Боевые. И четверть вознаграждения за убийство Чедаша.

— Короче, я это к чему. Там сильно больше. По справедливости, моя должна быть четверть за Чедаша и половина от оговоренной платы за работу. У меня расценки на меня одного, а мы с тобой, если уж честно-то, пополам все сделали.

Это было очень неожиданно. И непонятно. Дэвид отказывался от заработанных денег? Почему?!

— Так у тебя ж ничего не осталось, — с убийственной простотой ответил тот.

Неожиданно. Вот уж правда.

— Я богат, — Лукас постарался не улыбнуться.

— Да знаю я, — отмахнулся Дэвид. — Март мне говорил. Боевые все эти, трофеи, все такое. Но ты ж к роскошной жизни привык, из юкори-зон носа не выходишь. Никаких трофеев не хватит.

Стало не по себе от внезапного понимания того, в насколько же разных мирах они обитают. Не потому, что один киборг со Старой Терры, а второй — священник церкви Шэн, а потому что один — человек, хоть и киборг, а второй, хоть и священник, до последнего времени даже не представлял себе человеческой жизни.

То, что для Дэвида много, настолько, что он счел это излишком, для Лукаса... просто какое-то количество денег. Вознаграждение за убийство Чедаша даже не добавило нулей к его счету.

И разве тут есть чего стыдиться?

Получалось, что есть. Потому что стыдно-то было. Непонятно только, почему и за что.

— На мой век хватит, — заверил Лукас. — Даже с учетом роскошной жизни.

— Чего-то ты, преподобный, недоговариваешь, — Дэвид смотрел с подозрением, — чего-то ты темнишь. Ну, да и хрен с тобой. Март, кстати, обещал, если будете рядом с Сингелой, в гости зайти. Я бы и тебя позвал, да ты ж ящерицы испугаешься.

Лукас кивнул.

Конечно. Испугается. Почему бы и нет? Вряд ли ящерицы лучше жуков. А про жуков и вспоминать не хочется.

— Если что-то понадобится, — сказал он, закрывая скользкую тему, — я буду рад помочь. Ты сможешь связаться со мной или Мартом через церцетариев.

— Если что-то понадобится тебе, — Дэвид не потрудился хотя бы изобразить вежливость, — я помочь буду ни хрена не рад. Но ты обращайся.

* * *

В тот день, когда они состыковались с «Танриверди» была вторая годовщина смерти Джереми Бёрка. Вечером, после молитвы, Март увидел, как Лукас снял с шеи цепочку с белой ильгией.

Встретил взгляд Марта и сдвинул цветок в пальцах, безжалостно смяв металлические лепестки.

— Я молю Господа, чтоб мне никогда больше не пришлось носить это. Ты уж постарайся, чтоб молитвы не пропали втуне.

— Постараюсь, — пообещал Март. — Мне ильгии тоже душу не греют. Лучше долго, счастливо, и если вдруг, то — в один день.

Траур закончился. Осталось свершить месть.

«Танриверди» оказалась не просто тангой, а моделью «Байя-СП», «СП» — «специальный пассажир». Март о таких слышал. В Капелле ходили слухи о кораблях, приспособленных для перевозки псиоников, мол, там переборки из особого материала, экранирование воздействия, подавление способностей. Просто слухи. Потому что нет никаких материалов или составов, «экранирующих» от псионического воздействия. Подавление способностей — это другое дело. В вентиляцию пассажирских кают, или в покрытие переборок можно добавить токсичные вещества, которые изменяют состояние сознания, погружат в сон, в апатию, просто вызовут непреодолимую слабость. Таковую, что хоть ты сто раз псионик, все равно растечешься лужицей и ничего тебе будет не надо. Кстати, о лужицах, в «Байя-СП» несколько независимых генераторов гравитации, так что если «специальный пассажир» не из их тех псиоников, которые прошли обучение в Капелле, и умеют работать в боевых или приближенных к боевым условиям, достаточно просто изменить в его каюте силу тяжести. Тоже не до пси-способностей станет.

Короче, как специально подгадали им с этой «Танриверди». Ну, честное слово, меньше всего хотел когда-нибудь оказаться в рубке такого корабля. А, может, и правда, специально?

— Поздравляю с паранойей, — не без яда отреагировал на опасения Лукас. — Хорошая болезнь. Но не наша. С этим — к церцетариям, в контрразведчики.

Что тут скажешь, умеет командир успокоить. Церцетарии на «Танриверди» были повсюду, вся команда из них. Да не кто-нибудь, а монахи из дивисио по борьбе с псионическими преступлениями. Март, пока шли в точку встречи, готовился к тяжелому полету, к постоянному надзору, ясно же, что следить будут за каждым шагом. Псионик, все-таки.

Успел в Баронствах забыть, кто такой Аристо.

Правда ведь. Забыл. Там прятались, все время прятались, ввали, следы пугали, жили, как преступники, Март так в монастыре жить привык, вот и в Баронствах легко втянулся.

А здесь, в пространстве Империи, на корабле Империи прятаться не надо, и незачем

врать. И Лукас, он же герой. То есть, здесь он герой не только для Марта. А сам Март... тоже герой. Сдуреть можно. И ведь всё так и есть.

Все так и было.

А пилотировать корабль, перевозящий особо опасного преступника — такая же работа для рыцаря Десницы, как боевые вылеты или конвои. В том, что преступник по-настоящему опасен сомневаться не приходилось. Церцетарии были настроены очень серьезно, вахты сменялись каждый час, в экипаже на двадцать человек команды четыре исповедника, дважды в сутки обязательная исповедь, в любое другое время можно просто прийти и поговорить, если что-то беспокоит. И очень важно добраться до «Зигфрида» как можно быстрее. Там уже ждет смена.

Архимандрит сказал, что по возвращении в монастырь им предстоит пройти тесты на выявление следов пси-воздействия. Если все будет нормально, Лукас с Мартом поведут «Танриверди» дальше. Уже напрямик в Столицу. Их псионик явно не рядовой боец Капеллы. Неужели поймали кого-то из командиров? Но кого? И как? И... что будет с Капеллой?

Март ловил себя на этих мыслях, злился и гнал их из головы. «Мне это неинтересно» затвердил, как мантру.

— Но тебе интересно, — сказал Лукас. — Это естественно. Рано или поздно мы все узнаем, а пока просто наберись терпения.

— Как это мы узнаем? — Март не думал, что орден Всевидящих Очей упустит такую информацию, или поделится ею.

Лукас в ответ лишь головой покачал. Ну, понятно. Изнанка орденов, закулисные ходы и лазейки. Для Марта это до сих пор неизведанные области, а Лукас там живет с рождения. И он прав, волноваться из-за того, что нормально, значит, пренебречь чем-то, что может оказаться ненормальным. Занятый переживаниями по поводу слишком сильного интереса к неведомому псионику, Март действительно мог попасться на крючок.

Вроде, пока не попался.

По крайней мере, специально обученные исповедники не замечали в нем признаков чужого влияния. И Лукас тоже. Исповедовался-то Март, все-таки, Лукасу, а не одному из церцетарийских психологов. К церцетариям оба приходили только на обязательную ежедневную проверку, потому как техника безопасности — это одно, а исповедь — совсем другое. И не надо смешивать.

Март следил за собой. И за Лукасом приглядывал, а как же иначе? Поэтому момент, когда пленный псионик пошел на контакт, Март засек. В Капелле его учили этому: постоянно быть настроенным на взаимодействие, в любой момент быть готовым к встрече с очередным связным, быстро и легко ловить телепатический сигнал... Открывать телепату разум было не нужно, то есть, нужно, конечно, но только тому, кто знает верный пароль, а вот пойти на контакт, обменяться позывными — это обязательно. Этому научили так хорошо, что оно получалось рефлексивно.

Вот и сейчас. Получилось.

Март принял сигнал и ответил раньше, чем успел запаниковать. Ну не умел он, до сих пор не умел бояться своих. Хоть никакими своими псионики уже не были, страха перед ними, естественного для людей, не было тоже. Откуда бы ему взяться?

А она так обрадовалась, до слез. И теперь уже точно не получилось бы испугаться. Потому что девчонка же, почти ребенок. Напуганная чуть не до смерти. То, что ее кто-то услышал и отозвался, для нее настоящее чудо. Март помнил себя, помнил, как рад был контакту с телепатам в юкори-зоне Яблонево́й. Он там был среди друзей, в полной безопасности, свободный и вооруженный, и все же сигнал связного Капеллы показался подарком судьбы. А эту девчонку окружали враги, ее одурманили наркотиком, заперли, везли куда-то, зачем-то, и — самое страшное — вели себя так, словно ее не существует. Этого и взрослый-то человек не выдержит, а каково ребенку?

При всем уважении к ордену Всевидающих Очей, их жестокость чрезмерна. Уважение перенято у Лукаса, оно не свое, заемное. А злость и недоумение — свои. Естественные. Неужели церцетарии не понимают, что нельзя относиться к детям, как к врагам? Что это... да ненормально это, вот так обращаться с пятнадцатилетней девочкой. Она же человек! Хоть и псионик. Ей страшно, ей плохо, она все время плачет, и никто из них, ни разу ее не пожалел. Или они элементарное сочувствие расценивают как пси-воздействие, и немедленно идут к исповеднику?

Хорошо, если так.

Потому что если им действительно наплевать, то... неизвестно тогда, кто здесь настоящие нелюди.

Март знал, что у них есть только одна возможность поговорить. Лукас, когда узнает, сразу велит доложить о контакте церцетариям. А те сделают что-нибудь, позаботятся о том, чтоб Аня больше ни с кем не могла связаться. Она так назвалась: Аня. И это тоже было очень по-детски, уменьшительное имя, никакой фамилии, ничего. А Март сказал, что он — рыцарь Десницы, и честно предупредил, что расскажет обо всем командиру, потому что никаких секретов от братьев и... потому что он выбрал свою сторону, и Капелла теперь его враг.

Она ничего не знала о Капелле.

Господь милосердный, она не знала о Капелле, она не была бойцом, она не была даже из семьи бойцов. Самый обычный ребенок. Она вообще не понимала, что случилось, за что ее мучают, что будет дальше. Забрали прямо из школы, с уроков, не позволили зайти домой, не позволили позвонить маме, просто вырвали из жизни.

Навсегда.

А она до сих пор не могла поверить, что действительно навсегда. И пока даже не догадывалась о том, что ее маму продали в рабство. В отношении телепатов и их семей закон беспощаден.

Очень сильный телепат. Только сама Аня об этом и не подозревала, пока не оказалась в церцетарии. И каково же ей было узнать о том, что она — нелюдь, ей, выросшей в нормальной семье, с нормальными родителями. И боящейся телепатов, как любой нормальной человек.

Теперь ее везли в Столицу.

Зачем?

Лукас выслушал, не перебивая, не уточняя, даже не поправил ни разу. Хотя Март от волнения и злости забыл порядок доклада, повторялся, задавал риторические вопросы и позволял себе не относящиеся к делу комментарии.

Когда он выдохся, Лукас еще какое-то время молчал. От этого молчания в их каюте стало неуютно. Будь места побольше, Март бы, пожалуй, замерз. А так, Лукас был слишком близко, чтоб стало по-настоящему холодно.

Как Дэвид это называет? Фризинг девайс... Оно самое и есть, точно.

— Зачем ее везут в Столицу, я выясню, — Лукас, наконец, снизошел до ответа. Он был зол. Злился на Марта. И злился справедливо. — А ты молись и отправляйся к исповеднику. Если я от кого-то, кроме тебя узнаю, что ты считаешь действия церцетарии неоправданными, а методы слишком жестокими, я отстраню тебя от полетов на месяц.

— Понял.

Это значит, надо успокоиться и убедить себя в правоте церцетариев вообще и экипажа «Танриверди», в частности. Лукас думает, медитация в этом поможет. Март предпочел бы иллюзию.

Что будет дома? Лететь на «Танриверди» дальше ему точно не позволят. Отправят Лукаса одного? Могут. На «Зигфриде» слишком привыкли к тому, что он — одиночка. Пока отец Джереми был жив, они с Лукасом хоть и считались напарниками, не летали вместе семь лет. Каждый — сам по себе. Каждый сам себе ведущий, а в ведомых — кто под руку

подвернется, или кому тренировка нужна.

Сейчас все изменилось, но изменилось-то оно не на «Зигфриде». Без свидетелей. Так что Лукаса запросто отправят в Столицу без Марта, потому что это самое логичное. Аню нужно доставить туда как можно скорее и как можно безопаснее, а кто еще умеет так же виртуозно, как Лукас, летать на самой границе смертельных для мирян глубин «подвала»? Демоны, вот они, толпятся вокруг, отгоняемые только постоянной молитвой вахтенных. Нырни чуть глубже, и молитва не спасет. До священников демоны не доберутся, но Аню сожрут живьем.

— Лукас, а как ты выяснишь? Насчет Столицы.

Взгляд в упор. Фиолетовые глаза потемнели, утратив прозрачность.

Молчание.

И вдруг — улыбка, от которой становится теплее и гораздо спокойней:

— Просто. Спрошу.

...Действительно, просто спросил. Специальных усилий прикладывать не пришлось, хотя готов был надавить, если понадобится. Привык в Баронствах, не задумываясь, цеплять на крючок, морочить голову, душу вынимать. Постоянная практика в таких вещах до добра не доведет, теперь приходится себя останавливать, напоминать, что сначала-то можно и просто поговорить.

Отец Амсель, командир группы сопровождения, готов был рассказать все, что знает. Никаких приказов о сохранении тайны личности пассажирки у него не было, да только даже о том, что это пассажирка, а не пассажир, отец Амсель узнал от Марта.

— Нам ее вывели, мы на тангу сопровождали, и всё. Никаких больше контактов. — Объяснил он Лукасу. — В робах и масках они все одинаковые, а мы не приглядываемся. Телепатов ведь возим, не кого-нибудь, о них чем меньше думаешь, тем лучше. Отец Март вот задумался. И что хорошего?

Возразить было нечего.

— Она не из Капеллы, не по нашей части. Мы же не всех подряд псиоников ловим, только преступников, а остальными Пастыри занимаются, ну, или, если телепаты, за теми аристократы охотятся. Эту, наверное, тоже они нашли. Даже без «наверное». Если не мы, значит они, кому больше-то? А мы только перевозчики, если везти быстро надо. — Отец Амсель развел руками, — наши пилоты, конечно, рыцарям Десницы не чета, но, все-таки, быстрее мирян летают. Ну, вот так оно и вышло. Получили приказ забрать объект с Беца — там мирской научный центр есть — и доставить в Столицу. Телепатов людьми не называют, только объектами... отец Лукас? Все хорошо?

Лукас молча кивнул. Телепатов не называют людьми. Это тоже одно из правил безопасности. Нельзя причислять нелюдей к людям. Но телепаты — как и все псионики — все-таки, люди.

— Мирской центр?

— Да. Его Императорского Величества медицинский научный центр «Милосердные Асклеиады». Такими исследованиями всегда миряне занимаются.

Тоже верно. И обычно «Байи-СП» не пилотируют рыцари Десницы. У ордена Всевидающих Очей действительно есть свои пилоты, способные спокойно, без спешки, в относительной безопасности, привести корабль в пункт назначения. Рыцарей привлекают в том случае, если пассажир представляет исключительный интерес.

Для кого?

Определенно, не для церцетарии. Но кому же, в таком случае, настолько не терпится заполучить эту телепатку, что к ее перевозке привлекли Аристо? Гордыня, там, или нет, а Март прав — не по ним работа.

— Дом Гарвей на нее права предъявил. Аристократы. — Последнее слово отец Амсель произнес с крайним неодобрением. Правда, тут же кашлянул и смущенно поскреб затылок, — аристократы, я хотел сказать, разные бывают. На телепатов во всех Благородных

Домах спрос. Которые помладше — нарасхват, за них, говорят, даже дуэли бывают. Не знаю, что там с ними делают, не наша это забота. Что те нелюди, что эти... То есть... простите, отец Лукас, чуср попутал. — Церцетарий окончательно растерялся. И зря. Совершенно очевидно, что он не числит Лукаса среди нелюдей, попросту забывает, что его собеседник тоже аристократ. Вспоминает, жаль, не вовремя.

— Дом дю Гарвей?

— Ну. У всего ордена на зубах навяз. Мирская госбезопасность. Вечно у них с дивисио разведки и контрразведки грызня. Сейчас вот, вынь да положь им телепата, да не какого-нибудь, а именно этого. И ведь как приспичило-то, если даже вас привлекли.

— Нам с Мартом просто оказалось по пути.

— Угу, — без особого доверия кивнул отец Амсель, — отец Лукас, а у Десницы с фон Нарбэ как?

Лукас поднял бровь. Вспомнил вдруг претензии Дэвида по поводу наводящих вопросов. Точнее, по поводу их отсутствия.

Сумел не улыбнуться.

А Дэвида не хватало, что правда, то правда.

— Я насчет конкуренции, — отец Амсель движение брови истолковал правильно. — Кораблестроение под их началом, пилотские и навигационные школы тоже под ними, вообще вся отрасль у них, только боевые пилоты — у церкви. Десница с фон Нарбэ как? Уживается нормально?

— Столкновений никогда не было.

И более того, дом Нарбэ позволил ордену Десницы вырастить и воспитать своего бастарда. Отец Александр говорит, они даже не настаивали на его уничтожении, хотя бракованный генетический материал положено сразу по выемке из инкубатора отправлять в утилизатор. Фон Нарбэ всего один раз предложили утилизатор или, так уж и быть, эвтаназию, отец Александр категорически отказался, тем дело и кончилось.

— Хорошо вам, — простодушно заметил отец Амсель. — Не лааетесь. Даже, можно сказать, сотрудничаете. Вы, вон, и фон Нарбэ, и рыцарь-пилот, и все довольны. А мы с Гарвеями из-за разведывательного дивисио всем орденом на ножах. Конкуренция! Придумали тоже. Как будто, есть, что делить. Как будто мы у них похвалу хозяйскую отнимаем. Нет бы, вместе работать...

Сразу после разговора, Лукас заступил на вахту. Марта отправил спать в приказном порядке. Тот изводился от любопытства, но не в рубке же обсуждать такие темы. Их вообще лучше бы не обсуждать. Жаль, выбирать не приходится.

Девушку везут дю Гарвеям. Зачем — понятно. Об этом Андре рассказал доступно и в подробностях. Андре... хм. А дю Гарвеи — семья, возглавляющая мирскую разведку и контрразведку. Неужели довелось в Баронствах столкнуться с одним из них? По слухам, у дю Гарвеев с фон Нарбэ скверные отношения. Впрочем, не все ли равно? Ни до тех, ни до других дела нет, и не должно быть. Просто вспомнилось случайно и не вовремя о том, что Лукас фон Нарбэ — нелюдь, да еще и бракованный, вот и задумываешься невольно о себе подобных. А задумываться не надо. Незачем.

Вся эта история... что-то здесь нехорошо, что-то не так. Подсунули Марту эту девочку, именно теперь, когда он знает, как используют телепатов, и может предположить, что ее ждет.

Провоцируют...

Неужели, действительно, провоцируют?

Но кто? Не церцетарии ведь.

Лукас машинально сделал знак от дурных мыслей. Еще не хватало подозревать братьев! Как будто мало на совести других грехов.

Все это чушь, просто паранойя заразна. Курс «Танриверди» был проложен сорок пять суток назад. Тогда еще никто не знал, как и какими путями они с Мартом вернутся в

Империю. Точнее, тогда и они с Мартом, и Десница и церцетария, были уверены, что в Империю они не вернутся. До появления отца Климента, до известий о том, что Господь в бесконечном милосердии своем, отвел от дезертиров заслуженную кару, оставалось еще тринадцать суток.

То, что они здесь — промысел Божий. Возможно, испытание для Марта. Через восемь часов, когда вахта закончится, придется сказать ему, что девушку отдадут аристократам. Март, разумеется, захочет ее спасти. И это правильно. Но поймет ли он, что им уже не придется быть вдвоем против законов и Устава? Это же не месть, которой нет никаких оправданий, кроме невозможности смириться и ждать. Спасение мирянина, не важно, псионик он или нет — всегда благое дело, поэтому милосердие и любовь церкви будут на этот раз поддержкой, а не помехой.

* * *

Почему им обоим даже в голову не пришло, что «страшная тайна аристократов» для кого-то может оказаться вовсе не тайной? Позже, возвращаясь в воспоминаниях к тому дню, когда «Танриверди» состыковалась со «Святым Зигфридом», Лукас думал, что они сами просто восприняли рассказ Андре слишком... болезненно. Аристократ и псионик, естественно, им сложно было остаться равнодушными или, хотя бы, сохранить способность к здравой оценке ситуации, которая лично касалась каждого из них.

Оправдания. Объяснения.

Когда появилось время подумать обо всем этом, его оказалось достаточно, чтобы оправдать и объяснить все, что угодно.

А в тот день...

Обычная процедура проверки безопасности. Один за другим открывающиеся шлюзы. Родная палуба под ногами.

— Дома! — Март, наверное, и не представлял, какая у него на лице блаженная улыбка, — эхес ур, ну, наконец-то!

И остается только молча кивнуть. Да, наконец-то, они дома. Сейчас в голове не укладывается, о чем думал, когда улетал? На что надеялся? Восемь месяцев прошло. Неужели всерьез рассчитывал выдержать в миру столько времени?

Не выдержал бы, если бы не Март.

— Ведомый. — Лукас улыбнулся. — Всегда прикроет.

Он произнес это одними губами, но Март услышал. На секунду обнял за плечи:

— Даже не сомневайся.

А потом они вышли из шлюзового коридора во двор, и братья обступили со всех сторон, со всех сторон взгляды, улыбки, приветствия, поздравления с возвращением без потерь. Все как всегда. После долгих командировок, после боевых вылетов, после любой опасной операции встречают именно так. Господи, спасибо Тебе, что есть во вселенной место, где все и всегда правильно!

Но времени на то, чтоб переброситься с братьями хотя бы парой слов, пока не было. Двухчасовая стоянка. Смена экипажа на «Танриверди», штатный техосмотр, пополнение запасов провианта — и снова в путь. За это время нужно успеть посетить психолога, пройти тесты на пси-воздействие, сжечь ритуальные моны на алтаре Джереми. И повидаться с отцом.

Последний пункт, на самом деле, первый. Потому что отец, вот он. Вышел лично встретить блудных рыцарей.

Март, только что гордый и радостный, как и положено герою, победителю одного из вольных баронов, стусевался и сделал попытку спрятаться за спину Лукаса. Учитывая разницу в росте, попытка была обречена на провал, но Лукас сжалился. И, со всей искренностью улыбнувшись приближающемуся настоятелю, приказал Марту сию же

секунду отправляться в келью, и всей душой отдаться подготовке к долбанным тестам.

Понятно, что тесты Март не пройдет. Он их уже не прошел. Но элементарное милосердие требует избавить его от разговора с архимандритом.

Отец все понял, конечно. От комментариев воздержался. Только хмыкнул, когда Март исчез, как и не было.

— Ваше высокопреподобие... — Лукас склонился под благословение. Поцеловал сильную, большую руку. На долю секунды закрыл глаза, вдыхая знакомый, такой родной запах тепла, стали и ладана.

— Мальчик... — отец крепко обнял его. — Сколько же от тебя хлопот, Лукас фон Нарбэ. С возвращением.

* * *

Вернулся, чтобы через пару часов улететь снова. Велик соблазн задержать вылет «Танриверди», и полномочия есть, и повод... можно придумать. Можно даже не придумывать, задержать и все. Архимандрит в монастыре полновластный хозяин.

Настоящий повод, вот он. Сидит в кресле рядом. Рассеянный, растерянный. Смотрит вниз, тени от ресниц темными полукружьями, глаз не видно. Он еще не здесь. Он дышит воздухом монастыря, он чувствует кожей привычный, неизменный гул двигателей, он слышит радость братьев, уже не чаявших увидеть его живым. Но он не здесь. А значит задерживать вылет нельзя. Мальчику необходимо уйти, чтоб окончательно вернуться.

— Вас ждут в Столице, — сказал отец Александр. — Вы представлены к награде. Все четверо.

К тому, что если можно промолчать, Лукас молчит, архимандрит привык. Комментарии к своим словам не ожидал. Но хотя бы взгляд вопросительный, хоть движение брови. Не может же быть, чтоб вопросов не возникло. О том, что это за награда такая, которую непременно нужно получать в Столице? Или о том, что это за награда, которую в Столице вручат псионику? Или, хотя бы, о том, на кой лха Лукасу еще награды? На парадной форме и так уже нет места для орденских планок.

Нет. Ни одного вопроса. Слышал ли, вообще?

Слышал. Поднял взгляд.

Фиолетовые глаза — дрожь от них пробирает, заново нужно привыкать и к этому цвету, и к этой бездонной прозрачности.

Лукас изменился. Не в последнем вылете. Нет. Он изменился, когда погиб Джереми. И продолжает меняться.

— Авва, на «Танриверди» заперта пятнадцатилетняя девочка. Думаю, я везу ее на смерть.

Вот так. Лукас заговорил, теперь самое время пожелать, чтоб он всегда, все время молчал.

Отец Александр не перебивал его. Слушал. Не такой видел их встречу, но уже за то надо быть благодарным, что вообще получилось встретиться, что не попустил Господь стать врагами. А Лукас... не понимает, что жив только чудом? Не ценит божьего милосердия?

Да нет, какое там! Лукас просто снова делает то, что должен. Меньше всего заботясь о том, что станет с ним самим. Он создан защищать мирян, и он их защищает. Сейчас под его защитой девочка-псионик, которую собираются убить потому, что она неизлечимо больна. Больна телепатией.

Да, аристократы делают это. И нет, ни в коем случае Лукасу нельзя было об этом знать. Об этом вообще никому знать нельзя. Тайна аристократов доверена лишь высшим чинам трех старших орденов.

И Лукасу фон Нарбэ. Аристократу. Священнику. «Отмеченному ангелом», что бы ни значили эти богохульные слова.

— Март знает? — спросил отец Александр.

Мгновенно расширившиеся зрачки. Окаменевшее в неживом спокойствии лицо. В голосе — лёд.

И сталь.

— *Вы* знаете.

Эмпатия — это дар или проклятие? В последний раз отец Александр чувствовал себя так пятнадцать лет назад. Тогда окончательно было принято решение о том, что бастард фон Нарбэ останется жить, но это стоило такой крови, таких уступок со стороны монастыря и ордена, что... смириться с потерями оказалось непросто. Тогда Лукас и сказал это. Сказал: «вы жалеете о том, что не дали убить меня». Просто констатировал факт. Ему было тринадцать, и он уже давно умел вести себя так, как будто вокруг нет ничего, способного вывести его из равновесия. Понимание, что отец сожалеет о том, что он жив, тоже не вызвало никаких эмоций.

Ни одна из ран не отдавалась в памяти такой болью.

В тот день отец Александр ответил: «я выкупил не только жизнь своего сына, но и залог спасения для всех аристократов. За это стоило заплатить».

Что сказать сейчас? А сказать что-то нужно, причем, немедленно, пока Лукас не взорвался и не сорвался. Он ведь не вспомнит о медитации. А самоконтроль лишь ту же взводит пружину врожденного проклятия. Все аристократы прокляты жаждой убийства.

И ничего не изменилось за пятнадцать лет.

— Я знаю. — Мягко и спокойно произнес отец Александр. — Мы все знаем. Митрополиты, главы трех орденов, Великий Кардинал. А ты — наша единственная надежда остановить это. Залог спасения. Как тогда, так и сейчас.

Так и было. Лукас всегда знал, что живет под прицелом, что от него зависит, получают аристократы свободу или навсегда останутся рабами. Теперь он знает еще и о том, что от него зависит жизнь детей-телепатов. Это ничего не меняет. Это не должно ничего изменить.

О чем Лукасу лучше было бы не знать, так это о том, что из-за него резко выросло количество убитых. Он еще не понял этого, но сообразит уже вот-вот. Как только справится с гневом и начнет рассуждать.

С того памятного дня, когда стало ясно, что ему позволили жить, аристократы словно с ума посходили. Один за другим Дома стали просить у Божественного Императора позволения обзавестись еще одним ребенком. А через год — еще. И еще. Они спешили сделать своих детей рабами, потому что считали рабство счастливейшей из частей. Знали, что рано или поздно бастард дома Нарбэ докажет: аристократы способны выбирать между добром и злом, способны отвечать за свои поступки, и тогда появится поколение, у которого не будет хозяина.

Не зря их считают нелюдями — людям их не понять.

Вот уже пятнадцать лет Дома спешат создать новых детей, эти дети получают рабское клеймо, убивают телепатов; на следующий год появляются новые дети... Спрос на телепатов резко вырос, а больше их не стало. Так что теперь аристократы уже не были так переборчивы, как раньше, когда им непременно требовались жертвы младше десяти лет. Теперь и девочка-подросток — ценный приз.

И с этим нужно смириться.

Время еще не пришло. Когда оно придет, Божественный Император сам даст аристократам свободу, и больше не будут убивать детей, и церковь обретет новую паству. Все произойдет естественно и мирно — это самое главное: мир и естественность.

И надо ли напоминать, что случится это или нет, зависит от Лукаса?

— Спасибо, я помню, — отрезал Лукас. — Еще раз по пунктам, ваше высокопреподобие. Божественный Император дал мне время доказать, что аристократы могут жить как люди. Аристократы спешат, пока не началось, создать как можно больше себе подобных. Девочка на «Танриверди» — просто еще одна жертва на алтарь грядущей справедливости.

— Еще одно доказательство твоей лояльности, Аристо.

«Ваше высокопреподобие» — последнее, что хочется слышать, встретив сына после восьми месяцев разлуки. Но это ведь Лукас, так уж он устроен, что любые эмоции превращает в прозрачный, фиолетовый лед.

Так безопаснее.

— Убить ее, значит спасти жизнь тем, кто будет после. Понимаю. — Лукас встал. — Разрешите идти, ваше высокопреподобие.

— Не разрешаю. Сядь. — Отец Александр дождался, пока сын выполнит приказ. — Хотел бы я ошибиться, но, по-моему, ты винишь меня и других иерархов в том, что убийства телепатов продолжаются.

— Вы ошиблись. Я даже себя в этом не виню.

— Тогда на что же ты злишься?

— Мне. Нельзя. Злиться. Ваше высокопреподобие. — Вздохнул. Медленно выдохнул. Про себя, наверняка, прочел «о ниспослании сердцу кротости». Привычка на уровне рефлексов. Полезная привычка. — Разрешите идти.

— Убирайся, — архимандрит махнул рукой, — и чтоб я тебя не видел, пока не перебесишься.

О том, что через полтора часа Лукас вновь отправится в многомесячный полет, он тогда даже не вспомнил. Слишком был зол. Это еще вопрос, кому надо перебеситься, оба хороши, оба друг друга стоят.

Глава 2

«Все пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души»

Книга притчей Соломоновых (16:2)

Как же так получается, что путь нарушения законов, хоть и тернистый, но прямой и угоден Господу, а путь следования закону свободен от терний, но... так извилист, что не получается по нему идти.

А ведь шел же двадцать восемь лет. Не сбивался, не сворачивал, не задумывался.

Не знал потерь.

Хорошо, что месть за Джереми свершится теперь сама. Выстрел сделан, цель обречена, а присутствие стрелка уже не обязательно. Если бы от него все еще что-нибудь зависело, девочке пришлось бы умереть. Сколько мирян уже принесено в жертву мести?

Четырнадцать. Анна могла бы стать пятнадцатой. Ей повезло.

Март, выполняя приказ, сидел в келье. Но стоило Лукасу переступить комингс шлюза, защищающего подходы к кабинету архимандрита, тут же вышел на связь:

— Какие будут приказания?

Ведь не спросишь же прямо, как прошли переговоры. Не та тема, которую можно обсуждать в монастыре, не позаботившись о защите от прослушивания.

Никаких секретов от братьев? Ну-ну.

Как дошли до жизни такой?

Лукас улыбнулся:

— Двигай ко мне, рыцарь. Встретимся у ЦУП.

Он все еще был командиром «Бальмунга», все еще имел право доступа в любую точку монастыря, начиная с центра управления полетами и заканчивая конструкторскими бюро на скрытом в недрах «Зигфрида» заводе. Руководитель полетов, отец Андрей, был на месте, и был занят, разруливая какую-то аварийную ситуацию. Увидев Лукаса, он передал дела заместителю, встал поздороваться:

— Вернулся, Аристо! Рад видеть, рад. Жаль, что ненадолго. Сколько там у тебя... восемьдесят минут до вылета?

Отец Андрей действительно рад был повидаться, но мысли его явно оставались с запросившими помощи пилотами. Идеальная ситуация. Даже усилий особых прилагать не придется:

— «Танриверди» стартует через десять минут, — сказал Лукас. — Я запрошу разрешение, и ты мне его дашь. Это очень важно, Андрей. Очень.

— Десять минут? — отец Андрей хмыкнул. — Ладно, надо так надо. Тебе виднее.

Лукас молча кивнул. Ему, действительно, было виднее.

На выходе из центра, его перехватил Март. Пошел рядом, не задавая вопросов. От ЦУП до стыковочного шлюза с «Танриверди» идти и идти, тут не до разговоров.

Лукас заговорил только во дворе.

— Формально, мы ничего не нарушаем. Мы все еще пилоты этой танги, и в критических ситуациях, при отсутствии на борту капитана имеем право сами принимать решения. Я имею право. Я решение принял. Ты выполняешь приказ. Это всё.

Март кивнул. Глядя на открывающийся шлюз, спохватился и громко добавил:

— Во имя Божье, отец Лукас!

И уже на «Танриверди», по пути к рубке, хмыкнул:

— Отмазываешь?

— Нахватался в Рое гадостей. Что за лексикон? Андре было бы за тебя стыдно.

— Так от него же и нахватался.

Стартовали в аварийном режиме.

Запрос в ЦУП. Незамедлительно полученное разрешение на вылет. Март по громкой связи приказал «всем пассажирам» занять места на ложементах и пристегнуться.

— Я продублировал, — он тронул пальцем висок, — она поняла. Выполняет.

— Ладно. С Богом.

Танга будто отпрыгнула от монастыря. Можно быстрее, но незачем подвергать пассажирку слишком сильным перегрузкам. Набирая скорость, «Танриверди» уходила на предписанное для прыжка расстояние. В «подвал» они ворвались на полной скорости, распугивая демонов, понеслись по самому краю допустимой для мирян глубины.

На ручном управлении.

Пока — на ручном. Курс еще не задан. Ни для танги не задан, ни для них двоих...

Троих. Но втроем они ненадолго.

— Подойдет любая из новоосвоенных планет. Отдадим девчонку ордену Ишэнов или Апостолам, кто первый подвернется. Убогие — это их забота.

— Орден Ишэнов?

— Не слышал? А еще псионик! — Лукас сосредоточился на короткой молитве о ниспослании здравой мысли, и выбрал планету наугад. — Ишэны занимаются неизлечимыми болезнями. Телепатия — это болезнь. Неизлечимая. Официально орден Ишэнов курирует дома призрения для заболевших священников и монахов. — Он запустил расчет курса. Вместе с креслом развернулся к Марту. — Неофициально они обеспечивают убежище всем больным, кроме бойцов Капеллы. Никогда не мог понять, от кого же церковь прячет телепатов, если сами телепаты уверены, что именно церковь их и убивает. А ответ был на поверхности.

— Так они, что... — Март подался вперед, — они знали?! Про аристократов?

— Главы старших орденов. Да.

— И ничего?

— Да до убыва всего, — злиться на Марта нельзя, ни на кого злиться нельзя. Но рядом с Мартом можно вздохнуть чуть свободнее. — Они многое сделали. Все, что могли. Резервации, вот. Прятали. Это мы преступники, нас всего двое, кто нам запретит? Потом снимут головы, и проблемы нет. А церкви закон нарушать нельзя.

— Тебе тоже.

— Я уже сказал, формально, мы ничего не нарушаем. Пожалуйста, не забывай об этом. Можешь, что угодно забыть, хоть собственное имя, но об этом помни.

— Лукас...

— Ну?

Март положил руку ему на запястье:

— То, что я всего лишь выполняю приказ, уже внесено в дело — на «Зигфриде» осталась запись. Не беспокойся об этом.

«Как будто тебе не о чем больше беспокоиться!»

Этого Март вслух не сказал. Но, к сожалению, все-таки, подумал.

Навигатор доложил о завершении расчетов. Лукас подтвердил выбранный курс. Цель — планета Сосфен. Двести шестьдесят четыре часа полета в «подвале». Рукой подать до того Сосфена.

— Все завязано на тебя, да? — вновь заговорил Март. — Не только свобода аристократов, но и жизни телепатов-детей. Церкви было на кого надеяться, она могла позволить себе выжидать, поэтому не предпринимала ничего решительного. Рано или поздно ты должен был все изменить.

— Естественно и мирно, — Лукас произнес это и прислушался к ощущениям.

Нет. Повторенные Мартом, доводы отца не стали убедительнее. Они были верны, логичны, разумны. Даже милосердны. В широком смысле. Обещали спасти многие жизни в обмен на одну. Сейчас и Лукас, и Март губили эти жизни, спасая одну больную девочку. Но жизни мирян нельзя взвешивать, оценивать и менять. Для размена годятся только священники. В идеале — рыцари.

Получается, что ситуация идеальна. Ну, и бред.

— Давно они знают?

— Лет тридцать. Думаю, и это тоже как-то связано со мной.

— Все в Империи как-то связано с тобой. — Март встретил его взгляд, покачал головой и улыбнулся: — это я так... озвучиваю ощущения. Что-то завязывается или... не знаю, как будто, знаешь, пространство, где правила не действуют. Вокруг тебя, из-за тебя. Правил нет, опереться не на что. Остается идти за тобой. Кстати, вот... — он выставил прямо на пульт две серебряные фляжки. — Наши боевые двести. Я свою забрал, и твою — из кельи. Думаю, за этот вылет нам коньяка уже не нальют.

— Даже и не знаю, кто, в итоге, повлиял на тебя сильнее, Андре или, все-таки, Дэвид.

— Ты.

— Не припомню, чтоб я тырил коньяк из монастыря.

— А как учил меня вскрывать винный погреб, помнишь? А как отмычку подарил? А как...

— Лучше выпьем. — Лукас забрал ближнюю фляжку. — А потом ты снова свяжешься с девушкой, и изложишь ей план действий. И вот что, Март, выпускать ее из каюты я запрещаю.

* * *

Скоро тридцать лет, как миновало то время. Время, когда хотелось просто спрятать его за неприступными монастырскими стенами, оградить от пересудов, вырастить не рыцаря — отшельника. Это решило бы множество проблем. Не пришлось бы постоянно переживать из-за вспышек его ярости, из-за агрессивности, контролировать которую казалось невозможным. Не пришлось бы постоянно бояться за его жизнь. Невозможную жизнь, потому что таких как он убивают, и это даже не называется убийством. Просто выбраковка.

Спрятать. И рано или поздно о нем забудут. Пусть центром его жизни станет монастырская библиотека, черные на белом строки сутр, пусть единственными друзьями будут книги. Это возможно. Аристократы, даже фон Нарбэ, созданы не только для войны.

Самый простой путь, самый заманчивый. И, как любой простой, заманчивый путь, он, конечно же, вел в Эхес Ур. Монашествующий отшельник? Не нужно много воображения, чтоб представить, чем станет аристократ-книжник, на что способен человек с таким интеллектом и скоростью обработки информации, если научить его думать.

Нет. Пусть уж лучше летает.

Растить его, воспитывать было невероятно сложно. Веди себя хорошо, мальчик, веди себя хорошо. Не позволяй себе сердиться. Не позволяй себе радоваться. Не позволяй себе чувствовать.

Иначе они заберут тебя, они убьют тебя. Стоит тебе хоть раз дать волю чувствам, они убьют тебя.

Его нельзя было пугать. Никого нельзя воспитать через страх, да и невозможно, учить ребенка бояться тех, кто правит Империей. Пастыри из ордена Скрижалей, специалисты по психологии аристократов из ордена Всевидящих Очей и сам отец Александр — все учили Лукаса не страху людей, но страху Божьему. Только Бога должен был бояться Лукас фон Нарбэ, единственный в Империи свободный аристократ, доказательство того, что и аристократы могут жить как люди.

Успехи были несомненны. В том возрасте, в котором дети аристократов понимают в качестве доводов только порку, карцер и голод, направляют все силы и возможности на нарушение правил и запретов, ломают все, что ломается, а бывает, что и калечат воспитателей, Лукас уже казался идеальным ребенком. Был воплощенным послушанием и терпением. Не походил на аристократа. И не походил на человека. Человеческие дети не бывают такими неестественно спокойными, будто вместо сердца у них кусок льда, а души и нет вовсе.

Глядя на него, ко всему равнодушного, замерзшего изнутри, отец Александр спрашивал себя, что же делает с приемышем: учит или калечит?

Другого пути, однако, все равно не было.

Когда Лукасу исполнилось семь, из Столицы пришла настоятельная рекомендация отдать его в школу. Обычную школу, где учились обычные дети. Любую — на выбор. Отец Александр выбрал интернат на станции Кинчу. Никаких планет, это было решено именно тогда. Оставалась надежда, что в условиях станции, хоть немного привычных, похожих на монастырские набором правил техники безопасности, Лукас сможет... выжить.

Поддаться эмоциям означало для него смерть. Он это знал. Но поверить в то, что он справится, не получалось. Мальчику было семь лет. И он так отличался от других детей, что школа должна была стать для него преддверием Эхес Ур. Дети жестоки к тем, кто на них не похож, это естественно, такими их создал Бог. А Лукаса создали люди, и его жестокость, если верить описаниям детства обычных аристократов, должна была превосходить воображение.

Веди себя хорошо, мальчик...

На Кинчу за Лукасом присматривали пастырь-исповедник и двое церцетариев из псионического дивисио. Тогда они еще не занимались «борьбой с пси-преступлениями», Преступников среди псиоников было несколько не меньше, чем среди обычных людей, но Капеллы еще не существовало, и не было терроризма, и понятие «псионическое преступление» никто еще не придумал. Тогда сотрудники этого дивисио искали нелегальных псиоников, и, по обстоятельствам, либо проводили воспитательную работу, либо арестовывали. Либо убивали.

Церцетарии, курировавшие Лукаса, должны были, если понадобится, обезвредить его, и ждать распоряжений. Пастырь должен был следить за малейшим отклонением в эмоциональном фоне. А сам Лукас должен был позаботиться о том, чтобы ни пастырю, ни церцетариям не нашлось работы.

И им не нашлось работы.

Когда через полгода отец Александр прилетел на Кинчу, Лукас спросил его: «вы

можете забрать меня отсюда?». И, услышав, что должен остаться, кивнул: «ладно». Как всегда равнодушный голос, равнодушный взгляд.

— Тебе не нравится здесь?

— Нет. Мне скучно.

Конечно, ему было скучно. Обычная система обучения не подходила аристократу, усваивавшему информацию быстрее и в большем объеме, чем люди.

— Но здесь большая библиотека, — добавил Лукас. — И дун-яриф всегда доступен.

В монастыре он довольствовался лод-ярифом, внутренней сетью, и редкие выходы в сеть глобальную, со станций во время стоянок, были как подарок. А со школьных терминалов Кинчу можно было зайти на любой ресурс, не имеющий ограничения по возрасту, хватило бы только терпения — для связи с другими системами требовалось несколько суток.

— Много читаешь?

— Да.

Отец Александр, с тоской понял, что не знает, как и о чем говорить с этим ребенком. С собственным сыном, который показался чужим, хотя почти не изменился за полгода. Неужели он всегда был таким? А, может дело в других детях, которых предостаточно попало на глаза, пока классная наставница, сахе Ундлиг, показывала ему интернат, рассказывала, как тут живут и учатся. Эти, другие, дети, они были шумными, подвижными, очень яркими, они громко кричали, громко смеялись, громко спорили, с полной отдачей проживали каждую секунду.

А контрастом — вот он, темнокожий ангелок. Никогда не повышает голос. Никогда не смеется. Разве это возможно — ребенок, который никогда не смеется, и никогда не плачет?

«Очень замкнутый мальчик, — так сказала сахе Ундлиг. — Очень талантливый, прекрасно учится, но... отец Александр, Лукас молчит, всегда молчит, говорит, только если ему задают вопросы. И он так и не нашел друзей. Дети его не приняли. Сначала даже обижали. Все есть в его личном деле. И я отправляла вам отчеты. Сейчас его просто сторонятся. А он молчал и молчит. Всегда. — Она вздохнула. — Я учу детей уже шестьдесят лет, я люблю их и понимаю, но я не могу понять, о чем молчит ваш мальчик. Отец Александр?»

«Он молится».

«Но ведь не все же время?!»

«Все время».

Наставница взглянула на него укоризненно. Почти обвиняюще.

«Пока Лукас жил в монастыре, вам следовало бы объяснить ему, что кроме молитв и чтения книг в жизни есть и другие занятия. Теперь на это потребуется гораздо больше времени».

Она не спросила, о чем он молится. О чем молчит спросила, и решила, что этого достаточно. Впрочем, отец Александр все равно бы не ответил. Незачем сахе Ундлиг знать, что его сын всегда, постоянно, молит Господа о том, чтоб тот лишил его способности чувствовать.

Дома он любой книге предпочитал авиа-тренажеры, а когда выгоняли из тренажерного кресла, отправлялся отнюдь не в библиотеку. Несся в спортзал, или в бассейн, или в денники — помогать техникам. За книжки, альбом для рисования, пластилин или еще какое, не требующее повышенной активности занятие брался лишь незадолго до отбоя. Спокойный мальчик, ненормально спокойный, необщительный, но подвижный и любопытный, как бельчонок.

А сейчас не двигается, даже, как будто, не моргает. Смотрит вниз. Глаз не видно под ресницами. Дышит ли?

— Сахе Ундлиг сказала, что тебя обижали.

— Нет.

— Она ошиблась?

— Да.

— Как же так вышло?

Поднял взгляд. Обдал холодом:

— Здесь никто не может меня обидеть.

— О. — Только и сказал отец Александр, окончательно растерявшись.

И Лукас сжалился. Объяснил:

— Меня сделали, чтобы защищать их, а не чтобы обращать на них внимание.

Что сказать на это, отец Александр так и не нашелся.

Они хотели вырастить человека, растили свободного от импринтинга аристократа, а что за семь лет выросло? Думали, что мальчик терпит, стиснув зубы, терзается своей непохожестью на других, а что оказалось? Да он просто-напросто не замечал ни других детей, ни наставницы, ни перешептывающегося за его спиной обслуживающего персонала. Вообще не замечал мирян. Так воспитали. Так научили. Агрессивность аристократов, столько лет не находя выхода, переродилась в запредельное высокомерие.

Еще через полгода было решено, что Лукас фон Нарбэ способен сосуществовать с людьми и адаптироваться в социуме, и ему позволили вернуться в монастырь. Что ж, по крайней мере, за год жизни на Кинчу он полюбил чтение.

Двадцать лет прошло. Много с тех пор изменилось. А вот это осталось. Лукас защищает мирян. Защищает их души, для любого нуждающегося находя слова утешения и спасения; защищает тела, ведя бескомпромиссную войну с пиратами. Если понадобится, он умрет, защищая мирянина, но попытается этот мирянин заговорить с ним не по делу — выморозит до костного мозга одним лишь взглядом. И, все-таки, главное здесь — готовность защищать. Никогда не думали, что и ее тоже нужно подавить, как подавляли эмоции. Да, если уж на то пошло, именно за счет нее эмоции и подавлялись. С самого детства все устремления Лукаса были направлены на то, чтобы как можно лучше делать то, ради чего он был создан. Две задачи: защищать мирян, и, защищая их, доказать, что аристократы заслужили свободу. Две цели, достаточно важных и всеобъемлющих, чтоб ради их достижения всегда держать себя в нечеловечески жестких рамках.

Одна из целей была следствием другой. Теперь они друг другу противоречат. Лукас сделал выбор, не колеблясь, но неужели он не понимает, что спасая одного человека, обрек на смерть многих?

Неужели его все еще ведет Господь? Увы, эта мысль слишком хороша, чтобы оказаться правдой.

* * *

«Свободных кают целая куча, а вы все равно живете в одной. Станные вы».

«Нам не тесно. Мы и так почти не видимся — дел слишком много».

С Аней иногда бывало сложно. Они переставали друг друга понимать. Тогда Март как бы включал в себе мирянина — он же был мирянином целых семнадцать лет, — и пытался поставить себя на ее место. С поправкой, конечно, на то, что он никогда не был пятнадцатилетней школьницей. Ну, так, с другой стороны, школьницу-телепата понять, все-таки, проще, чем школьницу обычную. Этих, если честно-то, вообще никто не поймет, кроме других таких же.

Она спрашивала про Лукаса. Много. Ясно почему. Во-первых, никак не могла поверить, что это тот самый Лукас фон Нарбэ, во-вторых, не могла понять, чего же от него ожидать. С одной стороны, вроде, спасает. А с другой, так же, как и церцетарии, держит запертой в каюте. И с ним ни разу не удалось связаться. Аня вообще не могла его найти, не чувствовала на корабле. Вот и боялась, не доверяла, недоумевала.

Задавала вопросы.

Март объяснял, как умел, что все делается для ее безопасности. Именно ее

безопасность требует ограничения пси-способностей. Лукас никогда, ни при каких условиях не причинит зла мирянину. Но миряне в этих слоях «подвала», когда к кораблю пытаются прорваться демоны, могут вести себя странно. И кто знает, каких странностей ожидать от телепатки, едва начавшей осваивать свой талант?

И кто знает, как отреагирует Лукас на ее неадекватное поведение? Священник-то он священник, но в «подвале» инстинкты дают о себе знать особенно сильно. А инстинкты у Лукаса — аристократские.

А однажды как-то так получилось, он и сам не заметил, они перестали говорить о Лукасе, и заговорили об Андре. Такие они, телепаты. Если собеседник не закрывается, не боится, быстро учатся его мысли в нужном направлении строить. Март, правда, в отличие от Ани, был в таких делах не новичок. Как тема сменилась, прохлопал, конечно — после вахты был, устал малость — но довольно быстро сообразил, что к чему. Спорить и совсем закрываться он не стал, просто канал контакта сузил. Об Андре он даже с Лукасом не особо говорил, сам еще понять не мог, надо ли. У него Лукас и Андре были в ассоциативной связке. Он в одном какое-то время пытался увидеть другого — неосознанно, конечно, пытался, но все равно глупо это было. То, что в Андре не нужно искать Лукаса, а можно просто любить его самого, Март понял до конца, наверное, только в цитадели. И до сих пор не знал, что с этим пониманием делать.

Когда ты сходишься с кем-то... с тем, кто убивает таких как ты... наверное нормально, объяснять это себе тем, что сходишься не с ним, а с образом, который для себя придумал.

Лукас сказал: *«он может дать то, чего я не могу»*. Лукас знал. И Андре тоже. Они с самого начала все знали.

Да в плазму все это! С одного раза ничему не научился? Три года назад на Лукаса смотрел, как на главного врага всех псиоников. Потом — на Андре, как на главного врага Лукаса. А теперь вообще запутался. Но уж точно с такими вопросами, да и с ответами, когда они появятся, надо будет, набравшись смелости, идти к командиру, а не к девчонке-школьнице, которой, вообще, кроме как в теории о любви знать не положено.

На разных планетах правила разные. Аня была родом с Гемала, там «возраст согласия» начинался с семнадцати. А вот возраст чтения романов о рыцарях-пилотах нижней границы, кажется, не имел. Ни на одной из планет.

* * *

Из «подвала» выходили над самой планетой. Техника безопасности запрещала такие выходы категорически. В первые мгновения перехода системы наблюдения работают с запозданием, интервал запоздания зависит от глубины прыжка, а Лукас на малых глубинах не летает. Корабль выныривает из «подвала» слепой, глухой, без осязания. Если все это происходит близко к поверхности — впилиться в планету проще простого.

Полагаться можно только на интуицию и ручное управление.

Лукас решил, что это меньший риск, чем выходить где-нибудь на орбите. Там «Танриверди» мог подстерегать кто угодно от пиратов — они нередко крутились возле осваиваемых планет — до своих же братьев-священников. Правда, за все время пути не пришло ни одного приказа вернуться в монастырь, или сдаться какому-нибудь юкару, патрулирующему этот сектор пространства. То ли отец Александр снова их покрывал — хотя, лха его знает, что он мог сделать в этой ситуации, вроде как, ничего тут было не сделать — то ли дуфунг неисправен, и не принимает сообщений.

— Выпустишь Анну сразу, как только закончим посадку.

Интуиция и ручное управление. Да он всю жизнь так летает. Март взмок, сердце чуть из горла не выпрыгивало от переживаний, а Лукас вел корабль как по ровному. Еще и думать умудрялся на посторонние темы:

— Каюта на сигнализации. Взоет громко, так что будь готов, и девушку предупреди.

— Не взоет, — сказал Март. — Я код подобрал.

— Когда успел? — Лукас глянул искоса из-под выгнутой брови.

Но ему было не до того, чтоб настаивать на ответе. Началась посадка. А Март задумался, когда же он, действительно, успел подобрать пароль. Но задумался уже разблокируя замок специальной каюты. И найти ответ не успел: Аня вылетела ему навстречу, повисла на шее, осыпала поцелуями...

Март понял, что уже видел ее. Он уже не раз открывал эту каюту. Но когда?.. почему?..

— Спи, Март, спи, — Аня не дала ему упасть, аккуратно усадила на палубу, спиной к переборке. — Извини, что так вышло. Ты хороший. Вы оба...

Не договорив, она выпрямилась, обернулась, глядя в коридор.

У Марта слипались глаза, двинуться он не мог, но мучительным усилием не позволял себе заснуть. Не сейчас...

В коридоре, прямо перед телепаткой, стоял Лукас.

Командир.

Это было... Марту, засыпающему, так показалось — не два человека друг против друга. Две силы. Неостановимая мощь, и непреодолимое препятствие. Как в той странной загадке. Что будет... если две равных силы... если столкнутся. Что будет?

Но Аня заговорила. И ее голос разрушил наваждение:

— Отец Лукас, — сказала она, — пожалуйста, отец Лукас. Я ничего не сделала. Я не преступница. Правда.

Март провалился в сон, и уже не видел, как Лукас отошел в сторону, пропуская девочку по коридору к входному шлюзу.

* * *

«Танриверди» опустилась на поверхность на крошечном, безопасном космодроме Ишэнов. Шлюз не был заблокирован, Анна Миклашевская вышла на планету, под небо, под солнце. А сразу у трапа ее встретили двое рабов отца. Мертвые телепаты, связь с которыми она установила сразу, как только Март в первый раз выпустил ее из каюты.

Они все подготовили. Корабль. Команду. Надежное убежище дома, в Баронствах. Хоть и мертвые, а, все-таки, не бездушные, они любили ее больше, чем ее отца. Любили, как большие, спокойные, верные собаки.

После уничтожения цитадели выжили немногие. Только те, кто был за пределами Баронств. Но и этих оказалось достаточно, чтобы спасти хозяйку. Чтобы помочь ей вернуться.

— Нет, — сказала Анна вслух, и взяла своих телохранителей за руки, — нет ребята, знаете что? Спасли меня, все-таки, не вы, а Аристо и его ведомый. Разве не странно?

Впрочем, на застывшую с открытым люком, безмолвную «Танриверди» она ни разу больше не обернулась.

* * *

Март проснулся уже в каюте, и с минуту приходил в себя. Без мыслей, без эмоций, смотрел на Лукаса, замершего в глубокой медитации. «Танриверди» шла через «подвал». Совсем неглубоко, почти под самой поверхностью.

Лукас закончил молиться, а Март вспомнил все, что случилось. И от стыда зажмурился:

— Что ж я сделал-то?!

— То, что должен был, — отозвался командир, поднимаясь с колен. Сел рядом с ним на койку. — Она тебя обманула потому, что жить хотела, а не потому, что преступница.

— Кто она?

— Не знаю. Ребенок.

— Лукас, она очень... о-ох...

Март попытался сесть, и снова зажмурился, переживая приступ головокружения. Лукас

придержал его за плечи:

— Не так резко. Она тебя сильно приложила.

— Десять дней под контролем, — Март приоткрыл один глаз. Вроде полегчало. — А я думал, что все про телепатов знаю. Она ненормально сильная, будто ее стероидами накачали. Какими-нибудь... не знаю. Пси-стероиды бывают?

— Очень сильная, — повторил Лукас.

И Март вспомнил, будто снова увидел, ту, последнюю перед провалом в сон картинку: две нечеловеческие силы, готовые столкнуться в узком коридоре «Танриверди».

Лукас мог задержать ее. Но не стал.

— На Сосфене ее ждали люди и корабль, — командир вернул к реальности. — Анна — не простая миранка, Март, но это не имеет значения. Простая или нет, она все равно миранка, и все равно ребенок. И она действительно не совершила никаких преступлений, если не считать пси-воздействия на рыцаря Десницы. Думаю, это ты ей простишь?

— А я думаю, что эти аргументы не убедят трибунал.

В ответ лишь улыбка.

Лукас прав. Снова. И плевать ему на трибунал. Если долг расходится с государственными интересами, значит надо идти против государственных интересов. В этом и есть отличие священников от аристократов.

Церковь — совесть Империи.

Но вспомнят ли об этом, когда будут решать их судьбу?

Глава 3

*Слова обещивать просто — платя по счету,
Признаний нелепых писать на песке слова.
Признайся, мой ангел, ты делал свою работу,
Признайся, мой ангел, ведь в долг нелегко давать.
Эмоций и чувств выразительность — сладкий берег! —
Богов и предателей, ярости, правды, лжи.
Признайся, мой ангел, ты тоже когда-то верил,
Что Бог в этом мире и правда когда-то жил!
Но — все что осталось — стремиться упрямо к цели,
Вперед прорываясь, бороться с самим собой.
Запомни, мой ангел, твой бог нам откроет двери,
Являя бесценный подарок — свою любовь.
Alyssa Lwuisse*

Жизнь продолжалась. Шла своим чередом. Дел стало еще больше, свободного времени и так никогда не было. Теперь, когда Март улетел, не больно-то и нужно оно оказалось, это свободное время.

Казалось, загруженность делами позволит забыть и не думать. Ошибся. Казалось, не способен ни о ком скучать. Ошибся. И женщины теперь казались однозначно привлекательнее мужчин. Как будто, если с женщиной, то это не считается. Тоже ведь, ошибка.

Холодная война между баронами, начавшаяся с захватом цитадели Чедаша, все чаще прорывалась протуберанцами войны горячей. Тут и там. На разных планетах. И в пространстве. Разные сектора Роя тоже смотрели друг на друга криво. Но здесь боевых действий не вели. Здесь стоит начать стрельбу, и ничего живого не останется. Собрано-то кое-как, держится на обновляемых сварочных швах да божьей милости. Сотни тысяч населенных астероидов. Противоестественное образование.

Которое сам не заметишь, как полюбишь, если поживешь тут подольше.

С любовью, с ней всегда так. Думаешь: «любить его противоестественно» «любить его

невозможно», и не замечаешь, как остается только «любить его».

А ему, похоже, не надо.

Война не война, а работа по расписанию. Если салон предоставляет услуги, значит он должен быть открыт в определенные часы, а хозяину, кроме агентов, являющихся под видом клиентуры, приходится принимать еще и настоящих клиентов. Самому приходится. Да. Невелика птица Андре Скорда, чтоб раздувать штат в своем, небольшом, в сущности, салончике. Не тот размах.

Когда в очередной раз зашипели, расходясь, створы шлюза, Андре с привычной досадой бросил взгляд на экран видеонаблюдения — так же привычно надевая маску радушия — и ненадолго выпал из реальности. На экране было трехмерное изображение Марта. Камеры у входа с ума сошли, или как?

Или это снова церцетарии влезли в систему и развлекаются?

Мелодично звякнул колокольчик...

Март?

...открылась внутренняя дверь.

Андре отмер и пошел навстречу. Что бы там ни было, кто бы там ни пришел, встречать все равно надо.

Он, конечно же, не думал, что это Март. Он не думал... потому что не могло такого быть. Все чусры и ички вместе не притащили бы его сюда, этого рыцаря, потому что его жизнь вся в монастыре, вся — рядом с Лукасом, и... все-таки...

Это был...

— Март? — услышал себя Андре. — Как ты здесь оказался? Империя вторглась в Баронства и начала с «Идеальной хозяйки»?

— А ты не можешь не ехидничать, да?

— Март... — повторил Андре шепотом.

Это очень глупо, Андре дю Гарвей. И нелепо.

Он на секунду закрыл глаза. Пряча взгляд. Скрывая растерянность и радость, и вообще все. Потому что, и правда, глупо и нелепо. Чувствовать — так, радоваться — так. Так любить.

А когда его ударило о стену, втиснуло, ломая облицовочные панели, распиная, как на косом кресте, даже не удивился. Иначе и быть не могло. Зачем бы Март ни прилетел, нельзя было ожидать от этого ничего хорошего.

— Я поверить не могу, — голос был... женский. — Чем ты его-то обманул?

И вдруг — как будто выключили и снова включили — Марта нет. Есть улыбающаяся, подбоченившаяся блондинка. Миклашевская. Чедашевский приемыш. Лха свидетель, проще было поверить в Марта, чем в то, что эта женщина на свободе!

— Мразь ты, Скорда. Извращенец. Мне пятнадцать лет! Март вот думал, что я ребенок еще. — Она повела бровью, и левая кисть Андре дважды повернулась на сто восемьдесят градусов.

Он вскрикнул. Болью выстрелило от пальцев до плеча, будто разом расщепились все кости.

На такое даже аристократы не рассчитаны.

Интересно, как Лукас умудрялся терпеть боль молча? Спросить уже, пожалуй, не выйдет.

— Что ты... — голос осекся в хрип. — Что с Мартом?

— А тебе какое дело?

— Я. Спросил. *Отвечай!*

Она вздрогнула, подалась назад. Но тотчас опомнилась и улыбнулась еще шире:

— Сдохнешь от гордыни. Аристократ. Я вот думаю, мне самой тебя разобрать? Или отдать баронам?

— Он жив?

— Какая тебе разница?

— Прошу... — слово далось так трудно, словно было из смазанного ядом наждака, — скажи, что с ним?

— Про-оесишь? — протянула Миклашевская. — Ну, надо же!

— Пожалуйста.

— Жив твой Март, жив, — она отвернулась, сунула руки в карманы, — спас меня. Не знаю, что теперь с ним сделают. Накажут? А, может, убьют? Будет весело, когда церковь убьет священника за спасение ребенка.

Лучше б это была вторая рука. Или что угодно. Любая физическая боль лучше, чем это.

— А, может, его и не убьют. — Миклашевская пожала плечами. — Март ведь не один, у него Лукас есть. Тот, типа, все сделал под свою ответственность. Отмажет он Марта, как думаешь?

Андре не понимал, зачем она делает это, вызывает на разговор, задает вопросы, на которые ждет ответов. Но, вспомнив о Лукасе, неожиданно для себя, улыбнулся. Не стоило бояться за Марта. Лукас не даст ему пропасть. Пока сам жив — спасет от чего угодно, а прикончить этого божьего любимчика — дело почти невозможное.

Вечно будет жить. Рыцарь.

— Значит, думаешь, что отмажет, — она кивнула, по-прежнему, не оборачиваясь. — Вот и я тоже. Ладно. С Мартом мы разобрались. Теперь твоя очередь.

Хотела напугать. Поняла, что не получилось. Разочаровалась. Разочарование было достаточно сильным, чтоб Андре почувствовал его сквозь выламывающую кости боль.

Он мог бояться за Марта. А на себя страха уже не осталось. Нужно собраться с силами и подождать, пока Миклашевская наиграется. Как только она потеряет интерес, наверняка, представится возможность освободиться. Или умереть. Любой из дю Гарвеев может умереть, когда пожелает. К сожалению, смерть наступает хоть и быстро, но не мгновенно, и пока твое тело контролирует телепат, есть опасность реанимации.

Надо подождать. Пусть расслабится.

Может, Март и прав, может, она еще ребенок, но в Баронствах взрослыми считаются с тринадцати. В особенности это относится к женщинам.

— Что я сделала, а, Скорда? — теперь она стояла к нему лицом, смотрела снизу-вверх. — Что я сделала плохого, чтоб сначала отправить меня к вашим живодерам, а потом — на казнь? Меня удочерил барон, по-твоему, это преступление?

Попытки освободиться результата пока не дали. Миклашевская злилась, орала и сверкала глазами, но контроль над пси-способностями не теряла. Чедаш ее отлично обучил. Мог бы гордиться.

— Ты что, за справедливостью ко мне явилась? Такого товара не держим, деточка.

— Я хотела убить вас всех, — сообщила она доверительно. — Достать могла только тебя, поэтому за всех умирать предстояло тебе одному. Много-много раз. А Лукас и Март меня спасли, и, знаешь что? Лукас меня отпустил. Сам. Мог остановить. Он очень странный аристократ, у него хватило бы сил остановить меня. Но он решил, представь себе, что я не преступница. Знаешь почему? Потому что он знал, что я не совершила никаких преступлений. Будь ты проклят, Скорда, это — правда! Я ничего не сделала! Я ни в чем не виновата. Двое священников, моих врагов, рискнули собой, чтоб спасти меня, потому что я не преступница, спасли меня, как обычного человека... — она задохнулась, сжала зубы. Судорожно втянула воздух. — Я для них была нормальным ребенком. И я не могу понять... — стиснула руками виски, помотала головой, — не могу понять, почему Март любит такую дрянь, как ты? Я не понимаю, Скорда. Март хороший человек. И это значит, что ты... что тебя есть за что... Но это ведь не так! Я думала, ты притворялся с ним, как со мной. Для чего-то его использовал. Это бы все объяснило.

Она замолчала. И, скорее по обязанности, чем от души, сломала Андре мизинец на правой руке.

То, что гипотеза не выдержала проверки экспериментом, определенно ее расстраивало.

— Скорда. Я могу убрать эффект импринтинга. Хочешь?

Он знал, что не хочет.

Потерять хозяина — это самое страшное, что может случиться в жизни.

...машина безгрешна. И немилосердна...

Потерять хозяина... это то же самое, что верующему потерять бога.

...беспольный, как чужая кукла...

Он почти сказал: «нет».

...Ты не можешь выбирать...

Но сейчас он *мог* выбрать. В первый раз с того дня, как убил Чанзи. Свою названную сестру.

Своего телепата.

...Такого беспросветного, звенящего от тишины одиночества не приходилось испытывать никогда.

Тихо. Темно. Безнадёжно.

И так теперь будет все время. Одиночество и пустота до конца жизни. От того, чтоб сжаться в комочек и безнадёжно заскулить удерживала только злость. На себя.

Знал, на что идешь. Знал, что так будет. Теперь не жалуйся.

— Кукла без ниточек, — услышал он, и поднял взгляд, бездумно отреагировав на голос.

Женщина... Смотрит сверху.

Давит.

Так тяжело. Страшно.

Он стиснул зубы и сосредоточился. Нельзя бояться. Нельзя... чувствовать боль. Надо вернуться.

Женщина. У нее есть имя.

Чедаш... враг. Миклашевская... Март спас ее. Ошибся? А Лукас? Он ошибиться не мог. Миклашевская не враг.

Но она может убить. И, пожалуйста, господи, пусть убьет поскорее. Потому что долго так нельзя. Невозможно. Не хватит сил...

Мысли уже вновь поплыли. Таяли в темноте имена, стирая стоящие за ними образы.

— Сдуреть можно. Я думала, ты нипочем не согласишься.

Голос Миклашевской доносился сквозь толщу воды. Вода шумела. Андре погружался все глубже и глубже. Наверное, это трещина в какой-нибудь планете. Бездонная трещина, заполненная водой. В таких живут чудовища, но в этой даже чудовищ нет, только тишина и пустота, и одиночество.

Навсегда.

* * *

Аня никак не ожидала, что он согласится. А если б он не согласился, она не смогла бы оборвать его связь с хозяином. Она и не собиралась. Ни один аристократ, никогда, ни за что! Для них это хуже смерти. Отец рассказывал об аристократах. Они не могут без своих ошейников. Они даже думать о таком боятся.

А этот...

Он был рабом и из-за этого предал Марта.

Он поэтому смог выбрать свободу? Так, что ли, получается? Он вправду любит. Но, похоже, все-таки умрет. Отец говорил, что, скорее всего, лишившись хозяина, аристократ сойдет с ума и погибнет за считанные часы. Вот и этот...

Был такой властный, гордый, красивый. Аня его убить хотела. Еще и за то, что красивый. И за то, что гордый. За то, что сердца нет. Она бы и сейчас, может, хотела его

убить. Пусть только упадет, пусть хоть слезинку проронит. Но он, чусрово семя, уже поднимался с колен. Белый от боли. Неживой. Вставал, как будто больно не ему, как будто ему не страшно. Спина прямая. Прическа распалась, и лицо сквозь золотой водопад волос — узкое, как нож. Жуткое.

Убить. Сейчас. Пока он ничего не может...

«Тун! Кэци!» — Аня щелкнула пальцами, мысленно подзывая телохранителей, и когда те вошли в салон, кивнула на держащегося за стену, Скорду:

— Мы забираем его домой.

Глава 4

«так говорит Господь: вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти»

Книга пророка Иеремии (21:8)

Судил их не Трибунал, а целый собор. Как два года назад, когда решалась судьба Луизы Беляевой, в монастырь Десницы прибыли архимандриты старших орденов, кардиналы и епископы. Только Великий Кардинал не присутствовал. Он свое мнение высказал еще до суда, но в чем оно заключалось Март не знал. И Лукас не знал.

На прошлом соборе Марта, конечно, не было, тогда он довольствовался слухами, которые со сверхъестественной скоростью распространялись с «Симона де Монфора» по всем другим монастырям. На сей раз... ох, он очень хотел бы, чтоб его и на сей раз не было на соборе.

Их с Лукасом допрашивали, допрашивали и допрашивали. Вместе и по отдельности. С перерывами на сон, еду и молитву. Снова и снова. Одни и те же вопросы с разной формулировкой. Следователи менялись. Все они были неизменно дружелюбны, неизменно терпеливы. И очень настойчивы.

На одни и те же вопросы у Марта были одни и те же ответы. Он не лгал. А говорить правду не сложно, если следователь не ставит своей целью принудить тебя ко лжи. Март сам заварил эту кашу. И готов был отвечать.

А отвечать не пришлось.

Лукас оказался прав: рыцаря-пилота Плиекти сочли невиновным.

«Он выполнял приказ, — так постановил суд. — Вся ответственность — на командире».

— Но это же я сделал, — сказал Март, когда был оглашен вердикт, — это я говорил с девушкой, и рассказал о ней Лукасу. Если б не я, он не стал бы... он бы вообще не знал. И под пси-контроль тоже я попал. И, вообще, я псионик!

Речь не произвела особого впечатления. Разве что архимандриты монастырей Десницы поулыбались, переглядываясь: они-то все знали о взаимовыручке пилотов одного звена, они даже не усомнились, что ведомый попросту хочет взять на себя вину командира.

Где уж там Марту тягаться с Лукасом? А тот ведь даже перед собором не выступал. Мол, все, что он имеет сказать, уже изложено в протоколах допросов. Добавить нечего.

Там Март и увидел его в последний раз. В зале для капитулов. Когда, обалдевший от признания своей невиновности, слушал невозможное, невероятное в дольном мире решение суда по поводу Лукаса фон Нарбэ:

— Не виновен, ибо выполнял свой долг.

Значит... что? Они невиновны? Оба? И Лукас, получается, прав во всем. И церковь... церковь действительно — совесть Империи.

Получается так.

Им обоим вернули оружие. Прямо там, в зале. А потом поднялась сдержанная, но

неизбежная, конечно же, в таких случаях, суматоха. Не все из присутствующих — рыцари, большинство с дисциплиной вообще незнакомо. В хаотичном движении, мелькании рясы, парадных мундиров, форменных скафандров, Март слегка потерялся. Потерял Лукаса. У того, конечно же, нашлись свои неотложные дела. И с отцом Александром надо было срочно встретиться, и Великий Кардинал хотел переговорить с ним по закрытому каналу, и церцетарии на низком старте ждали. Всем всё надо от Лукаса фон Нарбэ. А ведомый подождет. У ведомого времени предостаточно.

Март ждал до отбоя. Но Лукас не вернулся в свою келью.

* * *

Отца Тао, магистра ордена Всевидящих Очей, похоже, слегка беспокоило то, что Лукас с ними не спорит. Отец Тао, наверное, предпочел бы, чтоб Лукас хоть как-нибудь дал понять, что не согласен с решением иерархов, ну хоть высокомерием своим заморозил, мол, делайте что хотите, я выше этого. Такая реакция была бы понятна. А спокойное согласие, не равнодушие, не холодная отстраненность — согласие, мол, да, так действительно будет лучше для всех — понятно не было. И если и не пугало, то... заставляло нервничать.

Они собрались в кабинете отца Александра: отец Йон Скердикла, генерал ордена Десницы Господней; отец Тао Пипин, магистр ордена Всевидящих Очей; отец Гонта Хакберг, магистр ордена Наставляющих Скрижалей и отец Александр Елохин, настоятель монастыря «Святой Зигфрид». Не хватало только Великого Кардинала. Тот не мог присутствовать даже дистанционно: монастырь шел слишком далеко от резиденции его высокопреосвященства, чтоб установить связь с приемлемым для живой дискуссии запозданием.

Впрочем, Великий Кардинал уже огласил свое решение. Так же, как и отец Йон, его высокопреосвященство согласился с предложением отца Тао. Он тщательно взвесил доводы за и против, он еще до начала Собора прочел протоколы допросов, обменялся полутора десятками обстоятельных писем с отцом Александром. И сообщил, в итоге, что готов стать хозяином рыцарю-пилоту фон Нарбэ.

Его Высокопреосвященство, так же, как и главы двух старших орденов, счел импринтинг желательной и разумной мерой.

Лукас не сделал ничего плохого, наоборот, он выполнял свой долг, а в Баронствах и вовсе действовал по воле Божьей. И все же его поступки оказались непредсказуемыми, мотивы не всегда ясными, а реакции неожиданными. Как сейчас, например, когда он даже и не пытается за себя постоять. Отец Тао решил, что нет никаких гарантий его лояльности. Лояльность обычных людей тоже не гарантирована ничем, кроме доброй воли, но обычного человека, когда он становится преступником, можно обезвредить.

Аристократа — нельзя.

Эти соображения были изложены аргументировано и ясно. Подкреплены документами с результатами тестов, энцефалограммами, сравнительными таблицами и резюме психологов и психиатров. А достаточно веских — рациональных — возражений... как-то не нашлось. Отец Гонта пытался взывать к вере и милосердию, но в решении взять Аристо под контроль не было ничего немилосердного. Наоборот, то, что Великий Кардинал готов отвечать за все его поступки — это ли не проявление доброй воли? Это ли не высшее доверие?

— Лукас фон Нарбэ принадлежит Богу, — говорил отец Гонта, — разве не были мы все свидетелями Знамения? Вы собираетесь заменить Господа Его Высокопреосвященством? Преподобные отцы, да где же это видано?

Но нет, конечно же, Великий Кардинал не стал бы для Лукаса богом. Не в буквальном смысле. И речь шла не о посягательстве на свободу воли, а только лишь... о выключателе. О возможности, если что, отдать приказ, не выполнить который Лукас не сможет.

Скорее всего, такой приказ никогда и не понадобится. Но из соображений безопасности... для блага самого Лукаса.

Отец Гонта сдался. «Я умываю руки», — сказал он, и ушел, не прощаясь.

От слов его холодом пробрало по позвоночнику, и, может быть, отец Тао и отец Йон на мгновение поколебались в своей уверенности. Но воспользоваться этим все равно не удалось. Без поддержки отца Гонты, отец Александр остался в одиночестве против двух оппонентов, стоящих на ступень выше его в церковной иерархии. А ведь за ними было еще и молчаливое одобрение Великого Кардинала.

И все равно, он попытался.

Лукас вот не утруждал себя. А он попробовал.

Вотще.

Все, что было раньше, все прежние подвиги Лукаса, все свидетельства того, что он способен контролировать свою агрессивность и жить в страхе Божиим — все это отец Тао расценивал как заслугу Джереми Бёрка. И, надо сказать, у этого утверждения было множество косвенных доказательств. Лукас ведь и сам вплоть до возвращения из Баронств был уверен, что это Джереми научил его быть человеком, и помогал оставаться в рамках, не вырываться за пределы дозволенного.

Да что там! Все в монастыре, кто помнил Лукаса пятнадцать лет назад, согласились бы с отцом Тао.

Так и было. Научил быть человеком. Как будто жизнь вдохнул в странного подростка, равнодушного ко всему, кроме Бога и Пространства. Сделал то, с чем не справились лучшие психологи и педагоги, то, что так и не получилось у самого отца Александра?

Как сумел?

Разумеется, импринтинг — первое, что приходит в голову. Запечатление невозможно без воздействия телепатов, но это верно только для обычных аристократов. Никто не может утверждать что бы то ни было, когда речь идет о таком поразительном создании, как бастард дома фон Нарбэ. И очень логично с этой позиции выглядит предложение провести запечатление снова. Ведь получается, что Лукас был под контролем, начиная с тринадцати лет. А едва лишившись хозяина, стал опасен. В первую очередь для себя самого.

Для его же блага, нужно снова взять его под контроль. Он аристократ, он создан, чтобы любить хозяина, и он нуждается в этой любви.

Где найти возражения?

Веди себя хорошо, мальчик...

Теперь ты уже не сможешь вести себя иначе.

* * *

Лукас не спорил. Не с чем спорить. Почти тридцать лет было на то, чтоб доказать, что не опасен для людей. Не смог доказать, значит, правы аристократы, а церковь ошиблась.

Поступить иначе все равно было нельзя. И ему нельзя. И им сейчас — тоже.

Собор оправдал его. Но оглашена была только часть вердикта. Даже в правилах церковной жизни самые важные пункты пишутся мелким шрифтом. И не читаются никем, кроме посвященных. Это правильно. Это помогает сохранять мир и стабильность.

Отец Тао хотел, чтобы он вел себя сейчас иначе, но Лукас не знал, как именно? Чего хочет глава церцетариев? Чтобы он спорил с двумя иерархами и собственным отцом? Да еще спорил о том, с чем смирился? Нет, так притворяться, наверное, даже Андре не смог бы, несмотря на соответствующую спецификацию.

— Мне нужно увидеть Марта, — сказал он, когда выслушал все, что ему хотели сообщить.

Оказалось, что нет, увидеть Марта нельзя. Никаких контактов ни с кем из братьев, до тех пор, пока он не вернется из научного центра «Ксиласкар». А уж тогда приказ нового хозяина запретит рассказывать о запечатлении и убережет от опасности случайно об этом проговориться. Позволит легко и безболезненно хранить секрет от всех, включая Марта.

Разве это не замечательно? И совесть не заест. Совестью его станет Великий Кардинал,

а он, конечно же, не ест рыцарей-пилотов.

* * *

Корнелий Беляев, профессор, доктор технических наук, член Его Императорского Величества академии наук, заведующий лабораторией организации и ведения программ психологической помощи Его Императорского Величества научно-исследовательского медицинского центра «Ксиласкар», терпеть не мог своих пышных титулов. Он отзывался на уважительное «проф» со стороны младших сотрудников, дружеское «Корней» от равных, и нейтральное Беляев-амо от всех остальных. Остальных хватало. «Ксиласкар» постоянно получал государственные заказы, а это подразумевало постоянное общение с чиновниками и мирвоями, и даже аристократами.

С последними имели дело как раз сотрудники лаборатории Корления, на внутреннем аргю «Ксиласкара» — корректоры». Сами они ничего, конечно, не корректировали, всего лишь составляли индивидуальные программы работы с детьми-аристократами. Но, что правда, то правда, программы предназначались для внесения изменений в психику. И работали в лаборатории преимущественно телепаты. А за теми, стараниями имперских идеологов, давно закрепилась недобрая слава мозговедов и мозгоедов. Здесь, в «Ксиласкаре», правда, к телепатам относились абсолютно так же, как ко всем остальным сотрудникам — ну, ученые, ну, талантливые, так здесь таких сотни, — однако то, что они общались иногда с живыми аристократами, все-таки, выделяло их на фоне прочих ксиласкаровцев. Считалось почему-то, что через «корректоров» можно добиться каких-нибудь поблажек у руководства. Да что там! С ними даже начхоз дружил.

И вот в этой-то мирной, дружеской, исполненной взаимной вежливости атмосфере лаборатории что-то такое... появилось. И осталось. Предчувствие событий, чего-то очень значительного, перемен, а возможно, даже, потрясений. Телепаты — мастера защищать и прятать мысли, эмоции, вообще душевные движения. Но телепаты Корнелия из года в год десятилетиями сотрудничали друг с другом, и их мысли, равно как и эмоции, и настроения, давно уже образовали этакое специфическое поле. Интересы ради они, в конце концов, даже параметры поля посчитали и написали коллективную монографию об особенностях постоянного взаимодействия телепатов. Для внутреннего пользования, конечно же. «Ксиласкар», вообще, не был хоть сколько-то известным научным центром. «Ксиласкар», он для другого.

Как бы там ни было, ощущение появилось, и к нему следовало прислушаться. «Корректоры» уловили нечто, носящееся в воздухе всего центра, а в лаборатории это нечто просто стало наиболее ощутимым и поддающимся анализу. Анализ показал, что с похожим настроением в центре ждали когда-то визита Великого Кардинала. В «Ксиласкар» направлялся очень высокий гость, возможно, вновь Его Высокопреосвященство, и вот-вот должна была начаться подготовка к встрече.

Ничего особо интересного. Корнелий посоветовал своим телепатам уже сейчас взяться за отчеты о достижениях, потому что руководство ведь затребует — со всех лабораторий захотят чего-нибудь, чем можно похвастаться — и собирался выкинуть предстоящий визит из головы. Вот состоится очередное заседание Ученого Совета, там новость объявят вслух, скажут, кто летит, объяснят цели и задачи, и можно будет приступать к выполнению. Лишь бы работе не мешало. А зачем Великому Кардиналу мешать работе «Ксиласкара»?

Тут-то лично от Бориса Ибрагимова, директора центра, и пришел приказ, встряхнувший всю лабораторию: пересчитать программу импринтинга Дома фон Нарбэ и сделать ее пригодной для взрослого аристократа.

В Доме фон Нарбэ хватало взрослых аристократов. У них там уже пятнадцать лет не рождалось детей, а вот взрослых было предостаточно. И все, естественно, прошли импринтинг еще в детс...

Нет! Не все.

Но ведь не может такого быть...

А «Ксиласкар» готовился встречать гостя, но готовился как-то очень аккуратно, осторожно, не привлекая внимания. Слухи расползались неохотно, почти через силу. Кто прибудет — неясно, ясно лишь, что большая шишка. На Ученом Совете так ничего и не прояснилось, вяло помусолили рутину, с тем и разошлись.

Ждать было нельзя. Промедление могло оказаться роковым. Если Корнелий угадал, если невероятное предположение при всем его безумии было верным... то медлить недопустимо. Высокий гость, которого ожидают, но, кажется, боятся увидеть, «на ты» с пространством, и путешествует очень, очень быстро.

Вот только, действительно ли это он?

Ждать было нельзя, и Корнелий решил.

Ронг Ю, старейший из телепатов «Ксиласкара», работал в лаборатории столько лет, что ему полагалась двойная, если не тройная пенсия. Вот на пенсию-то Ронг и собирался. В самое ближайшее время. Собирался он уже года два или три, но все не складывалось. То Корнелий просил задержаться, то особо интересная задача попадалась, и тут уж руководство споспешествовало повышением жалования или радующим душу подарком — намекало, значит, что сахе Ю в «Ксиласкаре» любят и ценят, а на пенсии ему будет абсолютно нечем заняться. «Корректорам», как и всем прочим телепатам, закон запрещал иметь семью. Закон, в общем, и телепатов запрещал, но эта проблема решалась где-то на очень высоком уровне, а вот запрет на семьи не решался даже там. Но не Ронгу Ю было бояться бездеятельной жизни на пенсии. Его ожидал курортный поселок, расположенный на личных землях Божественного Императора, общество таких же, как он, верных Империи и науке телепатов, а еще визиты молодежи с вопросами, проектами и желанием засвидетельствовать почтение одному из патриархов центра; и, конечно, общение с коллегами, которые еще даже не мечтают о выходе на пенсию.

Не самая плохая жизнь. А уж по сравнению с судьбой большинства телепатов, просто прекрасная.

— Уйдешь на пенсию в следующем месяце, — сказал Корнелий. — Обещаю!

— Обещает он, — проворчал старый телепат, — вот когда Ибрагимов пообещает, тогда, может, я и тебе поверю.

— Сказал, значит, сделаю. Ронг, ну когда я тебя обманывал?

Не обманывал ни разу. Если обещал, то выполнял обещания, с этим никто бы не поспорил.

— Ладно, предположим. Но ты же не просто так обещаешь. Чего от меня хочешь? С этой программой для фон Нарбэ, ни на что другое времени все равно нет.

— Ты заявление свое распечатай, и сходи к Ибрагимову.

— Сто раз уже ходил.

— Сходи в сто первый, — до чего упрямый дед! — Пригрози, что если не подпишет, саботируешь работу над программой.

— Вы и без меня посчитаете.

— Ронг, мы много чего без тебя можем, — Корнелий вздохнул, — но с тобой все становится проще. А на шантаж директора вообще никто больше во всем «Ксиласкаре» не способен. И вот что, — он посерьезнел, и телепат, мгновенно поймав смену эмоций, тоже нахмурился, — когда будешь говорить с Ибрагимовым, упомяни Лукаса фон Нарбэ.

Несколько секунд Ронг молча глядел на него. Потом кивнул.

Он понял, чего хочет Корнелий и согласился выполнить просьбу.

Рискованное дело. Прямое нарушение закона. Но... как бы ни относились к телепатам в «Ксиласкаре», как бы сами телепаты не были лояльны к другим сотрудникам, все равно они держались вместе, и поддерживали в первую очередь друг друга, и из всех обычных людей, лишь одного-единственного считали полностью своим — завлаба Корнелия Беляева. Он многое делал для них. Бывало, что нарушал закон. Кое-кто из «корректоров» был обязан ему

жизнью. И хотя Ронг не входил в их число, вообще начал работать в «Ксиласкаре» задолго до назначения Корнелия на должность заведующего, телепаты на то и телепаты, чтоб делить на всех и доброе и злое.

Ронг сходит к Ибрагимову, а, вернувшись, перескажет все, что промелькнуло в мыслях и эмоциях директора, в ответ на имя Бастарда. Просто перескажет. Отсеивать зерна от плевел Корнелию предстоит самому. И непонятно, чего хочется больше: чтоб зерен не оказалось, или, все-таки, чтоб подтвердились невозможные подозрения.

Подозрения подтвердились.

Лукас фон Нарбэ под чужим именем, в одиночку, на приписанной к Богом забытому порту явае, летел в «Ксиласкар», чтоб пройти психологическую обработку.

У него появится хозяин. Он перестанет быть свободным. Перестанет отвечать за себя.

Этого нельзя было допустить.

И времени почти не осталось.

* * *

Письмо пришло в папку «личное». От Корнея.

Ае улыбнулся.

В позапрошлом году Корней, наконец-то, выполнил обещание и приехал в гости. Прожил у них три месяца. И, вроде бы, перестал так сильно горевать о смерти сестры. На работе своей прошел все тесты, писал потом, что почти не осталось последствий стресса. А то ведь, поначалу-то, когда сестра его умерла, ничего не мог, не ел, не пил, не работал, из рук все валилось. Отпуск ему дали на полгода. Вот из них-то три месяца он здесь и погостил.

Вылечился.

Потому что семья нужна. Если семьи у тебя нет, кто тебе душу излечит? Пастырь только приходской. Но какие там Корнею пастыри? Он сам мог бы, если б священником стал. Нет. Только семья. А семьи-то как раз и нет. Сестра одна и была, да и ту он годами не видел.

Ае Леан, полковник мирских сил по охране правопорядка, к семье и семейным узам относился очень уважительно. На втором месте семья была после друзей. А друзья — первыми после Бога.

Корней спас его сына Ену, первенца, наследника. Ену двенадцать было, когда он заболел, стал псиоником. Врачи сказали: атипичная телепатия. Это всей семье приговор. Ена церковь убьет, а остальных всех — в рабство. По закону.

Ае всю жизнь закон защищал, и когда сам преступником оказался, спорить не стал. Раз уж так вышло, с чем тут спорить? На все воля Божья. Но атипичных телепатов, оказывается, всех отправляли в «Ксиласкар», изучали их там, обследовали. А в «Ксиласкаре», когда Ена к ним попал, почти сразу сказали, что никакой он не телепат, а эмпат, просто очень сильный. Имя ученого, который диагноз ставил, Ае запомнил. Корнелий Беляев. Заведующий лабораторией организации и ведения программ психологической помощи. Помогают, значит, людям. Вот чем занимаются. Достойное дело — людям помогать.

Ена туда же, в школу при «Ксиласкаре» учиться улетел. Благо, все на одной планете. Школа — интернат, но Ена днем на уроках, а вечером домой, в семью. Потому что семья — это главное, хоть ты здоровый человек, хоть псионик. Сейчас Ене семнадцать, он уже в лаборатории Корнея стажер. Занят сильно, но все равно на семью и родителей минутку находит. Сегодня сюда, в Управление, прилетел. Вместе, мол, домой пойдем, матери сюрприз будет. Ае тоже сюрприз был — не ожидал сына в кабинете застать, да еще за служебным компьютером, к которому никого и близко подпускать нельзя.

Ену можно... Ае не смог бы объяснить себе, почему так уверен в том, что на сына не распространяются правила безопасности, но не беспокоился по этому поводу.

Он не стал спешить с чтением письма. Личное — это личное, это в свободное время. А

свободного времени немного. Ае открыл папку с входящими — одновременно с письмом Корнея пришли отчеты о захвате особо опасных киборгов. Хорошее дело. Пусть в пресс-центре с этим поработают, как раз успеют дать материал на дун-кимато в «События суток». Ориентировка еще на одного. Генрих Зеф, киборг, особо опасный... как и все они. Ну, и почему же сюда? Такие приказы не на этот уровень приходят. Куда секретарь смотрел?

А. Вон оно что. Понятно.

— Понятно-понятно, — пробормотал Ае, перечитав письмо.

Зефа следовало захватить у навигационного маяка, возле которого, по расчетам диспетчерских служб, его явая «Вэйда» через восемь дней должна была выйти из «подвала». Захват в пространстве — само по себе дело необычное: все же, мирвои управления гораздо чаще имели дело с киборгами на планетах, а пространство, оно для рыцарей Десницы. Но дальше еще того похуже. Киборгу предстояло отправиться на «Сонсарк». А когда речь заходит о «Сонсарке», допуск к теме как раз на уровне зам. начальника управления. Не тот корабль, чтоб быть достоянием общественности; не тот у корабля маршрут... да и преступники, которых отправляют этим маршрутом, не самые обычные.

А вообще, поганый корабль. И кому не надо все равно о нем знают. Так уж повелось в мире, что грязь — просачивается.

«Сонсарк» перевозил преступников на особую каторгу. На забытую Богом и большинством людей планету, не внесенную в общедоступные реестры космических объектов. Не внесенную даже в необщедоступные реестры. У планеты не было названия, только номер. Но люди без названий не умеют, так что среди посвященных затерянную в пространстве каторгу называли Мезар, Могила.

Посвященных было немного.

Каторжан на Мезаре — тоже.

Туда отправляли тех, кто должен навсегда исчезнуть: киборгов, успевших прослыть героями, проштрафившихся дворян, маркграфов, пойманных за руку на преступлении. А также тех, кто должен перестать быть, но кого по каким-либо причинам нельзя убивать. Например, тех, кому церковь пообещала жизнь, несмотря на непростительные грехи.

Сколько той жизни — это другое дело.

Команда «Сонсарка» доставляла преступника на Могилу и снимала показания приборов выходного шлюза. Всего один параметр: жив преступник или мертв. Привези «Сонсарк» на Мезар мертвеца — вся команда пошла бы под суд за убийство. Поэтому привозили живых. А уж в каком состоянии — это было неважно. На то и Могила, чтоб хоронить, пускай даже заживо.

Что ж, не повезло Зефу.

В обеденный перерыв, Ае открыл письмо Корнея. И здорово удивился. Имя Генрих Зеф бросилось в глаза раньше, чем он начал читать.

Корнею-то этот тип зачем?

«Ксиласкар» сотрудничал с управлением, в институте исследовали киборгов, разрабатывали методики выявления имплантантов. Раз в месяц туда уходили личные дела пойманных преступников. Тех, чьи способности были или казались новыми. Чаще всего — казались, потому что принципиально новые имплантанты появлялись нечасто, в основном же изготовители улучшали старые модели. Изредка — очень редко — «Ксиласкар» сам делал запрос на поимку какого-нибудь особо интересного экземпляра. Официальный запрос на имя полковника Ойерстана.

Корней предпочел написать неофициально, и не сахе Ойерстану, а его заместителю.

Причина для этого была веской.

Ае перечитал письмо, все больше мрачняя. Даже аппетит пропал, а ведь жена ждет к обеду. Корней писал, что Генрих Зеф не просто киборг, а киборг-псионик. Вот, спасибо, будто мало было мороки с обычными! Что с ним делать, с псиоником-то? Как брать, как обезвреживать?

В приказе насчет Зефа написано, что он не окажет сопротивления. Так в себе уверен, что ведет себя как добропорядочный подданный. Думает, никто его ни в чем не подозревает.

Корней пишет, что Зефу, как любому киборгу, достаточно будет камеры с повышенной гравитацией. Мол, обездвижить его, и все путем. Главное потом не разговаривать. Ну, это да. Ходят, конечно, слухи, что псионики, хоть разговаривай ты с ними, хоть молчи, все равно могут в мозги к тебе залезть и в кашу перемешать. Но Корней говорил, что так даже не всякий телепат умеет. А Зеф, вроде, в телепатии не замечен.

Что он такое, чего может, и не имплантанты ли ему пси-способности дали — это Корней как раз и хочет выяснить. Для того и письмо прислал. А чего Корней не хочет, так это чтоб слухи раньше времени расползлись. Конечно! Страшное же дело, если в Баронствах или в Нихон искусственных псиоников изготавливать научатся. Нет, тут пока все точно не проверишь, ни о чем говорить нельзя.

Никому.

Сахе Ойерстану, разумеется, доложить придется. Но дальше информация не пойдет, пока Корней с результатами исследований не вернется с «Сонсарка». Главный спец по псионикам в «Ксиласкаре», кому, как не ему этим киборгом заниматься?

Значит, никаких имен. Группе захвата достаточно знать, что они ловят киборга. На «Сонсарке» он получит номер. На Мезаре — исчезнет навсегда. И дай-то Бог, чтоб подозрения Корнея не оправдались. Дай-то Бог. Потому что один киборг может исчезнуть, но что делать, если их станет больше?

* * *

У навигационного маяка вышел на связь вирунг мирвоев «Яру». А Лукас, отвечая на вызов, вспомнил вдруг, что у него сегодня «день рождения», день выемки из инкубатора, если быть точным. А через три месяца Марту будет двадцать два, и хорошо бы вернуться домой к тому времени. Почему вспомнилось, непонятно, но забылось так же быстро, потому что с «Яру» приказали приготовиться к стыковке и принять на борт патрульную команду. Будь его воля, Лукас вообще не выныривал бы из «подвала» вплоть до самой Столицы, но приказано было отмечаться у маяков, а раз надо, значит надо.

И вот, «Яру». Что им не так? Непонятно.

Лукас не стал спрашивать. Мирвоям, в конце концов, виднее кого останавливать. Работа у людей такая. Поймут, что не по делу прицепились, извинятся да и улетят себе.

Он впустил патруль на свою яваю. Думал, надо будет открывать грузовой отсек, ждать, пока просканируют все переборки — контрабанду ведь ищут, что же больше-то? Оказалось, что интересует не контрабанда, а он сам. Проверка личности. Тоже не проблема, благо документы на имя Зефа делали церцетарии, а они лучшие в Империи изготовители фальшивок. Дэвиду, вон, даже дальнюю родню организовали и предков до седьмого колена.

То, что его сочли киборгом, не насторожило ни на миг. Не сочли бы — не было бы и проверки. Сами мирвои ни о чем подобном не упомянули, держались как можно естественней, но и Лукас на их месте, наверно, поелику возможно делал бы вид, что ситуация штатная. С киборгами связываться себе дороже.

Нештатной ситуация стала, когда выяснилось, что неисправен анализатор генкода. Он попросту отказался включаться. Мирвои напряглись, причем сильнее, чем хотелось бы Лукасу. Он-то не киборг, но они-то об этом не знают, а доказательств пока никаких. Тут любое неосторожное слово могло спровоцировать неосторожные действия. Поэтому, когда командир патруля предложил перейти на «Яру» и там засвидетельствовать личность, Лукас согласился без раздумий.

Столкновения с мирянами никак не хотелось.

Сопровождал его один из бойцов, встретил уже предупрежденный о неполадках медик, пригласил пройти в лазарет.

И стоило переступить комингс, как на плечи рухнула вся тяжесть мира...

Лукас не устоял на ногах. Неодолимая сила вдавила его в палубу, из легких выбило загуствоший воздух.

Красная пелена перед глазами — лопнули сосуды.

Он еще пытался сопротивляться, пытался хотя бы дышать, когда дверь лазарета снова открылась. Внутри вошла фигура в боевом противоперегрузочном скафандре. Склонилась над ним, и очень ловко, действуя с ювелирной точностью, что-то впрыснула в вену на шее.

На этом все закончилось.

Глава 5

«воздаст человеку по делам его, и за дела людей — по намерениям их»

Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова (35:21)

Бывший маркграф, бывший подданный, бывший хозяин жизни и смерти многих и многих людей, а ныне, навеки запертый в собственном доме преступник, Юлий Радун принимал в своем доме священников ордена Всевидающих Очей.

Без энтузиазма принимал. Без интереса. Ничего хорошего он от гостей не ждал, а ничего плохого они ему и сами сделать не могли. Приговор вынесен, приведен в исполнение и обжалованию не подлежит.

Всё.

И, однако, с Радунм нужно было как-то договариваться. Среди его контактов была ниточка, ведущая к руководству Капелле, к врагам Империи, заинтересованным, как выяснилось в исследованиях барона Чедаша. Контакты Радуна остались в прошлом, их не существовало, исследованы они были, кажется, во всех подробностях, да вот, недостаточно, чтоб найти то, не знаю что.

Впрочем, кого искать, орден уже знал. Не зря допрашивали захваченных бойцов Капеллы; не зря так подробно и вдумчиво беседовали с отцом Мартом Плиекти; так тщательно изучали материалы в бохардате. Искать нужно было ученых, практиков и теоретиков, занимающихся генетикой человека. Интерес представляли те, кто уволился из институтов и клиник Империи; всплыл в Баронствах; вообще пропал из вида, оставив научную деятельность; или сотрудничает с Союзом Маркграфов.

А точнее, сотрудничал лично с Юлием Радунм.

Отцу Лукасу в обмен на информацию из цитадели барона Чедаша обещали компромат на опального маркграфа. Очень серьезный компромат, подтверждающий прямое отношение Радуна к проекту «Бессмертные». Достаточно ли этого, чтоб предположить, что предложивший сделку представитель Капеллы был близко связан с Радунм? Чтоб предположить, что область интересов Капеллы — запрещенные Божественным Императором искажения человеческой природы?

Отец Пауло Пабалес взял на себя смелость сделать такое предположение. И среди людей, с которыми так или иначе вел дела бывший маркграф, нашли одного, отвечающего заданным условиям. Всего одного ученого, двадцать семь лет назад уволившегося из Его Императорского Величества медицинского научного центра «Ксиласкар».

А «Ксиласкар» не такое место, откуда можно уволиться и просто исчезнуть. И все же этому человеку удалось уйти из-под надзора ордена Всевидающих Очей, выскользнуть из-под колпака мирской службы имперской безопасности. Дю Гарвеи планировали устранить его, да вот, не вышло. Он сам погиб. На том дело и закончилось.

Чтоб начаться совсем в другом месте.

У отца Пауло не было никаких доказательств того, что именно этот человек восемь лет назад начал проект «Бессмертные». Доказательств не было ни у кого. Лишь подозрения, подтвердить или опровергнуть которые мог Юлий Радун.

А мог послать высокого гостя к убыру, закрыть дверь и вернуться к дун-кимато. Единственной, доступной ему связи с внешним миром. Да и то, односторонней.

Один из самых деятельных маркграфов и, без сомнения, больше остальных склонный к авантюрам. Какого ему уже два года жить в заточении, в бездействии, без возможности хоть как-то повлиять на мир, который, в свою очередь, перестал влиять на него? Отец Пауло сделал ставку на любопытство, обычное, человеческое любопытство.

И не ошибся.

Радун принял его. Сухо, недружелюбно, но принял. Приказал побыстрее изложить свое дело и убраться.

Излагать Отец Пауло начал с обещания, что все, сказанное в их разговоре, не будет использовано против Радун. Он прибыл по делу, касающемуся безопасности Империи, а бывший маркграф уже получил свое.

Обещание теряло силу, если Радун кому бы то ни было разглашал содержание беседы.

— Империя — плохая мать, — усмехнулся тот, — но она ждет от нас, что мы будем хорошими детьми. Ладно, я понял, меня по-прежнему в чем-то подозревают, и сейчас я могу смело подтверждать все подозрения. Какие именно?

— Этот человек работал на вас, — отец Пауло открыл «секретарь» с данными о беглом генетике.

Радун молча пробежал глазами текст, не особо вчитываясь, не задерживаясь на изображениях... За несколько абзацев зацепился взглядом. Покривил губы в непонятной улыбке:

— А Бастард, я смотрю, горячий парень. Тесновата церковь для аристократа, а? Не жалеете, что связались?

— Дом Божий просторен, в нем есть место для каждого. — Отец Пауло кивнул на «секретарь», — что вы можете сказать об ученом, сын мой?

— А ничего, — Радун пожал плечами и развалился в кресле, потеряв интерес к документам. — Псих какой-то. Я его знать не знаю.

— Зато он вас знает. Вы внимательно прочли ту часть, где упомянуты компрометирующие материалы? Их достаточно, чтобы привести вас в петлю.

— Проект «Бессмертные»? Да уж, представляю себе. За это и пять раз повесить мало. И из каких же, по-вашему, соображений я должен помогать церкви искать человека, который поможет привести меня на виселицу?

— Церковь сохранит вам жизнь.

— Жизнь у меня есть и сейчас, — бывший маркграф выразительно обвел взглядом просторную гостиную, — не самая плохая жизнь, как вы можете убедиться. У церкви есть что предложить, кроме этого?

— Есть ли у вас хоть капля совести, сын мой?

Удивительно, почему преступники такого масштаба, замахнувшиеся на основы благополучия Империи, не раскаиваются, глухие и к здравому смыслу и к увещаниям совести? Этот человек, ведь не может он не понимать, что посягнул на божественное право менять человеческую природу. Понимает. И уверен, что поступил правильно.

— Если бы у меня не было совести, преподобный отец, я не делал бы того, что делал.

— Вы предали Империю. Обеспечили преступникам базу для незаконных исследований. Убивали поданных...

— Да подданные и сами прекрасно друг друга убивают, вот уж, было бы о чем говорить. Я по-прежнему утверждаю, что не имею отношения к «Бессмертным», но знаете, преподобный отец, этот проект был направлен на то, чтоб сделать новых, более совершенных *людей* ! Это не преступление. Это благо по сравнению с законным созданием людоедов.

— Один из этих людоедов как раз ищет вас.

Радун сам пришел в ловушку, даже направлять почти не пришлось. И ловушка сработала. Рассеянная насмешливость мгновенно сменилась напряженным, мрачным

вниманием.

Бывший маркграф почти сразу вернул себе невозмутимость, но «почти сразу» — это слишком медленно для разговора со священником.

— Бастард свихнулся на идее доказать мою вину? Решение Собора для него что, сотрясение воздуха? Шум в ушах от перегрузок? — он рассмеялся, и смех даже прозвучал естественно. — Все-таки, тесновато ему в Церкви, отец Пауло, что бы вы там ни говорили.

Отец Пауло кивнул, и сообщил очень мягко и доверительно:

— Доказывать вашу вину он оставил нам. А сам озаботился тем, чтобы вас признали виновным посмертно. Видите ли в чем дело, Аристо исчез некоторое время назад. Вероятнее всего, ему не хватило терпения ждать, пока заработает неспешное церковное правосудие. Где он сейчас, никто не знает. Где-то в пространстве, а это означает — повсюду. — Он сделал паузу, давая собеседнику время осмыслить новую информацию. И напомнил: — мы предлагаем вам жизнь в обмен на сведения о беглом генетике.

— Вы... — Радун поморщился недоверчиво и чуть брезгливо, — натравили на меня этого бешеного ублюдка. Кому же мне теперь верить, преподобный отец, если даже церковь занимается шантажом и угрозами? Те священники, погибшие на Акму, и объекты экспериментов, которых уничтожили вместе с лабораториями... вы думаете, это делалось, чтобы спасти мою жизнь? Спасали человека, от которого зависело продолжение программы. Спасали идею. Если Аристо доберется сюда, чтоб меня прикончить, значит, так тому и быть.

— Этот человек, которого вы спасали ценой жизни моих братьев, ценой жизни мирян и своего наместника, он сам готов предать вас.

Радун пожал плечами:

— Будущее «Бессмертных» зависит от него, а не от меня.

— Что ж, — отец Пауло запустил на «секретаре» видеоролик, — да, это шантаж. Но, откровенно говоря, сын мой, я готов взять на себя этот грех, потому что смерти от рук Аристо вы, все-таки, не заслужили. Эта запись сделана в Рое, в так называемой «Клетке». Думаю, вы знаете, это место. Людоеда здесь, разумеется, не видно — специфика аристократов. Зато видно все остальное. Смотрите. Может быть, так вы лучше меня поймете.

Маркграф в третьем поколении, Юлий Радун не растратил, а только преумножил доставшуюся от отца и деда способность быстро оценивать ситуацию и принимать верное решение. С воображением у него тоже все было хорошо. А запись боя в Клетке, демонстрация мучительной и страшной смерти киборгов-убийц ужаснула бы даже человека, воображения напрочь лишенного.

От того, что Аристо не было видно, происходящее казалось еще более страшным. Воистину, кара Божья настигла преступников.

Кара Божья в любой миг могла настигнуть Радуна.

— Сейчас его зовут Сергей Першин, — Радун остановил ролик, — знаете что, преподобный отец, Бастарда стоило убить, пока была такая возможность. Он никогда не был вашим, всегда — ничьим. А сейчас еще и поводок оборвал.

Профессор Першин не был телепатом. И никак не ожидал, что станет. Невозможно было заболеть телепатией в его возрасте. Давным-давно медицина доказала, что восемнадцать лет — порог, после которого пси-способности, даже если потенциально человек ими и обладал, уже не проявят себя. Провокацией для проявления служили сильные стрессы: тяжелые инфекционные заболевания, черепно-мозговые травмы, употребление наркотиков, эмоциональное напряжение во время гормональной перестройки организма в подростковом возрасте. К восемнадцати годам сроки выходили, болезнь становилась бессильна победить здоровый организм или разрушить сформировавшуюся психику.

Сергею Першину было двадцать семь, когда он узнал, как происходит импринтинг аристократов. Стресс оказался слишком сильным.

Еще не придя в себя, Першин попытался найти помощь у церкви. Тогда он еще верил священником, и еще не понимал, что болен.

А церковь ничего не предприняла.

«Это было тридцать лет назад», — отец Пауло кивнул своим мыслям, взглянул на умолкшего собеседника:

— Продолжайте.

Рассказ Радун заполнял пустоты в давней, так до конца и не понятой истории.

Тридцать лет назад один из генетиков «Ксиласкара» просил у церкви помощи для телепатов. Это было. Но церковь тогда решала собственную проблему. Серьезную такую проблему по имени Лукас фон Нарбэ. Тот не умел еще ни ходить, ни говорить, а уже стал головной болью.

Вот тогда бы задуматься, а что ж дальше-то будет? Не задумались. Теперь поздно.

А генетик исчез сразу после беседы со своим исповедником. Тот уже знал, что его духовный сын готов разгласить сверхсекретную информацию. Что за информация, разумеется, не знал, на то она и сверхсекретная, но что от неразглашения может зависеть благополучие Империи — это-то ему было известно. И этого оказалось достаточно, чтоб ученый скрылся раньше, чем до него добрались священники церцетарии и агенты мирской службы.

Все они, и церцетария, и мирвои СБ, и даже всеведущие, всемогущие аристократы не знали главного: человек, которого они упустили — телепат. Не просто заблудший подданный, с которым нужно провести разъяснительные беседы, да и отпустить с миром и свежевывищенной совестью, а телепат. Больной человек, вообразивший, что он обречен на смерть.

Наверное, поначалу ему было очень трудно. О тех временах и Радун располагал весьма обрывочной информацией, а отец Пауло и вовсе мог только догадываться. Подкошенный болезнью, не умеющий толком воспользоваться ее преимуществами, до смерти напуганный телепат с манией преследования. Невозможно поверить, что он уцелел. Однако уцелел, и смог сбежать в Баронства. А уж там, имея в активах опыт серьезной и творческой работы, не один десяток научных публикаций, несколько, не Бог весть каких, но, все же, открытий, разумеется, был принят с распростертыми объятиями. Барон Фу Вэнцзы лично стал его покровителем, обеспечил интересную работу, финансирование и новое имя.

Империя Шэн с огорчительным постоянством повышала научный потенциал Баронств...

Но телепат по имени Сергей Першин не успокоился на том, чтоб жить под крылом у барона. Он спас свою жизнь, но не мог не думать о телепатах, оставшихся в Империи. О тех несчастных, чья судьба была стать добычей «людоедов»-аристократов, или жертвой беспощадных священников. Их, этих телепатов, тоже нужно было спасать.

Воистину, столько бед от благих намерений, что можно задуматься, а не лучше ли всеми помыслами обратиться ко злу?

Капелла началась с благих намерений и благих поступков. С убежищ, перевалочных пунктов, капитанов-контрабандистов, прокладки маршрутов в считающихся безопасными областях пространства, где почти не бывало патрулей ордена Десницы. Тогда этой сетью пользовались родители телепатов, те, кто хотел уберечь детей, и спастись от рабства. Бездетные телепаты еще долго предпочитали довериться церкви, у них было меньше причин принимать помощь агентов Капеллы.

За все, конечно, нужно было платить. Услуга за услугу, благие намерения оплачивались сомнительными поступками. Преодолев естественный страх перед псиониками, нетрудно увидеть, сколько перспектив открывает сотрудничество с ними. Со временем спасенные дети выросли, и у Капеллы появились бойцы, воспитанные вне законов Шэн. А у самого Першина сформировалась идея о создании собственных сверхчеловеков, которые могли бы защитить его и остальных псиоников от церкви и от аристократов.

Использовать гены аристократов он не мог — любой из Домов тщательно оберегает свой генетический материал, — так что все, чем располагал Першин, были знания. Которые оченьгодились бы любому из баронов. К чести беглеца, за время его жизни в Вэнцзыруме, не было сделано ни единой подвижки в сторону работы над человеческими генами; шпионы Вэнцзы не получили никаких сведений об аристократах, там не знали даже о том, что до побега Першин работал в «Ксиласкаре».

Узнали бы, не ушел бы он из Баронств. Навсегда остался в персональной, комфортабельной тюрьме, где есть все условия для работы, и нет возможности от нее отказаться.

Юлий Радун почти всерьез считал, что с Першиным их свело Провидение. Союз Маркграфов тратил на генетические исследования немало сил и ресурсов, над чем-то работали сообща, на иных направлениях разгоралась жестокая конкуренция, но никто из маркграфов даже не пытался соперничать с Радун. Генетика считалось его специализацией. У Радун лучшие ученые, у Радун лучшие лаборатории, у Радун, разумеется, лучшие результаты. Работы велись только и исключительно разрешенные. Новые виды растений, новые породы бактерий, пищевые добавки, лекарства, препараты, способствующие ускорению акклиматизации — Союз Маркграфов традиционно принимал самое деятельное участие в освоении новых планет...

Случаи, когда кого-либо из маркграфов удавалось поймать на сговоре с Баронствами, на запрещенных Божественным Императором исследованиях по улучшению человеческой природы, можно было пересчитать по пальцам. За всю историю Империи не набиралось и десятка. Пойманных — не набиралось. Преступления совершались регулярно, но с той же регулярностью маркграфы умудрялись выходить сухими из воды. Правосудие было бессильно перед влиянием и изворотливостью высших представителей дворянства. Да и то сказать... пользы они приносили значительно больше, чем вреда. И, разумеется, никогда раньше не смели покуситься на жизнь священников.

Радун и здесь оказался первым.

Сейчас он утверждает, что защищал дело всей жизни, убил во имя идеи, не желая ничего, кроме блага для Империи. Правду говорит. Он верит в необходимость существ, которые превосходили бы аристократов физически, и совсем не беспокоится о том, каким может быть дух этих новых созданий. Радун — один из тех немногих, кто оказался посвящен в тайну аристократов, не будучи к ней готов. И он пребывает в заблуждении, считая, что любое разумное существо, даже киборг, превосходит аристократов духовно.

«Людоеды»...

Одна из самых серьезных ошибок. Они не идеальны, да. Но сколько было попыток, и сколько было ошибок, сколько чудовищ породила наука, прежде чем явилось на свет первое сверхсущество. Живое. Настоящее. Наделенное бессмертной душой.

Аристократы — люди. Доказательством тому яростный и бескомпромиссный в своей вере Лукас фон Нарбэ, в природе которого преобладают следование правилам и долгу; безрассудный и бескорыстный в своей любви Андре дю Гарвей, в чьей натуре в равной пропорции смешаны цинизм и здравый смысл. Эти двое живут здесь и сейчас. Были и другие. Вышедшие из-под контроля Божественного Императора. Уничтоженные. Оставшиеся в архивах под грифом «Совершенно секретно».

Оставшиеся в житиях бодхисатв людьми, а не аристократами.

Жаль, что Радун и Першин встретились. Они погубили друг друга. А каждый по отдельности мог бы принести так много пользы.

— Он стал псиоником в возрасте, в котором это считалось невозможным. — Радун произнес это так, как будто ничего больше и объяснять не нужно. Встретил ожидающий взгляд и, вздохнув, продолжил: — кто другой запаниковал бы и погиб, а он моментально сориентировался, освоился, научился пользоваться тем, что других с гарантией убивает. Да

даже если б он не был генетиком, а я не был собой, он мне все равно бы понадобился. Такие люди всегда нужны.

Что ж, и здесь он прав. Такие люди нужны. Даже если они преступники.

— Сергей считает, что пси-способности можно пробудить в любом человеке.

— Спровоцировать пси-заболевание? — не понял отец Пауло.

Радун тихо помянул убыров.

— Мы говорим на разных языках, ваше преподобие. Но пусть будет по-вашему. После восемнадцати лет психика не подвержена пси-болезням. Иначе, люди, пережившие тяжелый стресс, становились бы псиониками в любом возрасте. Поскольку ничего подобного не происходит, значит, Сергей — исключение. Но почему? Это был один из первых вопросов, на которые он смог ответить.

Отец Пауло молча ждал. У Юлия Радун очень давно не было собеседников. Ни одного. Жене и детям не позволили оставаться в одном с ним доме. Прислуга разбежалась сама. Переписка была запрещена.

Что ж, Радун продержался два года. И если бы отец Пауло не принудил его к этому разговору, держался бы до сих пор.

— Потому что он — телепат. Вероятность того, что взрослый человек переживет стресс, и окажется именно телепатом, все-таки, невелика. Для проявления телепатических способностей в зрелом возрасте нужен еще и дисциплинированный мозг, и постоянное интеллектуальное напряжение, и, возможно, еще ряд факторов. Сергей нашел их все. И пришел к выводу, что дело не в уникальности, а в слишком удачно сложившихся обстоятельствах. Или неудачно, — Радун сумрачно взглянул на отца Пауло, — это уж как вам будет угодно.

Вот кто не считает псионизм болезнью. Аристократов полагает чудовищами, а псиоников — здоровыми людьми. Еще и превосходящими остальных.

Не так уж и не прав, кстати. Насчет псиоников. Пси-способностями когда-то очень интересовались аристократы. Этих никакими болезнями не напугаешь. И в те же незапамятные времена, когда аристократы только входили в силу, было установлено, что не существует гена, отвечающего за пси-способности. Проблема не в генетике.

То, что тридцать лет назад ученый, заболевший телепатией, предположил, что псиоником может стать любой человек в любом возрасте — неудивительно. Куда более странно, почему никто в Империи не додумался до этого раньше. Может быть, по той же причине, по которой никому раньше не приходило в голову спасать псиоников от государства?

Спасать телепатов от церкви, которая спасает их от аристократов... Тут у посвященного-то ум за разум зайдет. Немудрено додуматься до того, что именно церковь и есть главный враг. Кто пресекает распространение информации, не позволил рассказать людям правду, покрывает детоубийство и на невинной крови строит благополучие и безопасность Империи?

Церковь. Конечно же. Кому больше?

Невозможно бороться с церковью в Шэн. Невозможно и неприемлемо для того, кто желает Империи добра. Першин — патриот, как и Радун, оба они готовы совершить малое зло ради большого блага, но войну с церковью тогда, восемь лет назад, малым злом еще не считали. Тогда Першин искал способ сделать псиоником любого человека. Если все подданные, все, начиная с дворян, станут псиониками, закон просто не сможет больше ущемлять их в правах. Хотя бы потому, что это станет ущемлением в правах сначала самой привилегированной части населения, а потом — населения целиком. Естественно, в этом случае, закон изменится. С несправедливостью будет покончено.

— Вот только телепатов-то это не спасло бы, — произнес отец Пауло вслух. — До тех пор, пока телепаты нужны аристократам, их не спасет ничего.

Радун провел пальцем по пластине «секретаря», кивнул:

— Сергей это понимал. Он идеалист, но думать умеет. В его планах пробуждение пси-способностей было лишь первым этапом. Понять механизм, увидеть связи, узнать, как это работает, чтобы потом, освоившись, не только пробуждать способности, но и гасить их. Это... стало бы выходом для всех. Кроме, конечно, аристократов. — По тону ясно было, что судьба аристократов волнует бывшего маркиграфа меньше всего.

— Никаких телепатов, как следствие — никаких аристократов-людоедов, и ваши «Бессмертные» в качестве адекватной замены?

— Именно так.

Преступать законы Империи радея о благе Империи, совершить непростительный грех и подписать себе смертный приговор во имя цели, к достижению которой не удалось еще даже приблизиться. И этот человек называет идеалистом Сергея Першина!

Как жаль, все-таки, что он не понял, кто же его настоящий враг.

— Вы ошиблись насчет аристократов, сын мой.

— Не пойдем мы друг друга, ваше преподобие, — отмахнулся Радун. — Ладно, что вы хотели узнать? Как найти Першина? Я дам вам пароли и номера дуфунгов. Еще что-нибудь?

— Вы давно не получали новостей из привычных источников, — напомнил отец Пауло, вовсе не имея в виду задеть своего собеседника, всего лишь указывая на тот факт, что Радун теперь имеет доступ только к официальной информации.

— А что-то изменилось?

— Что-то меняется прямо сейчас, сын мой.

Да. Что-то менялось. Неизвестно только, к добру или худу.

Церкви не хватало времени на то, чтобы осмыслить изменения. Церковь вообще никогда, никуда не спешила, даже орден Десницы, стремительный в боях, внутренней жизнью своей доказывал, что когда Господь создавал время, Он создал его достаточно. Но вот один рыцарь Десницы нарушил привычный, размеренный порядок, вырвался за пределы породившей его системы, и системе нужно как-то реагировать.

А рыцарь этот — слишком быстрый парень, чтоб успеть за ним.

Слишком быстрый.

Отец Гонта понял это раньше всех. Надо, надо слушать Пастырей, они знают, о чем говорят. Но бывает такое, что соображения безопасности перевешивают здравый смысл, и уж подавно перевешивают милосердие и жалость. У церцетарии — бывает. Для того она и существует.

Отец Гонта понял...

А еще понял Чедаш.

Со стороны Сергея Першина крайне опрометчиво было пытаться манипулировать бастардом фон Нарбэ.

Он много лет жил в Вольных Баронствах, и, конечно, вплотную интересовался всеми достижениями конкурентов, генетиков, работавших на других хозяев. Вот и о Чедаше выяснил все, что смог. Узнал, что тот умеет создавать искусственных псиоников. Узнал, что безумный барон владеет секретом, который так нужен аристократам, владеет информацией, которой нет больше ни у кого. И никогда, ни с кем ею не поделится.

Потому что — незачем.

Чедаш — тварь, так и оставшаяся непонятной. Непонятой. Какая-то странная мутация? Нечеловеческая форма жизни? Да Бог весть. Першин не знал, кто он. И орден Всевидящих Очей пока не знает, кто он. Орден Шуйцы, может быть, даст однажды ответ. Но случится это нескоро.

И только события на Акму и полученные от отца Марта донесения, из которых следовало, что единственный неподконтрольный Божественному Императору аристократ не в себе, и пойдет на все ради мести Радуну — только это дало Першину крохотную надежду на то, что технология пробуждения пси-способностей, а заодно и технология создания сверхчеловеков, все-таки, достижима.

Благими намерениями... А жаль.
И Першина жаль. И Юлия Радуна.

Методику Чедаша сейчас самым пристальным образом изучали священники Шуйцы, к ней пока еще не подпускали мирян, даже проверенных и перепроверенных ученых из «Ксиласкара» держали поодаль. Рано. Полученные сведения грозили потрясти устои Империи, если только не распорядиться ими мудро и в высшей степени осторожно.

Методика Чедаша позволяла обходить делать псиоников из мертвецов. Мертвый человек может все, для него нет никаких ограничений. Берешь тело, вкладываешь в него набор функций, зачатки эмоций — чтоб был верен. И вот тебе, пожалуйста, раб-псионик с заданными параметрами. Очень удобно.

Страшно.

Чедаш писал в дневнике: «верность, подобная верности шэнских аристократов, достигается без преступного насилия над душами...».

Существо, в котором не было ничего человеческого, которое поднимало и заставляло служить себе мертвые тела, считало преступлением искусство укрощения аристократов. Чедаш не мог делать псиоников из живых людей, независимо от наличия пси-способностей. Он писал:

«...Существует условие, при котором живым псиоником может стать только искренне верующий или потомок праведника».

И приводил статистику. Неопровержимую, увы. Полностью подтвержденную данными ордена Пастырей. В том, что все псионики, которых удалось исследовать, верили в Бога, нет ничего удивительного, учитывая, что все они — подданные Божественного Императора. Нигде больше не знали болезни псионизма, ни в Баронствах, ни в Нихон, ни на Старой Терре. Но то, что большинство известных псиоников далекие, очень далекие, и, все же, прямые потомки праведников былых времен. Это удивительно. И это... почти пугает.

Отец Гонта не испугался. Удивился и восхитился, и не почувствовал страха, только восторг перед непостижимым людям замыслом Божьим. Отец Гонта, прочитав дневник Чедаша, сказал, что псионики — это не болезнь, а следующий этап развития человеческой души. Следующий этап. Новая ступень. Еще на шаг ближе к Господу...

А слова с делом у ордена Пастырей не расходятся, ибо дело их — это поиск нужных и верных слов для всех, кто живет и мыслит. Отец Гонта написал статью для недоступного мирянам и большинству священников, распространяемого только внутри старших орденов журнала «Temprus». Положил начало переменам. Тем самым, которые спешила и не успевала осмыслить древняя, мудрая, могущественная церковь.

«Аристократы не могут быть псиониками» — писал Чедаш.

«Аристократы не верят, и никогда не верили, — подтверждал отец Гонта. — За исключением фон Нарбэ, у которых свои взаимоотношения с Богом».

Аристократы не могут верить, им мешает зависимость от Божественного Императора. Можно прикрываться множеством красивых слов об ответственности и взятии на себя грехов, но, по сути, Божественный Император заменил для аристократов Бога. Благодаря ему, они не задумываются ни о вере, ни о добре и зле, они знают, что им можно все, и делают, что пожелают.

Чудовища?

— Совершенные физически! — так сказал отец Гонта.

Статья в «Temprus» переворачивала представления о мире. Пастыри самое сложное умеют делать простым, умеют делать понятным. Для этого они и нужны. Но у этой простоты всегда двойное дно. «Делать псиониками мертвецов, гомункулов, значит исказить идею развития Божьих замыслов, — писал отец Гонта, — псиониками должны становиться живые люди. Совершенная душа в совершенном теле — если не этого хотел Господь для людей, то чего же?»

Действительно! Чего же?

И о чем в первую очередь подумает любой, кто прочел несложные, естественным образом вытекающие друг из друга тезисы?

О том, что идеал человека — это аристократ-псионик? Созданное человеческим гением совершенное тело, в котором пребывает достигшая новых высот душа — творение Бога.

Господи помилуй, что же делать с этим знанием?

Изготовление гомункулов — преступление. Его Высокопреосвященство, магистр ордена Наставляющих Скрижалей Гонта Хакберг повторяет это снова и снова. Почему? Да по той же причине, по которой Его Высокопреосвященство магистр ордена Всевидящих Очей Тао Пипин хотел бы навсегда спрятать открытие Чедаша и от мирян, и даже от Божественного Императора. Слишком велик соблазн для Его Величества заменить аристократов мертвецами и получить, наконец, верных и преданных псиоников; слишком благи намерения: аристократы должны быть свободны, и они освободятся, как только им найдется замена;

Отец Гонта считает, что Господь послал испытание, и Его Величество должен устоять перед искушением. Отец Тао знает: для Божественного Императора устоять перед искушением означает — отдать престол.

А отец Пауло хотел бы знать, многие ли в старших орденах понимают, что выхода нет? Все равно, воспользуется ли Его Величество технологией Чедаша, или прикажет навсегда забыть о ней. Потому что на престоле должен быть человек, ближе всех подошедший к воплощению замыслов Творца. Таким человеком церковь всегда считала Божественного Императора.

Всегда.

Теперь все изменилось.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1

«И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль»

Книга притчей Соломоновых (14:13)

Два года назад, улетаая с Земли, Дэвид еще слабо представлял себе жизнь в Империи, но одно мог сказать наверняка: он будет жить тихо и незаметно. Тем более что и любимая работа требовала незаметности и тишины. Кому охота иметь дело с вором, о котором говорят в новостях и показывают по дун-кимато на всю Империю?

Да не бывает таких воров!

Дэвида показывали на всю Империю, о нем говорили в новостях, о нем писали в дун-яриф и даже в бумажных газетах. Дэвид уже и сам не верил, что он вор.

Потому что так не бывает.

С Сингелы в Столицу его везли на представительского класса танге «Гюль». Дэвид был там единственным пассажиром, и просто-таки купался в волнах внимания и уважения со стороны экипажа. Аж укачало. Даже несмотря на то, что уважали и внимали не по обязанности, а от души. Героя везут, как же!

Капитана танги звали Эйсмонд Бао. И он сказал, что «Гюль» — самый быстрый звездолет в своем классе. По скорости, мол, не уступит явям.

Может, и так. Но Дэвид летал на с Лукасом, и теперь кое-что знал о скоростях. За это ему, кстати, выказывались отдельные респекты. Мало того, что сам герой, так еще и с Аристо на короткой ноге. Дэвид порой ловил себя на том, что запускает в чипе фоновой музычкой древнюю детскую песенку:

«...не думал не гадал он, никак не ожидал он, никак не ожидал он, такого вот конца». Это было сродни насвистыванию. Дурная привычка. Он отключал музыку, а через какое-то время, сам того не заметив, запускал снова.

Зато Столица... Столица впечатляла! Убивать барона ради того, чтоб ее увидеть, это, конечно было перебором. Но вот, например, закатать барону в рог — этого она, пожалуй, стоила. Огромный город, с орбиты еще видимый целиком, а с неба уже как будто бесконечный. Планета называлась Малак, городов на ней были тысячи, но вспоминали об этом только в очень официальных случаях, а между собой, даже в документах, даже по кимато, и планету называли Столицей, и о городе говорили всегда только об одном. О Столице. Те, кто видел ее хотя бы однажды, понимали — почему.

Не только в том дело, что это сердце и мозг Шэн. Чего там, по правде-то сказать, и сердца и мозга, они, все-таки, у церкви, а не здесь. Но Столица была символом... всего. Всего, что называлось Империей. Тут тебе и небесное и земное, и ангельское и человеческое, и все красиво, и все величественно. И храм-обитель Божественного Императора, конечно.

В Столицу мог прилететь кто угодно. Поселиться и жить себе. Работать, учиться, развлекаться — что пожелаешь. Попасть в храм-обитель можно было только в особые дни, когда там устраивали экскурсии, а записываться на экскурсию пришлось бы лет за пять. Очень уж длинная очередь.

Дэвид, вообще, собирался когда-нибудь, непременно... В основном из интереса — получится ли подправить учетные записи в базе этой самой очереди. Невелик фокус, казалось бы, но только если забыть, что база-то в храме-обители Божественного Императора, и защиту для нее писали, как и для всего там, лучшие имперские спецы. Возможно даже аристократы.

А теперь вот и править ничего не надо: в обитель приглашен, и даже с Божественным Императором повидаться светит. Никакого интереса... хотя, брехня, конечно. Интересно, и еще как. Любопытно. И, опять же, поглядеть, что там к чему, и на императора, и вообще... Аудиенция. Слово-то какое, а!

Песенка вертелась уже не на чипе, а прямо на корке. «Не думал, не гадал он...»

Удостоился, честный вор, Дэвид Нортон.

Инструктаж перед аудиенцией проводили в отеле, в маленьком конференц-зале, оборудованном по последнему слову техники и комфорта. Дэвид заподозрил, что совещания здесь проводят в основном дворяне, причем, не ниже, чем маркиграфы. Ну, а кому еще нужен такой маленький, но такой навороченный зальчик в лучшем столичном отеле? Тем, кто сам в Столице не живет, а с правительством, тем не менее, дело имеет.

Он еще и осмотреться в зале толком не успел, как в дверь вошел Март.

Рост, выправка, скользящая спайсменовская походка, взгляд стальной, лицо каменное: Эталонный рыцарь Десницы. Дэвид не узнал бы Марта, если б тот не улыбнулся. Улыбка осталась прежняя: радостная, широкая, искренняя. А сам Март...

Очень изменился за полгода.

Очень повзрослел.

Инструктаж должен был начаться в десять. Дэвид пришел без трех минут, Март — без двух. Но им дали время поздороваться и обменяться парой-тройкой вопросов. Инструктор деликатно сделала вид, что опоздала: Дэвид засек ее за приоткрытой дверью.

Короткие — просто, чтоб обозначить границы будущего, обстоятельного разговора — вопросы. Такие же короткие — просто, чтоб ясно стало, о чем получится рассказать, а о чем не выйдет — ответы.

— Лукас?

— Занят. Его не будет.

— А Скорда?

Два вопроса, два раза выражение лица Марта изменилось. С Лукасом непонятно, но вот он Март, такой взрослый и серьезный, что можно подумать, будто он уже отвык во всем

полагаться на командира, и теперь сам отвечает за себя. Занят, значит, Лукас фон Нарбэ... Не будет его. А, услышав об Андре, Март удивился:

— Он разве не в Столице? Ему-то к аудиенции готовиться не надо.

Тоже верно. Скорде инструкции ни к чему, он аристократ, он и так все знает.

На этой ноте за дверью решили, что для первой встречи достаточно. В зал вошла немолодая, стройная дама с царственной осанкой, представилась Саныпэ Бродовски из малого дома Бродовски, и сообщила, что для нее большая честь знакомство с героями, представленными к высшей боевой награде. С дворянами до этого иметь дело как-то не приходилось, и Дэвид сосредоточился на том, чтоб не забывать об обязательном при обращении к дворянке, дополнении «благородная». Благородная Бродовски-илэ... Несложно, в общем-то. Да и говорить почти ничего не пришлось. Вопросов немного. Благородная сахе излагала процедуру очень толково, тайминг; диспозиция; кто, что и в каком порядке должен сказать; допустимые рамки для ответов на вопросы. План приемного зала подсвечивался в нужных местах... До Марта раньше дошло. Но и у Дэвида в мозгах щелкнуло еще до того, как он вопрос Марта услышал.

Церемония была для двоих. Лукаса не будет, это ясно. А Скорда? Или... как там его на самом деле?

— Благородная Бродовски-илэ, — заговорил Март, — разве награждать будут только нас с сахе Нортонем?

— Да, ваше преподобие, — Бродовски вопрос явно доставил удовольствие, она даже улыбнулась теплее, чем требовал протокол, — только вас. Церемония награждения обезглавивших Капеллу церцетариев, состоится отдельно. Такие поразительные свершения: две победы над самыми серьезными врагами Империи, заслуживают каждое отдельной церемонии. Вместе с вами, посмертно, будет награжден благородный сахе дю Гарвей...

— Что? — Март перебил собеседницу, но даже не заметил, что грубо нарушил этикет, — как... посмертно? Что значит посмертно? Это же не... Это не тот дю Гарвей, который был с нами в Баронствах, нет? Благородная Бродовски-илэ?..

«Так вот как его зовут», — отстраненно подумал Дэвид, — «дю Гарвей».

И сам себя поправил: — «звали».

В штурме Цитадели принимал участие только один из дю Гарвеев, значит и награду должен был получить именно он, и Март это понимает, просто Марту пока трудно это принять.

— Благородный сахе Андре дю Гарвей, — произнесла Бродовски. — Мне очень жаль, ваше преподобие.

Ей было жаль, это правда. Ни один нормальный человек, без разницы, дворянин или простолюдин, не любит оказываться вестником смерти. Благородная сахе Бродовски понятия не имела, кем был Андре для Марта — Дэвид и сам не очень это понимал, если уж на то пошло, — но она знала, что они вместе были в Баронствах, не чужие, стало быть, люди.

Ей было жаль.

А Март очень быстро с собой справился. До странного стал похож на Лукаса: взгляд опустил, лицо спокойное-спокойное, и даже от голоса, вроде как, холодом потянуло.

— Как он погиб, благородная Бродовски-илэ?

— Я не знаю, ваше преподобие, но если хотите, я поищу подробности.

Бродовски отлично держалась. Инструктаж сорван; на голову свалилась необходимость выяснять, как и от чего погиб дю Гарвей, который ей ну никак не интересен; все пошло не так, как планировалось, а она этак тепло, с сочувствием, выясню, мол, дам вам знать. И только ухоженный ноготь по пластине «секретаря» в столешнице так и ездит, туда-сюда, туда-сюда. Беззвучно.

— Благодарю вас, — сказал Март.

И инструктаж продолжился, будто не прерывался.

Все-таки, благородная сахе Сапынэ Бродовски, дело знала туго. На следующий день, на церемонии, и Дэвид и Март с закрытыми глазами могли бы совершить все необходимые перемещения, сказать нужные слова, отдать положенное число поклонов. Оставалось загадкой, каким образом Бродовски умудрилась подготовить их к торжественности и пышности, от которых, вообще-то, должно было стать не по себе; к титулованным персонам, которые, как один, считали честью для себя познакомиться с героями Империи; к важности события... Дэвид не ожидал от себя, что проникнется. Что ему эти награды, что ему этот героизм? Бирюльки. Стал героем в силу неудачного стечения обстоятельств. Не смешно ли?

Оказалось, что не смешно. Почти серьезно. И, по правде сказать, довольно-таки грустно.

Потому что когда подвиг совершают четверо, и все четверо выходят из боя живыми, а на награждении их остается только двое, это как-то... совсем не так, как если бы двое погибли еще тогда, в Цитадели.

«Лукас жив», — напомнил себе Дэвид.

И все равно, неведь почему продолжил думать об Аристо, как о мертвом.

Может быть, потому что Март вел себя так, словно Лукаса с ним никогда уже не будет. Так, будто теперь он живет за двоих.

Странно все это было. Нехорошо.

Награды вручал Его Величество Божественный Император. Не сам, конечно, а руками церемониймейстеров, но это считалось все равно, что лично. Марту — высшую награду Империи, орден бодхисатвы Юрия. А Дэвиду и Андре — ордена Престольного Паладина, самую высокую из наград для гражданских чинов.

Андре представлял благородный сахе Эдмонд дю Гарвей, глава Дома. Аристократ. Дэвид думал, в одном Доме все они внешне одинаковые, клоны же. Оказалось, нет. Эдмонд дю Гарвей походил на Андре, точнее, Андре походил на Эдмонда ровно настолько, насколько могут быть похожи близкие родственники. Это хорошо, что так.

Церемониал требовал оставаться в зале еще полчаса после награждения. Это называлось: неофициальное общение. Герои — центр событий, знать Империи — периферия. Божественный Император — благосклонный наблюдатель. Заодно эти полчаса давали возможность перевести дух и подготовиться к встрече с журналистами. Вокруг Дэвида и Марта собрался кружок из юных дворянок, как одна красивых, почти чересчур красивых. Что-то в дворянах, все-таки, было не совсем человеческое. Слишком уж все в них идеально, начиная с голосов, заканчивая осанками, даже неправильные черты лица, длинноватый нос или слишком близко посаженные глаза — все было красиво, потому что казалось, будто иначе и быть не может. Дворяне, конечно, не аристократы, те-то, вообще нелюди. Но что-то и с ними не так.

А Март весь цветник оставил на Дэвида, и смылся. Не куда-нибудь — вдогонку за дю Гарвеем. Тому церемониал, видать, был не указ, а, может, траур позволял не задерживаться на праздничных мероприятиях, так что Эдмон дю Гарвей направился к выходу почти сразу, после окончания официальной части. А Март — за ним. И ведь умудрился не нарушить правила, успел перехватить аристократа до того, как тот прошел между двумя застывшими как статуи лейб-гвардейцами, охранявшими выход из зала. То есть, условно, продолжил неофициально общаться.

Фактически же... Дэвид включил один из направленных микрофонов, чтоб записать разговор. Сам не знал еще, зачем. Подслушивать, конечно, не собирался. Но ничего хорошего от повышенного интереса Марта к дю Гарвею ждать не приходилось, а при таких раскладах, лучше подстраховаться.

Диалог вышел предсказуемо коротким, но непредсказуемо информативным. Март, наверное, в течение всей церемонии искал слова, чтобы потактичнее спросить у дю Гарвея, об обстоятельствах гибели Андре. А в ответ получил холодное: «он погиб из-за вас,

преподобный отец».

И все. Никаких объяснений. Эдмон развернулся и вышел. А Март остался. Новообретенное спокойствие, то ли наука Лукаса, то ли подражание, изменило ему ненадолго. Правда, вернувшись, перестало казаться естественным. Как будто парень маску надел. Чужую. И старается удержать на лице. Ну, оно и понятно, когда вот так... Тут ни у кого бы выдержки не хватило.

Но Гарвей-то... ну, не сука ли?

Дэвид и за Андре это замечал, там, в Баронствах. Ненужную, какую-то совершенно бездумную — ясное дело, она была продумана от и до — жестокость. Скорда любил причинять боль. Этот вот, глава клана, тоже намеренно и продумано причинил боль Марту. Это у Гарвеев что, тоже генетическое?

В любом случае, «из-за вас» — не ответ. Надо дожидаться информации от Бродовски... Хотя, Март теперь не удовлетворится ее ответами. Что бы ни рассказала благородная сахе Бродовски, наверняка, это будет вранье. Ей наврут, она наврет. Так оно и делается. А правда будет где-то между ответом Гарвея-старшего и официальной информацией.

Дэвид не собирался искать эту правду. Не его забота. А Март — не Лукас, чтобы просто сказать: «сделай это». У Марта есть совесть и нет привычки использовать людей, так что о помощи он не попросит. Ни в приказном порядке, ни в качестве одолжения.

И хорошо.

* * *

Март не знал, что делать. Не знал даже, как рассказать Лукасу. Написал, конечно, что Андре погиб. Письмо ушло, сомнения остались. Сказать Лукасу, что Андре погиб, значит, не сказать ничего. Командир спросит: «как именно?», не из праздного любопытства, как и сам Март не из любопытства пытался расспросить главу Дома дю Гарвей, а потому, что аристократ не может просто погибнуть. Если бы смерть Андре объяснили какими-нибудь проблемами в Рое, чисто техническими: обширная разгерметизация или взрыв или... да что угодно вот такое, стихийная мощь, божественная смертоносность — в это можно было бы поверить. Ничем другим аристократов не проймешь.

Но благородная сахе Бродовски сказала, что Андре был убит в бою. В результате боевого столкновения отрядов двух баронств. Война там у них.

Дэвид сказал: «война все спишет». Так и есть. Как бы ни погиб Андре на самом деле, смерть его зачем-то попытались списать на войну. Может, потому что не было никаких новостей о по-настоящему серьезных технических проблемах в Рое, а ведь такие события всегда получают огласку в Пространстве.

Лукас спросит. Что ответить, Март не знал. Закралась предательская мысль о том, что командир, ни на секунду не поверив в официальные обстоятельства гибели Андре, возьмется сам искать информацию. И найдет. С его-то связями в ордене Всевидающих Очей...

Март мысль придавил. Еще не хватало снова рисковать Лукасом, он и так теперь, наверное, под надзором. Вера в Господа дважды заставила его нарушить закон, и нет никакой гарантии, что не будет третьего раза, и четвертого... и чем ждать, пока это случится снова, а потом из кожи вон лезть, пытаясь его спасти, церковь, наверняка, предпочтет не допускать новых нарушений.

Неизвестно — как именно это будет сделано. Но ясно, что Лукаса надо беречь и защищать, а не бежать к нему за помощью.

Раньше он и мечтать не мог о том, чтобы получить внеочередной отпуск, да еще и провести его в Столице. Думал, что это время будет самым лучшим, а оно тянулось и тянулось, мутное, беспросветное, как дурной сон. Март уже вторую неделю, бездумно бродил и летал по самому прекрасному из городов Империи, и не замечал вокруг ничего. Думал. Думал. Думал. Дэвид выволакивал его на экскурсии, подсовывал под нос путеводители, пихал кулаком в бок на пресс-конференциях, когда Март слишком глубоко

погружался в свои мысли. Дэвид создавал видимость того, что все в порядке. Маскирующую завесу.

Интересно, зачем? То есть, какое ему-то дело? Что бы там ни было у них с Лукасом, это, во-первых, в прошлом, во-вторых, не было там ничего хорошего. И Март ему — чужой.

События в Баронствах отсюда, из Столицы, казались сном, который приходится вспоминать снова и снова, отвечая на бесконечные вопросы. Но сон, вспоминая его или нет, а реальностью не станет. И Март действительно не мог понять, почему Дэвид носится с ним и зачем отводит глаза предполагаемым наблюдателям. Естественно, за ними следили. Они же, в плазму все это, одарены правом приходить в храм-обитель, когда заблигорассудится; они общаются с высшими представителями имперской власти; они — герои, и на их поступки смотрят, к их словам прислушиваются миллиарды зрителей дун-кимато...

Все это было ужасно тяжело.

Наверное, так же тяжело было Лукасу два года назад, когда вся Империя узнала о том, что Аристо существует на самом деле, узнала, кто же он такой, Первый Рыцарь.

В один из вечеров, за несколько дней до конца этого тягостного отпуска, возвращаясь с очередной экскурсии, Дэвид глянул, как Март вводит в навигатор такси адрес гостиницы, и сказал:

— Не, не пойдет. Давай-ка, вот сюда, — нашел и показал место на карте.

Ресторан какой-то?

— Бар «Магистраль», — сказал Дэвид. — Хороший. Нам подходит.

Марту было без разницы.

Он направил такси по выбранному адресу, мельком удивился, что место Дэвид выбрал какое-то... непрезентабельное. Ничего похожего на небольшие, всегда уютные и неизменно тихие местечки, которые экс-мировой выбирал в течение всего отпуска. «Магистраль» была просторной, шумной, многолюдной. Грязноватой. Если бы не грязь, можно было подумать, будто она не в Столице, а где-нибудь в паршивеньком секторе Роя. Все как там, шум, голоса, напряженность в воздухе. Разве что на завсегдатаях нет такого количества украшений.

— Сюда, — Дэвид выбрал стол прямо посреди зала, уселся, кивнул Марту на стул напротив. — Садись, садись. — Развернул меню.

Здесь даже голопроекции не было, просто встроенные в столешницу экраны. Март вздохнул, включил меню со своей стороны...

Дэвид вовремя наступил под столом ему на ногу, иначе Март сделал бы, что-нибудь. Он не знал что. Не знал.

Дэвид наступил ему на ногу, и Март застыл, глядя в строчки меню, поверх которых, если смотреть вот так, строго сверху, побежала совсем другая информация.

— Здесь — можно, — сказал Дэвид. Тихо сказал, но, не особо понижая голос. — Специальное место, где можно спокойно поговорить. Правда, не очень долго и не каждый день. Ты здесь, все-таки, чужой.

Словно в подтверждение своих слов, он заказал им обоим пиво. А Март, будь у него сейчас возможность думать о меню, взял бы чай. «Небесный багрянец» — вот он, есть в меню. Даже странно для такой дыры, как «Магистраль». Хотя, учитывая, что дыра не где-нибудь, а в Столице, ничего странного. Здесь, конечно же, есть все. Но завсегдатаи таких мест, как это, не пьют чай.

А Март уже не помнил, когда в последний раз пил пиво. Точно до того, как стал летать с Лукасом. Потом — только чай. Ну, и, конечно, все напитки из тех, что дорого стоят и хорошо горят. Пиво? Помилуйте! Да в тех местах, где они отдыхали с Лукасом, наверное, даже слова такого не знали.

— Дэвид, — сказал он вслух, — откуда это?

В документах, чудесным образом проявившихся на электронной бумаге меню, у Андре не было имени, только оперативный псевдоним «Сэдир». С какого-то из имперских диалектов, Март не помнил, с какого именно, это переводилось как «кедр». Непонятно,

почему такое прозвище. Да какая разница?

Главным было не это. Главным были сообщения о том, что Сэдир потерян. Что Божественный Император больше не может его почувствовать, а это означает только одно: связь разорвана. Если бы Андре погиб, Божественный Император знал бы о его гибели, но Андре просто исчез.

Связь разорвана. Разве такое возможно? Значит, Андре теперь свободен. Он теперь — как Лукас? Аристократ, повинующийся лишь собственной воле и связанный лишь собственной совестью?

Очевидно, что ни в волю, ни в совесть Андре веры не было. Март читал, забыв о стоящей под рукой обледенелой кружке с пивом. Приказ Божественного Императора — уничтожить испортившегося аристократа. Приказы людей, скрывающихся за безликими прозвищами — уничтожить агента Сэдира. И отчеты, отчеты, отчеты. Один за другим. Операция провалилась. Устранение невозможно. Боевая группа уничтожена. Устранение невозможно.

Андре был жив. Он был мертв для всех здесь, в Столице, даже для тех, кто как раз сейчас отдавал очередной приказ убить его. Он, наверное, был мертв почти для всех в Империи. Но там, в Баронствах, Андре был жив, и умирать не собирался.

И он был свободен.

— Дэвид, — Март чувствовал, как губы растягиваются в улыбку, в первый раз за эти недели, — Дэвид... спасибо!

— Да уж. Есть за что, — сумрачно отозвался Дэвид. — Если б меня на этом поймали, твоему командиру светило бы пожизненное. Он же все мои грехи на себя взял, ага? И прошлые, и будущие?

— Да, — Март кивнул и вернулся к чтению.

Он еще успеет испугаться за Лукаса. Потом, когда сообразит, что именно сделал Дэвид, и с каким это связано риском. А пока просто еще раз перечитал отчеты о неудавшихся покушениях. Ну, а потом, вспомнив-таки, о пиве, начал читать все подряд.

В этих документах были они четверо: Андре (Сэдир), Лукас (Аристо), Март (Подарок) и Дэвид (Мирвой).

— Личные дела я стер, — сказал Дэвид.

Март ему поверил. Он бы, наверное, тоже стер личные дела, не отдал читать никому... ну, может быть, Лукасу. Но — только свое. Лукас о нем и так все знает.

Теперь понятно, кто такая Аня. Невозможно поверить, что она дочь Чедаша. И не важно, что дочь приемная. Чедаш — нелюдь, совсем нелюдь, даже умер не по-людски. А Аня — человек. Интересно, а если бы Лукас знал, что она — нынешняя баронесса Чедаш-рума, они все равно стали бы ее спасать?

Стали бы, в этом Март не сомневался. А вот в себе засомневался. Он сам рассказал бы Лукасу о том, что «Танриверди» везет на смерть не просто пятнадцатилетнюю девчонку-псионика, а опасного и могущественного врага? Он счел бы Аню врагом?

Сколькому еще нужно научиться! Научиться прощать, любить, не бояться. Научиться чувствовать себя сильным. Скорей бы уже вернулся Лукас!

Март читал об Ане, хмурился, думал о разном неприятном, и яваю «Вэйда» сначала едва не пропустил. Зацепился взглядом, но не вдруг сообразил, о чем речь. Знакомое что-то, но любой пилот знает множество кораблей с самыми разными названиями...

Обломки яваи «Вэйда» обнаружены в астероидном облаке... координаты... Март не мог, как Лукас, всегда держать в голове звездную карту Империи, координаты ни о чем ему не сказали. Но название — вспомнил. Будто дверцу в голове открыли. На «Вэйде» улетел из монастыря Лукас. Март даже попрощаться с ним не успел, и название-то яваи узнал случайно. Отец Андрей обмолвился в трапезной.

Что значит «обломки»? Что... с Лукасом?!

Он достал из кармана на рукаве собственный «секретарь». Запоздало глянул на Дэвида. Можно ли здесь? Или разрешены только местные терминалы? Дэвид кивнул:

— Да бога ради.

И отхлебнул пива. Оно тут, кстати, было вкусное.

Март хотел бы думать о чем угодно, только не об *обломках* ... Лукас не мог погибнуть в космосе. Это все равно, что рыбе утонуть. Но... если думать, если, все-таки, думать, а не верить в командира слепо и безоглядно, то где же еще ему погибать, если не в Пространстве? Он ведь не спускается на планеты.

И он не может жить вечно.

Нет!!!

Март задал координаты. «Секретарь» — не навигационный компьютер, но сейчас и его достаточно. Вот он, маяк. Вот — астероидное облако.

«Корабль полностью разрушен. Пилот исчез».

Поверить в то, что Лукаса смогли взять в плен... — это было невозможно. Значит, что? Март знать не знал, что думать. Вот просто. Не знал. Те, кто исследовал обломки «Вэйд», кто составлял отчеты, формировал эти документы — они знали, что на «Вэиде» не было экипажа. Только один пилот.

И он исчез.

— Смылся? — предположил Дэвид. — Корабль разбил, а сам сбежал на другом. Типа, погиб, или захвачен пиратами или еще что... на выбор следователей.

— Ты с ума сошел? — предположение было настолько диким, что в реальности Марта ему попросту не нашлось места. Даже на рассмотрение некуда оказалось приткнуться.

— Может, и сошел, — Дэвид пожал плечами, допил пиво и заказал еще по одной, — но, по-моему, это твой командир не в себе. С человеческой точки зрения. Мы все — люди, а он... не очень. Ты уверен, что он действительно хотел встречаться с Великим Кардиналом? Ты, вообще, уверен, что он летел именно к Кардиналу, и что ты знаешь — зачем он туда летел? Ты же Лукаса не видел с того дня, как вас обоих оправдали, так?

— Но нас оправдали!

— Вот почему ты это сейчас сказал? Я что, как-то засомневался? Или это ты сомневаешься?

— Я? Нет!

В чем сомневаться? В решении Собора? Да Март слышал его своими ушами! «Не виновен, ибо выполнял свой долг». Какие тут могут быть сомнения?

Невиновен. И обломки яваи в астероидном облаке. Корабль полностью разрушен, пилот исчез. Лукас не мог проиграть бой. Лукас не мог попасть в плен. Лукас...

Где же ты, командир? Что с тобой случилось? Как тебя спасти?

В голову приходит самое страшное. Самые страшные варианты два, оба неправдоподобны. Первый — что Лукаса попросту решили убрать. Вот так, тупо, даже не слишком утруждая себя имитацией кораблекрушения. Но в таком случае, информации о его исчезновении не было бы в этих документах. Точнее, была бы, но совсем в другом виде. Что-нибудь вроде «дело сделано» или «задание выполнено».

Вариант второй: Лукас сбежал. Сам.

Но от чего?

— Зачем ему бежать, Дэвид? Я не могу об этом думать, я разучился думать о церкви плохо.

— Тебе и не надо думать о церкви плохо, — Дэвид пожал плечами и подвинул Марту кружку с пивом, — достаточно просто *думать*. Возможно, от Лукаса, все-таки, решили избавиться. И, очень возможно, дело должно было быть обстрепано куда толковее, чем получилось, но твой командир взял и спутал все планы. Я так понимаю, в этом деле он специалист. Правда, специализировался на пиратах, а не на своих же братьях-святошах, а?

— С кем же... — Март активировал экран своего дуфунга, открыл папку с письмами Лукаса. — Дэвид, с кем же я тогда... кто писал мне все это время? Если яваю уничтожили еще полтора месяца назад?

— Писал тебе тот, у кого дуфунг Лукаса. — Дэвид пожал плечами. — Мог бы и сам

догадаться.

Мог бы.

Время и дата отправки письма. Время и дата прибытия. Письма Лукаса — самое ценное, что у него было. Не орден бодхисатвы Юрия, не рыцарское звание, не банковский счет, а эти вот письма. Лукас отправлял их от маяков. А Март следил за ним все эти дни. Отмечал на воображаемой карте, где сейчас командир. Прослеживал курс «Вэйд».

Судя по тому, где обнаружили обломки, курс был неверным. Письма шли с корабля, который направлялся прямиком в резиденцию Великого Кардинала на Везеке. А «Вэйда», чтоб оказаться там, где ее нашли, должна была лететь совсем в другом направлении. Параллельным курсом с кораблем, на котором прибыл в Столицу Март.

Куда бы ни направили Лукаса, какое бы ни дали ему задание, это было совсем не то, о чем знал Март. Письма — ложь. Ему лгали с самого начала. И лгал не Лукас. Нет. Лукас не стал бы, даже если бы захотел — не смог.

Но кто же? Орден? Церцетария?

Кто? Кто враг? С кого спрашивать ответа?

Где искать Лукаса?

— Чусры бы тебя... — Дэвид не договорил, только скривился. — Я ведь хотел тихой, спокойной жизни. Хрен с ним, пусть на лаврах. Но тихой и спокойной.

— Ты думаешь, тебе тоже что-то грозит? Но за что?

— Я думаю, что ты собираешься искать этого отморозженного ублюдка. И сложишься на этом, не успев начать. Потому что ни опыта, ни, мать его, ума у тебя нет. Что ж мне не везет-то так с вами, а? Сначала один, потом второй. Нет бы, девушки так на голову сваливались. Куда там! С моей прухой — только рыцари.

Март подумал, как повел бы себя сейчас Лукас? Март в последние полтора месяца думал об этом все время, во всех ситуациях. И во всех ситуациях старался вести себя так же.

Вот сейчас... Что он сделал бы? Лукас, который утверждает, что не благодарит за спасение, и как должное приемлет помощь. Лукас сказал бы: «ладно, помоги мне». И это прозвучало бы так, словно оказать помощь или принять помощь — одно и то же, так, словно это самые естественные вещи на свете.

— Спасибо, Дэвид, — сказал Март. — Извини, что... мы тебя втянули.

— Втянул меня твой отморозок-командир...

— Неужели, тебя и правда втянул Аристо? — мелодичный голос произнес прозвище Лукаса так, будто пропел его или промурлыкал. — А мне-то казалось, Дэвид, ты — нештатный агент всемогущей церцетарии. Надо же было так ошибиться. Тише, Март...

Теплые руки легли на плечи, и Март, рванувшийся, было встать, обернуться, послушно сел обратно. Он слушал голос, но поверить не мог. Очень хотелось хотя бы накрыть ладонями его руки, найти кончиками пальцев браслеты под шелестящим шелком рукавов. Убедиться, что это он! Но Март не решился даже пошевелинуться. Потому что... если не он, то проявление чувств будет выглядеть странно. И, наверное, нелепо. И... незачем. Даже если это он, все равно — незачем.

— Март, — теплое дыхание коснулось уха, шепот на мгновение вышиб из постылой реальности Столицы в безумную сказку Баронств. — Как я рад, что ты жив! Ты представить себе не можешь.

— Вот придурок, — буркнул Март, уставившись в столешницу. Никаких сил не было выдержать насмешливый и понимающий взгляд сидящего напротив Дэвида. — Это я не могу представить?! Я тебя уже две недели как похоронил.

— Ладно, — сказал Дэвид, вставая, — Андре, я рад тебя видеть и все такое. Скоро вернусь.

Он дал этим двоим пятнадцать минут, чтоб поздоровались, сказали друг другу, что им там надо сказать без свидетелей, ну, и вообще. Возвращаясь обратно, огляделся, прислушался. Тихо все. Ни Март, ни Андре ни у кого любопытства не вызвали. Значит, все в

порядке, аристократ не притащил за собой хвост. С одной стороны, кто бы сомневался, с его-то опытом. С другой — это Столица, здесь он может нарваться на таких же, как он сам. Супер-хomo, супер-шпионов, супер-хрен-знает-что еще.

Обошлось, однако. А, может, Андре круче здешних? Годы оперативной работы в окружении врагов, паранойя и всякое такое. Дэвид, вот, его не узнал, когда он к их столу подошел. Увидел-то раньше, чем Март — Март спиной сидел. А не узнал, хоть на память никогда и не жаловался. Андре был коротко пострижен, глаза не подведены, и ни одного тебе украшения, ни даже завалящей серьги в ухе, но не в этом дело. Дэвид если кого один раз увидел, уже ни с кем бы не спутал, неважно, какая там прическа, и сколько побрякушек нацеплено. А этого — не признал. Даже не заинтересовался, пока Андре напрямик к их столу не направился.

Шпион, вирья б ему в софт.

Шпион, когда Дэвид подходил, просиял улыбкой. И вот улыбка, да, была очень знакомой. Если бы львы были ядовитыми, они, наверное, как раз, так бы и улыбались.

— Ну, сдуреть, — сказал Дэвид и сел на свое место, — нас просто за то, что мы тут с тобой разговариваем, казнят через повешение или отправят на каторгу?

— Ты со мной пока еще и не разговариваешь, — парировал Андре, — здесь безопасно. Но уже завтра я бы сюда не совался. За мной-то не следят, а вот за вами, — он обвел взглядом их обоих, — присма-атривают. Так что кто из-за кого пойдет на каторгу, еще неизвестно.

— Тебя даже вешать не станут. Расстреляют. Издалека. Март уже рассказал новости?

— Да. Плохие новости. Мне Лукас тоже нужен. Правда, исключительно по делу. Баронесса Чедаш готова позволить ордену Десницы построить базу на территории ее рума. Это звучит, как событие, переводящее привычный нам мир в иную плоскость?

Дэвид не знал, как там насчет других плоскостей. Шэн с Баронствами... Шэн не могла быть союзником Баронств. Ни одного из них. Похоже, что да. Звучало.

— Это звучит, как событие, которое должно перевернуть всю внешнюю политику, — серьезно сказал Март. — Я могу помочь?

— Ты можешь только попасть под очередной трибунал и сгинуть в церцетарии где-нибудь на очень далекой планете. Вы же все равно оба собирались узнать, что там с нашим Аристо? Ну, так я помогу.

— Ты не только вне закона, — сообщил Дэвид, очень надеясь, что хотя бы какая-то часть сказанного станет для самоуверенного аристократа новостью, — ты еще и мертвый герой.

— Официальный герой, официально мертвый, — ни по лицу, ни по голосу не понять было, что он там себе думает, — довольно-таки неудобно. Рассылку карточек и дружеские визиты придется отменить. Март, что именно ты можешь, как псионик? Дэвид, не хочу даже спрашивать, как тебе удалось добыть эти сведения, но мне нужно знать насколько далеко ты готов пойти? Я не думаю, что Лукас сбежал, значит, затеяв его поиски, мы вступаем в конфликт с властью. Это похуже, чем конфликтовать с законом. Тебе это подходит?

— Ни хрена не подходит, — сказал Дэвид честно. — Но когда вы начнете, мне все равно спокойно жить не дадут. Так что лучше я просто буду считать тебя шантажистом.

Глава 2

«Верный друг — крепкая защита: кто нашел его, нашел сокровище»

Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова (6:14)

Его просто сбросили вниз. Как и всех их. Сюда, в трюм, попадали одним-единственным способом — по наклонной трубе с десятком поперечных мембран внутри. Мембраны

реагировали на давление снаружи и открывались. На давление изнутри били током. Отличная система, доставка только в один конец.

По этой же трубе в трюм забрасывали контейнеры с пайком. И его.

Яман сначала решил, что к ним сбросили труп в арестантском комбинезоне. Непонятно, зачем, и непонятно, что с этим трупом делать. Он же разлагаться начнет. Не будет до конца перелета лежать такой вот тихий и красивый.

Когда «труп» шевельнулся, пошарил руками по полу рядом с собой, у Ямана отлегло от сердца. Парень, кстати, действительно был красивый. Несмотря на переломанные пальцы, рубцы на руках, и скрывающую глаза черную повязку. Правда... судя по тому, как медленно и неуверенно он двигался, повреждения не ограничивались изуродованными руками.

Кунц и Шеннон поглядывали то на непонятого новичка, то на Ямана. Ожидали разрешения. Яман кивнул, посмотрите, мол, разберитесь. И вернулся на свои нары. Ему целиком принадлежала секция из трех трехъярусных коек. Остальные арестанты старались сохранять дистанцию, не мешать ему, не создавать проблем себе. Хунды гарантировали проблемы любому, кто помешает.

Кунц подошел, остановился поодаль:

— Яман-амо...

— Ну? — отозвался Яман. — Что там?

— Калека, Яман-амо. Слепец. Предположительно, киборг, из которого удалили все имплантанты...

Пауза. Выразительная.

Яман понял. Он знал, что делают с киборгами, попавшими в руки закона, об этом знали все. Удаление имплантантов без анестезии, а после — каторга. Никакой реабилитации. Впрочем, обычно и до каторги не доходило. Киборг после хирурга — не жилец.

Кунц поморщился:

— Судя по характеру повреждений, Яман-амо, этот тип был киборгизирован полностью. В Баронствах невозможна установка столько имплантантов, чтобы киборга потом пришлось искромсать всего целиком, поэтому позволю себе предположить, что его делали нихонские инженеры.

— Нихонский киборг, — звучало неприятно, пусть даже киборг был бывшим, и в самом скором времени ему предстояло умереть. — Ладно, закиньте его куда-нибудь на нары, чтоб не валялся под ногами.

* * *

Одной из его задач, раз уж стал старшим по трюму, было обеспечение безопасности заключенных. Безопасности относительной: нельзя убивать, все остальное можно в полном объеме, но, все же, требующей усилий. Медицинской помощи им тут не полагалось — кто пролетел вниз по трубе, тот выкручивается сам, как может — так что приходилось следить за тем, чтоб овцы в стаде не калечились, во время отключения гравитации, не калечили друг друга сами, не лишали пайка, не создавали разных других несовместимых с жизнью ситуаций. Понятно, что Яман не сам присматривал за ними. Он постепенно подбирал себе команду, неверных, но исполнительных псов, хундов, во главе которых стояли ненавидящие друг друга Шеннон и Кунц. Он руководил раздачей пайков. Он просеял людей, выбрал врачей и создал для них условия лучше, чем для остальных. За счет остальных, разумеется. Все это не только и не столько для того, чтобы сохранить живой каждую овцу в стаде, хотя, наказание за смерть любой из них пугало даже его, вроде бы, привыкшего к жестокости. Нет. Яман боялся наказания, однако следил за стадом для того, чтобы там, куда они прилетят, они сошли с корабля сплоченной и боеспособной группой. Чем бы ни был ожидающий их эхес ур, тамошние обитатели могут быть только врагами. И вопрос был лишь в том, удастся ли сразу свести военные действия к вооруженному нейтралитету.

Он не присматривал за людьми. И все же спал некрепко. В хундов верил — эти не

подведут, понимают, что случись что с Яманом и следующими жертвами станут они, — но засыпал после отбоя, как голодный кот: вполуха всегда прислушиваясь к происходящему в трюме.

Так что услышал. Возле тех нар, куда утащили новичка.

Шевеление и шепот, тихие переговоры. Чисто технические указания. Слышал уже, и не раз, за полтора месяца в трюме. Все новички проходили через это. Кому-то, кстати, везло обзавестись покровителем, так что традиция была оправдана. Да и, вообще, хунды снимали напряжение за счет овец, но ведь и овцам нужно когда-то получать жертву.

Этот киборг, слепой калека, покровителя, конечно, не найдет. Но, вполне возможно, займет овец до конца полета. Знать бы еще, сколько и куда им лететь...

Яман постарался не слушать. Лха его знает, почему происходящее там, в дальнем углу трюма, так бесило. Обычное же дело.

Тихо выругавшись, он встал и отправился на приглушенные звуки.

В темноте, рассеянной лишь редкими лампами дежурного освещения, видны были только силуэты. Чусры в Эхес Ур, наверное, выглядели так же. Неясный напряженный шепот раздражал больше, чем, если бы говорили в полный голос.

— А ну пошли отсюда, — приказал Яман.

Овцы замерли. Сейчас они должны были расступиться... да вот что-то не спешили. Неужели думали, что хунды, если придется, не подспеют вовремя?

Яман шагнул вперед:

— По местам! Живо!

И даже сам не понял, что такое стало с его голосом. Приказ прозвучал, как гром небесный. С такой властью, будто кара Божья должна была постигнуть любого, кто замешкается с выполнением. Овец сдуло. Они забились на свои нары и, кажется, дрожа от ужаса, попрятались под одеяла. Ничего себе, акустический эффект ночного трюма! Если вдуматься-то, не овцы ведь, в самом деле. Люди. Вменяемые и достаточно здравомыслящие, чтобы не переть против силы, но и не переоценивать ее.

Яман присел на корточки рядом с новичком. Того скинули с нар на палубу, уже почти стянули комбинезон. Да уж... такого набора шрамов не удостоился бы киборг, произведенный в Баронствах. И все равно, что-то в нем было... Что-то же заставило проснуться и прийти сюда, и разогнать овец. Парень еле двигался, но упрямо пытался сесть. Непослушными пальцами искал застежку комбинезона.

Яман еще сам не знал, чего хочет. Перехватил одну руку киборга, взялся за застежку сам. И услышал тихое, отчетливое, абсолютно спокойное:

— Тронь меня и умрешь.

Вызов. Вызов даже не со стороны кого-то из овец, а от существа, еще и ранга овцы не получившего. Яман застегнул его комбинезон. Выждал секунду и убрал руку с покрытого шрамами предплечья.

— Я спас тебя, — сказал он, смутно удивляясь тому, какого убьра он, вообще, разговаривает с этим... недочеловеком, ко всему, еще и нихонцем? — Мне кажется, я заслужил хоть какую-то благодарность.

— Я не благодарю за спасение, — все тот же ровный, безжизненный голос, — и спас ты не меня.

— А кого же?

— Их. — Незрячее лицо с уродской тряпкой на глазах повернулось в сторону сектора, куда сбежали овцы. Безошибочно. Как будто киборгу и не нужны были глаза. — Пусть они тебя и благодарят.

Это было смешно. Эти слова в устах беспомощного калеки. Однако Яман не смог даже улыбнуться.

Он поверил...

С того боя, в котором он выбил право на власть, прошло сорок пять суток. И впервые за

это время одни пустующие нары в его секции оказались заняты.

Событие в жизни трюма. Можно сказать, официальное заявление: у Ямана появился фаворит. Это безумие. Если пытаться мерить прежними мерками, если пытаться думать, как раньше, каких-то полтора месяца назад, то действительно можно рехнуться. Многие, кстати, не выдержали. Сошли с ума, так или иначе. Теперь кое-кто из них создает проблемы, но большинство стали тихими психами с набором самых простых инстинктов. Им бы поесть, потрахаться, и чтобы никто не бил.

Не бойцы. Балласт. В эхес уре они умрут первыми, но никто не должен умереть в трюме, а значит, пока за ними нужно присматривать.

И за Шрамом — тоже. Гораздо внимательнее, чем за психами.

Он сказал не называть его киборгом. И Яман перестал. И запретил остальным. Но совсем без имени нельзя. У них тут, у всех, были номера, четырехзначные наборы цифр, призванные уничтожить остатки личностей, лишить последней индивидуальности, доломать то, что еще осталось не сломанным. Яман позаботился о том, чтобы ни овцы, ни хунды не забыли своих имен. Сам он, впрочем, предпочел прозвище.

А Шрам попросту отказался назвать свое имя:

— Называй, как хочешь.

— Только не киборгом? — уточнил Яман.

— Я не киборг.

Верилось с трудом. Голос без интонаций, равнодушие ко всему вокруг, почти полная неподвижность. Глаз не видно под черной повязкой, от этого еще сильнее ощущение, будто говоришь с машиной. А он не снимал эту мерзкую тряпку даже в душевой.

— Если не киборг, зачем тогда тебя так порезали?

— Неверная формулировка. Не «зачем». «Почему».

— Почему?

— Не имеет значения.

Если он не киборг, то какие тогда киборги?

Яман долго не знал, как его назвать. «Как хочешь» — дело такое, только усложняет задачу. А однажды, как раз в душевой, помогая ему одеться, все-таки взял и снял повязку, просто сдернул ее:

— Как меня достала эта тряпка!

Он даже удар не сразу почувствовал. То есть, сначала был удар о противоположную стену спиной и затылком, и только потом болью отозвалась грудная клетка. Дыхание остановилось, сердце, кажется, тоже. Яман сполз по стене, скорчился на полу, пытаясь вдохнуть. В глазах от боли стояла красная муть. А мыслей было ровно две: хорошо, что никто, даже хунды, не рискуют сунуться в душевую, когда они здесь вдвоем; и — понятно, почему он не снимает повязку.

Хундам уж точно не стоило знать, что Ямана, их командира и хозяина, может так отделать беспомощный калека.

А всем остальным, включая самого Ямана, лучше было никогда не видеть этой жути под повязкой. На месте глаз были две глубоких дыры с уродливо зарубцевавшимися шрамами, казалось, глазницы вскипели, провалились, а потом так и застыли, отвратительными потеками плоти. На красивом лице рубцы выглядели противоестественно, и от этого было еще страшнее.

Яман сипел, задыхался, и смотрел, как исчерченные шрамами руки неуверенно шарят вокруг — по скамье, потом — по полу под скамьей. Ищут повязку, которую он сжимал в кулаке. Думал о том, сколько же силы было в этом... существе раньше, до того, как его искромсал какой-то обезумевший садист. Киборги после удаления имплантантов становились не сильнее — а чаще слабее — обычных людей. А этот, он по-прежнему был ненормально сильным.

И непоправимо искалеченным.

— Я знаю... — воздух, наконец, перестал быть твердым, и горячим, и прошел в

легкие, — знаю, как тебя называть. — Яман, пошатываясь, встал, подошел и вложил повязку в слепо поднявшуюся руку. — Шрам. Идеально подходит. Тебе повезло, что ты себя не видишь.

И к глубочайшему своему изумлению, увидел, как всегда сжатые губы растянулись в улыбке.

— Идеально подходит, — повторил безжизненный голос. — Смешно.

* * *

За ним нужно было присматривать. Помогать. На первых порах он был почти совсем беспомощен. Дальше стало чуть лучше, но о самостоятельности Шрам мог даже не мечтать. У Ямана не спрашивали, зачем он возится с калеккой. Понимали абсолютно неправильно, зато это был, хоть неправильный, но ответ.

Яман себя спрашивал. Ответа не находил. Наблюдал. Правда, не мог пока разобраться с выводами.

В трюме случались перепады гравитации. Иногда ее отключали совсем, и горе тем, кто вовремя не успел ни за что уцепиться. Взлететь под потолок — невелика беда, но вот упасть оттуда, когда гравитацию снова включают — это уже опасно. Среди хундов было двое бывших космонавтов, Джобс и Старостин, они, по приказу Ямана, учили остальных, как вести себя в невесомости, а если приходилось — собирали из-под потолка незадачливых овец и хундов. Но надо было видеть, какое действие невесомость оказала на Шрама. Он будто ожил. По сравнению с нормальными людьми, все равно казался роботом, но для Ямана разница была ощутимой. Шрам не улыбался, но... почти улыбался. Ничего не говорил, но мог бы заговорить. Ничем не интересовался, но перестал быть полностью равнодушным к тому, что происходит вокруг.

И это преобразившееся существо, прислушавшись к ругани и воплям тех обитателей трюма, кто ужасе вращался между полом и потолком, взмыло вверх с естественностью и легкостью всплывающей к поверхности рыбы. Меньше чем за минуту, используя как опору то потолок, то стены, то каркасы верхних ярусов нар, слепая, гибкая тварь вернула на пол всех застрявших.

И Старостин и Джобс только молча следили за действием. Шрам ориентировался на голоса, и его нельзя было отвлекать, так что в течение минуты в трюме было тихо, как после отбоя. Звуки издавали только те, кто висел в воздухе.

Гравитацию включили минут через пять. Интерес, что ли, пропал, посмотреть, как люди с потолка повалятся? Это, конечно, вряд ли, но лха их поймет, здешний экипаж. Вроде, не звери, в бессмысленном садизме не замечены. А, с другой стороны, надзирателями в тюрьмы и на каторги, или вот, командой на такой корабль, кто идет? Нет, не садисты, не психи, но все равно... люди странные. Что им мешает предупреждать о невесомости? Вон, динамики, в каждой стене по три.

— Зачем? — Шрам, скрестив ноги, сидел на своих нарах. Спина прямая. Голос холодный. Но уже не мертвый.

— Зачем предупреждать? — уточнил Яман. — Да, чтобы травм не было. У нас тут шестеро с переломами, видел же... — он прикусил язык.

— Не видел, — равнодушно откликнулся Шрам. — Гравитацию отключают во время боя. А динамики существуют для того, чтобы отдавать нам приказы в экстренных ситуациях, либо когда придет время высаживаться в пункте назначения. У экипажа нет причин беспокоиться о травмах среди заключенных. Мы — вещи, не требующие бережной транспортировки.

Яман несколько секунд боролся с желанием ударить его. Удержался.

— Во всем есть плюсы, — сказал он, — понимание того, что для всех остальных мы всего лишь вещи — это объединяющий фактор. А то, что мы всё потеряли, делает нас равными. Никто, попав сюда, не может сказать, что потерял больше чем сосед по нарам,

потому что всё — это всё. Каждый начинает заново. С нуля. Не худшая стартовая позиция.

— Мне казалось, эти люди — твои рабы, а не ovis.

— Не — что? — Незнакомое слово «ovis». Яман понимал большинство распространенных в Империи диалектов, но невозможно было понимать все.

— Не те, кого ты опекаешь, — объяснил Шрам. — Зачем они тебе?

— У нас слишком много шансов погибнуть, чтобы пренебрегать теми, кто рядом, — Яман, пожалуй, впервые вслух заговорил об этом. О том, зачем он завоевал эту власть — сомнительное место владыки в преддвериях Эхес Ур. И с удивлением понял, что стадо и хунды были нужны ему не только как бойцы в предстоящей войне. Он оставлял за собой право использовать людей так, как ему нужно, но... он действительно опекал их. — Мы все равно умрем, это понятно. Но есть разница — как именно.

— Я не вижу, но мне и не нужны глаза, чтобы понимать: ты все здесь устроил жестоко и рационально. У каждого свое место, даже убогие и калеки приносят пользу и оправдывают затрачиваемые на них усилия. Все, кроме одного. От меня нет пользы. И ты не рассчитываешь на нее когда-либо в будущем.

— Да я вообще не понимаю, чего с тобой нянчусь, — недовольно сообщил Яман, — наверное, «ovis» защищаю. От тебя. — Он попробовал слово на язык и убедился, что никогда не доводилось ни говорить его, ни слышать.

— Паства. Ovis означает «паства». Я тебя обманул. Тогда. Я ничего не смог бы с ними сделать.

— Выходит, я зря их спасал, — Яман усмехнулся. — Ты ничего не смог сделать с психом, который тебя изуродовал, ничего не смог бы сделать с десятком одержимых похотью парней, но что-то ты, все-таки, сделал.

— Заставил их подчиниться тебе. — В ровном голосе появилась тень удивления: — не знал, что ты заметил.

— Я не понял, что это, пока ты не пригрозил мне смертью. Это было слишком убедительно. Против логики, против здравого смысла, и все-таки, я поверил. Вот тогда и задумался.

— Они и так считают тебя хозяином, Яман. Мне почти не пришлось прилагать усилий. Это и есть то, что тебе от меня нужно?

— Ну, раз уж шансов получить твое прекрасное тело у меня нет.

— Да оно тебе и не нужно, — Шрам оставался бесстрастным, как храмовая статуя. Хоть воскуряй перед ним ладан и сжигай ритуальные монеты.

Заклоченным на этом корабле не полагалось никакого утешения от церкви, в трюме не было даже плохонького алтаря, и на секунду идея помолиться этому идолу показалась не такой уж безумной. По крайней мере, не выходящей за средний по трюму показатель безумия. Тут все не в себе, кто-то больше, кто-то меньше.

— Вообще-то, нет, — сказал Яман. — Мне от тебя ничего не нужно. Рассуждая здраво, Шрам, если я поверю в то, что ты можешь... как-то воздействовать на разум, я немедленно должен буду тебя нейтрализовать. Например, отдать обратно овцам. Или искалечить до полной беспомощности. Или сделать еще что-нибудь, что позволит мне чувствовать себя в безопасности. Но я не верю. А в тот день, когда тебя сюда сбросили, это я просто плохо соображал спросонья. Так что видишь, ни убыва я от тебя не жду.

— Потеряно не всё.

Яман не понял. Вопросительно взглянул в безглазое лицо. До сих пор не привык, что имеет дело со слепцом.

На удивление, Шрам каким-то образом угадал невысказанный вопрос.

— Ты сказал, что мы потеряли всё, и это нас уравнило. Ты прав насчет равенства, но ошибся насчет потерь.

— Ну да? И что у нас есть, кроме жизни?

— Самое главное. — Пауза. Пальцы коснулись повязки, скрывающей пустые глазницы. — Тебе ничего от меня не нужно, поэтому я помогу.

Голос изменился. Не стал громче, но стал глубже. В нем появились интонации, как вода в пересохшем речном русле, и это проявление живого в мертвом захватило внимание целиком.

— У нас есть Бог, — сказал Шрам. — Он никогда не оставит нас.

Странное дело, говорил он тихо, но услышали все. Хунды, овцы, психи — все до единого. Прервались все разговоры, замерли дела, в трюме воцарилось полное молчание.

Это было как-то слишком... странно? неправильно?

Пугающе.

Яман огляделся. На них смотрели десятки лиц. Даже полные шизики, которые, если их не трахали или не кормили, обычно просто сидели, тупо глядя перед собой, даже они вместе со всеми повернулись на голос.

— А раз Бог нас не оставил, — Шрама не смутила тишина, и он не видел, как на него смотрят. Наверное... не видел. — Значит, у нас есть надежда.

Это была самая короткая проповедь из всех, что довелось слышать Яману. И самая впечатляющая. Возможно, ему действительно стоило отдать Шрама овцам еще тогда. Или искалечить. Или... еще как-то обезопасить себя. Чтобы никогда не почувствовать, как контроль над стадом выскользнул из пальцев. За власть в трюме пришлось долго и страшно сражаться, а на то, чтобы утратить ее, хватило нескольких слов слепого Пастыря.

Разумеется, он был священником. Можно было бы догадаться. Но разве кто-нибудь когда-нибудь мог представить такое: священник из ордена Наставляющих Скрижалей в трюме каторжного корабля, летящего напрямик в эхес ур? Яман и сам почти поверил, что Шрама послал Господь, пока не вспомнил, что в ордене Скрижалей служат, пусть не псионики, но очень сильные эмпаты, которые, к тому же, проходят специальное обучение.

Правда, никогда раньше не приходилось слышать о том, чтобы кто-то из Пастырей достигал таких результатов. Подчинить себе недружелюбно настроенную аудиторию, часть которой попросту невменяема, а часть считает проповедника подстилкой вожака стаи — для этого недостаточно быть эмпатом и психологом. Вроде бы. Но кто их поймет, священников?

Никто их не поймет. Яман убедился в этом, когда все, кто был в трюме, все, кроме него и Шрама, преклонили колени. И Шрам протянул ему руку. Кривые пальцы уверенно сжали запястье.

— Он спасет всех вас, — тихий, спокойный голос если и изменился, то лишь самую малость, почти неуловимую для слуха. — Верьте ему, будьте верны и ничего не бойтесь.

— Всех «вас»? — переспросил Яман. Одними губами. Не дай Бог услышит хоть кто-то. Слишком тихо было в трюме даже для того, чтобы шептать.

Он с трудом различил почти беззвучное: «да», и лишь угадал не произнесенное: «этого достаточно».

Глава 3

*Нежность не рвется из вен серебристо-алым
Ярость в крови заменила огонь любви
В чем твоя суть, аристократ усталый?
Что пробирает молнией до земли?
Мыслей, эмоций, слов ледяная вьюга,
Хищность в движениях, глаз неземной огонь
В ясности неба только нашли друг друга
И потеряли... вызвав чужую боль.
Тенью, прозрачным следом, ножом по сердцу,
Взглядом скользишь как гравием по стеклу.
Средство убийства, сердца немое скерцо
Метеоритный дождь превратишь в золу!*

*Взгляд, полупрофиль, линии на ладони,
Нежных объятий плотная пелена.
Я «отведу глаза», — мир тебя не тронет
Вплоть до хрустальной глади пустого дна.*
Alyssa Lwuisse

Встречались в разное время, в разных местах. То в «Магистрали», с ее прекрасными защитными системами, то в парках, то в случайных кофейнях. Иногда — в какой-нибудь из квартир Андре. Он озаботился конспиративными квартирами еще до того, как вылетел из Баронств.

— С компьютерной безопасностью у тебя никак, — сказал Дэвид, — ладно хоть сам прятаться умеешь.

Эту пилюлю пришлось проглотить. Возразить было нечего.

Благодаря искусству Дэвида, многое стало понятно. Экс-мирвой оказался незаменим в некоторых делах, требующих предельной деликатности. И где только Лукас его нашел, такого? Уникальный талант. Андре никогда раньше не встречал ничего похожего. Покажите Дэвиду, где искать информацию, и он найдет ее, обойдет все защиты, взломает все пароли, расшифрует все коды. Если информация есть, он обеспечит к ней доступ.

Андре вспоминал, как Нортон заполучил его переписку. Чудовищно! Все приказы, все отчеты, вся деятельность в Баронствах — всё оказалось в руках у церцетариев. Он бы тогда, наверное, умер от стыда, если бы задумался над тем, что произошло, но он думал только о том, как виноват перед Мартом. А теперь ясно, что стыдиться-то особо нечего. Да, не уберег сверхсекретные сведения, но, по крайней мере, они не попали в руки врагов. Церцетарии не друзья семье дю Гарвеев, но и церцетарии, и дю Гарвеи служат Божественному Императору. А что не уберег, так посмотрите-ка на Дэвида Нортон и скажите, а кто от него что убережет?

Сейчас, следуя указаниям Марта, Дэвид добрался до единой диспетчерской базы данных, где хранились логи всех размещенных в пространстве Шэн маяков. Таким образом, курс «Вэйды» удалось проследить от самого «Святого Зигфрида»: Лукас выныривал из «подвала» у каждого маяка. Если верить Марту, обычно он уходил в «подвал» и не появлялся на поверхности вплоть до пункта назначения. А «Вэйда» зачем-то отмечался, оставлял след...

— Контроль, — резонно заметил Дэвид.

Да. Он самый. «Вэйда» летел на Малак, и каждый этап его пути строго контролировался. Одновременно с «Вэйдой» другой корабль, под названием «Кафа» отправился со «Святого Зигфрида» на Везек, планету, на которой была резиденция Великого Кардинала. Вот этот шел в «подвале» почти все время, выныривал у маяков лишь изредка, и именно него отправлялись подложные письма. Можно было бы узнать, кому принадлежит «Кафа», пройти всю цепочку подставных лиц, найти конечного владельца, душу из него вынуть. Но и так понятно, что узнали бы у вынутой души. Что «Кафа» неизвестно чей. А это означает, что он принадлежит церкви. Скорее всего, церцетарии. У них много таких кораблей.

А узнать, кто же именно вылетел с «Зигфрида» в тот же день, четыре месяца назад, увы, невозможно. Дэвид способен добыть любую информацию, но для этого ему нужно знать, где искать.

Последние сомнения развеяло письмо со «Святого Зигфрида», уведомлявшее, что отец Март Плиекти переведен из ОАГ «Бальмунг» в разведку. Это давало свободу перемещений и свободу действий, обещало всю возможную помощь и поддержку со стороны всех орденов. И означало, что в ордене не знают, что случилось с Аристо. Март должен был найти его. А помощи и поддержки орденов в этом случае следовало избегать.

— Лукас сюда летел, — сказал Март, прочитав письмо. — По делу, которое касается только аристократов. Андре, ты аристократ, скажи, что ему могло быть нужно на Малаке?

Что могло быть нужно на Малаке Первому Рыцарю? Зачем он летел сюда тайно, под чужим именем, под строгим контролем, и, все-таки, один? Дэвид предположил, что Лукас сбежал, как только представился случай, Март не мог в такое поверить, Андре был убежден, что Лукас не сбежал бы ни при каких обстоятельствах. Независимо от того, что ожидало его на Малаке. При этом Андре признавал, что Дэвид прав в своем недоверии к оправдательному решению Собора.

Картинка складывалась довольно-таки неприглядная: церковь, пытаюсь сохранить хорошую мину при плохой игре, официально признавала Аристо героем, а неофициально... Что? Зачем его отправили сюда? Что есть на Малаке такого, что можно связать с Лукасом фон Нарбэ, Первым Рыцарем... или негласным преступником?

Андре вспоминал и одну за другой отметал предполагаемые цели, пока их не осталось две. Резиденция семьи фон Нарбэ. И «Ксиласкар».

— Что ему могло понадобиться в «Ксиласкаре»? — спросил Март.

Бывают вопросы, на которые не хочется отвечать.

— Там работают с аристократами. — Андре постарался, чтобы голос прозвучал обыденно, лучше даже скучающе. — Вносят изменения в геном, ищут новые пути развития. Составляют программы, корректирующие психику...

— Но Лукас не аристократ. Не... не полностью, — в голосе Марта сомнения мешались с надеждой. — Разве его можно... корректировать? Он же свободен? Ведь нельзя же... импринтинг, он ведь возможен только с ребенком? Андре?

— Считалось, что так. Но почему не попробовать что-то новое?

Тем более что материал все равно бракованный. Его не жалко. Он уникален, но с некоторых пор от этой уникальности больше проблем, чем пользы. В «Ксиласкаре» за последние три месяца разработано несколько новых программ импринтинга. Андре знал об этом, несмотря на опалу и положение персоны нон грата. Аристократы — все аристократы, не только дю Гарвеи, — старались быть в курсе происходящего в институте, ведь тамошние дела могли коснуться их в любой момент.

— Вот как, — Март мрачно уставился в окно, на радостный, яркий день. — Ненавижу их. Всех.

По-своему, он был прав. «Их всех» стоило ненавидеть. У Андре как раз это с некоторых пор получалось лучше всего. Освобождение от импринтинга прививает такой взгляд на мир, при котором ненависть кажется наиболее здравым подходом. Но не следовало забывать, что «они» пытались спасти Лукаса.

— А о том, что ты, например, предпочел бы смерть такому спасению, забывать следует?

За девять месяцев, прошедших со времен Баронств, Март стал заметно взрослее, и это хорошо. Но его романтичность, так глубоко тронувшая Андре когда-то, в прошлой жизни, пряталась сейчас за цинизмом и злостью. И это было плохо. Лукас давал Марту возможность оставаться романтиком. Не потому, что защищал, — куда уж там, это Март из всех сил старался защищать его от мирской реальности, — а потому что сам был таким. На собственном примере доказывал, что нужно верить в себя и людей, и полагаться на волю Господа.

Что ж. Теперь Лукас собственным примером убедил Марта в обратном. Верить нельзя никому, а Господь отворачивается даже от самых преданных своих детей. Может, он и нашел бы возражения, ведь летел же в «Ксиласкар», не спорил с приказом, не пытался спастись. Значит, считал, что все правильно. Значит, сумел бы и Марту объяснить, почему все правильно.

И самому Андре.

— Если где и знают о Лукасе, кроме монастыря, так это в институте.

Андре думал о том, что никакие объяснения не доказали бы ему правильности добровольного рабства. Спор, начавшийся еще в Баронствах, — спор о том, кто более свободен, тот, на кого надели рабский ошейник, или тот, кто надел его на себя сам, —

получил продолжение неожиданное и страшное. Каким, в случае Лукаса, должен был стать тест на успешность импринтинга? Аристократы убивали своих названных братьев и сестер. Кого пришлось бы убить Аристо?

Март очень вовремя оказался у всех на виду, попал на первые строчки в новостях, стал одной из главных тем на несколько месяцев. Март не станет пробным камнем, он теперь слишком заметен. И вряд ли это совпадение. Церковь спасала Лукаса, спасала Марта. Спасала себя. От Лукаса.

В поднявшейся вокруг убийства Чедаша идеологической шумихе, Второй рыцарь обставил Первого. Лукаса видели только избранные, и избранных было немного. Зато Март — вот он, на обложках журналов, на плакатах, календарях и постерах. Его портреты висели теперь в девичьих спальнях, а его гафла, утратив собственное название, стала в умах множества мальчишек «гафлой отца Марта», модельки истребителя раскупались с такой же скоростью, как плакаты, постеры и календари. Церковь умела зарабатывать деньги.

— Андре? — Март смотрел в упор. Все еще злой, но теперь к злости примешивалось любопытство. — Чему ты улыбаешься?

— Думаю о тебе.

Вот он итог долгих, сложных раздумий. Все равно все свелось к Марту. Который немедленно вспыхнул и зарычал:

— Нам нужно думать, как попасть в институт, где получить информацию. Может, от меня будет, наконец, польза?

Ну да. Польза в его понимании — это его пси-способности, уникальный талант, позволяющий воспроизвести любое псионическое свойство от телепатии до ясновидения. А то, что это смертельный риск, Март во внимание не принимает. Не тогда, когда речь идет о Лукасе. Стоило усилий убедить его в том, что поиск с помощью прорицания не имеет смысла. Риск в качестве аргумента Андре даже не пробовал приводить, ссылаясь на нецелесообразность. В прошлый раз, Март, в поисках Лукаса, просто полетел туда, куда вело чутье. Он пережил прорицательский транс, но что бы он делал, если б чутье привело его, например, под выстрелы пиратского вендара?

Действовать наугад нельзя, это Март и сам понимал. Но ему нужно было действовать. Хоть как-то.

Его статус, его известность, открывали закрытые двери. Его самоуверенность — напускная, заимствованная, *Лукасовская*, — открывала даже те двери, которые были заперты на крепкие замки. Только Марту этого было недостаточно. Он еще слишком молодой, чтобы оценить, насколько лучше, когда двери открыты. И он всегда будет рыцарем-пилотом. Скрупулезный сбор данных, распутывание ниточек, поиск крох информации — Март участвует во всем этом, но не может относиться как к важному и нужному делу. Пилоту нужна цель и боевая задача.

— Программами импринтинга и коррекции занимается лаборатория психологической помощи, — сообщил Андре. — Возможно, нам нужно не в «Ксиласкар», а к профессору Беляеву. Это бывший руководитель лаборатории, он с месяц назад подал в отставку, но последние программы составлены как раз под его руководством. А с новым я не знаком, ничего о нем пока не знаю, кроме самых общих сведений.

— Беляев? — подал голос Дэвид, все это время с отрешенным видом глядевший в свой «секретарь». И, после нескольких секунд тишины: — это не просто совпадение, он родной брат Луизы Беляевой.

Они все трое, такие разные, подумали об одном и том же. Общую мысль озвучил Март.

— Это Беляев? Спрятал Лукаса. В память о сестре. Не захотел делать с ним... такое?

Голосу Марта не доставало уверенности, а интонации были, скорее вопросительные, чем утвердительные. Но картинка складывалась убедительная, совпадало все, краешек к краешку. Кроме, конечно, непонятной ситуации с обломками «Вэйд». Трудно представить, чтоб у кого-то из ученых «Ксиласкара», пусть даже у руководителя лаборатории, хватило

влияния на то, чтоб организовать побег государственному преступнику и уничтожить принадлежащий церкви корабль.

— Связи? — вслух предположил Дэвид. — Ценные знакомства?

— С кем? С пиратами, что ли? — отозвался Март.

— С кем-нибудь из фон Нарбэ? — Дэвид бросил взгляд на Андре. — Вон, у нас целый живой аристократ, вышедший из-под контроля. И Лукас такой же. Почему еще паре-тройке не отыскаться?

Последняя мысль была далеко не такой нелепой, какой могла показаться. Один свободный аристократ — это исключение, но двое... это уже повод задуматься. Возможно ли, что Беляеву действительно помогли фон Нарбэ? Профессор — один из немногих, кто мог знать о приговоре Лукаса. Если Аристо действительно летел в «Ксиласкар», значит, новые программы в лаборатории писали именно для него. Значит, как минимум, сам Беляев знал, для кого работают его психиатры.

Аристо не смог спасти Луизу Беляеву от смерти. Но он освободил ее, вырвал из рук Радун и Капеллы, дал убежище и защиту. Да что там говорить, он для нее устои церкви перевернул. А потом ее брат получил распоряжение, сделать для Аристо ошейник и поводок.

Что такое руководитель лаборатории в «Ксиласкаре»? Это не последний в Империи человек, лицо влиятельное, но при этом живущее под постоянным, неусыпным надзором. Слишком много знает, слишком много может. Что он смог в этом случае? Попытаться спасти. Каким образом? Для Аристо наилучший вариант спасения — навсегда затеряться в Пространстве, но на Пространство влияние ученых «Ксиласкара» не распространяется.

В поисках решения проблемы, мог он обратиться за помощью к семье Аристо? Точнее, к тем, кто формально считается его семьей.

— Они хотели его убить, — напомнил Март. — Эти фон Нарбэ, когда Лукас родился, они требовали, чтоб отец Александр его убил. Потому что бракованный.

Андре кивнул:

— Я знаю эту историю. Правда, с противоположной стороны. Мы-то представляем себе, сколько проблем может создать аристократ с отклонениями.

— Ты без отклонений, — флегматично подал голос Дэвид, — а проблем от тебя не меньше.

Мирвой так долго молчал, что Андре успел о нем забыть, и, получив выпад с неожиданной стороны, растерялся на несколько секунд. Март воспользовавшись замешательством, поинтересовался:

— Как мы можем задать вопросы фон Нарбэ? Мной они побрезгуют, а ты вне закона.

— Тобой не побрезгуют, — медленно проговорил Андре. Мысль... появилась, но пока не оформилась. — Тобой — нет, ты ведомый Аристо. Но разговаривать с ними — это надо уметь.

Высокомерия этой семейке не занимать, тут не поспоришь. И все же, все же...

Фон Нарбэ. Аристо. Аристократы не знают с церковью, фон Нарбэ тем более не знают с церковью, но Марта они приняли бы в своем доме.

Если они действительно знают, куда исчез Лукас, они оставят эти знания при себе.

Марта приняли бы. Он летал с Лукасом. Дом фон Нарбэ не отказался от Лукаса. В Доме фон Нарбэ, вообще, много странного...

— Я попробую, — сказал Андре. — Дэвид, мне понадобится твоя помощь.

* * *

Ходили слухи, что замок семьи фон Нарбэ на Малаке скопирован с замка на Старой Терре. Андре верил слухам. Самый древний аристократический род Шэн не кичился древностью, да только остальные Дома никогда не забывали о том, что они младше фон Нарбэ на несколько веков. А замок, точная копия терранского, и поколения предков, уходящие в бесконечность, и необъяснимая, принесенная с Терры вера в то, что у Бога был

сын — все это просто дополняло картинку. Закрепляло впечатление о том, что фон Нарбэ — заносчивые и высокомерные ублюдки.

Несмотря на то, что их чистокровность не подлежала сомнению.

Андре назвался настоящим именем. Аристократы фон Нарбэ не приняли бы в своем доме никого, кроме другого аристократа. Правда, аристократы фон Нарбэ, обязаны были убить Андре дю Гарвея, испорченный механизм, списанный и подлежащий уничтожению. Таков приказ Божественного Императора, а его приказы выполняются без рассуждений.

Если механизм не испорчен.

И пока о нем докладывали по инстанциям, от привратника до дворецкого; пока слуга провожал в гостиную; пока в этой гостиной — огромной, с голыми каменными стенами и безумно дорогими коврами на гладком полу — шли минуты, равнодушные и неспешные, Андре так и не был уверен, отдает ли в это время глава дома приказ о его ликвидации, или же просто допивает утренний кофе.

— С чего вы взяли, что я, вообще, буду с вами разговаривать? — это было первое, что услышал Андре, когда Майндерт фон Нарбэ вошел в гостиную.

— Вряд ли вы приняли меня только затем, чтоб сообщить, что нам не о чем разговаривать, фон Нарбэ-амо, — Андре поклонился хозяину дома.

Так давно не был аристократом, столько раз менял маски, образы, характеры. А вспомнить оказалось очень легко. Самая старая память, она самая долгая. Расправились плечи, выпрямилась спина, вскинулся подбородок, как будто голову по-прежнему оттягивает назад тяжелая коса.

— У вас хватило дерзости прийти сюда, — произнес фон Нарбэ, — возможно, у вас действительно важное дело. — В голосе был знакомый лед. Если не смотреть на этого, высокого, светловолосого, с холодными серыми глазами, можно представить, что слышишь Аристо. Но не смотреть нельзя. Отведи глаза, и этого будет достаточно, чтоб тебя сочли слабым. Слабые не интересны.

— Я пришел, и я до сих пор жив, — Андре кивнул.

Дополнительных пояснений не требовалось. Фон Нарбэ не выполнили приказ Божественного Императора. Майндерт еще мог это сделать — в любой момент, пока Андре в замке, в любой момент после, пока Андре не уйдет от слежки. Но это уже не было «без рассуждений» и «немедленно». Подозрения, зародившиеся, недавно, отвергнутые как невозможные, и вернувшиеся неделю назад, только что подтвердились.

— Садитесь, — хозяин дома указал на одно из кресел.

Приглашение, больше похожее на приказ. Ну, таковы уж фон Нарбэ. Андре выбрал другое кресло.

— Фон Нарбэ-амо, в вашей семье принято сразу говорить по сути дела, так что и я обойдусь без экивоков. Что вам известно о том, где сейчас Аристо?

Этот фон Нарбэ, все же отличался от Лукаса. Лукас остался бы невозмутим, а Майндерт хмыкнул и удивленно приподнял светлые брови.

— Даже в нашей семье не принято настолько сразу переходить к сути. Аристо исчез во время перелета на Везек.

Вот так, значит? Несколько секунд Андре пытался понять, лжет его собеседник или действительно не знает, как обстоят дела. А потом начал рассказывать.

О том, где именно пропал «Вэйда». О двух кораблях, отправившихся из монастыря в двух разных направлениях. О фальшивых письмах, которые получал Март. О «Ксиласкаре», о новых программах импринтинга... Здесь Майндерт едва заметно кивнул, за «Ксиласкаром» следили все Дома. Но когда Андре изложил цепочку своих рассуждений, начиная с Луизы Беляевой и заканчивая предположением, что ее брат будет искать помощи у семьи фон Нарбэ, хозяин замка покачал головой:

— Никто в своем уме не стал бы обращаться к аристократам с просьбой нарушить закон. Кроме того, Дому нет дела до Аристо.

— И это общеизвестно, — согласился Андре, — так же, как и то, что аристократ не

может не выполнить приказ Божественного Императора. Но я решил, что психиатры «Ксиласкара» знают об... особенностях вашей семьи. Неработающие программы импринтинга для Дома фон Нарбэ писали именно там.

Снова не угадал. Второй раз за последние двадцать минут. Серые глаза Майндерта хищно сощурились.

— Программы работают, дю Гарвей-амо. Как все другие аристократы, мы проходим обучение, получаем запечатление и убиваем наших телепатов. Как все другие аристократы, мы счастливы выполнить любой приказ Божественного Императора.

— И глубоко несчастны, не выполняя приказов. Вот оно в чем дело! У вас просто хватает сил пережить это. — Андре понял, что живым из замка ему не уйти. Хорошо, что Дэвид придумал какой-то непонятный способ подслушивать этот разговор и вести запись.

— Врагам своим не пожелаю почувствовать то, что чувствую я, откладывая приказ о вашей ликвидации, — спокойно сообщил фон Нарбэ. — Впрочем, вы испытали нечто гораздо худшее, когда избавлялись от импринтинга. Могу я узнать, почему вы вообразили, будто наша семья свободна от уз?

— Вы спасли от них Лукаса.

— Неужели? По-вашему, мы добровольно лишили одного из нас любви Божественного Императора?

— По-моему, вы добровольно лишили одного из вас любви к Божественному Императору. Хотя, настоящему аристократу такое даже в голову бы не пришло. И никому из нас... — Андре вспомнил себя «настоящего» и на какой-то сумасшедший миг остро пожалел о том, чего лишился, — никому из нас не приходило. Ваши переговоры с орденом Десницы незадолго до появления на свет Лукаса, мы объясняли общими интересами. В конце концов, даже их монастыри строятся на ваших верфях, так что интересов предостаточно. Факт переговоров был отмечен, заархивирован и забыт.

— Настолько, насколько дю Гарвей, вообще, способны забывать. Понимаю. Через тридцать лет вы вспомнили.

— Двадцать девять лет. Вспомнил, когда увидел его. Цвет глаз, — Андре не отводил взгляда от лица Майндерта, — я знаю легенду об «отмеченных ангелом». И раз ангел оставил свой знак на одном из фон Нарбэ, то метка Божественного Императора уже неуместна.

— Сколько опасностей таит в себе избавление от импринтинга, — холодно заметил Майндерт, — весь мир меняется. Итак, дю Гарвей-амо, вы полагаете, что профессор Беляев помог Лукасу скрыться от приговора. И при этом вы же полагаете, что Лукас не стал бы бежать.

— Мои предположения основывались на том, что вы смогли бы убедить его. И на том, разумеется, что Пространство — ваша вотчина, а никак не психиатра из «Ксиласкара».

— Лукас пропал пятьдесят суток назад. За это время вы и отец Март, действуя самостоятельно, вышли на профессора Беляева, даже рискнули прийти сюда. Однако представители церкви не связывались ни со мной, ни с «Ксиласкаром». А между тем, они с самого начала располагали всей имеющейся у вас информацией, и, будь ваши предположения верны, орден Всевидающих Очей должен был проявить хоть какой-то интерес к профессору.

— Насчет церцетариев не знаю, — убивать не спешили, и нужно было успеть сказать как можно больше. Чтобы как можно больше услышать. Все, что скажет Майндерт фон Нарбэ, может оказаться полезным Марту. — Не знаю, что они предпринимают, зачем, и в каком направлении. Но профессор подал в отставку, настоятель «Святого Зигфрида» перевел отца Марта из истребителей в разведчики, а несколько дней назад отец Март получил письмо, копию статьи из «Temrus».

Андре мог не смотреть в лицо фон Нарбэ, чтобы следить за эмоциями. Майндерт — аристократ. Настоящий. Все чувства на поверхности. А до встречи с Лукасом, с вымороженным до полной безжизненности Аристо, фон Нарбэ казались образцом

сдержанности. Закрытые на все замки, холодные, непроницаемые.

Как все меняется! Даже немного обидно.

— Значит, вам известно об этом журнале, фон Нарбэ-амо, — Андре сказал, скорее, для себя, чем для Майндерта.

— Значит? — не без иронии повторил фон Нарбэ. — Я о нем слышал. Но не более того.

— И Дом дю Гарвей тоже. Только слышал. Божественный Император не желает, чтобы миряне понимали, как мыслят священники. Поэтому, — Андре наклонился, положил на столик перед собой маленький бохардат, — эта статья — единственная, оказавшаяся в руках аристократов.

Майндерт взглянул на бохардат. Вынул из внутреннего кармана пластинку «секретаря». Повертел бохардат в пальцах, прежде чем вставить в разъем.

— Показав вам статью из «Temprus», отец Март нарушил правила.

Андре почувствовал, как на губы, непрощенная, выползает злая, болезненная ухмылка. Плохо, плохо, плохо. Нельзя! Не показывай слабости.

— О, да. Март нарушил правила. Знаете, они это делают друг для друга, фон Нарбэ-амо. Невозможно представить, не так ли? Лукас для Марта, Март — для Лукаса. Вообразите только, эту статью Март еще и перевел.

У него ничего не было к Майндерту. Никаких претензий. Если не считать того, что глава дома фон Нарбэ, все-таки, собирался его убить. Но вот это, сейчас, это была месть за собственную бесполезность. За невозможность сделать хоть что-то там, в Баронствах, когда Андре Скорда

...беспольный, как чужая кукла...

отправлял донос на Марта, и знал, что убивает его, и *не мог* нарушить правила. Мог только видеть, как Лукас нарушает их. С легкостью. Потому что Лукас был способен сам решать, что правильно, а что нет.

С недобрый удовлетворением, Андре отметил, что сумел-таки привести собеседника в замешательство.

— Я всегда думал, что дю Гарвей как-то попроще, — задумчиво произнес глава Дома фон Нарбэ. — Хитрые, но неглубокие.

Что ж. Он взял реванш. Но, разумеется, это не имело значения. Значение имела статья. Майндерт пробежал ее взглядом. Закрыл. Вернул бохардат, и откинулся на спинку кресла, разглядывая Андре с каким-то новым интересом.

— Выходит, теперь проблем от Лукаса гораздо больше, чем пользы. Вы полагаете, церковь не ищет его потому, что сама же и уничтожила?

Полгода назад Андре пришел бы к такому же выводу. Если бы сумел вообразить себе фигуру настолько мощную, как Аристо. Если бы сумел представить, что один-единственный бракованный аристократ может быть силой, от которой зависит, останется ли на престоле Божественный Император. По правде сказать, Андре и сейчас не мог такого представить. Однако, в отличие от себя полугодовой давности, он нынешний имел слишком много дел со священниками. И, похоже, заразился идеализмом.

Если церковь убивает, то убивает открыто. Сейчас Андре считал, что так оно и есть. Даже церцетариев, которым, казалось бы, должно любым способом уничтожать грозящую Империи опасность, разить из тьмы, не брезговать ни ядом, ни удавкой, он не заподозрил бы в тайном убийстве. Тем более, в убийстве священника. Они спасают даже псиоников, куда им убивать?

— Я полагаю, — Андре покачал головой, — полагаю, что со свойственным им фатализмом, они ждут.

— Ждут, пока Лукас умрет сам? Значит, им известно, где он.

Да. Похоже, что так. И кто бы ни был ответственен за поиски Лукаса, какой бы из орденов не вел их, результат держат в строгой тайне. Иначе настоятель «Святого Зигфрида» не поручал бы Марту негласно вести собственное расследование. Не прислал бы эту статью, которая недвусмысленно заявляет: верить церкви больше нельзя.

— Вам нужно встретиться с Беляевым, дю Гарвей-амо. — Майндерт встал, показывая, что разговор окончен. — Я устрою эту встречу, назначьте время.
— Место назначите вы? — уточнил Андре, поднимаясь.
— Здесь, — Майндерт обвел взглядом гостиную. — Будет в самый раз.

Глава 4

«пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия»

Первое послание Петра (5:2)

Это место называлось Могилей. Негодное название. В могиле спокойно, могила — конец пути, последнее пристанище, в котором ничего не происходит и никогда не произойдет. А на планете-каторге с населением, состоящим исключительно из преступников и нелюдей, должно было происходить слишком многое. Таковы правила для каторг и тюрем, правила игры, в которой живые завидуют мертвым.

Яман, однако, собирался остаться в живых как можно дольше. А с появлением Шрама задача как-то сама собой усложнилась. Теперь остаться в живых должны были все обитатели трюма. Хунды и самые сильные из овец могли погибнуть в боях, но любых других потерь следовало избежать. Приложить к этому все усилия. В идеале, конечно, обойтись и без боев, но на такой исход событий не рассчитывали ни Яман, ни Шрам. По крайней мере, теперь драться готовы были все, не только те, кого Яман когда-то сделал хундами, но и овцы. Даже те из них, кто не мог себя защитить не только от хундов, но и от других овец.

Шрам что-то сделал с ними? Но Шрам утверждал, что они сами это сделали. С Божьей помощью. И оставалось только поверить, потому что если кто и знал о Боге, так это он.

Восемьдесят девять человек. Из них трое — врачи, два десятка — хунды, остальные — овцы. Шизиков не осталось, точнее, спятили в трюме все, включая врачей и хундов и самого Ямана, но полностью невменяемых — не осталось ни одного. Шрам что-то сделал... ладно, Господь что-то сделал, вернул им разум, столько, сколько нужно, чтобы понимать, что говорят, и делать, что сказано.

Сегодня по трубе кроме контейнеров с пайком сбросили еще и индивидуальные системы регенерации воздуха. «Кунцу-218». Яман знал эту модель. Недолговечные, дешевые, «Кунцу» применялись там, где требовалось без особых затрат создать видимость соблюдения правил техники безопасности. В отсеках третьего класса пассажирских звездолетов, в тюрьмах, где содержали приговоренных к смерти. Или на каторгах. Таких, например, как Мезар.

Упакованные в коробки по двадцать, «Кунцу» очередью вылетели из трубы, вслед за контейнерами с пищей, едва не убив Вилборга, который следил за раздачей пайков.

Шрам, как всегда невозмутимо благословил трапезу, и почти сразу ожили динамики. Механический голос начал зачитывать инструкцию по применению «Кунцу» и правила высадки на Мезар. Под этот инструктаж, кусок в горло не лез. «Кунцу-218» давным-давно зарекомендовали себя как ненадежные и почти бесполезные, а теперь предстояло доверить им свою жизнь и, словно этого было мало, условия высадки очень походили на массовое убийство. Триста секунд на то, чтобы преодолеть километр, отделяющий корабельный шлюз от входа в тоннели Мезара. Километр по прямой. Ничего сложного, если бы все овцы были целы и невредимы. Если бы Шрам мог хотя бы нормально ходить, а не ковылять, цепляясь за Ямана.

— Доберемся, — сказал Яман, вскрывая пайку. — Успеем. Распределим сейчас кому за кем присматривать. Зато уж там мы найдем из чего сделать тебе костыли.

Шрам говорил, что это мантра — обещание сделать костыли, дать возможность

передвигаться самостоятельно, что это, нечто вроде целеполагающей молитвы. Говорил, что Яман обещает не ему, а самому себе. Это обещание, что они выживут и на Мезаре, и смогут прожить там столько, сколько понадобится. Наверное, он прав. Но самостоятельность-то нужна ему, а не Яману. Яману не сложно таскать его на себе, во-первых, это полезные в условиях трюма физические нагрузки, во-вторых, Шрам слишком легкий, чтоб стать проблемой. А если он всегда будет есть так мало, то рано или поздно сдохнет от истощения.

— Ты опять ни убера не жрешь!

— Не поминай нечистого, — Шрам протянул в его сторону невскрытый контейнер, — жертвую в пользу командования. Когда люди поедят, прикажи, чтобы упаковки с «Кунцу» несли сюда. И отдай мне Старостина и Джобса. Нужна проверка, двести восемнадцатые могут прямо с конвейера выйти негодными.

Так и есть. Качество этих моделей никто не контролировал, зато и стоили они...

Яман хмыкнул и покачал головой.

Какие, однако, разные ощущения у того, кто покупает дешевые вещи и у того, кому придется доверить им жизнь. У Господа, пожалуй, есть чувство юмора. Недоброе, но, к несчастью, справедливое.

— А еще, Шрам, помолись о том, чтобы исправных систем хватило на всех.

— Если не хватит, я научу, как можно одной пользоваться вдвоем.

— Ты лучше помолись.

— В тебе все меньше скепсиса, Яман. Это хорошо. Не беспокойся, я молюсь всегда, за всех вас.

Во время проверки «Кунцу», Шрам объяснил, почему так. Почему корабль сядет далеко от тоннелей. Зачем нужны ограничения по времени. Как и в случае с отключениями гравитации, в этом не было никакой злокозненности или неоправданной жестокости. Просто бесчеловечность, возведенная в ранг здравого смысла.

— Я слышал, что содержание каторг окупается, — Шрам говорил, и один за другим вскрывал индивидуальные пакеты с «Кунцу», подушечки пальцев скользили по оболочке регенерирующей капсулы, — но никто не любит лишних расходов, в том числе и правительство. — Как будто в подтверждение, он протянул Яману очередную маску. — Негодная.

Капсула с виду казалась целой, но Яман, уже успевший включить, на пробу, две первые забракованные маски, к третьей убедился, что звездолетчики не ошибаются. Старостин и Джобс тоже проверяли целостность капсул на ощупь. Можно подумать, всех, кто живет в Пространстве, специально чему-то такому учат.

— При чем тут расходы?

— Нет смысла держать на каторге тех, кто не сможет работать, — Шрам вскрыл новый пакет. — Покинув корабль, мы пройдем контроль, автоматика подтвердит, что все живы. А дальше переход до тоннелей, пока не закрылся люк. Калеки не успеют. Очень удобно.

— Я сказал, что успеют все!

— Да. Молю Господа, чтобы все предыдущие партии каторжан были так же дисциплинированы, и так же любили ближнего.

Очень серьезно сказано, без тени иронии. Действительно, значит, молит Бога за тех людей, с которыми придется сосуществовать в подземельях Мезара. Или, молит Бога за то, чтобы они оставались людьми? Даже в подземельях Мезара?

* * *

Молитвы не помогли. Первые трупы попались на глаза сразу по выходу из контрольной зоны. Покрытые пылью, почти неразличимые на серой земле серые мумии.

Сразу по выходу из контрольной зоны пошел отсчет. Триста секунд. Часть этих секунд едва не оказалась потеряна, когда из соседнего шлюза, как из пасти левиафана, выбежали,

отпихивая друг друга, женщины. В таких же точно комбинезонах, точно так же обритые наголо, кажется, неотличимые от мужчин.

Пятеро осталось на полу, задыхаясь, без масок. Контроллеры уже отметили их как живых, теперь их смерть никому не повредит.

Шрам — ох и страшный же в закрывающей половину лица маске, в черной повязке на глазах — незряче повернулся в сторону умирающих женщин. Яман даже не стал тратить время на пререкания. Кто бы сомневался в том, что смерть пятерых женщин повредит бессмертным душам тех, кто оставит их без помощи? Кто в этом мог сомневаться, после встречи со Шрамом? Так что, чего уж там, было своих калек семеро, теперь дюжина. Говорить не о чем. Рано, конечно, обрадовались, что «кунцу» хватило на всех. Зато сейчас можно радоваться, что внимательно слушали объяснения о том, как дышать с одной маской на двоих. А ведь, вроде, объяснения-то и не нужны были. Хватило же. На всех.

А оно вон как обернулось.

По отпечатавшимся в пыли следам, по дороге смерти, в буквальном смысле высланной трупами. Бегом. К черному жерлу тоннеля, в глубине которого, далеко, видны белые, неяркие огни.

Четверо хундов в авангарде стали замыкающими для вырвавшихся вперед женщин, и теперь подгоняли отстающих. Подобрали одну, споткнувшуюся, упавшую на колени.

Чусры возьми все это, что же такое сделал Шрам, что они все начали вести себя как люди?

Четверо хундов в арьергарде присматривали за теми, кто нес раненых. Остальные — оцепление. Действительно, псы, окружившие овечье стадо. Яман бежал сразу за первой четверкой, почти не чувствовал веса Шрама, думал о времени, о потерянных секундах.

Все его люди... «ovis»... должны успеть добраться до тоннелей.

И они успели. Все. Последние хунды ворвались в полутемный каменный коридор, когда ганпластовые створки люка уже смыкались. Когда в шлюз подадут кислород, воздух станет пригодным для дыхания, и откроется второй люк. Возле этого люка, тяжело дыша, сбились женщины. Люди Ямана, овцы в окружении хундов, остановились посреди коридора.

Время шло. Створки не открывались.

Те, кто дышал через одну маску на двоих, передавая «Кунцу» друг другу, только отрицательно качали головами в ответ на вопрос, достаточно ли в воздухе кислорода. А когда те из женщин, кто был вплотную к внутреннему люку, начали впадать в панику, и на створки обрушились первые удары ногами и раскрытыми ладонями, из-под потолка раздался голос:

— Маски с калек снимите. Когда сдохнут, откроем. У нас тут не богадельня.

В первые секунды никто ничего толком не понял. Потом Яман подумал, хорошо, что женщин меньше. А потом женщины заговорили все разом. Закричали. Они требовали забрать маски у калек. Готовы были сами это сделать. Жить хотели, это понятно. И тоже понимали, что их меньше, сорок или около того, Яман пока не успел сосчитать, против вдвое большего числа мужчин.

Опасаться стоило не женщин, а как раз мужчин. Собственное стадо могло превратиться в стаю и ударить в спину. Инстинкт выживания страшная вещь, нет его сильнее. Те, кто делит сейчас одну маску на двоих с неизвестно зачем подобранными на высадке женщинами, уже чувствуют приближающийся кошмар смерти от удушья, остальные тоже вот-вот поймут. И тогда все, что Шрам говорил им о Боге, потеряет значение. Бог важен тогда, когда умираешь в своей постели, в окружении родных людей. А когда тебе предстоит задохнуться, чтобы спасти душу... ни о Боге, ни о душе как-то уже не думается.

Или...? Сам-то он сейчас о чем думает? О стаде. И о Боге. И... хунды пока сдерживают перепуганных женщин, не подпускают к калекам, которых стадо окружило, опять-таки, инстинктивно защищая беспомощных людей.

— Мне нужно время, — сказал Шрам. — Камера... — пальцы легли на затылок Ямана,

чуть развернули голову влево и вверх. — Там. Говори с ними.

Яман кивнул. Едва-едва. Шрам не видит, но сейчас-то чувствует. И рывкнул, глядя прямо в невидимую камеру:

— Какая, к убйрам, богадельня?! Вам тут рабочие руки не нужны или баб слишком много стало?!

— Кто убьет калеку, того пропустим внутрь, — отреагировали динамики.

Яман всей кожей почувствовал напряжение стада. Это и есть эмпатия? Каждый нерв, как струна натянут. А тут еще и за всех остальных чувствуешь? Ну ее в эхес ур, не надо такого.

Раньше, чем перетянутая струна порвалась, он заговорил снова. Его голос ослаблял натяжение, пока он говорил, людям казалось, что он может что-то сделать.

— Среди этих калек есть медики. Руки или ноги не работают, тебе не похрен? Головы-то работают, лечить они могут.

— Хорошо, — почти неслышно произнес Шрам.

Из стен послышалось шипение. В шлюзовую камеру начал нагнетаться кислород.

Не так и далеко от закрытых ворот, в аппаратной, с полудесятком мониторов на стенах и парой микрофонов на пульте, сидел человек по прозвищу Вартай Привратник. Его задачей было открыть ворота для новой партии каторжан, и при этом не впустить в тоннели тех, кто бесполезен. Беспольных, вообще, не должно было быть. Чего ради эти придурки притащили с собой калек? Врачи? Но ведь не все же.

Новички выглядели подозрительно и, возможно, были опасны. Вартай не понимал их, все непонятное опасно. Зачем они приперли искалеченных баб? На корабле баб везут отдельно, о них ничего невозможно узнать, пока летишь, и ничего не узнаешь, пока бежишь до ворот.

Надо было решить, избавляться ли от лишних ртов, пожертвовав при этом врачами, которых, кстати, могло и не быть, или впускать всех, а лишних убрать позже, когда насчет врачей прояснится.

Вартая сначала смутно, а потом все сильнее начало беспокоить то, что этот здоровенный мужик, который на него орал и требовал открыть ворота, смотрел прямо в камеру. Как так? Он ведь не может ее видеть. Там и камеры нет, там тонкий усик световода.

И все же разъяренный взгляд с монитора, как будто пырился прямо в глаза. Здоровенный одной рукой обнимал какое-то... существо... Какую-то тварь без лица. Помогал на ногах стоять. Так обнимал, что сразу ясно, почему он калек внутрь провести хочет. Ну, с этим ясно, а остальные чего ждут? Что этот один, хоть какой он будь здоровенный, против такой толпы?

Нет... прямо сейчас надо решить насчет врачей, а потом уж...

Изображение на оставшихся четырех мониторах изменилось. Теперь, вместо разных помещений этого сектора, на всех было безликое существо.

А потом оно стянуло с глаз черную повязку.

Вартай разное видел. На Мезаре чего только не насмотришься, и уроды не в диковинку, лишь бы работать могли. Но этот... Шрамы эти...

Почему он на всех экранах? Так не должно быть, на этих мониторах изображение с камер из других секторов.

В какой-то миг Вартай понял: это киборг со Старой Терры, чудовище, страшной убйров из Эхес Ур. Если бы было кому спросить, почему он так решил, ответа бы не нашлось, но спросить оказалось некому, никто не вернул Вартаю способность рассуждать здраво. Киборг, страшный, как самый страшный кошмар, глядя сразу со всех экранов, мертвым, *киборгическим* голосом сказал:

— Не откроешь, прокляну.

И стало ясно: проклянет. Так и будет. И все те люди, которые умрут, если ворота не открыть, придут за Вартаем и утащат за собой.

«Можно же и потом, — решил Вартай, нажимая кнопку на пульте, — потом можно. По одному. И врачей не трогать. А так бы все умерли».

а потом пришли бы и забрали

Сначала — достаточный уровень кислорода, ворота откроются только потом. Показалось, что в этот раз, процесс занял очень мало времени, как будто воздух в камере уже был насыщен кислородом. Но, понятное дело, что глюк это. Или нет? Или всё правда? Или лучше об этом вообще не думать?

Яман сначала не услышал, а потом его от голоса Шрама такая жуть пробрала, что не до посторонних звуков стало, хотя бы и жизненно важных. Чуть не уронил придурка, показалось, что держит на руках какую-то смертельно-ядовитую тварь. Зато женщины, собирающиеся с духом для броска на хундов, услышали и моментально метнулись обратно к воротам.

Воздух наполнялся кислородом. Это началось до того, как Шрам заговорил. До того, как пригрозил проклятием. Сработало вранье насчет врачей? Их решили впустить, и Шрам мог бы не пугать до полусмерти Ямана, мог бы не говорить таким голосом, чусры бы его... Нет, не надо его чусрам. Они все сейчас в Эхес Ур, и лучше воздержаться от проклятий.

Вранье если и сработало, то не настолько, чтобы спасти им жизнь. Кто-то перехватил управление механизмом подачи воздуха. Лучше пока не думать, кто это сделал. И вопросов пока лучше не задавать. Потому что проблемы только начинаются. Проблемы, они по ту сторону медленно открывающихся ворот.

* * *

Март перед приемом у Божественного Императора так не волновался, как перед визитом в резиденцию фон Нарбэ. Божественный Император был наместником Бога в мире людей, он был непогрешим и никогда не ошибался, поэтому его влияние на жизнь Шэн всегда было благим и правильным. А вот фон Нарбэ могли и ошибаться, и грешить, да еще и, как выяснилось, не очень-то подчинялись Божественному Императору, а ведь именно фон Нарбэ строили все имперские звездолеты. С точки зрения Марта, они влияли на жизнь Шэн чуть ли не больше, чем Его Величество. Понятно, что он нервничал по поводу предстоящего знакомства.

Это он Андре объяснил, когда тот спросил, «чего ты дергаешься?»

Андре в ответ только ухмыльнулся:

— С фантазией у тебя порядок. А вот врать не умеешь. Тогда тебе терять было некого. А сейчас есть. К тому же, ты боишься, что он похож на Лукаса сильнее, чем я сказал.

И это была правда. Всё, что Андре сказал — всё правда. Встречу с Эдмоном дю Гарвеем Март помнил, как страшный сон, и это счастье, что они не похожи, Эдмон и Андре. Это счастье, что Андре жив. И да, правда в том, что тогда терять было некого. Андре он считал мертвым, а Лукаса неуязвимым. А сейчас от этой встречи зависела жизнь обоих. Майндерт фон Нарбэ мог в любой момент отдать приказ об убийстве Андре. И Майндерт фон Нарбэ мог показать путь к спасению Лукаса.

То, что профессор, с которым они должны были встретиться в резиденции, арестован, стало неожиданностью для всех, включая и самого фон Нарбэ.

— Подал в отставку, — Майндерт злился, но об это можно было лишь догадываться, и Марту поперек всех мыслей думалось, что, наверное, не зря другие аристократы, бешеные, не знающие слова «сдержанность», считали всех фон Нарбэ лишёнными эмоций. — Уже после того, как был арестован. Хорошая мина, при паршивой игре, обычное дело для церкви... — бешеный взгляд на Марта, стиснутые зубы. — Простите, отец Март. Я не имею в виду всю церковь.

— Церцетарии стараются не привлекать к себе внимания, — подтвердил Андре, — но, по крайней мере, у них люди не исчезают без следа, чего не скажешь о мирских службах.

— Без следа?

Март и Майндерт это произнесли хором. Март думал, аристократ его пристрелит, но, с ума сойти, фон Нарбэ чуть улыбнулся. Правда, это разрядило обстановку ненадолго. Дэвид, похоже, понял о чем речь. А Андре на них их обоих, и на Марта, и на Майндерта поглядел с искренним недоумением:

— Вы в какой стране живете? Простите, фон Нарбэ-амо... — он покачал головой, повернул сэйру на правом запястье. — Ваша семья действительно далека от этой стороны жизни. Но Март, ты столько лет верил в теорию заговора, и что, за два года в ордене вообще всё забыл?

Март не забыл. Забыть то, чему учили в Капелле, было невозможно, но храни Господь, сейчас стыдно вспоминать об этом. Паранойя, ненависть к любому проявлению имперской власти, страх перед церковью. Стыдно вспоминать, как сам же рассказывал Лукасу, что телепатов казнят по сфабрикованным обвинениям, а, может, просто тайком убивают...

Бред-то какой.

— Андре...

Март не договорил. На красивом лице Андре появилось нетерпеливое выражение, а это означало, что ему надоело ждать, пока собеседники сами поймут, о чем он говорит, и сейчас последуют объяснения.

— Церковь всего того, что приписывала ей Капелла, не делала, и никогда не станет делать, — в голосе было легкое пренебрежение, как всегда, когда Андре дю Гарвей вспоминал о церкви, — так что не волнуйся, мальчик, не так уж ты ее идеализируешь. Но кроме церкви, есть же еще и мирвои. Дэвид, я вижу, в курсе, да?

Дэвид неопределенно пожал плечами. Но он точно был в курсе. Единственный, кто не удивился, когда зашла речь о бесследно исчезающих людях.

— И мирские войска далеко не идеальны, — проговорил Андре почти нараспев. — Впрочем, они тоже лишь выполняют волю Божественного... — он поймал взгляд Майндерта. — Ладно. Это все равно не наш случай. Фон Нарбэ-амо, профессора Беляева арестовали церцетарии?

— Арестовали. Допросили. Он подал в отставку. — Майндерт вздернул подбородок, и посмотрел в глаза Андре: — найти его пока не удалось. Известно, что он не улетал с Малака... точнее, — добавил он мрачно, — известно, что он не улетал с Малака официально.

— Но на планете его нет, — продолжил Андре.

— Его не удалось найти, — повторил фон Нарбэ, — у нас меньше возможностей для поиска людей, чем у вашей семьи, дю Гарвей-амо, а к вашей семье я не обращался. — Новый обмен взглядами, как будто двое аристократов говорят между собой о чем-то, неслышном для Марта и Дэвида. О чем-то непонятном? — Багала «Пунда» ушла с Малака с большим запасом провианта, чем требуется на заявленный маршрут. Правда, не настолько большим, чтобы хватило прокормить еще одного человека, а профессор Беляев крупный мужчина...

— Но если не слишком заботиться о том, чтобы этот человек нормально питался, — Андре не перебил, он подхватил мысль, — если, вообще, не слишком заботиться об этом человеке, то провианта должно хватить.

Майндерт кивнул почти с благодарностью.

— Именно. «Пунда» не потеряется, даже если отправится в Баронства, но прежде чем мой Дом предпримет что-либо, кроме наблюдения за ней, дю Гарвей-амо, будьте любезны подробнее рассказать о бесследных исчезновениях.

Им, наверное, следовало бы сотрудничать. Дому дю Гарвей, который знал все о любом человеке в Империи, кроме людей церкви, и Дому фон Нарбэ, который знал все о любом шэнском корабле, в том числе, о кораблях церкви. Но эти два Дома не только не сотрудничали, испокон веков они едва терпели друг друга. Зачем, интересно, это было сделано?

Март поймал себя на этой мысли и озадачился еще и тем, откуда она взялась. Что за странная идея о том, что противостояние двух Домов было *сделано*, а не образовалось само

собой? Да достаточно посмотреть на этих двоих, Андре и Майндерта, они настолько разные, что не сработались бы, даже прикажи им это Божественный Император. А то, что сейчас происходит — это исключительные обстоятельства. Правда, приказ Божественного Императора о сотрудничестве тоже мог бы стать исключительным обстоятельством.

Интересно, как объяснил бы это Лукас? Он, наверняка, знает ответ.

И Андре... наверняка знает. И ответы у них, наверняка, разные.

«Господи, — Март на секунду закрыл глаза. — Сохрани его! Пожалуйста, Господи, пусть с ним ничего не случится!»

— Бесследно исчезают, например, киборги сразу после удаления имплантантов, — сказал Андре. — В тюрьму их сажать накладно, за ними там придется ухаживать и лечить, а на каторгу отправлять — бессмысленно, там никому не нужны беспомощные калеки. Еще исчезают преступники. Те, чьи преступления нельзя обнародовать, те, кому грозит смерть от рук поделщиков те, кому за сотрудничество со следствием смертную казнь заменили пожизненным заключением, и тому подобные экземпляры, — Андре пожал плечами, — можно очертить рамки четче, но, я думаю, для общего представления достаточно.

— У тебя еще по-божески выходит, — хмыкнул Дэвид. — Исчезают, выходит, только те, кто один чуср, преступник? А с разными неудобными людьми, кто закона не нарушает, как быть?

— Орден Наставляющих Скрижалей, — напомнил Майндерт. — Учат, проповедуют, ведут идеологическую работу.

— Уж сколько раз пытались объяснить, что совсем неудобных можно просто ликвидировать, — Андре досадливо покривился. — Куда там? Пока власть в руках Церкви, все объяснения бесполезны.

— Профессор-то при чем? — не выдержал Март. Аристократам всегда было, что сказать насчет власти церкви в Империи, и Майндерт мог сейчас поддержать Андре, и неизвестно, когда бы они вспомнили о том, зачем собрались сегодня. — Профессор-то почему исчез? Потому что совершил преступление, о котором никому нельзя знать? Спас Лукаса от... коррекции психики?

— Потому что номинально он вообще не преступник, — сейчас глаза Андре были зелеными и прозрачными, без примесей других оттенков. — Лукас не летел сюда, для него не писали программы импринтинга, сахе Беляев не мог его спасти, потому что не от чего было спасать. Состав преступления нет.

— А преступник есть, — Дэвид широко улыбнулся. — Обычное дело.

— Мирвои, в норме, менее циничны, — заметил Андре в пространство.

— Аристократы, зато, более, — парировал Дэвид.

Ну, конечно! Один уверен, что имеет дело не с мирвояем, а с церцетарием, личным врагом, можно сказать, вечным конкурентом мирской разведки. Второй просто уверен. Во всём. Он даже с Лукасом спорил, хотя Лукас вообще всегда прав и никогда не ошибается.

Майндерт фон Нарбэ только головой покачал, и, кажется, взглянул на Марта с сочувствием. Хотя, конечно, нет, не могло такого быть.

— Дю Гарвей-амо, вам известно, куда исчезают эти «бесследно исчезнувшие»?

— И да, и нет, — немедленно отозвался Андре, перестав сверлить Дэвида взглядом. — Место называется Могила. Но что это, где это, на какой планете, я представления не имею. Это может быть поселок в пустынной местности, каких всюду предостаточно, а может — целая космическая станция. Да хоть астероид... хотя, — он слегка озадачился, — я не уверен, что у нас есть астероиды, не выкупленные союзом маркграфов.

— Есть, — Майндерт кивнул, мол, продолжайте.

— Я знаю, что есть специальный звездолет, который перевозит этих людей, но, опять-таки, — Андре недовольно поморщился, — мне известно только название, «Сонсарк», ни порта приписки, ни позывных, ни имени капитана я не знаю.

— Это каторжная гарима, — Майндерт если и задумался, то совсем ненадолго, Март не заметил паузы. То ли глава дома фон Нарбэ умел моментально пролистывать в памяти весь

реестр имперских звездолетов, то ли недавно думал о «Сонсарке». — Как и все остальные суда специального назначения, «Сонсарк» не внесен в общедоступные списки. Хотя, у дома дю Гарвей, мне кажется, должна быть информация о нем.

— Специализация не моя, — объяснил Андре. — Нет доступа к данным.

— Понимаю, — Майндерт встал, махнул рукой поднявшемуся, было, Марту: — сидите-сидите, преподобный отец. Я вернусь через десять минут, — это всем. Стремительно пересек просторную гостиную и исчез за дверью.

— Нет доступа к данным? — переспросил Дэвид, как только они остались одни.

— Я же не могу вернуться, — Андре снова крутил на запястье сэйру, — а воровство из родного дома, это слишком даже для меня. Не потому что... — он мотнул головой, отмечая все возможные подозрения в том, что и у него есть совесть, — а потому что резиденция в пять этаже, битком набитая сигнализацией и, что гораздо хуже, аристократами, нам не по зубам, даже если бы с нами был Лукас.

«Секретарь», оставленный Майндертом на подлокотнике кресла, ожил и заговорил человеческим голосом: — Отец Март, взгляните на это.

Над тонкой полоской развернулся экран, размером с два листа бумажной книги. Черным по белому по экрану побежали данные. Координаты, время, скорость, направление, прогноз изменений курса, вероятность совпадений. Все это очень походило на разведданные, поступающие в монастырь со всех концов охраняемого пространства. Только сведения были не о кораблях Баронств, и не о контрабандистах, а о багале «Пунда» и каторжной гариме «Сонсарк».

И Андре, и Дэвид смотрели на Марта с одинаково вопросительным выражением. Им вереницы чисел на экране не говорили ни о чем.

— «Сонсарк» и «Пунда», — сказал Март. — Сейчас они далеко друг от друга, вот... — он провел пальцем по нужным строчкам, подсветив их синим, — но похоже на то, что они идут на сближение. Вероятность семьдесят четыре процента.

— Всегда интересно было, — нейтрально заметил Андре, — что это за убйрство, как можно предсказывать, каковы планы капитанов двух разных кораблей? И хорошо, если двух. А то орден Десницы предсказывает, говорят, оптом, для всех монастырей сразу.

— Пять лет в академии по классу навигатора, спецкурс каинат-анализа, и вы это поймете, дю Гарвей-амо, — Майндерт вошел в гостиную, осмотрел всех троих. — Скорее всего, профессор Беляев на «Пунде», скорее всего, «Пунда» доставит его на Сонсарк, и, скорее всего, «Сонсарк» пропадет с радаров маяков в том же секторе пространства, где всегда и пропадает. К сожалению, в этом секторе есть и обитаемые, и разрабатываемые планеты, и космические станции, и астероиды-шахты, — ни взгляд, ни голос главы дома фон Нарбэ не выражали даже намек на сожаление, почти достигнув ледяной бесчувственности Лукаса, — и ни в одном из портов, ни на одном из рейдов появления «Сонсарка» никогда не фиксировали. Он просто пропадает.

— Но потом появляется, — Андре несколько не впечатлился резким похолоданием, температура в гостиной не изменилась, и ладно. — Зная скорость, направление, что там еще... — он бросил высокомерный взгляд на испещрившую экран цифирь, — ваш *каинат-анализ*, фон Нарбэ-амо, не в состоянии предположить, куда он уходит и где разворачивается?

— Разное направление, — равнодушно сообщил Майндерт. — Разное время от исчезновения до возвращения на радары. И мы никогда не интересовались каторжными гаримами. Преступники — это по вашей части, дю Гарвей-амо. Нужно захватывать «Сонсарк».

Аристократы без этого не могут, что ли? Андре с Лукасом сцеплялись через слово. А сейчас они с Майндертом друг на друга рычат. Март напомнил себе, что инстинкты велят Майндерту убить Андре, а Андре об этом знает и бесится. Спокойнее не стало. Даже наоборот. Последние слова фон Нарбэ он просто не сразу понял. Не выделенные ни выражением лица, ни хоть минимальным изменением интонации, они едва не прошли мимо

сознания.

— «Сонсарк»... что? — ему послышалось? Нет, скорее всего, он неправильно понял слово...

— Захват, — Майндерт погасил экран «Секретаря», — абордаж. Нарушение закона. Преподобный отец, вы не сможете участвовать.

— Я смогу! — брякнул Март. — Я нарушу! То есть, — он замахал руками, открешиваясь от собственных слов, поймал себя на этом, представил, что сказал бы Лукас на такую несдержанность, запутался окончательно. — Эхес ур... я хочу сказать... преступники, которые не преступники, они не должны быть наказаны. Лукас так считает. И я тоже. А профессор Беляев не преступник. И он знает, где Лукас.

— А мы не успеваем перехватить «Пундо»? — уточнил Дэвид. — Багама гораздо меньше гаримы.

— Пятнадцать дней форы, — к тому, что мирвой ни лха не понимает в данных о перемещении кораблей, Майндерт отнесся с пониманием. — Скорее всего, пилот «Пундо» — священник, значит, они идут глубоко в подвале. — Серые глаза скользнули по Марту, — вы не догоните их даже на «Хикари», но на ней можете успеть перехватить «Сонсарк».

— На... «Хикари»? — Март сам не услышал своего голоса, горло перехватило.

Глава дома фон Нарбэ недовольно подвигал тяжелой челюстью:

— Аристо свихнулся на этом звездолете, ты знаешь, мальчик?

— Нет, — Март помотал головой. — Вы не понимаете.

И Майндерт кивнул, как будто именно это Март и должен был сказать.

— После того, как Радуна отправили на каторгу, «Хикари» стала трофеем Лукаса. До его возвращения, она принадлежит Дому фон Нарбэ. Я отдам вам «Хикари», но пилота с БД-имплантатами у меня нет.

— У нас есть, — подал голос Дэвид. — Только инструкция нужна к этой вашей «Хикари».

Тут уж на него уставились все трое, и все, кажется, с одинаковым выражением на лицах.

— Инструкция? — озвучил Андре общую изумленную мысль. — К «Хикари»? Капитан Нортон, а вы точно из нашей вселенной?

Мне сейчас не дозволено быть собой,
Задыхаясь от боли, чувства глотать.
Мне сейчас не проникнуться — *просто боль* —
не тебе без меня умирать!

Чистой сущностью, концентратом эмоций в суть
проникая, вещами меняя слова,
существуешь.
И вновь попрошу «будь».
Я умею лишь будни твои звать.
Расставляя ловушки, читать имена
и чертить на песке дороги-пути
я... дождусь, брат, лишь оставь знак,
что ты хочешь ко мне дойти.³

Глава 5

³ Alyssa Lwuisse

*«Кто находится между живыми, тому есть еще надежда,
так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву»
Экклезиаст (9:4)*

Конечно же, «Хикари», как и любой другой звездолет, сопровождалась огромным количеством самых разных инструкций, но имплантанты бесконтактного доступа в Империи были разрешены только пилотам, а любой пилот с БД знал, как работать в унтэн-сфере.

Дэвид не знал. Правда, очень быстро разобрался. Андре уже видел подобное, такую скорость обработки информации, видел в Баронствах. В том числе и в исполнении самого Дэвида. Тогда еще принял как данность, что церцетарии не брезгают использовать имплантанты. Что ж, все бывает. Его не учили ненавидеть киборгов, убивать учили, а ненавидеть нет. Убить Дэвида Андре при необходимости мог, об остальном не беспокоился.

Дэвид не умел пилотировать звездолеты, это был существенный пробел в его, по всем прочим пунктам безукоризненной легенде. Наверняка, при создании легенды подразумевалось, что об имплантатах никто не узнает. Даже пророки Капеллы не смогли бы предсказать, что наступят времена, когда киборг-церцетарий начнет планомерно нарушать закон в одной команде с рыцарем Десницы и аристократом. Воистину, наступают последние времена, и свет Самаянги вот-вот воссияет, заменив собой все имперские солнца.

Ну, и убырство! Правда, смешно это или нет, но одно имперское солнце действительно может смениться другим. Божественный Император может уступить престол Лукасу. Если только Лукас найдется. Куда же он пропал, Аристо, ичи б его об кочки?! В какие неприятности влип, если церковь решила, что он не выберется живым, и прекратила поиски, положившись на волю Творца?

«Хикари» шла на встречу с «Сонсарком».

Первые сутки они шли в обычном пространстве, Дэвид осваивал правила входа в «подвал», штудировал теорию слоев. Март консультировал его, с грехом пополам вспоминая учебный курс монастыря. Андре молился бы, если б умел. Кто-то же должен, раз и священник, и мирской агент церкви слишком заняты, чтоб уделить время молитве.

Вообще-то, конечно, ему было смешно. От абсурдности ситуации. За полгода он так и не привык быть врагом того, чему служил с самого рождения. Лукас как-то справлялся с этим, умел верить в то, что поступать по совести важнее, чем следовать закону, умел не считать себя ни преступником, ни, тем более, врагом Империи. Даже когда освобождал Миклашевскую, которая уж точно была врагом. И еще каким!

А что в итоге? Миклашевская хочет заключить союз с церковью, дать Империи плацдарм на территории Баронств и принять истинную веру. Довольно неожиданное следствие преступления, с какой стороны ни взгляни. То ли самоуверенность Аристо такова, что даже Господь действует в соответствии с его представлениями о правильном и неправильном, то ли Март прав, и он попросту делает, что должно.

На следующие сутки «Хикари» нырнула в «подвал», и тут уж молиться начал Март.

* * *

На «Хикари» любое утро было прекрасным. Обшивка корабля становилась полупрозрачной, по перламутровой скорлупе разбегались алые блики, не требовалось воображения, чтобы представить себя внутри освещенной восходящим солнцем жемчужины. В империи Нихон восход был временем сакральным, на «Хикари» — тоже, да и сама «Хикари»... один из двух самых необычных в мире звездолетов. Просто машина, но такая сложная, что по незнанию ее можно было бы счесть разумной.

— Один в один Аристо, — сказал Дэвид в одно такое утро. — Вот так же мы в Баронства летели. Двое нормальных и один чурбан в медитации.

Андре доводилось видеть Аристо в молитвенном трансе. Дэвид был прав, Март вел себя так же. Никак. Но молящегося Аристо Андре наблюдал несколько часов, а Марта уже

третьи сутки, и выносить это его состояние становилось все сложнее. Тело Марта было на «Хикари», механически выполняло все необходимые действия, а разум или... что? дух, душа? церковникам виднее, как назвать, но, в общем, та часть, которая и делала его собой, она пребывала где-то далеко. Слишком далеко, по мнению Андре. Наверное, «Хикари» могла бы идти в более глубоких слоях «подвала». По крайней мере, казалось, что такое самоотречение, такая погруженность в молитву, должны отгонять демонов так же эффективно, как если бы Март сам сидел в унтэн-сфере. Дэвид признался, что у него появлялась такая идея, но «Хикари» нырять не стала. Сообщила об ошибке в командах.

— Говорит: «я не могу выполнить ваше пожелание, господин», — это Дэвид рассказывал уже за завтраком, рассказывал Андре, но смотрели оба на Марта, который, с отсутствующим видом жевал тост, явно не чувствуя ни вкуса, ни запаха. — Лукас, кстати, чай пил. — Вдруг вспомнил Дэвид. — Хреновины такие, круглые, на чеснок похожи. Я ему как-то сказал, что надо сильно с прибабахом быть, чтоб кидать чеснок в кипяток и думать, будто это красиво. Но оно ничего так было, в воде раскрывалось, как цветок или что-то такое. Пахло нормально.

Андре понял. Дэвид, навряд ли. Люди иногда говорят и делают вещи, полные смысла, но им не дано понять этот смысл. Чай «Тайян», любимый сорт Лукаса, и правда выглядит непрезентабельно, пока не окажется в горячей воде. Но Дэвид не об этом хотел сказать, хоть и думает, что вспомнил именно о чае. Дэвид хотел сказать, что Лукас, даже когда молится, не покидает дольний мир, раз уж может любоваться распускающимся в чашке цветком «Тайян». Он выглядит отстраненным, и может показаться, будто он где-то далеко, но это же Аристо, он вообще всегда выглядит так, будто весь мир — грязь под его ботинками. А на деле он никуда не девается, его молитва устанавливает связь... ну, предположим, с Богом, и демоны разбегаются, потому что Аристо — проводник силы, которая для них опасна.

А Март не здесь. Март ни Бога, ни ангелов на «Хикари» не привел, он, вместо этого, ушел сам. Поэтому «Хикари» и не может нырнуть глубже в «подвал». Очень простое объяснение, только вот, на самом деле, погружению ничего не препятствует, на корабле нет приборов, способных определить присутствие демонов. Таких приборов, вообще, не существует. Если бы в Нихон смогли создать подобные детекторы, может быть, нихонцы научились бы летать глубоко в «подвале», но до сих пор эти слои доступны только священникам-пилотам.

Дэвид предположил, что на «Хикари» установлен искусственный интеллект. С учетом того, что сам Дэвид был одновременно киборгом и мирским агентом церцетариев, он, возможно, и знал что-то, неизвестное даже дому дю Гарвей. Но насчет «Хикари» ошибался. В империи Нихон попытки создания полноценного искусственного интеллекта приравнены к государственной измене. История, точнее, апокрифы, сохранившиеся со времен, когда Старая Терра еще была в составе Шэн, или со времен, когда Шэн еще не было — об этом мнения историков расходились — так вот, апокрифы, сохранившиеся с тех времен, утверждают, что именно искусственный интеллект вынудил нихонцев покинуть Старую Терру и искать новый дом в космосе. А память у них до-олгая. Нихон хорошо учится на своих ошибках.

Так что «Хикари» неразумна. По крайней мере, в ней нет рукотворного разума. И все же, это корабль, на котором Лукас сошел с ума. О чем говорил Майндерт? Что не так с этим звездолетом?

На седьмой день полета в «подвале» Март вышел из медитации.

Произошло это после полудня, они выныривали у маяка, чтобы забрать почту, и Андре сортировал файлы в кают-компании, когда Март вошел и заговорил:

— Бывают мудрость и добродетельность, доступные не всем. К ним нужно стремиться, цели все равно не достигнешь, но движение позволяет сохранять равновесие.

Андре забыл о почте. Мелькнула мысль, понадобятся ли транквилизаторы, или так обойдется. Но Март не казался больным или чересчур нервным, собственно, он в первый раз за неделю выглядел нормальным.

— А меч, — сообщил выглядящий нормальным Март, — помогает сильному и поражает слабого.

Тут, наконец, состыковалось. Меч, равновесие, движение, добродетельность и мудрость, седьмой день медитации. Церковная нумерология. Мирянам ее тоже объясняют, но мирянам четок достаточно, а думать о значении чисел лень, да и незачем. Щелкаешь костяшками, читаешь молитвы, три дюжины сандаловых шариков, а каждая тринадцатая костяшка — плоский кружок обсидиана. Хотя, конечно, у кого что. Сандал с обсидианом — это кич, стоят чуть дороже пластика, выглядят хуже, на ощупь не отличить, зато всё натуральное. Вот уж повод для гордости.

А аристократы, вообще, не молятся.

— Чаю хочешь? — спросил Андре.

— Лукас бы не спрашивал, а заварил мне чай, — Март сунул руки в карманы и прислонился спиной к переборке. — Тебе воспитание не позволяет работу прислуги выполнять, я знаю, да. А готовишь-то все равно ты, — он моргнул, помотал головой, с искренним любопытством спросил: — и чего, как оно? Готовить, там, посуду мыть, роботов самому включать, чтоб прибирались.

— Да так, странно, конечно, но я быстро учусь, — Андре пожал плечами, он старался не смеяться, но, кажется, голос его выдавал.

— Я теперь помогать буду, — сообщил Март, оттолкнулся от переборки, дошел до дивана и хлопнулся на него, с удовольствием потянувшись. — Странно, вроде делал все формальные упражнения, и утром, и вечером, каждый день. А все затекло. Нельзя так молиться, дух должен пребывать в теле свободным, а я его запер, как в клетку. Главное, толку никакого. Идем чуть глубже, чем если бы вообще священника на борту не было.

— Чай, — напомнил Андре, возвращаясь к своему «секретарю», — и мне тоже. Хизйдеру.

— Я помню, помню. Семьдесят градусов, быстро взбивать, два зернышка белого перца, — Март с душераздирающим вздохом поднялся с дивана и, нога за ногу побрел к дверям. — Тебе Дэвид на произвол аристократии не жаловался?

— Нет.

— И мне нет. Странно.

Он вернулся с подносом. Принес круглый белый чайник, две белые чашки с тонкими стенками, термос и блюдо со сладковатыми шариками ётона. Торжественно водрузив поднос в центре стола, расставив чашки, уселся обратно на диван и только потом разлил по чашкам золотисто-зеленый чай. Хизйдерой запахло на всю кают-компанию, и тут уж, хочешь, не хочешь, а «секретарь» пришлось отложить.

Андре, впрочем, нисколько не возражал. Две чашки, один на двоих чайник, немножко церемонное, но недвусмысленное приглашение к беседе. Подготовка к этому разговору заняла у Марта семь дней, а это примерно на семь дней больше, чем ему обычно нужно, даже для жизненно важных решений.

— Ты знаешь, что Лукас сам пилотировал «Хикари»?

— Нет. Я знаю, что на «Хикари» был пилот, а у Лукаса нет имплантантов. — Разговоры о том, что Аристо умеет работать с унтэн-сферой, Андре слышал не раз и не два, в разговорах был смысл, потому что как-то ведь «Хикари» добралась до «Святого Зигфрида» уже после того, как Лукас продал пиратам ее пилота. — Хочешь сказать, он каким-то образом взаимодействовал с унтэн-сферой без имплантантов, и это не особенность генома фон Нарбэ, а какая-то личная способность самого Лукаса.

— Нет. Это способность «Хикари». — Март поставил чашку. — Она выбрала Лукаса. А Лукас... все думают, что он преследовал Радуна, чтобы отомстить за Джереми Бёрка, но это не вся правда. Лукас хотел, чтобы «Хикари» освободилась. Ее же подарили, об этом-то ты, наверняка, знаешь.

— Подарок императора Нихон маркграфу Радуну, — кивнул Андре, слегка

ошеломленный обыденностью, с которой Март говорил о непонятных и невозможных вещах. А память, между тем, уже открывала сложенные в архив события восьмилетней давности.

Дело было громкое. В пространстве Вольных Баронств багала Радуна, на которой находился и сам Радун, вмешалась в бой между пиратским вирунгом и тангой одной из принцесс Нихон. Багала вынудила пиратов отступить, но оказалась непоправимо повреждена и взорвалась. Экипаж едва успели принять на тангу. Радун ушел с судна последним.

Он был ранен... принцесса была прекрасна... экипаж багалы был больше экипажа танги, но на танге служили киборги. Идеальное равновесие, с какой стороны не взгляни, самое то для идеального романтического чувства. А результатом стало неслыханное событие: близняшки «Хикари» и «Хаэру», любимицы императорского дома, оказались разлучены навеки. «Хикари» отправилась в империю Шэн.

Нападение пиратов на принцессу Нихон дом дю Гарвей готовил несколько месяцев. Это только кажется, что все просто: налетели, взяли на abordаж, затребовали выкуп. А, в действительности нужно было узнать, по каким маршрутам собираются путешествовать многочисленные принцы Нихон и выбрать из них те, которые включают посещение Баронств; нужно было навести избранных баронов на мысль, что нападение на нихонцев — хороший способ подставить владык соседних румов; нужно было правильно настроить пиратских капитанов; масса усилий, немалые деньги, и всё впустую из-за того, что из «подвала», как по волшебству, выскочила эта багама, и, вместо того, чтобы развернуться и бежать подальше от пиратов — вступила в бой. Все-таки, Радуну не откажешь в смелости. Как и в том, что он, подлец, умудрялся просачиваться в Баронства, уходя от слежки и минуя кордоны ордена Десницы.

Нет больше Радуна. Оно и к лучшему.

— Подарок, вот именно, — Март долил чайник из термоса, оставил чуть настояться. — Поэтому «Хикари» и не забрали у Радуна, когда приговорили его к пожизненному домашнему аресту. Освободить ее можно было, только убив хозяина. Теперь Радуна казнили, «Хикари» свободна и она ищет Лукаса. Они друг друга любят, это, наверное, любовь с первого взгляда. А я, получается, ревную.

— К «Хикари»? — изумился Андре.

— Сдурел? — изумление Марта могло посоперничать с его собственным. — Она звездолет, как к ней ревновать? Иччи на тебя... — он прикусил язык. Ну, еще бы, священнику нельзя поминать нечистых, особенно во время полета в «подвале». — Не понимаешь, что ли? «Хикари» позволила Лукасу пилотировать ее, а у меня не получилось. Ей планетник с имплантантами подошел больше, чем я.

— Потому что у него есть имплантанты.

— А у меня есть Лукас. А ей наплевать. Как будто я не его ведомый! — Март разлил по чашкам чай, раскусил один ётон. — Я семь дней думал над своим поведением. И понял, что мне еще учиться и учиться, а пока я даже грех гордыни освоить не могу.

— Ты думал семь дней, чтобы прийти к выводу, о том, что неправильно грешишь? — восхищенно уточнил Андре. — Мальчик мой, да ты мог бы быть аристократом!

— Да ну тебя, в самом деле! Я тут душу изливаю. — Март уставился в чай, что-то посчитал на пальцах и ухмыльнулся. — Знаешь, мы встретимся с «Сонсарком» примерно через два месяца. Думаю, мне хватит этого времени на то, чтобы поработать над грехами. И для начала, не «мальчик мой», а «преподобный отец».

— Я запомню, — протянул Андре, — в некоторые моменты это будет звучать очень... хмм... определенно, стоит попробовать.

* * *

— Дневная норма — тысяча тонн! И пошло все к убыврам! «Могу больше» не значит «сделаю больше».

— Можешь больше, значит, обязан больше.

— Дранные чусры, Яман?! Ты сам как рабовладелец!

— Мы тут все каторжники. Если люди теперь могут вырабатывать больше нормы, значит, они должны это делать. Нельзя давать слабину. К тому же, на все, что добыто сверх нормы, мы сможем заказывать то, что нужно нам, а не то, что включено в стандартный комплект.

— Наркотики?

— В том числе.

Иногда Яману хотелось убить этого чернокожего. Ведь не дурак же, был бы дурак, не бесил бы так сильно. Но дураки не способны долго удерживать власть, а Кубва правил Мезаром уже четыре года.

— Что еще? Лекарства?

— Два новых диагноста, два кибер-медика, витакамеру...

— Чего? За убыром нам вита-камера? Если кто встрянет так, что кибер-медика не хватит, сожжем и вся недолга. Будто мало нам калек?

— Есть один калека, у которого должно быть всё.

— Да он... — Кубва подрастерял боевой задор и перестал изображать парня с осваиваемой планеты. — Здоров же, вроде? Или случилось что?

Случиться со Шрамом не могло ничего. Яман знал его гораздо лучше, чем Кубва, и уже пришел к выводу, что слепой калека и к жизни, и к выживанию приспособлен так, как им, здоровым, и не снилось. И, все же, однажды с ним случилось. Тогда он был здоров и мог видеть, и, наверняка, мог защищаться гораздо лучше, чем сейчас, но хватило одного психопата со скальпелем, чтобы все изменить. Лучше не рисковать им, каким бы он не казался.

Правда, вита-камера нужна не ему.

— Что ему сделается, Кубва? Он нас всех переживет. Но ты ж его знаешь, он не понимает, как можно кого-то просто оставить умирать.

Кубва знал. Это уже все на Мезаре знали.

За последние сорок дней здесь многое изменилось. Не только нормы выработки, хотя для «Сонсарка», который в следующий раз явится забрать руду, именно это имело значение. Изменились люди. Шрам говорил, что люди не меняются, а просто вспоминают, какими их создал Бог. Ладно, ему виднее. Яман считал, что Бог создал людей, чтобы они трудились. Шрам не спорил, но иногда напоминал, что цели и задачи Господа неисповедимы, так что относительно предназначения людей нельзя прийти к какому-то одному выводу. Сорок дней назад овис Ямана, девяносто человек его паствы, были единственными, кто думал о Боге. Сейчас послушать проповеди собирались все свободные от работы. Шрам каждый день сдвигал время проповеди на час, чтобы услышать его, так или иначе, могли все каторжане. В пустую штольню, отведенную под храм, помещалось всего двести человек, но Вартай Привратник делал записи... Сукин сын, он их поначалу пробовал продавать. Шрам узнал, велел Вартаю прийти, и после пятнадцатиминутного разговора Привратник зарекся продавать что бы то ни было, еще и пожертвовал в фонд лазарета сто девятнадцать контейнеров с пайком и целую пачку настоящих сигарет.

Это Шрам... Яман все еще не привык. Остальные — тем более.

Все снова обрело смысл. Все, что было в жизни до Могилы. «Бог не оставил нас, значит, у нас есть надежда». У них не было надежды на освобождение — никто из них не уйдет с Мезара ни живым, ни мертвым — но была надежда умереть человеком. А это много для тех, кто считал, будто у них не осталось вообще ничего.

— И смысл работать появился, — пробормотал Яман, глядя, как Кубва заносит в список покупок сигареты. Моховой табак, который выращивали прямо здесь, на Мезаре, курить можно было только от полной безысходности. — Наркотой не увлекайся, — он ткнул пальцем в планшет, — вот этот ноль убери. Тебе сейчас не нужно столько, чтоб овец удерживать, так что нехрен.

— Запас нужен, — буркнул Кубва.

— Запас наркотиков тебя прикончит вернее, чем бунт. А Шрам, кстати, вот-вот скажет о том, что наркотики — это плохо. И получим мы до убыва проблем с торчками, которых ломать будет так, что они работать не смогут. Лучше об этом подумай.

Яман оставил Кубву размышлять над новыми перспективами и ушел искать Шрама. Про наркотики он наврал. Считалось, что он все знает о планах Шрама, считалось, что он у Шрама фаворит. Иччи и чусры, как меняется жизнь! Еще полтора месяца назад все было строго наоборот. Впрочем, Яман не возражал, пусть думают, пусть болтают, от слухов было больше пользы, чем вреда, а репутация фаворита давала дополнительные преимущества к статусу командира одной из сильнейших группировок.

Шрама искать нужно было либо в мастерских, либо в лазарете, он проводил там все время, за исключением двух часов на проповедь. В мастерских Яман его и нашел. Постоял в воротах испытательного стенда, глядя, как гравитационное кресло скользит вдоль борта комбайна. Шрам отдавал какие-то распоряжения, комбайн громко ревел двигателем, маневрировал, в несколько секунд соорудил и разрушил крепежную арку и, кажется, чувствовал себя полностью здоровым.

Быстро они. Комбайн встал сегодня ночью, встал как мертвый, в мастерскую его выводили на буксире и шести гравитационных платформах, а сейчас уже тестируют. Кто-то, похоже, только рад был возможности не спать.

Спал Шрам хреново, это точно. На «Сонсарке» Яман за ним такого не замечал, это здесь началось, на Мезаре. Кошмары. Рушащиеся стены, камни и земля, из-под которых не выбраться. Шрам засыпал от силы на десять минут, просыпался, задыхаясь, в панике в кровь сбивал руки о стены кельи, пытаясь найти выход. Молча. От этого самому Яману становилось так жутко, как будто он сам умирает в крошечной тьме, под завалами, раздавленный, с переломанными костями.

Одним из пунктов в списке Кубвы был «Нойр», снотворное, сильное и далеко не безопасное. «Сонсарк» снабжал лазарет «Нойром», препарат входил в список обязательных поставок — обязательных, разумеется, только в том случае, если Мезар к прибытию «Сонсарка» отгрузит на склад оговоренное количество добычи — но Яман повысил нормы выработки, и Яману нужно было больше «Нойра». Шраму требовалась десятикратная доза. Сопrotивляемость снотворному у него была нечеловеческая. Так же, как сила. Как чувство направления. Кубва и его способность к убеждению списывал то ли на святость, то ли на происки особо вредных чусров. Набрался суеверий за годы каторги. Яман когда-то думал, что Шрам из ордена Наставляющих Скрижалей, и тогда убедительности не удивлялся: подчиненные Его Высокопреосвященства, кардинала Гонты Хакберга, может, и не были псиониками, но обучали их так, что иные псионики позавидовали бы. Сейчас Яман знал, что Шрам не из Пастырей. Но убедительности не удивлялся все равно.

Шраму не всегда снились кошмары с падающими стенами, один раз ему приснился человек по имени Джереми, *frater* Джереми. И Яман решил, что кошмары предпочтительнее. Потому что Шрам пообещал Джереми: «я скоро приду». Уж лучше кошмары.

Хотя, конечно, «Нойр» — это идеальный вариант.

Ага. Заметили. Доложили. Один из работников... как его? Чин, кажется... повел кресло к выходу. Яман вышел навстречу, сам взялся за ручки на спинке кресла, рабочему кивнул:

— Иди.

— Что-то важное? — спросил Шрам.

— Ничего важного, — Яман вел кресло по тоннелю, подальше от шума мастерских. Свернул в пустую келью. Здесь давно никто не жил, хватало помещений и поудобнее. — Посиди спокойно.

Можно подумать, Шрам умел волноваться! Вот и сейчас он только пожал плечами. Впрочем, как только Яман взялся за скрывающую глазницы повязку, спокойствие дало трещину. Руки взлетели с подлокотников, пальцы сомкнулись на запястьях:

— Не надо.

— Я ведь попросил посидеть спокойно, — Яман аж вздрогнул, когда запястья попали в тиски. Шрам, он сильный. А кости хрупкие. — Отпусти.

Отпустил. Замер. В кресле — как на троне. Руки снова на подлокотниках, спина прямая, лицо застывшее. Учítывая, что в прошлый раз он за снятую повязку чуть не убил, нынешнее состояние можно считать идеальным спокойствием. Яман стянул ненавистную тряпку и быстро, стараясь не смотреть на рубцы, приложил вместо нее зеркальную полосу хатира. Тот помедлил, определяя форму, потом начал меняться, закрыл глазницы, верхние края вытянулись к вискам, придав и без того-то недоброму лицу Шрама вид хищный и опасный.

— Жалко, что тебе в зеркало не посмотреться, — Яман чуть подправил нижнюю часть хатира, чтобы полностью скрыть рубцы, — отлично выглядишь.

— Верю на слово, — Шрам не двигался, давая колонии клеток время запомнить новую форму, — и даже не спрашиваю, сколько тебе пришлось за него работать.

— Не так уж много, кстати. Его привезли за шестнадцать уроков, но мне перепродали за десять. Я сказал, что это для тебя, — Яман ухмыльнулся и достал сигареты. — Ты бы знал, преподобный, как тут все боятся твоей повязки. Я ее сожгу к убырам.

— Только если пообещаешь не поминать нечистых. Или я снова ее надену.

— Да ну? Откажешься от подарка, который я заработал непосильным трудом?

— Шантаж за шантаж. — Шрам коротко улыбнулся. — Спасибо, Яман.

Яман сунул повязку в карман. Наклонился, заглянул в глаза своему отражению в хатире:

— Вообще-то, я был рад сделать тебе подарок. Но спасибо я точно заслужил. Так что, носи на здоровье. — Он выпрямился. — Отвезти тебя обратно в мастерские?

— Да. И, кстати, кресло гораздо лучше костылей.

— Это еще одно спасибо? — фыркнул Яман. — Теперь я точно попаду в Самаянгу. Две благодарности от бодхисатвы — двойной пропуск.

— Не двойной, а на двоих, — в кои-то веки Шрам не стал возражать против бодхисатвы. — Если повезет, вместе проскочим.

* * *

«Сонсарк» оказался меньше, чем ожидал Дэвид, который понасмотрелся на грузовые и пассажирские звездолеты, век бы их не видеть, и начал думать, что строят их по принципу, чем больше, тем лучше. Каторжная гарима, по его представлениям, должна была быть огромной, как фанак. Да вооружение еще. «Сонасарку» сопровождение не положено, он сам себя защищать должен.

Старший фон Нарбэ внес уникальные параметры излучения двигателей «Сонсарка» в память «Хикари», Дэвид оттуда залил их на чип, а показания радаров первым расшифровал все равно Март. Ворвался в рубку, когда Дэвид только-только получил сигнал обнаружения в пространстве другого судна.

— «Сонсарк» на радарх!

— Откуда знаешь, что «Сонсарк»? — поинтересовался Дэвид, и услышал от «Хикари» невозмутимое: «подтверждаю».

То, что она опознала гариму, сверив ее излучение с хранящимся в памяти данными — это было нормально, любое появившееся на радарх судно компьютер сверял с имеющейся базой. Но подтверждать, что бы то ни было, кроме голосовых команд — это уж чересчур. Дэвид не сразу сообразил, что «Хикари» просто отреагировала на ключевое слово. А если уж совсем честно, Дэвид, даже когда сообразил, все равно не очень-то в это поверил. Не будь такое невозможным, совсем, вообще никак, он предположил бы, что это «Хикари» доложила Марту о том, что «Сонсарк» появился на радарх.

Так не бывает. Но «Хикари»... с ней точно что-то не то.

На «Сонсарке» «Хикари» тоже узнали. С тех пор, как два с половиной года назад о ней рассказывали все новости по всем каналам дун-кимато, «Хикари» узнали бы даже закоренелые планетники. Ну, а уж космонавты-то, ясное дело, и раньше были в курсе. Звездолеты-близнецы, два таких на обе империи, единственные и неповторимые... понятно, что «Сонсарк» не ограничился традиционным «чистого пространства», его капитан, сахе Самнанг сообщил, что встреча с благородными сахе фон Нарбэ — это большая честь, и добавил еще там разного нижайшего почтения. От чести принять на борту аристократа он так и так не ушел бы, но тут, считай, сам напросился.

Дэвид бы, доведись ему на месте Скорды оказаться, придумал бы повод, как на «Сонсарк» попасть, хоть полонку какую на «Хикари», хоть врача бы спросил. Ни одного аристократа никто из команды «Сонсарка» живьем не видел, так что, Скорда, не напрягаясь, мог выдать себя за фон Нарбэ, ну а дальше любая причина, чтобы внутрь пустили, и все путем. Ага, как же. Скорда вообще ничем таким не озаботился. К нему обращались «благородный фон Нарбэ-амо», а он не спорил, вот и все. Сказал, что хочет осмотреть «Сонсарк», и для «Хикари» тут же открыли шлюз, типа, милости просим, и все такое. Никто даже не спросил, а на хрена ж благородному каторжную гариму осматривать. Это к вопросу об аристократах, чтоб им вирья в софтину.

Ввести «Хикари» в открытый шлюз оказалось не сложнее, чем машину в гараж. Специальные доки еще и направляющими оборудованы, и фиксаторами, там роботы сами бы все сделали. На «Сонсарке» доков не было, только грузовой трюм, но Дэвид и «Хикари» справились без проблем. «Хикари» повисла точно в центре трюма, — принцесса, что тут скажешь, — не торопясь опустила трап, и капитан «Сонсарка», а также первый помощник и другие высокие чины, удостоились явления им настоящего, живого аристократа.

Эти-то аристократов не видели. А вот Дэвид с Мартом удостоились. На приеме, когда им ордена вручали, благородных хватало. Но к преображению Скорды они все равно оказались не готовы...

У него, у этого типа, жеманного, наглого, хитрого и скользкого, ёлы, как вирье с Формозы, в загашниках целая костюмерная. Только не одежек, а образов. Их там, наверное, бесконечное множество. На палубу «Сонсарка» с «Хикари» спустился, натурально, полубог... Он был жуть как похож на своего деда. А заодно и на Майндерта фон Нарбэ. И на всех сразу аристократов. Даже немного на Лукаса. Смотришь, и сразу ясно: он пройдет сейчас по палубе, и там, где его нога ступит, нужно ограждения ставить и мемориальные таблицы писать. А если он где за ручку дверную возьмется, или, там, выпить согласится чего-нибудь, то «Сонсарк» целиком надо будет в музей. Чтоб для потомков сохранить.

Стёб от таких штук лучшая защита, так что Дэвид сосредоточился на своих мыслях. Помогает, факт. Проверено на Лукасе. Другое дело, что тем, кто в Шэн вырос, никогда в башку не вступит над аристократом постебаться, это все равно, что богохульствовать или про Божественного Императора плохое подумать. За глаза-то, ясное дело, что угодно бывает. А вот когда наяву такую тварь неземную увидишь, тут-то мозги и отказывают. И у Самнанга отказали, и у первого помощника. Оба только кланялись. По кораблю провести — сколько угодно, куда угодно. Благородный фон Нарбэ-амо желает посмотреть рубку? Пожалуйста! Жилые отсеки? Пожалуйста!

Дю Гарвей был голосом Божественного Императора, вот в чем фокус. Не важно, приняли его за фон Нарбэ или нет, на любого другого аристократа реагировали бы так же. Все их желания — воля Божественного Императора и точка. Сами они не могут хотеть ничего.

Дэвид и Март бок обок держались у дю Гарвея за спиной. Март готов был вмешаться, если понадобятся его пси-способности, но, вроде, обходилось пока без них, у Дэвида были свои задачи. База данных, списки заключенных. Пока благородный сахе задавал вопросы, слушал ответы, неспешно переходил из отсека в отсек, знакомился с командой, в общем, давал время для работы, Дэвид искал эти самые списки. Нашел. Семьдесят шестизначных

номеров, ни одного имени, но к номерам привязаны фотографии. После входа в базу дел осталось на пару секунд. Анализ совпадений, поиск подходящего изображения. Вот он! 24-2633

Дэвид послал сообщение на дуфунг дю Гарвея. Аристократ и ухом не повел, прохладно улыбаясь Самнангу, вошел в кают-компанию, где уже все готово было для чайной церемонии, мановением руки предложил Дэвиду и Марту садиться. У Дэвида скулы свело от скуки. Ритуальные чаепития он ненавидел, он их любые не понимал, но от ритуальных, в которых тысяча правил, две тысячи сортов чая и три тысячи тем для разговоров, мог впасть в неистовство. А дю Гарвей, похоже, сначала наслаждался эффектом, потом, все же, снизошел до дуфунга. И движением брови остановил Самнанга, уже наклонившегося над столом, чтобы разлить чай:

— Мне нужно поговорить с номером 24-2633.

Чайник замер над чашкой. Ритуал был непоправимо нарушен, Самнанг не знал, как реагировать, слишком быстро изменились обстоятельства. Справился, правда, почти сразу. Налил-таки всем чаю, сел на свой стул, посмотрел на дю Гарвея.

— Как вам будет угодно, благородный фон Нарбэ-амо. Вы желаете поговорить с ним немедленно?

Дэвид мысленно дал аристократу пинка, чтобы тот поскорее сказал «да». Обнаружил, что представить такое стоит немалых волевых усилий, дю Гарвей сейчас ну никак не располагал к пинанию. Но, то ли они на одну волну настроились, то ли в планы шебутного Скорды не входило чаепитие с высшим офицерским составом каторжной гаримы, в общем, неизвестно почему тот кивнул:

— Немедленно.

* * *

Версия о том, что Беляев спас Лукаса от психокоррекции разрушилась в одну секунду, стоило лишь профессору войти в кают-компанию «Сонсарка».

Из трюма забрали подавленного, но уверенного в себе человека. Андре, наблюдая за ним, отдал должное стойкости, с которой тот выносил невзгоды, и даже порадовался уверенности Беляева в торжестве справедливости, появившемся, когда его забрали от остальных заключенных. Но профессор увидел перед собой Майндерта — об этом позаботился Март, о том, чтобы психиатр «Ксиласкара», в лицо знающий всех аристократов, узнал в Андре главу дома фон Нарбэ — и испугался так, как будто трюм «Сонсарка» не был самым страшным, что могло с ним случиться.

Март заметил эту перемену, а ведь лишен даже зачатков эмпатии, человеческая натура для него — тьма тьмущая. И непонятно, что произошло, но ясно, что ничего хорошего.

— Что вы с ним сделали? — спросил Андре, моментально перекраивая сценарий разговора.

Прозвучало дико. Даже несмотря на то, что он не смог заставить себя назвать имя. «Сделать» что-то с Лукасом?.. Не этот человек, вообще никто из людей или киборгов, даже аристократ не всякий. Прозвучало дико, и Март дернулся. Потому что — правда. Этот высокий светлоглазый мужчина что-то «сделал», что-то такое, от чего сейчас был перепуган до полусмерти. Боялся наказания? Что же нужно было сотворить, чтобы *так* бояться?

— Он убил Луизу. Она умерла из-за него. Если б не он, она была бы жива. Он ее убил, она умерла, она могла бы жить. А ему даже ничего. Даже никак. Никакого наказания. — Не в силах преодолеть страх, Беляев заговорил так, будто, зажмурившись, вслепую отмахивался от смерти.

— Отвечайте на вопрос... — начал, было, Андре. Но Март перебил его, Март успел представить самое худшее. Забыв о субординации, шагнул вперед из-за кресла Андре, вцепился профессору в ворот комбинезона, яростно встряхнул:

— Где он?! Ты, чусров сын, что ним?! Он жив?!

Андре статус не позволял встать и оттащить Марта, а приказа тот не послушался бы, не услышал. Дэвид вмешался, он ангел господень, а не киборг. Вмешался, оттолкнул Беляева, Марта поймал за руки, увел к креслу, стоящему в отдалении, возле столика-бара. Даже называл «ваше преподобие», а не «малой», не на «ты», как обычно.

— Что со мной сделают? — спросил Беляев.

И Андре чуть сам ему башку не оторвал.

— Отвечай немедленно! — рявкнул он. — Где Лукас?!

— На Мезаре, на каторге. Он уже мертв, не мог выжить. Калека. Слепой. Я должен был, — Беляев застонал и схватился за волосы, — кто-то должен был. Никто не посмел. Ей было больно, она прошла через Эхес Ур, вы понимаете?! Вы представляете такую боль?! Я просто сделал... просто... чтобы он понял, что она чувствовала!

Нет. Март представил не самое худшее. Самое худшее никому из них в голову бы не пришло. Пока Беляев, торопясь и сбиваясь, говорил о том, что сделал, Март трижды приказывал ему заткнуться. Мальчик... Хороший мальчик, хорошо, что он с Лукасом, пусть даже Лукаса больше нет. Март не понимал, что только выговорившись до конца, профессор ответит на вопросы, а иначе будет снова и снова съезжать на одну и ту же тему.

Профессор института «Ксиласкар», не сумасшедший псионик, не нелюдь-киборг, не бешеный зверь аристократ — человек, нормальный, обычный шэнец, десять дней пытал и калечил другого человека. Он твердит, что восстанавливал справедливость. Андре знал правду. Он видел их, таких, предостаточно. И в Вольных Баронствах, когда по всем румам искал и выкупал из рабства подданных Божественного Императора, и в Империи, когда доводилось встречаться со здешними рабовладельцами, и в файлах бесконечных архивов дома дю Гарвей, в специальном разделе, где самые обыденные проявления человеческой природы были очищены от примесей и показаны как есть, во всей своей омерзительности.

Андре сам любил делать такое. Не важно, физическая боль или душевная. Ему нравилось. И убивать нравилось, и смотреть, как от боли, на пороге смерти, жертва ломается из совершенного создания божьего превращаясь в испорченную игрушку. Вот и Беляеву. Понравилось. Понравилась возможность безнаказанно причинять боль, сколько угодно боли — там, где человек умер бы, Лукас даже не терял сознания. Понравилась власть. Над аристократом... Эхес ур, да Беляев ненавидит их всех! Знает, как они устроены, признает их силу, и ненавидит, потому что считая себя лучше, никогда, никак и ничем не сможет это доказать даже себе самому.

Что ж, себе самому он доказал. На десять дней. Ничтожный срок для самоутверждения, но для Лукаса вечность. И, да, это правда, калеке не выжить на каторге.

Беляев мало знал про Мезар. Андре не знал вообще ничего. Они, все трое, не знали.

Дэвид отключил защиту от прослушивания и записи, а Андре по лод-дуфунгу велел капитану зайти в кают-компанию.

Служба на «Сонсарке», похоже, учила философскому взгляду на жизнь лучше любого послушничества. Самнанг совершенно без эмоций взглянул на дрожащего, плачущего от страха и избыток злости Беляева. Он видел профессора на борту, когда тот выдавал себя за мирвойского хирурга-деимплантатора; он, как и вся команда, знал, что этот хирург — патологический садист, и, как всей команде, ему было на это плевать: среди деимплантаторов хватало садистов; сегодня он увидел, как Беляева доставили из тюремного трюма, и, опять-таки, ему не был до этого дела. Кто попал в трюм, тот перестал быть человеком.

«Сонсарк» перевозил не людей, а вещи, живые и неживые. Именно поэтому не имело смысла спрашивать Самнанга о слепом священнике, который должен был оказаться в предыдущей партии заключенных.

Капитан замер перед Андре:

— Что угодно, благородному фон Нарбэ-амо?

— Связаться с Мезаром.

— С Мезаром нельзя установить голосовую или видео связь, благородный фон Нарбэ-

амо. «Сонсарк» может отправить туда сообщение и получить ответ. Мы всего в двух маяках, задержка будет незначительной.

* * *

«Сонсарк» возвращался с новой партией рабов. Вартай, ответственный за связь, теперь целыми днями сидел в аппаратной, выбирался только на проповеди, да и то через раз. Тут строго. Не примешь вовремя пакет с «Сонсарка», значит, и ответ вовремя не отправишь, а это себе дороже может выйти. Порядок во всем, и все такое.

На Мезаре торопились, наполняли контейнеры рудой, работали, как чусры в Эхес Ур. С появлением здесь Шрама и его людей работать стало как-то полегче. В охотку, что ли? Вроде как, на себя вкалываешь, на пользу себе, а не для того, чтобы тупо не сдохнуть. Правда, Кубва озверел совсем, Яман на него влияет плохо, нормы выработки повысил, и индикаторы насыщенности руды теперь не меньше сорока должны показывать. Остальное — в отвал. Для того, что в отвалах переработали, отдельное хранилище есть. А в главном только богатая руда теперь. Больше сделаешь, больше заработаешь, так получается.

И работали же. Кубва, неизвестно почему, открыл свой склад, где у него до убыва всего накопилось, а что-то еще и от прежнего Кубвы осталось, так что за все, что сверх нормы, теперь прямо на Мезаре можно что-нибудь хорошее купить, не ждать, пока «Сонсарк» прилетит, заберет списки заказов, да пока снова вернется. Чего бы не работать при таких-то делах?

А новые на все готовенькое явятся, даже обидно.

Пакет с «Сонсарка» Вартай принял вовремя. К обычному указанию времени прибытия в этот раз прилагалось еще и аудио-письмо. Вартай включил послушать. Ни лха не понял. Незнакомый язык, ни одного слова не разобрать. Но просто так же ничего не пришлют, и ошибки быть не может, раз пришло сюда, значит, есть здесь кто-то, кто послушает и поймет.

Вартай отправил на «Сонсарк» стандартное подтверждение, то, которое просто кнопку нажать и уходит. Без подробностей, короче. Список нужного рано пока отправлять. А сам начал искать Кубву или Ямана. Из аппаратной, благо, не сложно, переключайся с камеры на камеру, да смотри внимательно. С Кубвой еще проще, эту черную тушу слепой не...

Вспомнив про Шрама, Вартай мысленно прикусил язык. Про слепых и слепоту на Мезаре старались не говорить и даже не думать.

Оба обнаружили в трапезной, и Кубва, и Яман. Кубва быстро, жадно жрал, одновременно что-то говорил Яману. А тот, как всегда, ел, будто с золотой посуды. На Мезаре, так-то, разных хватало, и ученые разные там, и всякие образованные люди, и дворяне даже были. Но похожие к похожим тянулись. А эти двое спелись. Странно даже, как не подрались? Ну вот, как-то смогли, раньше один главный был, а теперь два. И, вроде, сговорились как-то так, что и делить им теперь нечего. И то, если подумать-то, у Кубвы, конечно, Мезар. А у Ямана — Шрам. Равноценно получается.

Вартай включил динамики в трапезной. Сказал, что у него тут с «Сонсарка» письмо какое-то, не разобрать никак. Можно было бы самому добежать и лично доложить, но пока добежишь, командиры уже неизвестно где будут. А так, ничего секретного же, все знают, что «Сонсарк» на подходе. Сто дней скоро, как Шрам появился.

Кубва, дожевывая, кивнул, типа, да, придем сейчас. Яман развернулся в сторону от камеры, заговорил с пустым местом. Это значит, Шрам тоже с ними. Его не видно на камерах, если ему не надо. То есть, не так. Его видно, только когда ему это надо. В тот день, когда они с «Сонсарка» высадились, ему надо было. А сейчас незачем. На мониторе ни Шрама нет, ни кресла его летучего, но Яман точно с ним разговаривает. Вместе придут?

Вартай огляделся. Взгляд выперил набитое доверху мусорное ведро, стопку пустых кювет из-под пайка на дальнем столе, слои пыли на всех поверхностях — все, к чему давным-давно привык, замечать перестал, а сейчас снова увидел. Надо прибраться тут, что ли. Шрам бардака не одобрит.

Вартай вскочил с кресла и начал поспешно наводить порядок. Даже не вспомнил о том, что Шрам бардака попросту не увидит. Про слепых и слепоту на Мезаре старались не говорить и даже не думать.

* * *

— Если ты не начнешь нормально есть, я прикажу кормить тебя внутривенно.

— Если ты не перестанешь разговаривать со мной, как с ребенком, я раздам нуждающимся твой запас сигарет.

— Если ты не перестанешь вести себя как ребенок...

— Заткнитесь вы оба, — не выдержал Кубва, — цапаетесь, будто...

«Будто сто лет вместе прожили»

Он им завидовал. Казалось бы, чему там завидовать-то, один калека, второй нянчится с ним, будто сам к инвалидному креслу прикован, а вот... все-таки. Сам Кубва давно уже ни с кем не делил келью. Разные женщины приходили и уходили, а так, чтобы прийти и остаться, никого не было. Не везет. А, может, характер. У Ямана тоже — разные женщины. Приходят, уходят. А живет он в одной келье со Шрамом, и хотя свободных помещений хватает, оба ничего не собираются менять. Яман говорит, что лучше него никто с обязанностями сиделки не справится, Шрам об этом вообще ничего не говорит. Надо понимать, то, как Яман справляется с обязанностями, его устраивает.

Вартай их встретил на пороге:

— Благословите, преподобный отец.

Так нервничал, как будто к нему Великий Кардинал в гости явился. Когда Кубва или Яман в аппаратную заходили, чусров сын и кланялся-то с ленцой. А тут, гляди-ка. Поклон в пояс, и улыбается так, будто рад до смерти. Может и рад, да только лучше б он кюветы из-под жратвы не под стол спрятал, а на кухню сдал. Потому что воняет так, что и покрепче Шрама кто-нибудь сомлеет.

— Унеси, — Кубва ткнул пальцем в кюветы. — Где письмо?

Вартай снова поклонился, включил ридер, собрал дрянь и исчез. Яман перевел вентиляцию в форсированный режим. Из динамиков ридера послышался голос: молодой парень что-то говорил на непонятном языке. Кубва и слов-то разобрать не мог, парень спешил, волновался. Яман зато уставился на динамики, как будто из них ангельское пение раздалось. Потом посмотрел на Шрама. И Кубва посмотрел на Шрама.

А Шрам что? Он как всегда. Спокойный, прямой, будто палку проглотил, и по лицу ничего не понять. Да хатир еще, как зеркало, тоже с толку сбивает.

Запись закончилась. Яман наклонился к креслу:

— Что это?

— Понял что-нибудь? — спросил Шрам.

— Frater, — сказал Яман, — вот это слово понял. Остальное нет, но язык узнал. Ты на нем разговариваешь во сне.

Шрам направил кресло к столу с дуфунгом. Переломанные пальцы-когти безошибочно нашли нужные кнопки на пульте, выбрали нужные команды на мониторе. Это он умел, хоть слепой, а получше зрячих.

— Микрофон, — рука скользнула над столешницей, опрокинулся стаканчик с какой-то мелочевкой для текущего ремонта, покатались по полу валявшиеся на краю стола отвертки. Кубва сообразил, что Шрам действительно слепой — вспоминать об этом по-настоящему приходилось нечасто — сунулся, было, помочь, но Яман успел раньше. И тут, наконец, Кубва осознал главное: он так ни убьра и не понимает. А эти двое явно знают, что делают.

— Что в письме?! — он спросил так громко, что Шрам даже чуть поморщился. — Что за тарабарщина, в эхес ур ее, к серым чусрам, иччи всех дерь?!

Яман сказал:

— Латынь...

Шрам, не оборачиваясь, бросил:

— Молчать. Оба.

И они замолчали.

Письмо, пришедшее с «Сонсарка» было длинным и уж очень взволнованным. Ответ Шрама — коротким и деловым. Он, кажется, вообще не удивился. Письмо на латыни. Язык церкви. А Шрам не удивлен. Он будто все время знал, что на «Сонсарке» появится какой-то священник, который захочет поговорить с Мезаром... Или, стоп... Или он и правда знал? Ведь не может же такого быть, чтобы священник попал сюда *за дело*, а не по ошибке. Ошибку представить трудно, но представить священника на Мезаре — невозможно. Шрам ждал, когда церковь всё исправит. Ждал и дождался. За ним прилетели. Его заберут... как-нибудь.

И что делать? Его как-нибудь заберут, а остальные без него — что?

Нет, неправильно. Сбежать с Мезара нельзя, выход отсюда только в одну сторону — в трупосжигатель. Нет никаких механизмов, позволяющих *забрать* кого-то. Кроме одного-единственного — открыть входные люки, пока «Сонсарк» на поверхности.

Здесь тысяча человек. «Сонсарк» может превратить их в пыль одним или двумя выстрелами... неизвестно, из чего он стреляет, но когда-то в давние времена с Мезара попробовали убежать. Положились на кислородные маски шахтерских костюмов, дождались когда «Сонсарк» сядет. Тогда внешний люк еще открывался изнутри, а не с гаримы.

Пыли на поверхности добавилось. Вот и весь побег.

После этого переделали автоматику люка, и уйти из тоннелей стало невозможно. Но шахтерские костюмы с тех пор не изменились. Тысяча человека. Что смогут сделать на «Сонсарке», если один человек из этой тысячи обязательно нужен живым?

* * *

Март чуть не умер, когда услышал его.

Дуфунг подал сигнал о сообщении. Капитан Самнанг открыл письмо. И они все слышали. Спокойный, холодный голос. Лукас. Живой! Живой, хвала Господу! И глупо так, но сразу подумалось, что Беляев солгал. Что ничего он не сделал, и с командиром все в порядке, что с ним не может случиться ничего...

Что угодно. На каторге. В подземельях. Среди сотен преступников... Даже если Беляев солгал, подземелья — это само по себе очень, очень плохо. Для Лукаса — невыносимо.

Но вот он. Его голос. Кроме Марта, наверное, никто не различил за привычным холодом сдержанную, но такую теплую улыбку.

«Мир тебе, Март. Рад тебя слышать. Я не сомневался, что вы меня найдете, но сомневаюсь в том, что цель оправдала средства. На планете тысяча сорок четыре человека, и я уйду отсюда только вместе с ними. Или не уйду совсем. Теперь можешь задавать вопросы».

Самнанг сказал «задержка будет незначительной». Действительно. Всего минута. По меркам пилота гафлы — целая вечность. Его вопросы Лукас услышит через минуту после того, как уйдет письмо. Но... о чем спрашивать? «Почему ты хочешь остаться с преступниками?» «Почему ты не хочешь оставить преступников?» Это один и тот же вопрос, а ответ на него Март знал сам.

Он спохватился, что остальные-то не знают латыни. Перевел ответ Лукаса. Дословно. Дэвид не удивился. Капитан Самнанг замер в полной прострации. Андре... Андре улыбался.

— Твоего командира стоит вытащить хотя бы для того, чтоб я, наконец, смог объяснить ему, какой же он придурок. — Андре хлопнул Марта по плечу и посмотрел на капитана: — Самнанг-амо, каково максимальное количество человек, которое можно разместить на «Сонсарке»? При условии, что люди будут жить всюду, и в лабораториях, и в лазарете, и в коридорах, и на камбузе, и, разумеется, во всех каютах?

— Включая тюремные трюмы? — уточнил Самнанг. — Если оборудовать в трюмах

дополнительные нары, на «Сонсарке» поместятся шестьсот пятьдесят человек... благородный фон Нарбэ-амо, разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — позволил Андре. И Март насторожился, услышав, как зазвенели сэйры, скользнув по предплечьям вниз, на запястья. Поближе к ладоням.

Андре чувствовал замешательство Самнанга, противоречивость и необъяснимость происходящего раздирали капитана пополам. Андре почти слышал, как мечутся, отпихивая друг друга, мысли. Такого не было раньше, означает ли это, что происходит что-то незаконное? Здесь аристократ, аристократы делают то, что нужно Божественному Императору. С каторги на Мезаре нет выхода, потому что Божественный Император хочет, чтобы преступники оставались там навсегда. Аристократ хочет забрать преступников с Мезара. Хочет ли этого Божественный Император? Но ведь Божественный Император хотел, чтобы преступники не могли уйти. Однако аристократ может хотеть только то, чего хочет Божественный Император.

Самнанг боялся за себя, боялся совершить ошибку. В случае ошибки, ему и его команде Мезар показался бы лучшим выходом, даже с учетом того, на каком судне они служили. Но Самнанг понимал, что Мезара им не видать. Ошибись он, и всех ждет виселица. А сейчас любой его выбор мог стать нарушением воли Божественного Императора.

— Благородный фон Нарбэ-амо, правильно ли я понял, что орден Пастырей отправил на Мезар миссионера?

Андре мысленно поаплодировал капитану. В такой короткий срок, в такой напряженной ситуации, тот умудрился найти превосходное и непротиворечивое объяснение происходящему, а, главное, снять с себя и команды всю ответственность. Орден Пастырей, подумать только. Их миссионер — их проблемы. Уж если они проповедуют даже в Вольных Баронствах, чужакам, которые вообще не знают Господа, то, разумеется, они не могли оставить вниманием Мезар, на котором страдают и умирают в безбожии их грешные овечки.

— На Мезаре есть священник, — подтвердил Андре. — Моя задача спасти его, но он уйдет с планеты только вместе с паствой. Поэтому, капитан Самнанг, давайте думать дальше. Мы нашли помещения для шестисот пятидесяти человек, нужно разместить еще триста девяносто шесть.

— «Сонсарк» садится на планеты, — Март отправил письмо и отвернулся от дуфунга. Он нервничал, с ума сходил от близости и недостижимости цели, и изо всех сил старался взять себя в руки. — Значит, грузовые трюмы защищены так же хорошо, как жилые отсеки. От внешнего воздействия, — он глянул на дуфунг, как будто за эти полминуты мог прийти ответ, — а что там с вентиляцией?

Самнанг покачал головой:

— Недостаточно, чтобы жить, преподобный отец Март. Если мы примем на борт этих... — он не смог сказать «людей», и, прокатив желваки над челюстью, перефразировал вопрос: — если мы примем их на борт, куда нам нужно будет идти, благородный фон Нарбэ-амо? Каков пункт назначения? От сроков зависит, сможем ли мы обеспечить регенерацию кислорода в трюмах.

Вот где пригодилась бы Андре способность фон Нарбэ ориентироваться в космосе, как в собственном доме. Самнанг ведь ждал именно этого, что сейчас ему скажут место назначения и время в пути, а Андре место знал, но даже не представлял, где оно находится. Впрочем... время в пути, да.

— Сроки зависят от преподобного отца Марта.

— Так точно, — Самнанг поклонился. — Раньше нам не приходилось летать со священниками.

Андре сделал Марту знак подойти. Самнангу не нужно было слышать всё, а Марту стоило отвлечься, наконец, от дуфунга. Тот лишь сейчас пискнул сигналом о том, что письмо доставлено на Мезар, так что до ответа Лукаса времени еще предостаточно.

— Чедаш-рум, — он улыбнулся, увидев, как округлились синие глаза. Март, когда с

него слетало искусственное самообладание, становился таким трогательным. — Проложи курс и посчитай время в пути, с учетом того, что молиться за нас будешь ты, а не Лукас.

— Не Лукас?

— Мы не знаем, что с ним.

— Так точно, — Март кивнул. Развернулся к Самнангу: — мне нужен навигационный компьютер.

И по тому, как капитан, ничему уже не удивляясь, пригласил Марта пройти на мостик, стало ясно, что дошло дело и до псионического воздействия. Что именно вообразил себе Самнанг, это знали только он сам, и Март, но дышать сразу стало легче. Всем. В первую очередь, самому Самнангу.

Глава 6

«если кто даст обет Господу, или поклянется клятвою, положив зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнить все, что вышло из уст его»

Книга Числа (30:3)

Самым трудным оказалось поддерживать порядок. Новости решено было придерживаться до прилета «Сонсарка», но что-то просочилось, неизвестно как, неизвестно откуда. По Мезару поползли самые дикие слухи. Работа то и дело вставала. В тоннелях вспыхивали драки. Даже хунды как будто с ума посходили, сцеплялись друг с другом, вместо того, чтоб вправлять мозги стаду. За что бились? Что делили? Лха их поймет, никто ведь не знал ничего, а казалось, что уже сейчас выясняют, кто попадет на «Сонсарк», а кто останется умирать в подземельях.

Шрам сказал, что улетят все. Он ненормальный, он просто псих, придурок чокнутый, на всю башку больной святоша. За ним летели, из невесть какой дали, может, даже, из самой Столицы, летели, чтобы его забрать. А он отказался. Или все, или никто. «Ovis». Такое специальное слово на языке церкви. Яман начал понимать его смысл еще на «Сонсарке», а теперь, кажется, понял до конца.

— Ты ж ни хрена не преступник, — сказал он Шраму, когда тот безумный день, наконец, закончился, и они смогли уйти в келью, урвать хоть часа три на сон. — Ты не можешь нарушить закон, я не знаю, как ты здесь оказался, но ты не можешь против закона. А вытаскивать нас — это преступление.

— Я убил женщину.

Шрам был как всегда спокоен, вылущивал из упаковки облатки «Нойра», одну, другую, третью... Яману каждый раз казалось, что он смотрит на подготовку к самоубийству. Десять доз снотворного. Он чуть вслух не сказал: «ее убил не ты». Но прикусил язык. Некоторые тайны должны оставаться тайнами. Например, предстоящее освобождение.

— Думаешь, это делает тебя преступником?

— Я думал, Господь простил мне этот грех. Оказалось, что нет.

— *Это* с тобой сделал человек, а не Бог, — рывкнул Яман. — Грех... — он искал слова, которые были бы понятны. Они всегда говорили на разных языках, но сейчас на слишком уж разных, а Яман хотел найти общий. Если по-человечески этот бодхисатва понимать не хочет. — грех гордыни. У тебя.

— Ну, еще бы, — ответил Шрам с непонятной интонацией, — ложись-ка ты спать, Яман. Нам эти десять дней придется работать, как никогда в жизни.

И они работали. Задач было две: поддерживать на Мезаре привычный порядок и демонтировать один из генераторов кислорода, чтобы установить его в грузовом трюме «Сонсарка». Второе было левым делом. Шрам сказал, что генератор требует ремонта, и у техников не возникло ни одного вопроса. А вот первое... Казалось бы, что проще,

помалкивай и веди себя как обычно. Они и помалкивали. Но вот вести себя как обычно требовало таких усилий, что усилия сами по себе делали поведение странным. Шрама иногда убить хотелось. Он как раньше походил на храмового идола, так и сейчас. Никакой разницы. Как будто не ему больше всех нужно было выбраться с Мезара. Как будто не он горстями жрал «Нойр», и все равно кричал во сне, и чуть не каждую ночь умирал под завалами.

Ладно. Может быть, дело в том, что его-то все равно не оставят. А может, дело в том, что, в отличие от всех остальных, он *сам* решает, улетать или нет.

«Сонсарк» приближался. Мезар изо всех сил сохранял видимость того, что ничего не происходит. Сеансы связи происходили как обычно, и Вартай помалкивал о том, что в каждом пакете было письмо на латыни. Вартай, вообще, молчал обо всем, знал немногим больше остальных, но чувствовал себя причастным к чему-то, чего сам не понимал, а поэтому молчал с особой значительностью. Шрам появлялся в аппаратной в разгар рабочей смены, когда вокруг почти не было любопытных глаз. Выслушивал письмо. Диктовал и отправлял ответ.

На «Сонсарке» готовились взять на борт тысячу с лишним каторжан. Как справляться с ними там? Вот вопрос, посерьезней всех нынешних вместе взятых. Никакой работы. Никакого занятия. Сорок дней безделья для тысячи человек, привыкших вкалывать по двенадцать часов в сутки.

Разделить их. Чем меньше общения, тем лучше. В общих трюмах это невозможно, но из тех трюмов — это все помнили — нет выхода. А если какой-то и есть, то о нем неизвестно. Что еще? Наркотики. Столько, сколько им нужно. Пока у наркоманов есть дурь, им ничего больше не интересно. Что еще?

Шрам.

Каким-то образом ему удастся... что? Держать людей под контролем? Нет, не то. Он делает что-то другое. Что-то, от чего люди вспоминают, что нужно вести себя по-человечески. Это работало в тюремном трюме «Сонсарка», работает здесь, в Могиле, но будет ли это работать, когда рабы вообразят себя свободными? Им не нужна станет надежда умереть людьми.

А Шрам, когда Яман, в конце концов, поделился с ним сомнениями, вообще их не понял.

— Это звездолет. И он с самого начала был рассчитан на полеты без конвоя.

Дальше, мол, думай сам, что это значит. Яман, впрочем, сразу сообразил, все-таки, кое-что смыслил и в звездолетах, и в пиратстве. «Сонсарк» был хорошо защищен от abordaja. Вряд ли он был рассчитан на условия, в которых потенциально опасные личности окажутся распределены на всем его пространстве, но... из трюмов действительно нет выхода, а в жилой зоне нужно размещать калек. Их много. Их даже больше той полусотни, которую «Сонсарк» готов разместить вместе с экипажем.

— Я к тебе, по-моему, слишком привык, — сказал Яман, когда все обдумал. — Вижу проблемы, но не вижу решений, пока ты не ткнешь в них пальцем.

— Ты преувеличиваешь. А тыкать пальцем невежливо.

Спорить Яман не стал, тем более, что тыкать пальцем и впрямь невежливо, и они заговорили о других делах, об организации погрузки, о том, как и кого объединять в запланированных четырех группах, кто из хундов какую из них будет сопровождать. И, как о деле совершенно обыденном, как будто это имело непосредственное отношение к организации групп, Шрам сказал:

— Я тоже к тебе привык.

* * *

Во второй раз за все время существования каторги, люки подземных тоннелей открылись, пока «Сонсарк» был на Мезаре. В первый раз это закончилось уничтожением всех до единого вышедших на поверхность каторжников. Сегодня все до единого

каторжники должны были подняться на борт «Сонсарка» и навсегда покинуть Мезар. Событие неслыханное. Эпохальное.

А Марта оно интересовало в последнюю очередь.

Март, с момента, как по лод-дуфунгу прошло сообщение о посадке, думал только о том, как найти Лукаса. Андре сказал оставаться на гариме, сказал не высовываться с судна, пока большинство каторжан не погрузится в трюмы. Он, наверное, был прав. Но где Лукас? Калек и тяжелобольных несли на «Сонсарк» через отдельный шлюз, Лукаса среди них Март не увидел. Вообще нигде не видел, а смотреть на мониторы не было смысла: Лукас не фиксировался камерами. Но... Господь милосердный, Март ведь все равно не знал, кого высматривать. Лукас не мог остаться прежним, а какой он сейчас — об этом жутко было даже подумать.

Что командир будет на «Сонсарке» не раньше, чем поднимется на борт последний из каторжников, это понятно. Людям проще оставаться спокойными и соблюдать порядок, пока они знают, что тот, за кем прилетела гарима, все еще на поверхности. Оставалось надеяться, что Лукас не ждет своей очереди в подземельях.

Март читал молитвы у мониторов, мысленно поторапливая медленно втягивающихся в недра «Сонсарка» людей. Главари каторжников... или как их? предводители? вожаки? в общем, они должны были замыкать колонны, направляющиеся в грузовой и тюремный трюмы. Женщин, по договоренности, пропустили первыми, сейчас на поверхности оставались только мужчины. Март смотрел на мониторы. Ждал. И когда увидел чернокожего гиганта в хвосте одной из колонн, сообразил, что это и есть Кубва, а значит высокий, крепкий человек, замыкающий вторую колонну — это Яман. А то что Ямана паршиво видно, изображение рябит, моргает и распадается на квадраты, так это не камера засбоила. Это...

— Помехи, — шепотом произнес Март.

— Да. Аристо там. — Андре держал его за локоть, и когда Март дернулся к выходу, не разжал пальцы. Притянул обратно к себе. Он всматривался в Ямана. — Помехи, иччи их об кочки. Ты при оружии, мой рыцарь?

— Ясное дело.

— Хорошо. Можешь идти. Я жду вас у «Хикари».

Март пронесся по забитым людьми коридорам, скатился по трапу в трюм, растолкав каторжников, пробился в шлюзовую камеру. И увидел их. Лукаса и этого человека. Всё сразу увидел. Самодельное кресло на антигравах. Зеркало хатира. Изуродованные переломами руки. И, сквозь прозрачную маску, видел улыбку. Такую родную, такую... лугасовскую. Аристо, командир, любимый брат, улыбался, слушая этого... этого... Март узнал его. Да кто бы в Империи не узнал его, ради всего святого?! Кто, кроме Лукаса, который его *не видит* ?

Только вот командир, даже слепой, все равно остается собой, разве не так? У него чутье на людей. И если он доверяет... этому. Если он... значит, у него есть повод.

Март стоял у трапа и смотрел на... Ямана. Пусть будет Яман. Его учили смотреть внимательно, начал учить еще Лукас, а потом, в Столице, обучение продолжил Андре. Так что сейчас Март замечал то, на что раньше не обратил бы внимания. Видел взгляд, выражение лица, полные уверенной заботливости жесты; привычную, спокойную близость двух людей, давно и хорошо знающих друг друга. У Лукаса был повод доверять. По крайней мере, пока Яман не знает, о ком заботится.

А они уже были близко. Совсем близко. И раньше чем Март успел опомниться, Лукас протянул руку в его сторону.

Март шагнул вперед, взял эту руку, страшную, темную, похожую на птичью лапу. Хотел попросить благословения, знал, что Лукас услышит, но голос отказал. Ни слова, ни вслух, ни шепотом, иначе слезы будет не удержать. Все, что он смог, это сдвинуть свою маску и прижаться губами к исполосованной шрамами коже.

В мертвой тишине теплая ладонь легла ему на затылок. Лукас услышал. И благословил.

Андре сказал, что будет ждать у «Хикари». К ней и направились. Втроем. Март не знал, нужно ли предупреждать Андре. С одной стороны, понимал, что нужно. С другой...

понимал, что Андре уже знает. На монитор смотрели оба, обоим мешали помехи, но там где Март не разглядел почти ничего, кроме общих очертаний фигуры, Андре увидел достаточно, чтоб узнать. И не предупредил. Значит, и его предупреждать не нужно.

Они с Яманом бок о бок шли вдоль борта «Сонсарка», каждый положил руку на свою сторону спинки кресла, и, наверное, оба чувствовали себя одинаково. Не сопровождающими калеки, а свитой, приближенными аристократа. Впрочем, Март не поручился бы за Ямана. Знал только, что тот молчит, хоть и может, при желании, заговорить с Лукасом. У них обоих костюмы оборудованы дуфунгами. Наверное, Лукас тоже молчал. И для Ямана то, что кресло рванулось вперед, включив ходовые двигатели стало такой же неожиданностью, как для Марта. Оба не сразу выпустили спинку. Обоих дернуло, едва не уронив.

«Хикари». Ну конечно! Лукас увидел «Хикари». То есть... не увидел. Но это не важно, это все равно, это же Лукас!

А потом было суматошно. Но суматошность была правильная. Как возвращение домой того, кого долго-долго ждали и уже отчаялись увидеть. Андре холодно пожаловался, что «Хикари» открыла внешний люк без предупреждения, а он в это время все еще был в шлюзовой, и хорошо, что под рукой оказался аварийный комплект. Дэвид сообщил, что Андре врет, и в шлюз вылез в кислородной маске, потому что прекрасно знал, что «Хикари» откроет люк без предупреждения. «Хикари» щебетала на нихонском, перебивая всех, но понимал ее, кажется, только Лукас. Март улыбался, как дурак, и чувствовал, как по щекам текут слезы. Яман смотрел вокруг, будто оказался в доме, когда-то принадлежавшем ему, но давно чужом. И Лукас сказал:

— Давайте сначала, все-таки, покончим с формальностями. Здесь не все всех знают. Я должен представить вам...

— Юлия Радуна, — напускной холод в голосе Андре сменился искренним любопытством. — Бывшего маркграфа, ныне преступника. Лукас, ты думаешь, здесь кто-то не знает его?

Он правда не понял? Он действительно не понял, что Лукас *не знал* ?

Бог весть. Может, и не понял сразу. Но теперь не догадался бы только слепой... То есть... Марту показалось, что Лукас только сейчас *полностью* осознал свою слепоту.

Он даже не повернулся к Яману. Ему незачем, он же все равно не видит. В абсолютной тишине абсолютно спокойно, даже как-то весело спросил:

— Это правда?

— Правда, — сказал Яман.

Лукас кивнул. Он улыбался. Но такой улыбки Март никогда раньше не видел.

— Ты знал?

— Я догадался. Тебе снился...

— Frater, — произнес Лукас. — Да. Значит, ты давно знаешь.

Яман кивнул, хоть Лукас и не мог этого увидеть.

— Юлий Радун, — а вот эти интонации Март слышал. Именно так Лукас произносил имя маркграфа. Всегда — вот так. Холодно. Спокойно. — Я сломал твою жизнь.

— Я сам ее сломал, — Яман тоже сумел улыбнуться. Их сейчас двое было. Во всем мире, только двое. Все остальные исчезли, пропали, оказались за пределами восприятия. — Может, нам следовало обсудить это в подземельях, но я не рискнул.

— Потому что там я от тебя зависел.

— Ты преувеличиваешь мое благородство.

— Нет. Но это не важно. Я обещал Джереми. И Луизе. Я хотел бы извиниться, Радун, но странно извиняться за то, что держишь слово.

Он все еще был очень быстрым. Пусть калека, пусть слепец, все равно, аристократ. Сверхсущество. Не человек.

Март не успел отреагировать.

Рука Лукаса рванула из его кобуры «Тунор», и вспышка выстрела полыхнула раньше,

чем он, вообще, почувствовал прикосновение. Тело запаздывало. Он никогда не успевал за Лукасом. Только там, в Пространстве, когда они летали вместе, только там у него был шанс когда-нибудь догнать командира. Тело запаздывало, но мысль псионика не уступала в скорости мыслям аристократа. Здесь они были равны.

Март столько всего успел. Успел подумать о том, что Яману и не нужны извинения. О том, что Лукас не просил прощения у себя, потому что знал: не простит. О том, что ведомый должен прикрывать ведущего. Защищать. Всегда.

А еще Март успел сделать.

Здесь не помогла бы иллюзия, но он же был уникальным псиоником, его именем назвали целое научное открытие. «Феномен Плиекти». Смертельно-опасный талант, незаменимый и почти бесполезный. Март представил, что он телекинетик, и Ямана... Радуна... не важно... человека, который сто семьдесят три дня, каждый час, каждую минуту был с Лукасом, помогал ему, заботился о нем, этого человека окружили силовые поля, вспыхнули алым и синим, приняли и поглотили заряд выстрела. Лукас сдержал слово, а Март защитил его от него самого.

Больше Март не успел ничего. Ни сделать. Ни подумать. Но ничего больше и не было нужно.

ЭПИЛОГ

Это был не Капитул, это было побоище какое-то. Его Высокопреосвященство, кардинал Йон Скердикла, генерал ордена Десницы, чувствовал себя так, будто и впрямь вышел из тяжелого боя. Если б не ведомый, отец Александр Елохин, если б не огневая поддержка отца Гонты Хакберга, неизвестно еще, чем бы закончился бой. С такими-то противниками...

Но, возблагодарим Господа, не оставляющего правых, вот она, победа. Чедаш-рум принят под эгиду церкви Империи Шэн. Орден Наставляющих Скрижалей сломил долгое сопротивление Лукаса фон Нарбэ и всучил ему миссионерские обязанности, а орден Десницы перевел его и отца Марта из ОАГ «Бальмунг» в ОАГ «Дюрандаль», чья обязанность защищать новообращенных подданных Баронств. На полную регенерацию у Аристо уйдет много времени, да и отцу Марту понадобится время, чтобы оправиться после продолжительной комы, поэтому в полном объеме выполнять обязанности командира и заместителя командира ОАГ они смогут не скоро. Но рано или поздно это случится. А пока, что ж, пока пусть орден Пастырей радуется проповеднику, о каком раньше мог только мечтать.

Империя вот-вот начнет снова славить своего героя, своего Первого Рыцаря. И архиереи, наконец, вздохнули спокойно: ничто больше не угрожает привычному порядку вещей. Лукас фон Нарбэ, свободный Аристократ, не станет Императором. Он совершил настоящее преступление, и доказал, что отец Гонты не полностью прав в своей сотрясающей устои статье.

А то, что Божественный Император вернул Андре дю Гарвею имперское подданство, объявил импринтинг аристократов преступлением против совести и души, и отправился на покаяние на Везек, это не победа. Во всяком случае, не победа в бою. Это еще один шаг в Небо. У Неба для людей есть бесконечное множество дорог.